4
С-75
15/XI

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Ч. 1.

ТИПЫ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

63574

Библиотеке
литературного
музея АН СССР
от автора.

29/X-68г.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

[4.1.]

ТИПЫ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1968

КОНТРОЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Предлагаемая книга — первая часть коллективной монографии, выполненной под руководством члена-корреспондента АН СССР В. И. Борковского, в которой синтаксис всех трех восточнославянских языков рассматривается в сравнительно-историческом плане. На обширном фактическом материале русских, белорусских и украинских памятников XI—XVII вв. прослеживается развитие разных типов простого предложения на протяжении всего изучаемого периода. В ходе изложения последовательно и дифференцированно отмечаются изменения в степени употребительности и особенности, обусловленные преимущественным употреблением определенного типа предложения в том или ином жанре или стиле. Интересные выводы в данном исследовании представляют надежную базу для будущего сравнительно-исторического синтаксиса всех славянских языков.

Автор книги — *В. И. Борковский*

1
С-75
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
63574

7-1-1
208—68 (I пол.)

О задачах и методах исследования

Две книги, подготовленные в секторе сравнительно-исторического изучения восточнославянских языков Института русского языка Академии наук СССР [1) Типы простого предложения (автор — В. И. Борковский); 2) Члены предложения (авторы — Л. А. Глинкина). Вторые косвенные падежи; Е. И. Кедайтене и И. С. Ятрополо. Творительный падеж; Е. И. Кедайтене. Дательный самостоятельный; Р. Б. Кершиене. Дательный падеж; Л. Е. Лопатина. Именное сказуемое; С. Е. Морозова. Родительный падеж; М. Н. Преображенская. Винительный падеж; В. З. Санников. Согласованное определение; В. Ю. Франчук. Местный падеж], освещают основные вопросы синтаксиса простого предложения.

Авторы обеих книг учли все ранее сделанное другими исследователями по историческому синтаксису восточнославянских языков.

Это позволило сопоставить собственные наблюдения с выводами, которые имеются в уже опубликованных трудах, и подтвердить или опровергнуть сложившееся мнение о той или иной конструкции.

Так как созданная в процессе подготовки коллективного труда картотека текстов (до 50 000 авторских карточек, свыше 400 000 светокопий) включает как те памятники, которые не подвергались ранее изучению со стороны синтаксиса, так и те, в отношении которых такое изучение проводилось, не было необходимости прибегать к примерам, извлеченным из памятников предшествующими исследователями [1].

[1] Картотеку текстов составили: Р. Б. Кершиене, Л. Е. Лопатина, С. Е. Морозова, В. З. Санников, С. Д. Смирнова, И. С. Ятрополо. В процессе работы использованы светокопии карточек-текстов из памятников XI—XIV вв., сделанные в секторе исторической грамматики и лексикологии Института русского языка АН СССР.

Хронологические рамки изучаемых синтаксических явлений, а следовательно, и памятников, которые были расписаны на карточки, — XI в. (к нему относятся первые памятники древнерусского языка) — первая половина XVII в., поскольку примерно с XVII в., как указывает В. И. Ленин, начинается новый период русской истории, который характеризуется фактическим слиянием областей, земель и княжеств в одно целое, что было вызвано усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок [2]. «Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных»[3].

К указанному периоду относится огромное количество памятников (в том числе и неопубликованных)[4]: летописи, житийная литература, памятники деловой письменности и др.

Основное внимание как в данной книге, так и в книге «Члены предложения» уделено памятникам XV—XVII вв. (старорусским, староукраинским и старобелорусским), поскольку они, как известно, менее изучены со стороны синтаксиса, чем памятники древнерусские.

Чтобы облегчить решение задачи, следует ли данный памятник отнести к старорусским, староукраинским или старобелорусским, был предварительно составлен (научным сотрудником сектора В. З. Санниковым), на основе имеющихся исторических исследований, алфавитный указатель украинских и белорусских городов XVI—XVII вв.

Это не значит, конечно, что принадлежность к той или иной группе устанавливалась только на основании территориального признака — на какой территории памятник писался или печатался.

В связи со сказанным следует напомнить о рецензии академика Е. Ф. Карского на «Історичний словник українського язика», т. I (составил и редактировал Е. К. Тимченко)[5]. При отборе материала для этого словника комиссия Исторического словаря украинского языка считала территориальный признак единственным критерием, вследствие чего, как отмечает рецензент, в источники украинского словаря попали и белорусские памятники [6]. Картотека сектора включает тексты из памятников

[2] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 153—154.

[3] Там же, стр. 154.

[4] К сожалению, за последние десятилетия, как справедливо отмечают Л. П. Жуковская и С. И. Котков («О публикации памятников русского языка и письменности». — ВЯ, 1960, № 4, стр. 134), публикаций, удовлетворяющих лингвистов в полной мере, немного.

[5] «Известия по русскому языку и словесности», т. III, кн. 2. Л., 1930, стр. 636—637.

[6] Там же, стр. 637.

различных жанров: деловой письменности [7], религиозно-полемической и художественной литературы, притом не только прозы, но и поэзии, произведений не только оригинальных, но и переводных. Нельзя не учитывать, что та или иная синтаксическая конструкция в определенном круге памятников может отсутствовать или быть представленной лишь небольшим количеством примеров, что выбор той или иной конструкции из числа употребляемых в языке параллельных синтаксических оборотов находится в зависимости от жанра. Так, например, причастие — второстепенное сказуемое встречается в памятниках делового жанра редко, поскольку в них почти совершенно отсутствует повествовательный элемент [8].

Письменные памятники, конечно, не дают полного представления о языке, о чем справедливо, хотя и несколько сурово, сказал А. Мейе: «Исследование текстов — это суррогат непосредственного наблюдения, которым приходится пользоваться, когда последнее невозможно»[9].

Историк языка не может отказаться от «суррогата», когда выясняются факты далекого прошлого. Исследователь учитывает при этом, что «даже в лучших случаях письменность далеко не точно регистрирует последовательные изменения в устной речи»[10].

Особенную ценность представляют те письменные памятники определенного жанра, которые могут быть расположены в хронологической последовательности, без значительных промежутков во времени их написания.

Такие памятники (к ним относятся многочисленные грамоты, «отличающиеся богатством языкового материала» [11] и в наибольшей степени из всех древнейших памятников письма отражающие живую речь) позволяют сделать вывод о том, какие изменения в устном языке и в какой период стали фактом письменного языка,

---

[7] Совершенно справедливо подчеркивает большую роль письменно-деловой речи в направлении и развитии процессов взаимоотношений и взаимодействий народно-литературного и книжно-славянского древнерусского литературного языка акад. В. В. Виноградов в докладе «Роль художественной литературы в процессе формирования и нормирования русского национального литературного языка до конца 30-х гг. XIX в.» («Тезисы докладов на Совещании по проблемам образования русского национального языка в связи с образованием других славянских национальных языков. 12—14 декабря 1960 г». М., 1960, стр. 3—4). См. также ответ В. В. Виноградова на вопрос «Какова была роль художественной литературы в развитии русского литературного языка со второй половины XVI в. до начала XVIII в.?» (ВЯ, 1960, № 6, стр. 62).

[8] См.: В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение). Львов, 1949, стр. 206.

[9] А. Мейе. Сравнительный метод в историческом языкознании. Перев. с франц. М., 1954, стр. 15.

[10] Там же, стр. 15.

[11] С. П. Обнорский. Задачи Академии наук СССР в области изучения русского языка. «Вестник Академии наук СССР», 1944, № 4—5.

а также, в известной степени, определить основные процессы в изучаемом языке.

Еще Г. Пауль отметил: «Как только исследователь переступает за пределы простой констатации единичных фактов, как только он делает попытку уловить связь между явлениями и понять их, так сразу же начинается область истории. . .»[12]

Переступить за пределы простой констатации фактов помогают, в частности, грамоты на бересте, написанные «простыми людьми» и относящиеся к большому периоду — XI—XV вв. Многие явления синтаксиса простого предложения получили в них яркое отражение. Так, в берестяных грамотах находим интересный материал для истории определенно-личных предложений, безличных предложений, для выяснения синтаксической роли повторения предлогов и др. Поэтому в исследовании уделено значительное внимание новгородским грамотам на бересте [13].

Как правило, каждый из памятников (см. ниже список источников) расписывался полностью, в том числе Лаврентьевская и Ипатьевская летописи, Слово о полку Игореве, Русская Правда по списку 1282 г., жития, поучения, Домострой XVI в., Стоглав, Судебник Ивана IV, Судебник царя Федора Ивановича, Житие протопопа Аввакума им самим написанное, Хожение за три моря Афанасия Никитина и другие памятники.

Только некоторые памятники (преимущественно те, которые содержат большое число однородных конструкций) расписаны не полностью: Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г., Учение и хитрость ратного строения пехотных людей 1647 г., памятники отреченной литературы и некоторые другие.

Бесспорным является положение, что пример из памятника имеет доказательную силу только в том случае, когда учтены все однородные примеры и синонимичные конструкции.

Хотя не представлялось возможным рассмотреть все явления синтаксиса простого предложения [14], авторы обеих книг стремились к тому, чтобы их труд представлял собою не ряд статей, а цельное исследование, которое могло бы оказаться полезным для построения в дальнейшем сравнительно-исторического синтаксиса всех славянских языков.

Необходимость именно такого труда, а не сборника статей по вопросам сравнительно-исторического синтаксиса восточнославянских языков не требует доказательств, в особенности

---

[12] Г. П а у л ь. Принципы истории языка. Перев. с нем. М., 1960, стр. 43 (первое изд. на нем. яз. вышло в 1880 г.).

[13] В книгах принята нумерация берестяных грамот, предложенная А. В. Арциховским.

[14] В частности, не освещены темы о номинативном предложении, о подлежащем, о простом (глагольном) сказуемом и некот. др.

потому, что по сравнительно-историческому изучению славянских языков сделано еще мало [15].

Помимо материала из памятников письменности, в монографии привлечены в ряде случаев диалектные данные по всем трем восточнославянским языкам. В этом отношении авторы следовали за теми историками восточнославянских языков, которые признавали диалектные данные необходимым материалом для построения исторического синтаксиса. В числе этих ученых П. А. Лавровский, М. А. Колосов, Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, Ф. Е. Корш, Е. Ф. Карский. Следует отметить, что степень использования диалектного материала у разных исследователей неодинакова. Это зависело не только от взглядов того или иного историка языка на роль и значение диалектного материала, но и от изученности территориальных говоров восточнославянских языков. Чем более надежным и полным фондом располагали наши отечественные языковеды в области синтаксиса говоров, тем более оснований было для того, чтобы проводить сравнение в н у т р и синтаксической системы [16].

При использовании диалектных данных учтено все, что известно о синтаксисе говоров восточнославянских языков: 1) отдельные обобщающие исследования, дающие представление о главнейших особенностях синтаксиса всех говоров данного языка [17]; 2) работы, в которых характеризуется синтаксис говора данной территории или некоторые синтаксические явления группы говоров или одного говора [18]; 3) ответы на программы-вопросники по диалектам восточнославянских языков.

---

[15] На это справедливо указывает Б. Гавранек. См.: B. H a v r a n e k. Metodická problematika historickosrovnávacího studia syntaxe slovanských jazyků. «K historickosrovnávacímu studiu slovanských jazyků. Sborník projevů z konference o historickosrovnávacím studiu slovanských jazyků, která se konala 28. ledna až 2. února 1957 v Olomouci a v Praze». Praha, 1958, стр. 77 (отд. отт. — стр. 3); О н ж е. Metodická problematika historickosrovnávacího studia slovanské syntaxe (these). «Československé přednášky pro IV. mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě». Praha, 1958, стр. 151.

[16] Называем сравнение с диалектами сравнением внутри синтаксической системы, поскольку сравниваются факты одного языка, хотя и в разные периоды его существования.

[17] К сожалению, можно назвать только одну такую работу: А. Б. Ш а п и р о. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения. М., 1953. Учебные цели преследуют книги: Л. М. Л о с е в а. Синтаксические особенности русских народных говоров (пособие для студентов-филологов). Черновцы, 1958; «Русская диалектология». Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964.

[18] Опубликованные в печати работы, в которых сравнительно полно исследован синтаксис говоров данной территории, немногочисленны. В первую очередь следует назвать исследования В. И. Собинниковой: «Строение сложного предложения в народных говорах (по материалам говоров Гремяченского района Воронежской области)». (Воронеж, 1958); «Простое предложение в русских народных говорах (по материалам говоров Воронежской области)» (Воронеж, 1961). Специально синтаксису говоров посвящен

То обстоятельство, что по синтаксису многих говоров отсутствуют даже небольшие заметки, что в отношении ряда говоров в имеющихся статьях говорится только о некоторых синтаксических явлениях (иногда весьма частных и именно тех, которые почему-либо остановили внимание исследователя), лишает возможности (за очень редкими исключениями) сравнить приведенные данные. К сожалению, и материал, накопленный в виде ответов на программы для составления диалектологических атласов русского, украинского и белорусского языков, совершенно недостаточен.

Учитывая диалектные данные и сопоставляя их с главным источником для построения исторического синтаксиса — памятниками письменности, исследователь не может не принять во внимание вывод, к которому пришла В. И. Собинникова в своей монографии «Строение сложного предложения в народных говорах (по материалам говоров Гремяченского района Воронежской области)»: «В целом имеющийся в нашем распоряжении материал говорит о том, что южновеликорусские говоры активнее освобождаются от архаических явлений в области синтаксиса, чем северновеликорусские»[19].

Поскольку данные говоров являются все же дополнительным, хотя и ценным, источником по отношению к материалу, извлеченному из памятников письменности, особенного внимания заслуживают те исследования, в которых синтаксические явления древнерусских памятников определенной территории рассматриваются параллельно с синтаксическими явлениями говоров, отразившихся в этих памятниках. Однако такие работы — исключение, при этом и здесь встречаются труды, посвященные лишь частному вопросу.

При использовании материалов по синтаксису говоров авторы обеих книг учитывали, насколько это позволяют сделать имеющиеся источники, не только самый факт существования определенной конструкции в говорах, но и степень ее употребительности (синтаксическая конструкция может оказаться фактом индивидуальной речи), не только ее форму, но и значение, стилистические функции (при наличии синтаксической синонимии). Вряд ли вызовет возражения мнение, что в говорах синтаксические конструкции прошли определенный путь развития, что в ряде случаев та или иная конструкция является в данном говоре новообразованием [20].

ряд кандидатских диссертаций (в их числе и диссертации по языку народной поэзии). Отдельные главы бóльшей части этих диссертаций опубликованы в виде самостоятельных статей в «Трудах» и «Ученых записках» высших учебных заведений.

[19] Указ. соч., стр. 10.

[20] См.: В. И. Борковский. Использование диалектных данных в трудах по историческому синтаксису восточнославянских языков. М., 1958, стр. 46.

Положение о значении диалектных данных при построении исторического синтаксиса отдельных славянских языков (особенно при исследовании простого предложения) в настоящее время признается бесспорным; общепризнанным является также то, что это значение не следует переоценивать, поскольку для исторического синтаксиса отдельных славянских языков главный материал — письменные памятники [21]. Историк языка учитывает диалектные материалы, в частности, и потому, что, как известно, синтаксис диалектов подвергался влиянию чужих языков в меньшей степени, чем синтаксис литературного языка, что данные говоров позволяют выяснить субстратные явления в языке.

При использовании диалектных материалов нельзя было не считаться с тем фактом, что эти материалы — запись живой разговорной речи, синтаксис которой имеет свои особенности, так как слову помогают интонация, мимика, жест.

К работам по синтаксису народных говоров отнесены и исследования, посвященные языку устного народного творчества. Необходимо, однако, сделать одно замечание. При использовании материалов устного народного творчества учитывалось, что приходится иметь дело с художественно обработанным языком и что устное народное творчество подчинено определенным установившимся законам [22].

Основная задача, которую поставили перед собой авторы книг «Типы простого предложения» и «Члены предложения», — установить в результате исследования синтаксиса памятников письменности с привлечением материалов диалектов, каким изменениям подвергались синтаксические нормы древнерусского языка (а затем — старорусского, староукраинского и старо-

---

[21] См. ответы лингвистов на вопрос «Каково значение диалектных данных для построения исторического синтаксиса отдельных славянских языков?» (в изданиях: «Сборник ответов на вопросы по языкознанию (к IV Международному съезду славистов)». М., 1958, стр. 283—299; «IV Међународни конгрес слависта. Одговори југословенских слависта на питања а националног славистичног комитета у Москви». Додатак јужнославенском филологу, књ. XXII. Београд, 1958, стр. 25—26) и выступления на IV Международном съезде славистов Я. Бауэра (Чехословакия), Б. Гавранека (Чехословкия), В. Курашкевича (Польша), Л. А. Куриловой (СССР), Г. Г. Мельниченко (СССР), О. Н. Мораховской (СССР), А. А. Москаленко (СССР), Н. Перчинской (Польша) по докладу В. И. Борковского «Использование диалектных данных в трудах по историческому синтаксису восточнославянских языков» («IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии». Т. 2. Проблемы славянского языкознания. М., 1962).

[22] Совершенно справедливо пишет И. П. Еремин: «Язык народного устно-поэтического творчества — язык особого типа, который нельзя ни сближать, ни тем более отождествлять с просторечием. Это — язык поэзии, язык искусства. Он противостоит просторечию как его надстройка, во многом резко нарушающая его общепринятые нормы» (ответ И. П. Еремина на вопрос «Какова была роль художественной литературы в развитии русского литературного языка со второй половины XVI в. до начала XVIII в.?» — ВЯ, 1960, № 6, стр. 62).

белорусского языков), начиная с первых памятников древнерусской письменности (XI в.) и кончая первой половиной XVII в. Синтаксические явления, где это было необходимо, изучались в тесной связи с изменениями морфологическими; учитывались и лексические средства, их роль в строении синтаксической конструкции (эта роль особенно заметна в сложном предложении). При классификации синтаксических явлений авторы не считали возможным отказываться от выяснения смысловых оттенков конструкций. Такой анализ в ряде случаев (например, при сопоставлении личных и безличных конструкций, при выяснении особенностей употребления того или иного предлога и т. д.) совершенно необходим. Вопрос о синонимичности конструкций не может быть решен без определения их значений.

В исследовании за исходное принимаются конструкции, засвидетельствованные древнейшими русскими памятниками, однако сделана попытка выяснить, какие из этих конструкций относятся к прошлым, отживающим явлениям языка, какие — к новым, прогрессивным.

Историк языка как представитель общественной науки обязан «смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»[23].

Для решения вопроса о старых и новых конструкциях, как, впрочем, и в ряде других случаев, оказался необходимым количественный аспект: степень частоты употребления той или иной конструкции в зависимости и от жанра памятника, и от времени его создания. Таким образом, статистический метод помог решению вопроса об эволюции синтаксического строя древнерусского языка, а затем, для позднейших памятников, выяснению черт сходства и черт различия в синтаксическом строе старорусского, староукраинского и старобелорусского языков.

В старорусских, староукраинских и старобелорусских памятниках было важно отметить и унаследованные от прошлого конструкции, и вновь возникшие, а затем закрепившиеся.

В связи со сказанным каждая из конструкций была прослежена по памятникам всех восточнославянских языков, были выяснены ее значение, ее судьба в отдельных восточнославянских языках. Неоценимую услугу здесь оказали материалы говоров, о значении использования которых в историческом синтаксисе уже говорилось выше.

Учитывалось, что та или иная синтаксическая конструкция выходит из употребления не сразу, в течение непродолжительного срока, а постепенно, что могут возникнуть новые значения этой конструкции, отличающие ее от образовавшейся парал-

[23] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 67.

лельно новой конструкции. Удельный вес старых и новых конструкций в каждом из восточнославянских языков может оказаться как более или менее одинаковым, так и весьма различным.

В связи с наличием в Древней Руси крупных центров — Киева, Новгорода, Пскова, Смоленска, Рязани, Твери и других городов и их относительной обособленностью литературный язык (преимущественно его устная, а не письменная форма) отдельных княжеств несколько отличался друг от друга, но эти отличия более заметны в фонетике, менее — в морфологии, еще менее — в синтаксисе.

Вот почему по памятникам письменности можно выделить комплекс синтаксических черт, характерных для всего древнерусского литературного языка в его письменной форме (способы выражения подлежащего и сказуемого, порядок следования членов предложения, бóльшая часть безличных конструкций и т. д.), с некоторыми отклонениями от общей нормы в отдельных областях, и установить комплекс черт, присущих тому или иному языку — старорусскому, староукраинскому и старобелорусскому, опять-таки с местными различиями.

Областные черты ярче всего проявляются в беспредложном управлении слов, однако не все они получают отражение в литературной письменной речи, поскольку последняя не тождественна не только ненормированной, но и нормированной устной речи даже в частной переписке, являясь наиболее обработанной разновидностью литературного языка.

Вот почему в современных говорах встречаются такие синтаксические особенности, которые были присущи диалектам прошлого (в какой-то степени, возможно, и нормированной устной речи), но не получили отражения в памятниках письменности.

Для письменной разновидности литературного языка характерен строгий отбор синтаксических средств, что вызывается учетом ряда обстоятельств: 1) общение пишущего и читающего происходит без помощи интонации, мимики и жестов, облегчающих взаимопонимание; 2) литературный памятник (а также, хотя и в меньшей степени, и деловой документ) предназначается для широкой аудитории и может перейти областные границы.

Следует отметить, что при исследовании синтаксиса литературного языка (в его письменной форме, поскольку только эта форма доступна наблюдениям) учитывалась возможность заимствования той или иной синтаксической конструкции из другого языка, бесспорным считалось в то же время положение (и оно подтвердилось в процессе работы над источниками), что заимствованная синтаксическая конструкция не может окончательно утвердиться в языке, если она чужда его синтаксическому строю [24].

---

[24] См. сходный взгляд Э. А. Макаева «Вопросы синтаксиса индоевропейских языков (постановка вопроса)». — «Уч. зап. 1-го МГПИИЯ», т. VII.

Схема «Сравнительно-исторического синтаксиса восточнославянских языков» может быть построена по-разному.

Один путь — дать сначала характеристику синтаксической системы древнерусского языка, а затем отдельно — старорусского, староукраинского и старобелорусского языков.

Однако при таком построении «Сравнительно-исторического синтаксиса восточнославянских языков», во-первых, неизбежны повторения уже сказанного раньше, во-вторых, крайне затруднительно сравнивать факты старорусского, староукраинского и старобелорусского языков.

Первые из названных выше трудностей заставили авторов книги «Нарысы па гісторыі беларускай мовы»[25], считавших необходимым рассмотреть развитие белорусского языка в соответствии с тремя основными периодами истории белорусского народа (общерусский период, период белорусской народности и период белорусской нации), отступить от принятого принципа в разделе «Синтаксис» (а также и в некоторых разделах морфологии), хотя эти трудности и легче преодолеть [26], чем вторые.

Второй путь — рассмотреть каждую из синтаксических конструкций на протяжении всего изучаемого периода — с XI в. по XVII в.

Такое рассмотрение позволяет сравнить судьбу синтаксических конструкций во всех восточнославянских языках, выяснить, где сохранилась та или иная конструкция, где она исчезла или ограничена в употреблении, определить общее и специфическое в близкородственных языках.

Грамматический строй языка. М., 1955, стр. 24, 26, 27—28]. См. также вывод Т. П. Ломтева: «Иноязычный субстрат может оказать влияние на темпы и своеобразие закономерного синтаксического процесса, но он не может вносить в жизнь победившего языка таких элементов, которые противоречат требованиям законов развития его синтаксического строя» («Очерки по историческому синтаксису русского языка». М., 1956, стр. 19).

Представляет большой интерес история развития синтаксического строя армянского языка, поскольку этот язык находился во взаимодействии со многими языками.

Исследователь синтаксиса армянского языка И. К. Кусикьян пишет: «В течение своего очень долгого развития армянский язык постоянно находился во взаимодействии с языками соседей — носителей языков различных систем: семитических, индоевропейских, кавказских и тюркских, в разной степени влиявших на него. Однако если науке удалось довольно глубоко и убедительно показать их влияние на лексику, то относительно синтаксиса этого сказать нельзя. Больше того, существующие мнения о влиянии соседних языков на синтаксис армянского носят очень общий, весьма схематичный характер» («Очерки исторического синтаксиса литературного армянского языка». М., 1959, стр. 152).

[25] «Нарысы па гісторыі беларускай мовы». Дапаможнік для студэнтаў вышэйшых навучальных устаноў. Мінск, 1957.

[26] По периодам истории армянского языка (из пяти два охарактеризованы со стороны синтаксической кратко) рассматривается синтаксис (совокупность синтаксических фактов) в уже упоминавшихся «Очерках исторического синтаксиса литературного армянского языка» И. К. Кусикьяна.

Было признано целесообразным избрать этот второй путь при построении «Сравнительно-исторического синтаксиса восточнославянских языков», тем более, что общих черт в синтаксисе старорусского, староукраинского и старобелорусского литературных языков значительно больше, чем черт, принадлежащих только одному из этих языков.

Преобладание черт сходства в синтаксисе восточнославянских языков не представляется исключительным явлением. По мнению А. Мейе, «структура предложения общеиндоевропейского, общеславянского и древнего (исторического) периодов и даже современного периода различных славянских языков различается очень незначительно»[27]. Однако дальше А. Мейе отмечает, что не следует преувеличивать архаичность славянского предложения [28]. Такое преувеличение явилось бы признанием факта почти полной стабильности синтаксиса славянских языков, с чем, конечно, нельзя согласиться.

Совершенно правильно указывает К. Горалек, что в синтаксисе славянских языков на общей основе происходили определенные изменения, вызванные развитием мышления и культуры [29].

Об исчезновении тех или иных конструкций, возникновении новых в течение ряда веков говорит в отношении польского языка «Gramatyka historyczna języka polskiego», отмечая в то же время, с ссылкой на приведенный выше взгляд А. Мейе, определенный консерватизм в славянском синтаксисе [30].

Перед авторами книг «Типы простого предложения» и «Члены предложения» возник также вопрос, сохранять ли традиционную схему построения синтаксиса простого предложения — по членам предложения, по типам предложения или же говорить в отдельных главах о синтаксических функциях каждой из частей речи (или некоторых частей речи, наиболее интересных с точки зрения их синтаксического использования).

Положительная сторона второй схемы заключается, по мнению ее сторонников, в том, что не приходится возвращаться к той или иной части речи в разных местах книги.

Следует отметить, что такое построение не является каким-то новым словом в нашей отечественной лингвистике. Можно напомнить о знаменитом труде А. А. Потебни «Из записок по русской грамматике», во втором томе которого, вышедшем (в первом издании) еще в 1874 г., рассмотрены особо синтаксические функции причастий действительного и страдательного залога, сведения о синтаксических функциях инфинитива изложены в от-

---

[27] А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 380.

[28] Там же, стр. 380.

[29] K. Horálek. Úvod do studia slovanských jazyků. Praha, 1955, стр. 217.

[30] Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Spławiński, S. Urbańczyk. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1955, стр. 393.

дельной главе, отдельные главы посвящены вторым косвенным падежам, творительному падежу.

Тем не менее, несмотря на ряд достоинств второй схемы, было признано более целесообразным построить изложение синтаксиса простого предложения по членам предложения и по типам предложения.

В пользу такого решения вопроса говорит, в частности, построение по данной схеме (иногда с некоторыми отклонениями от нее) синтаксиса простого предложения в обобщающих научных трудах как по современным славянским языкам, так и по отдельным славянским языкам в их истории.

Доводы в защиту другой схемы не так убедительны, чтобы пренебречь сложившейся традицией.

Самое главное, однако, в том, что традиционная схема выдвигает на первый план синтаксические категории, а так называемая «новая» схема исходит из категорий морфологических.

Из того, что принимается традиционная схема, конечно, не вытекает, что должно быть уделено неоправданное внимание тем вопросам, которые не представляют значительного интереса.

Принятие традиционной схемы не привело к полному ею подчинению, включению в сравнительно-исторический синтаксис однообразного и не представляющего большого научного интереса материала.

Ограниченный объем обеих книг, посвященных простому предложению, не позволил рассмотреть в книге «Члены предложения» (при выяснении функций того или иного падежа) значения всех предлогов, употребляющихся с тем или иным падежом. Предложное управление требует специального исследования, в котором данный вопрос должен быть освещен в сравнительно-историческом плане, чтобы выводы о предлогах не сводились к словарной статье по каждому предлогу. Вот почему о предлогах говорится лишь в связи с заменой беспредложных конструкций предложными.

Периодизация языковых изменений — весьма важный вопрос, который частично уже затронут выше.

Авторы придерживаются господствующей точки зрения [31] и относят образование русского, украинского и белорусского

---

[31] См., в частности, в отношении русского языка: Р. И. Аванесов и В. В. Виноградов. Русский язык. — БСЭ, изд. 2, т. 37, стр. 431 (в том же томе БСЭ в статье Г. С. Масловой «Русские»,стр. 412: «Собственно русская, или великорусская, народность складывается в 14—15 вв. в эпоху возвышения Москвы и постепенного сплочения вокруг нее местных групп населения Сев.-Вост. и Сев. Руси»). Авторы отмечают значение политического фактора (для великорусской народности — политическое укрепление Северо-Восточной Руси, создание централизованного государства).

Ср. высказывание историка В. О. Ключевского: «К половине XV в. образование великорусской народности уже завершилось; ей недоставало только единства политического» («Курс русской истории», ч. 2. — Соч., т. II.

языков, в результате распада общего языка восточных славян и объединения обособившихся трех групп близкородственных диалектов, к XIV—XVI вв., когда сложились три братские народности — великорусская (русская), украинская и белорусская.

Хронология языковых процессов (в том числе и синтаксических) не является единой, поскольку они протекают неравномерно, тем не менее уже по памятникам начала XV в. (менее отчетливо — по памятникам второй половины XIV в.) можно составить представление о комплексе основных языковых черт каждого из языков, отличающих его от других восточнославянских языков [32].

Поэтому в обеих книгах данные памятников XV — XVII вв. отграничиваются от памятников предшествующего времени.

В то же время учитывается, что и в ранних памятниках, созданных на территории, на которой в дальнейшем сформировалась та или иная восточнославянская народность, имеются отдельные особенности (в частности синтаксические), ставшие затем характерной чертой языка этой народности.

В данной книге рассматриваются преимущественно те изменения в структуре простого предложения, которые коснулись основных центров предложения, его главных членов — подлежащего и сказуемого, и от них зависят.

Автора интересовали в первую очередь соотношение и взаимосвязь двусоставных и односоставных предложений в истории восточнославянских языков, степень определенности и неопределенности лица в предложениях без формально выраженного подлежащего, исчезновение одних типов простого предложения, возникновение новых типов предложения. Исследованы определенно-

---

М., 1957, стр. 102). См. в отношении всех восточнославянских языков мнение Ф. П. Филина: «Древнерусская народность создала богатую литературу и оригинальное искусство, она явилась творцом высокоразвитого языка, на основе которого в XIV—XV вв. складываются языки современного восточного славянства — русский, украинский и белорусский». («Образование языка восточных славян». М.—Л., 1962, стр. 292).

[32] Р. И. Аванесов в статье «Вопросы истории русского языка в эпоху формирования и дальнейшего развития русской (великорусской) народности» приводит ряд фонетических, морфологических и лексических черт, характерных для русского (великорусского) языка. Многие из них свидетельствуются памятниками второй половины XIV в. (см. сб. «Вопросы формирования русской народности и нации». М.—Л., 1958, стр. 177—178).

См. также высказывание Л. А. Булаховского об украинском языке: «Отже, вже в другій половині XIV ст. с значною виразністю в актовому письменстві виступають риси української мови. Але разом з ними певною мірою заявляють про себе і західноруські риси, в більшості — менш окреслені. Ті і ті опізнаються, насамперед, у рисах фонетичних і морфологічних» («Питання похождення української мови». Київ, 1957, стр. 37).

Е. Ф. Карский отмечает, что к концу XVI в., когда под властью Литвы объединились все западнорусские области, белорусский язык сложился «в главных особенностях» («Белорусы», т. I. Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава, 1903, стр. 113—114).

личные, безличные, неполные и, наконец, отрицательные предложения.

Следуя установившейся традиции, автор приводит примеры с указанными типами предложения не только тогда, когда эти предложения являются самостоятельными простыми предложениями, но и в случаях их вхождения в состав сложного предложения. Нельзя не учитывать того, что в судьбе отдельных типов предложений (например, определенно-личных) большую роль сыграло их употребление как одной из частей сложного предложения.

Выше отмечено, что в книге не рассматриваются номинативные предложения. Их немного даже в произведениях XVII в., причем преобладают оценочно-эмоциональные предложения. Некоторый рост последних номинативных предложений приурочен к концу XVI — началу XVII в., а во второй половине XVII в. они становятся более разнообразными и по своему лексическому составу и по синтаксическому построению. Однако заметное место среди других типов предложения номинативные предложения занимают в произведениях того периода (XIX и особенно XX в.), которые не были специально исследованы. Несмотря на ограниченный материал в отношении номинативных предложений можно сделать вывод, что их судьба во всех восточнославянских языках была сходной, имеющиеся различия — лишь лексического характера.

ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

ОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

I. Памятники древнерусской письменности различных жанров

Широкое употребление определенно-личных предложений, т. е. предложений, в которых при глаголе-сказуемом, стоящем в 1-м или 2-м лице, нет личного местоимения, является одной из характерных черт древнерусского синтаксиса. Такое употребление мы находим в древнерусских памятниках различных жанров.

В лингвистической литературе неоднократно указывалось на то, что отсутствие личного местоимения при глаголе-сказуемом не устраняло законченности предложения, что включение в состав предложения личных местоимений первого и второго лица вначале не было нормой, как не стала нормой постановка этих местоимений при формах повелительного наклонения.

Общепринятым в настоящее время является мнение, что употребление личных местоимений и тем самым замена односоставных предложений двусоставными были вызваны двумя обстоятельствами. Первое из них относится к области стилистики (наличие особого логического ударения, необходимость противопоставления действующих лиц и др.), второе — к области грамматики, как результат подравнивания под господствовавший тип предложения (двусоставное, в котором субъект и предикат выражены двумя членами предложения).

Постановка местоимения в связи с логическим на нем ударением, в связи с тем, что оно знаменательно, а не просто указывает на лицо, отмечалась многими языковедами: А. А. Потебней [1], А. И. Соболевским [2], А. И. Томсоном [3], А. А. Шахматовым [4], С. П. Обнорским [5] и др.

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958, стр. 246.

[2] А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. Изд. 4. М., 1907, стр. 240—241.

[3] А. И. Томсон. Происхождение форм им. и вин. п. и грамматического рода в индоевропейском праязыке. «Изв. ОРЯС», т. XVII, 1913, кн. 4, стр. 155—156.

[4] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Изд. 2. Л., 1941, стр. 64—65, 162—164, 463.

[5] С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшей поры. М.—Л., 1946, стр. 26, 49, 60—61, 79, 102, 112, 160, 172—174.

63574
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
www.rustang.ru

Это господствующее в отечественном языкознании мнение было критически рассмотрено Е. С. Истриной в ее исследовании «Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи».

Е. С. Истрина на основании данных названной летописи пришла к выводу, что в целом ряде случаев постановку местоимения нельзя объяснить наличием логического ударения, подчеркиванием местоимения в речи. В некоторых примерах «местоимения стоят, по выражению акад. А. И. Соболевского, «как бы без всякой надобности» (Лекции, изд. 4, стр. 241)» [6].

Приведя слова А. И. Соболевского, автор пишет далее: «Такое определение может возникнуть, однако, только тогда, если смотреть на личное местоимение, как на вторичный указатель лица, уже указанного глагольной формой; в таком случае его употребление, действительно, должно иметь причину — в логическом ударении, в намерении подчеркнуть лицо, особенно его выдвинуть. Но можно посмотреть на местоимение личное и с другой точки зрения — как на подлежащее вообще; при этой точке зрения нет необходимости искать особых причин его употребления: подлежащее, независимо от своей формы, может выступать в предложении не только под логическим ударением» [7].

Е. С. Истрина приходит к выводу, что «нет достаточных оснований признать для Синодального списка как памятника древнерусского языка нормальным, так сказать, типом предложения без местоимений-подлежащих, и выступление этих последних связывать непременно с логическим ударением, с необходимостью подчеркнуть лицо, выражаемое и без того глаголом-сказуемым» [8].

Исследователь видит в личном местоимении подлежащее и предложения без личного местоимения сопоставляет с неполными предложениями, с опущенным подлежащим. Сходство предложений без личного местоимения и неполных предложений с опущенным подлежащим в том, что и в тех, и в других «подлежащее стушевывается перед другими членами предложения и потому не называется» [9]. Не отрицая полностью значения логического ударения как фактора, способствующего постановке личного местоимения, Е. С. Истрина приходит к приведенному выше положению на основании анализа примеров, в которых, по мнению автора, «отсутствие личного местоимения придает предложению некоторую неполноту с точки зрения значения» [10], примеров с личным место-

---

[6] Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка I-й Новгородской летописи. Пг., 1923, стр. 39.
[7] Е. С. Истрина. Указ. соч., стр. 39.
[8] Там же, стр. 43.
[9] Там же, стр. 44.
[10] Там же, стр. 38.

имением, передающих подлинную живую речь, и ряда примеров без личного местоимения, не представляющих живой речи.

Поскольку в древнейших памятниках преобладали предложения без личного местоимения при глаголе-сказуемом в первом и во втором лице, историки восточнославянских языков, опубликовавшие свои труды после выхода в свет названной выше работы Е. С. Истриной, не отказались от взгляда на логическое ударение как причину постановки личного местоимения. Выше отмечено исследование С. П. Обнорского, следует назвать также работы В. И. Борковского: «О синтаксических явлениях новгородских грамот XIII—XIV вв.» («Известия Крымпединститута», т. IX. Языкознание. 1940, стр. 125—128); «Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение)» (Львов, 1949, стр. 90—106) [11].

Анализ новгородских грамот показал, что употребление личных местоимений малохарактерно для новгородских грамот и вызвано добавочными обстоятельствами (наличием особого ударения и др.). О том же свидетельствуют и другие грамоты различных местностей, написанные до XV в.

Материалы этих грамот позволили В. И. Борковскому сделать вывод, что, кроме причин стилистического характера, надо учитывать и влияние широко распространенного (в тех случаях, когда сказуемым является глагол в 3-м лице ед. или мн. ч.) двусоставного типа предложения, в котором субъект и предикат выражены двумя членами предложения [12].

Весьма ценными являются показания новгородских берестяных грамот, исследованных В. И. Борковским со стороны языка в ряде работ. Грамоты на бересте говорят не о том, что в древнейших из них (XII в.) личное местоимение при глаголе-сказуемом 1-го или 2-го лица не ставилось, а затем вошло в состав предложения, а о том, что вначале такое употребление являлось исключением из правила и было вызвано названными выше добавочными обстоятельствами [13].

Как и в грамотах на пергамене, в берестяных грамотах первые случаи с личным местоимением без логического на нем ударения датируются XIII в.; как и в грамотах на пергамене число случаев с личным местоимением растет медленно (даже в берестяных грамотах XV в. нормой не только при повелительном, но и

---

[11] См. также: В. И. Борковский и П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1965, стр. 404—409.

[12] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение). Львов, 1949, стр. 92, 105—106.

[13] Выводы В. И. Борковского в отношении определенно-личных предложений в берестяных грамотах из раскопок различных лет суммированы в его статье «Берестяные грамоты и некоторые вопросы исторического синтаксиса русского языка» («Проблемы сравнительной филологии. Сборник статей к 70-летию члена-корр. АН СССР В. М. Жирмунского». М.—Л., 1964, стр. 46—47).

при изъявительном наклонении глагола являются предложения без личного местоимения 1-го и 2-го лица).

Т. П. Ломтев в «Очерках по историческому синтаксису русского языка», рассмотрев закономерности употребления личных местоимений в функции подлежащего в отдельных древнерусских памятниках [14], подтвердил правильность выводов С. П. Обнорского (в названной выше работе 1946 г.) и В. И. Борковского (в работах 1940—1949 гг) о господстве в древнерусских произведениях предложений без личных местоимений.

Т. П. Ломтев также указывает на постановку местоимения в целях подчеркивания субъекта действия.

К. В. Басенко в своей кандидатской диссертации «К истории употребления местоимений в функции подлежащего в русском языке по памятникам XI—XVII вв.», не отрицая значения логического ударения, противопоставления субъектов и т. д. как причины распространения личных местоимений в роли подлежащего, указывает на фактор, подчеркнутый в работе В. И. Борковского «Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение)», — на роль господствующего типа предложения — двусоставного предложения [15].

По мнению автора, процесс употребления личного местоимения связан также с развитием грамматической природы сказуемого, в роли которого могут выступать не только личные формы глагола, но и причастия страдательного и действительного залогов со связкой и без связки.

Авторы ряда учебных пособий для высшей школы по историческому синтаксису восточнославянских языков, если не обходят вопрос о причинах употребления личных местоимений при формах 1-го и 2-го лица глагола-сказуемого, то указывают на значение логического ударения и противопоставления субъектов действия[16].

Рассмотрим показания произведений различных жанров.

В памятниках житийной литературы с исключительной последовательностью употребляются формы повелительного наклонения без личного местоимения при них: таче съ съмѣрениемь бжьствьныи оуноша отъвѣщавааше мтери своеи глагола. по-

---

[14] Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956, стр. 53—60.

[15] К. В. Басенко. К истории употребления местоимений в функции подлежащего в русском языке по памятникам XI—XVII вв. Автореф. канд. дисс. Днепропетровск, 1960, стр. 9—10.

[16] «Нарысы па гісторыі беларускай мовы». Дапаможнік для студэнтаў вышэйшых навучальных устаноў. Мінск, 1957, стр. 367—370; Я. А. Спринчак. Очерк русского исторического синтаксиса (простое предложение). Киев, 1960, стр. 105—108; М. А. Соколова. Очерки по исторической грамматике русского языка. Л., 1962, стр. 239—240; В. В. Иванов. Историческая грамматика русского языка. М., 1964, стр. 414, 415. См. также названную выше книгу: В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка, стр. 404—409.

слоушаи о мтри молю ти сѧ послоушаи (Ж. Феод. Печ., л. 29в); тъгда гла҃ немоу жена его послоушаи ги҃ и не гнѣваисѧ. ако тако же бысть и въ странѣ нашеи (Ж. Феод. Печ., л. 34а); и рѣша къ немоу дроужина поиди сади кыевѣ на столѣ отьни. се бо вси вои въ роукоу твоею соуть (Сказ. о Б. и Г.); Си слышавъ блаженыи. начатъ молитисѧ и милъ сѧ имъ дѣѩти гла҃ братиа҃ моѧ милаѧ и любимаѧ. мало ми врема҃ ѡ҃даите да понѣ помолюсѧ богоу моемоу (Сказ. о Б. и Г., л. 12а); он же то посла слугы своѧ погоубити. избра мужа неистовыѧ. посла на блжнаго бориса рекъ имъ нападше на него нощию погубите и. и аще кто противитсѧ вамъ· то и тыѧ погубите с нимь҃ (Чт. Б. и Г., л. 97а).

Среди многочисленных примеров без личного местоимения при форме повелительного наклонения встречаем и случаи, когда можно было бы ожидать постановку этого местоимения при противопоставлении действующих лиц, при обращении. Однако, как свидетельствуют и некоторые из приведенных выше примеров, авторы произведений считали возможным не включать личное местоимение в состав предложения.

Случаи с постановкой личного местоимения (при противопоставлении, при наличии обращения-наименования) в памятниках житийной литературы немногочисленны. Возможно, одной из причин ограниченного числа примеров с личным местоимением при противопоставлении было то, что при наличии повелительного наклонения в одной из частей сложного предложения, в другой части этого предложения на лицо указывала форма изъявительного наклонения.

Различие наклонений позволяло более четко противопоставить части сложного предложения, а тем самым и действующие лица в частях данного предложения. Все встретившиеся примеры с личным местоимением вызваны исключительно стилистическими причинами. Нет ни одного случая, когда личное местоимение не является носителем логического ударения: се бо въ има҃ прѣ-стыѧ мтре҃ твоеѧ възграженъ бы҆ домъ сии. мы же пакы въ твое има҃ събьра[въ] ны вънь и ты съблюди ны и съхрани ѡ҃ вьсѧкого съвѣта вьселоукавааго врага (Ж. Феод. Печ., л. 55в); онъ же видѣвъ ꙗко не вънемлють словесъ его. начатъ глаголати сице. спсиса҃ милыи мои оче҃ и господине василие҃ спсиса҃ мти҃ и госпоже моѧ. спсиса҃ и ты брате борисе старѣшино оуности моеѧ. спсиса҃ и ты брате и поспѣшителю ꙗрославе. спсиса҃ и ты брате и враже стопълче (Сказ. о Б. и Г., л. 10б); и никто же не вънемлеть ми нъ ты оубо помани мѧ. и помолисѧ мнѣ къ обьщемоу влдцѣ. ꙗко имѣѧ дьрзновение҃ и престоѧ оу престола его (Сказ. о Б. и Г., л. 14в); се кръвь брата моего въпиеть къ тебе влдко.

ꙗко же и авелева преже и ты мьсти ѥго (Сказ. о Б. и Г., л. 15в); ст҃аꙗ же рекоста къ нима. се повелѣваѥвѣ вама. иди ты въ ц҃рквь и повѣжь сице. ꙗко же ѥси видѣлъ. а сего подроуга ѥго оставлꙗѥвѣ оутрь (Сказ. о Б. и Г., л. 23в); он же аще видит мѧ оумилосердитсѧ на м҃ѧ. и не погубить мене. вы же токмо мало ѿступите к брегу. и не супротивитесѧ имъ (Чт. Б. и Г., л. 100в).

Характерно, что в некоторых из приведенных выше примеров личное местоимение поставлено при повелительном наклонении, когда имеются противительные *но*, *же* или усилительное *и*. Местоимение обычно находится в препозиции к сказуемому (из числа приведенных выше примеров только в примере из Сказ. о Б. и Г., л. 23в местомение постпозитивно).

При формах изъявительного и сослагательного наклонения, как правило, личные местоимения не употребляются, хотя случаи с личным местоимением и не составляют исключения.

Особо следует выделить предложения, содержащие авторские замечания. И здесь мы не находим отступления от указанного правила употреблять определенно-личные предложения, причем в авторских замечаниях оно соблюдается особенно последовательно.

Следует отметить, что местоимение *мы* встречается чаще, чем местоимение первого лица ед. ч. При последнем обычно находим приложение, при помощи которого дана автором самоуничижительная оценка (сходные случаи находим и в летописях, о чем см. ниже).

В авторских отступлениях, обобщающих круг лиц, к которым автор относит и себя, последовательно употребляются определенно-личные предложения, при этом с глаголом-сказуемым во множественном числе: вы бо тѣмъ и намъ ороужиѥ земꙗ роуськꙑ забрала и оутвьржениѥ. и меча обоюдоу остра има же дьрзость поганьскоую низълагаѥмъ и диꙗволꙗ шатаниꙗ въ земли попираѥмъ (Сказ. о Б. и Г., л. 17а); тѣмь же прибѣгаѥмъ къ вама и съ сльзами припадающе молимъсѧ. да [не] придеть на ны гърдынѧ. и роука грѣшьнича не погоубить насъ (Сказ. о Б. и Г., л. 17в); и къ господоу богоу мл҃твоу нашю оусьрдьно прїнесѣта. ꙗко съгрѣшихомъ зѣло и безоконьновахомъ премъного. и бещиньствовахомъ паче мѣры и преизлиха. нъ ваю мл҃твы надѣющесѧ къ сп҃соу възъпиѥмъ гл҃юще влдко ѥдиныи без грѣха призьри съ нб҃се ст҃го твоѥго на насъ оубогыхъ (Сказ. о Б. и Г., л. 17г); нъ аще бу҃ велꙗщю то и чюдесъ ѥю мало нѣчто исповѣмы. на славу чть҃ великому бу҃ сп҃су нашему ису҃ ху҃ (Чт. Б. и Г., л. 103а).

При отчетливом противопоставлении, которое особенно заметно благодаря употреблению союза *и* с усилительным значением перед местоимением, в призыве к читателям, находим

местоимение *мы*: Тѣмь же и мы братиѥ потъщимъсѧ рьвьнителе быти и подражателе житию преподобьнааго ѳеѡдосиѧ. и оученикомъ ѥго (Ж. Феод. Печ., л. 27д).

Замечания от лица автора, когда он не обобщает круг действующих лиц (в числе которых и сам автор), оформляются определенно-личными предложениями, в которых глагол-сказуемое может стоять как во множественном числе, так и в единственном числе (чаще)[17]: се бо испьрва писавъшю ми о жити[ѥ] и о погоублении и о чюдесьхъ сто҃ю и бл҃женою стратрьпьцю бориса и глѣба. поноудихъсѧ и на дроугоѥ исповѣданиѥ прити. ѥже выше моеѧ силы (Ж. Феод. Печ., л. 26а); ѿсюдоу ууже начьноу съповѣдати. Ѥже отъ ууны вьрсты. житиѥ бл҃женааго ѳеѡдосиѧ (Ж. Феод. Печ., л. 26в—г); Нъ се пакы на прокое ѿселѣ съповѣданиѥ о҃ца нашего ѳеѡдосиѧ поидемъ (Ж. Феод. Печ., л. 50б); Обаче же ууже на пьрьвое съповѣданиѥ възвратимъсѧ. ѩже о блаженѣмь ѳеодосий исповѣдающе (Ж. Феод. Печ., л. 53а); нъ се остааноу много глаголати. да многописании въ забыть вълѣземъ. нъ о немь же начахъ си ськажемъ оубо сице. (Сказ. о Б. и Г., л. 8г)[18]; ѩко же и бысть ѥже послѣди ськажемъ нынѣ же нѣсть времѧ. нъ на предълежащеѥ възвратимъсѧ (Сказ. о Б. и Г., л. 13а); тѣмь же ваю како похвалити не съвѣмъ или чьто рещи недооумѣю. и не възмогоу. (Сказ. о Б. и Г., л. 16г); бѧше бо ѩко же и преже ркохъ. дѣтескъ тѣломъ а оумъ старъ (Чт. Б. и Г., л. 93б); нъ се ууже възвратимсѧ на первую повѣсть (Чт. Б. и Г., л. 94б).

Как свидетельствуют отдельные примеры из приведенных выше, определенно-личное предложение могло быть употреблено и при переходах в течении рассказа (см. также ниже примеры — Лавр. л., л. 130, л. 162).

Однако более обычным при переходах в течении рассказа, при противопоставлении (особенно при наличии противительного союза или усилительной частицы *же*) является употребление двусоставного предложения с *мы* в роли подлежащего: Мы же пакы поидемъ на прьвоѥ исповѣданиѥ с҃таго сего отрока (Ж. Феод. Печ., л. 27д); Нъ мы се оставивъше пакы на передъ възидемъ. (Сказ. о Б. и Г., л. 24г); нъ мы ууже сьдѣ ставимъ слово (Чт. Б. и Г., л. 116в).

Как уже отмечалось выше, подчеркивание автором своего «я» обычно сопровождается уничижительной оценкой этого «я»: таже въписахъ азъ грѣшьныи несторъ. мънии вьсѣхъ въ манастыри блаженаго и о҃ца вьсѣхъ ѳеодосиѧ (Ж. Феод. Печ., л. 67б); Се же списахъ азъ грѣшныи. о житии и погублении с҃тую бл҃жную

---

[17] Ср. ниже показания летописей, в которых чаще встречается мн. ч.
[18] В этом предложении находим и ед., и мн. ч. глагола.

стрицю бориса и глѣба (Чт. Б. и Г., л. 102г—103а. См. также л. 116г); о блжнаѧ многымъ похваламъ достоинаѧ. ка дерзну азъ оканьныи похвалити ваю. грубыи си неразумныи. ѥлико бо аще изреку не могу достоино похвлити. нъ что реку или что възглю (Чт. Б. и Г., л. 115г—116а).

В первом из примеров — приложение, в остальных — обособленное определение. Для нас не возникает сомнений, что во всех случаях, независимо от того, конкретизируется ли местоимение (в случае с приложением) или такой конкретизации не происходит (эпитеты *гр. ѣшьныи*, *оканьныи* не помогают выяснить конкретное лицо), местоимение подчеркнуто, выделено логическим ударением.

Случаи с приложением, с обособленным определением (последние еще в большей степени, чем первые) говорят о том, что здесь имеет место определенный стилистический прием. Вот почему представляется необоснованным утверждение, что «древнерусские авторы употребляют местоимения осторожно, как бы боясь оказаться непонятыми, опасаясь, что очень общие по своей природе местоимения могут быть отнесены не к тому конкретному слову, с которым они в действительности связаны. Поэтому даже в тех редких случаях, когда местоимение употребляется, оно употребляется с конкретизирующим и раскрывающим его значение приложением. Особенно это касается главного члена предложения — подлежащего, которое наряду со сказуемым формирует структуру предложения» [19]. Автор цитаты считает, что логического ударения на местоимении, при котором стоит приложение, нет [20].

Нетрудно заметить, что приложение в древнерусских памятниках употребляется в тех же случаях, в которых употребил бы и наш современник, и что отнюдь не обязательно при местоимении имеется приложение.

Личное местоимение, которое всегда соотносится с глагольной формой (приложение, без местоимения, не заключает в себе указания на первое или второе лицо, а только на третье), является лишь дополнительным средством обозначить лицо (оно ясно благодаря личной форме глагола). Этим и объясняется господство определенно-личных предложений в древнерусских памятниках.

Не в авторских замечаниях в житийной литературе находим преимущественно определенно-личные предложения: глаголаше бо ѥмоу. ꙗко тако ходꙗ оукоризноу себе и родоу своѥмоу твориши (Ж. Феод. Печ., л. 28б); таче глше се. оче не дьрьзнахъ приити къ тебѣ помышлꙗ еда како гнѣваюсѧ на мѧ. и не въпоустиши насъ въ манастырь (Ж. Феод. Печ., л. 59б—в); гла

[19] Р. П. Андронова. Личное местоимение в роли подлежащего (на материале памятников русской письменности XVII века). — НДВШ. Филол. науки, 1964, № 4, стр. 50.

[20] Там же, стр. 52.

тои блаженыи чьто трѣбоуѥши ѿ нѥго. ѩко. тъ чл҃къ ѥсть грѣшьнъ (Ж. Феод. Печ., л. 61в); онъ же съ радостию въставъ иде рекъ се готовъ ѥсмь предъ очима твоима сътворити ѥлико велить волꙗ ср҃дца твоѥго (Сказ. о Б. и Г., л. 9а); и ѩко съказаша ст҃опълкоу ѩко сътворихомъ повеленоѥ тобою. и си слышавъ възнесесѧ срьдьцьмь (Сказ. о Б. и Г., л. 15а); то слышавъ х҃олюбивыи кз҃ь ѿ митрополита. и р҃е ѥму бл҃гъ свѣтъ твои о҃че. и ѩко велиши тако створимъ (Чт. Б. и Г., л. 107а).

Среди приведенных нами примеров имеются и случаи, когда противопоставляются лица.

Однако, как правило, при противопоставлении лиц в предложение включается личное местоимение, его встречаем и при обращении (при логическом ударении на местоимении): гь҃ бо ісъ хс҃ъ самъ пооубожисѧ и съмѣрисѧ намъ ѡбразъ. да. да и мы ѥго ради съмѣримъсѧ (Ж. Феод. Печ., л. 29в); и ѥгда ти оумьру ты же погребеши тѣло моѥ. ти тьгда възвратишисѧ въ пещероу сию (Ж. Феод. Печ., л. 32г); жено нынѣ иди в домъ свои. и се ѥгда придеть игоуменъ нашъ тогда азъ възвѣщю ѥму ѥже о тебѣ. и тъ избавить тѧ ѿ печали тоѩ (Ж. Феод. Печ., л. 61в); видѣвъ же отрокъ ѥго вьржесѧ на тѣло блаженааго рекыи. да не останоу тебе гн҃е мои драгыи. да идеже красота тѣла твоѥго оувядаѥть. тоу и азъ съподобленъ... боудоу... съконьчати животъ свои (Сказ. о Б. и Г., л. 1г); Блж҃ныи же не ѩтъ҃ вѣры. гл҃ѧ. како се можеть быти. истина ѥже вы и гл҃те нын҃ѧ. или вы не вѣсте ѩко азъ мнии ѥсмь. не противенъ ѥсмь братоу своѥму старѣишому сущю (Чт. Б. и Г., л. 97в—г); нъ молю вы и браѥ моѩ. не противитесѧ имъ нъ къ брегу приступите. и азъ въ свѥмь корабли иду по средѣ рѣкы. и они да придуть ко мнѣ (Чт. Б. и Г., л. 100б).

Среди приведенных нами выше примеров имеются случаи, где противопоставление действующих лиц особенно ярко выражено благодаря употреблению при местоимении союзов, усиливающих это противопоставление (да и; и;) или противительной частицы *же* после местоимения.

Необходимость включить определения, относящиеся к действующему лицу (к говорящему или к тому, к кому обращена речь), также требовала постановки личного местоимения (ср. с приведенными выше примерами — авторскими замечаниями с местоимением первого лица ед. ч.): нынѣ же что сътворю азъ оумиленыи очюженыи от твоѥѩ доброты. и ѿ о҃ца моѥго мъногааго разоума (Сказ. о Б. и Г., л. 13в).

В житийной литературе встретился пример, который можно рассматривать как отступление от нормы — ставить личное местоимение при противопоставлении, при логическом ударении на

местоимении: поутьша рече. вси мы можемъ главы своꙗ положити за тѧ (Сказ. о Б. и Г., л. 10в).

Полагаем, однако, что местоимение *мы* является здесь носителем логического ударения. В приведенном тексте содержится ответ на вопрос, поставленный Святополком: пришедъ вышегородоу ночь отаи призъва поутьшю и вышегородъскыѣ моужѣ и рече имъ повѣдите ми по истинѣ. приꙁньство имѣете ли къ мнѣ.

Ответ — с несомненным логическим ударением и на местоимении *вьсь*, и на местоимении *мы*: вси мы. . .

Хотя произведения апокрифической литературы, многие из которых были известны еще древней Руси, сохранились преимущественно в позднейших списках, в них с исключительной последовательностью сохраняются в отношении употребления определенно-личных предложений древнейшие нормы. Даже этот один языковой факт говорит о древности первоначального текста.

В памятниках почти совершенно отсутствуют, как и в отмеченных выше житиях, личные местоимения при формах повелительного наклонения. Даже при противопоставлении, как правило, не включается местоимение: тѣмже на мѧ ги̑ млтивно призри на своего раба. и скажи ми видѣнье се. ѥже видѣхъ страшьно (Лествица, с. 92); и явися ему Михаилъ, глаголя къ нему: Сице глаголаше Господь Нирови: пусти отрока ко мнѣ, иже ти поручихъ (О Мельхиседеке, с. 31); тебѣ глю̑ іеремие пріими послание. еже принесо̑ тебѣ ѿ вароха і авимелеха (Пов. о плаче, с. 281); и гла̑ адамъ помилоуи мѧ влко̑ ꙗко согреши оумлрди̑ о мнѣ ги̑ (Сл. о Адаме и Еве, с. 11).

Как уже говорилось выше, противопоставлению лиц помогало различие наклонений: форма одного наклонения (повелительного) указывала на одно действующее лицо, форма другого наклонения (изъявительного) — на другое.

Примеры с личным местоимением единичны, причем в ряде случаев противопоставление лиц подчеркнуто употреблением *но* перед местоимением, частицы *же* после местоимения, для усиления логического ударения на местоимении перед ним может стоять *и* (в частности, в тех случаях, когда нет противопоставления лиц: Сл. о Адаме и Еве, с. 12); и се англъ би̑и ста предъ мною гла̑ · иꙗкове послапъ ѥсмь к тобѣ. ѿ всѣхъ творецъ възвѣстить сына твоего. ты же положи взвѣщение сына твоего на срци̑ твоемъ (Лествица, с. 92); и павелъ ре̑ иже не пребу̑детъ въ всѣхъ писаны̑, но ты пребу̑ди въ книга̑ писаны ѿ [по]коꙗни. и ѿ сми̑ии (О всей твари, с. 349); аще ли хощеши бжеи̑ быти. и ты иди

в раи (Сл. о Адаме и Еве, с. 12); а идѣ* почиваеть тѵ и ты почиваи с ни (Смерть Авраама, с. 81).

По-видимому, в следующем примере *ты* стоит без логического нажима, в местоимении нет необходимости, поскольку отсутствует противопоставление действующих лиц (*рѣ* вводит прямую речь): и рѣ ты поти четыредесѧть днии и. д. (Сл. о Адаме и Еве, с. 13).

Весьма немногочисленны случаи с личным местоимением и при формах изъявительного и сослагательного наклонения, в частности и при противопоставлении действующих лиц. Примерами такого употребления (без личного местоимения при противопоставлении действующих лиц) могут служить отмеченные выше, где нет личного местоимения как при форме повелительного наклонения, так и при форме изъявительного наклонения. Отметим только несколько примеров, где в обоих случаях изъявительное наклонение: си соуть гл҃ы ихже древле исаіа бесѣдоваше къ ѡц҃емъ нашимъ. ꙗко видѣх б҃а и сн҃а его (Пов. о плаче, с. 283); дыꙗво мрече не дамъ ти зели ѡрати. аще не запишеши нн҃е роукописание да еси мои (Сл. о Адаме и Еве, с. 12); и рече заклинаю тѧ гдмь. да не приведеши сн҃ѵ моемѵ жены ѿ дщерїи хананеискъ (Смерть Авраама, с. 88); и рс҃. чемѵ не ведете мѧ к црю. и почто не вижю лица е (Соломон и Китоврас, с. 255).

Личное местоимение включается в текст при противопоставлении действующих лиц, причем в ряде примеров действующим лицом является высшее существо — бог, чьи слова (с употреблением личного местоимения первого лица ед. ч.) воспроизводятся в тексте: и призва господа, глаголя: «Во мнѣ, господи вѣчный, вся беззаконіа умножишася и разумѣю азъ, яко близь есть скончяніе наше» (О Мельхиседеке, с. 29); Адам блюдаше раи восток и севескѵю страноу а азъ блюдѧ раи западноу страноу и полоуденноую адамъ блюдаше звѣри моужескїи по. а азъ евва блюдѧ жескїи ѡ҃ звереи (Сл. о Адаме и Еве, с. 9—10); и рече г҃ь тоу боудеть тѣло мое и азъ самъ боудоу. а тобѣ боуде на п҃рог҃панье (Сл. о древе, с. 306); и вниде авраамъ на со починоу. и рс҃ исаакъ повели ми оч҃е да и азъ съплю с вами (Смерть Авраама, с. 81); И бы егда нача молвити китоврасѵ цр҃ь соломонъ. ны видѣх ꙗко сила ваша аки чл҃ческа. и нѣ сила ваша боле нашеѧ силы. ꙗко азъ ꙗлъ тѧ (Соломон и Китоврас, с. 257).

Встречаем, однако, в апокрифах и единичные случаи с постановкой местоимения, не вызванного противопоставлением субъектов действия, необходимостью поставить на местоимении

логическое ударение: и рече сифъ ѿцоу своемоу. азъ идоу ѡче принесоу ѿ рай егда како оутоли ти болѣзнь (Сл. о Адаме и Еве, с. 7); и рѣхъ ги азъ ги в'зовоу к бгоу всѣмъ срце мои (Сл. о Адаме и Еве, с. 13).

Рассмотрим показания светских памятников. Несомненный интерес представляют данные летописей. И в Синодальном списке 1-й Новгородской летописи, и в Лаврентьевской летописи 1377 г., и в более поздней летописи — в Ипатьевской летописи около 1425 г., как правило, при формах повелительного наклонения (останавливаемся, как и выше, только на формах 2-го лица ед. и мн. ч., а их в каждом из названных памятников несколько сотен) личное местоимение не употребляется: показаша пути новгородци кнзю Всѣволодоу. не хочемъ тебе. поиди камо хочеши (1-я Новг. л., л. 94); и ре новгородьчемъ не хочю оу васъ кнажити идоу цьрниговоу. гость къ мнѣ поускаите (1-я Новг. л., л. 101—101 об.); и посла к нему Мьстиславъ солъ свои из Новагорода глѧ. иди ис Суждалѧ Мурому а в чюжеи волости не сѣди (Лавр. л., л. 85 об.—86); река Кыянѣ братьи моѥи. не мозѣте створити зла не оубиите Игорѧ (Лавр. л., л. 105 об.); и прислаша Новгородци еппа съ моужи своими къ Всеволодоу. рекоуче даи намъ снъ твои. а Стослава брата твоего не хочемъ (Ипат. л., л. 114); а по Ѩрополка посла глѧ выдаите нашего ворога. а ѥ идоу к вамъ (Ипат. л., л. 213 об.).

В ряде приведенных выше примеров имеет место противопоставление субъектов действия, подчеркнутое иногда употреблением местоимения при форме изъявительного наклонения глагола, наличие обращения, и таким образом была бы оправдана постановка личного местоимения, однако оно не включено в предложение.

Личное местоимение при формах повелительного наклонения (обычно в препозиции к глаголу-сказуемому), в названных выше летописях встречается сравнительно редко. Среди немногочисленных случаев (мы приводим лишь некоторые из них) господствуют примеры, в которых противопоставляются различные субъекты действия (в сложноподчиненном, в сложносочиненном предложении или во втором из двух предложений, представляющих собою как бы переходный тип предложения — от самостоятельных простых предложений к сложносочиненному): и прислаша к нимъ второѥ. послы татари. рекоуще тако. а ѥсте послушали половьчь. а послы наша ѥсте избили. а идете противоу на. тъ вы поидите. а мы васъ не заѩли. да всѣмъ бъ (1-я Новг. л., л. 97 об.—98); Томь лѣ. ре кнзь михаилъ. се оу васъ нѣтоу влдкы. а не лѣпо

быти градоу семоу безъ влдцѣ . аже бъ казнь свою възложилъ на онтонига, а вы сочтите такового моу. въ попѣхъ ли в ыгоуменехъ ли . въ чернеьцихъ ли (1-я Новг. л., л. 108 об.); кназю же Всеволоду блговѣрну и бобоназниву. не хотяше того створити. повелѣ всадити ихъ в порубь людии дѣла. абы оутишилса матежь. а по їрополка посла гла. Разанцемъ вы имѣте нашего ворога. али иду к вамъ (Лавр. л., л. 130 об.); и ре Игорь. не ходи ты. но поидемъ мы (Ипат. л., л. 117 об.); и ре Изаславъ брату своему Володимеру. поѣди ты на Бѣлъгородъ передомъ а мы вси пущаемъ с тобою дружину свою . моложьшюю (Ипат. л., л. 150 об.); и ре поѣди съ своими полкы близъ мое полку. а кде ꙗ стану ту же и ты стани (Ипат. л., л. 161 об.); рекуче цѣлуи к нама хртъ. ты въ ѿцинѣ своеи Черниговѣ сѣди. а мы оу Киевѣ будемъ (Ипат. л., л. 170 об.).

Мы привели выше примеры в широком контексте, так как часто именно такой контекст позволяет более ясно увидеть противопоставление двух различных субъектов действия.

О том, что именно противопоставление вызывает постановку личного местоимения, особенно отчетливо говорят примеры из Ипатьевской летописи, л. 161об. и 170об.: где нет противопоставления (в начале прямой речи: *поѣди*; *цѣлуи*), там нет и личного местоимения при форме повелительного наклонения.

При наличии различных субъектов действия один из них может быть особенно подчеркнут благодаря тому, что, кроме личного местоимения, в текст включено обращение: тьвердиславъ же позра стоую софию. и ре даже боудоу виноватъ. да боудоу мртвъ. боудоу ли правъ а ты ма оправи ги (1-я Новг. л., л. 90 об.); [ꙗко рѣша Стополкѫ]. ꙗко се Двдва сколота. то иди ты Стополче на Двда. любо прожени и (Лавр. л., л. 89); и ре Изаславъ ѿцю своему Вячеславоу поѣди ты ѿце в свои Вышегородъ. а ꙗ поѣду в свои Володимиръ (Ипат. л., л. 146); рци же имъ. не ходите в моеі воли. ты же Рюриче поиди въ Смольньскъ. къ брату во свою ѡчну (Ипат. л., л. 203).

Противопоставление двух субъектов действия ведет к постановке личного местоимения при повелительном наклонении и в современных восточнославянских языках. В этих случаях та часть сложного предложения, в которой сказуемое выражено формами 1-го или 2-го лица изъявительного или сослагательного наклонения, обязательно является двусоставной, что не стало правилом для древнерусского языка (см. выше примеры с личным местоимением и без личного местомения при формах изъявительного наклонения).

Случаи с личным местоимением в предложениях, где нет противопоставления различных субъектов действия, единичны: Въ то. лѣ. придоша ис кыєва ѿ всѣволода. по бра стосла. вести кыє[ву]. а сна моєго ре приимите собе кнзѧ. и тако послаша еппа по сна єго. и много лепьшихъ людии. а стосла реша. а ты пожиди бра. то пондеши. онъ же оубоꙗвъсѧ. новгородьць . чи прѣльстивъше мѧ имоуть. и бежа отаи въ ноць (1-я Новг. л., л. 21—21 об.); Ирмдти наставниче и смыслу давче. несмыслены казателю и нищи заступниче. оутверди в разумѣ мое срце Влко. ты дажь ми слово ѡче . се бо ѹстнама моима не възбрани впити (въпити) ти млтве помилуи падшаго (Лавр. л., л. 84 об. Поучение Владимира Мономаха); Изѧславь ми то молвить ты ми буди въ ѿца мѣсто. поиди сѧди же в Киевѣ. (Ипат. л., л. 140 об.).

Е. С. Истрина в отношении приведенного примера из 1-й Новгородской летописи полагает, что присутствие личного местоимения не может быть объяснено логическим ударением [21].

Действительно, в примере нет, казалось бы, обязательных признаков логического ударения: наличия двух, а не одного субъекта действия или обращения при местоимении, являющегося приложением к местоимению. Тем не менее и весь предшествующий прямой речи текст и следующий за ней говорит о нарочитом подчеркивании лица, к которому обращаются с речью.

Пример из Лаврентьевской летописи, в котором обращение стоит перед местоимением (это необычно и для древнерусского, и для современных восточнославянских языков), не требует разъяснений: местоимение является носителем логического ударения.

В примере из Ипатьевской летописи на местоимении тоже стоит логическое ударение.

Однако в следующих предложениях из Лаврентьевской и Ипатьевской летописей местоимение не является носителем логического ударения: и слышавше Ростовци негодоваша. рекоша Ѥ
Ирополку ты поѣди смо. а Михалку рекоша пожди мало на Москвѣ. (Лавр. л., л. 126. См. также Ипат. лет., л. 210); Игоря же посла Оулѣба. и Ивана Вонтишича. и ре има како еста была оу брата моего. тако же боудете оу мене. а Оулѣбови ре держи ты тысѧчю. какъ еи (еси) оу брата моего держалъ (Ипат. л., л. 119 об.).

Среди примеров, весьма многочисленных, без личного местоимения при формах 1-го и 2-го лица изъявительного или сослага-

[21] Е. С. Истрина. Указ. соч, стр. 41.

тельного наклонения особую группу составляют (в летописях) предложения, в которых содержатся авторские замечания. Обычно автор обобщает круг действующих лиц, к которым относит и себя, употребляя форму 1-го лица мн. ч. глагола: потомь наиде дъжгъ ꙗко не видехомъ ꙗсна дни ни до зимы (1-я Новг. л., л. 23 об.); ста вса зима тепломь. и дъжгемь. и громъ бы. и коуплахомъ кадкоу малоую. по. з. коун (1-я Новг. л., а. 32. См. еще л. 111, л. 114); слнце помьрче. ꙗко на часу и боле, и звезды быша. и паки просветисѧ и ради быхомъ (1-я Новг. л., л. 46. См. еще л. 162)[22]; велика бо бываѥть полза ѿ оученьꙗ книжного. книгами бо кажеми и оучими ѥсмы. пути покаꙗнью. мдрть бо ѡбрѣтаѥмъ и въздержанье ѿ словесъ книжныхъ (Лавр. л., л. 51 об.); Се бо на ны Бъ попусти поганы. не ꙗко милуꙗ ихъ но насъ кажа да быхомъ сѧ востѧгнули ѿ злы дѣлъ (Лавр. л., л. 74. См. также Ипат. л., л. 213): звѣрье розноличнии и птица и рыба оукрашено твоимъ промысло Ги и сему чюду дивуемъсѧ (Лавр. л., л. 79 об. Поучение Владимира Мономаха); хрыꙗнину бо многыми напастьми внити въ црство нбное. согрѣшихо казними ѥсмы. ꙗко створихо тако и приꙗхо (Лавр. л., л. 135 об.).

Замечания лично от автора оформляются предложениями, в которых глагол-сказуемое, без личного местоимения при нем, может стоять как во множественном числе (чаще), так и в единственном числе: мьню бо ꙗко не хотѧ бъ по грѣхомъ нашимъ. дати намъ на оутехоу гроба ѥго. ѿведе и кыѥвоу. и тамо прѣстависѧ (1-я Новг. л., л. 29); татари же възвратишасѧ ѿ рѣкы днѣпрѧ. и не свѣдмаеъ ѿкоудоу соуть пришли. и кдѣ сѧ дѣша опать (1-я Новг. л., л. 99 об.); Се начнемъ повѣсть сию (Лавр. л., л. 1 об.); И се скажемъ что ради прозвасѧ Печерьскыи манастырь (Лавр. л., л. 52 об.); Се же повѣмь мало нѣчто. еже сѧ събы. прчченье Θеѡдосьево (Лавр. л., л. 70 об.)., и тако Глѣбъ кнꙗзь Ба разгнѣви и стую Бцю. но на преднѥѥ възвратимсѧ (Лавр. л., л. 130); тако слышахо оу самовидець бывши тамо в то времѧ (Лавр. л., л. 157); створисѧ велико зло в Суждальскои земли. ꙗкоже зло не было ни ѿ крщньꙗ. ꙗко бы нынѣ. но то ѡстави (Лавр. л., л. 160 об.); Но нынѣ на пререна взиде (Лавр. л., л. 162); И нынѣ гда ѡци и брата. ѡже сѧ гдѣ буду

[22] См. еще ряд примеров из 1-й Новгородской летописи в указ. соч. Е. С. Истриной (стр. 42—43). Здесь дан и анализ авторских замечаний летописца.

ѡписалъ. или переписалъ или не дописалъ. чтите исправливаꙗ Ба дѣлꙗ. а не клените (Лавр. л., л. 173); тогда же Изꙗславу приде вѣсть къ Киеву оже снъ его побѣженъ а Оугре избити и ре слово то. акоже и пере слышахомъ. не иде мѣсто къ головѣ. но голова к мѣсту (Ипат. л., л. 159 об.); ꙗкоже Павелъ глть гордымъ Бъ противитьсꙗ а смиренымъ даеть блгодать еже и збыстьсꙗ слово апла Павла главша еже и послѣди скажемь (Ипат. л., л. 203 об.).

Как справедливо отметила Е. С. Истрина, в отношении 1-й Новгородской летописи [23], находим местоимение *мы* при переходах в течении рассказа, при противопоставлениях, сопровождаемых противительными союзами или частицей *же*. Е. С. Истрина полагает, что на местоимении нет логического ударения. Однако и усилительное *же*, и исключительно яркое противопоставление, часто с подчеркнутым самоуничижением (автора или автора и группы лиц) говорят о логическом ударении на местоимении: бъ ѥдинъ вѣсть кто соуть и ѡколѣ изидоша. прѣмѫдрии моу вѣдать. ꙗ добрѣ, кто книгы разоумѣѭть. Мы же не вѣмы кто соуть (1-я Новг. л., л. 96); Мы же на прѣднеѥ възвратимъсꙗ. на горкоу и бѣдноую памꙗ тоꙗ весны (1-я Новг. л., л. 113. См. еще л. 145 об.); то бы намъ все видꙗще предъ очима лоучьшимъ быти мы же быхомъ поущьши (1-я Новг. л., л. 114); глть бо к намъ прркмъ. обратитесꙗ ко мнѣ всѣмь срдцмь вашимь. постомь и плачемь. да еще сице створимъ. всѣхъ грѣхъ прощени боудемь. но мы на злаꙗ възвращаемсꙗ. акы свиньꙗ валꙗющесꙗ в калѣ грѣховнѣмь присно. і тако пребываемъ (1-я Новг. л., л. 125 об.); дивн же есть колико добра створїлъ. Русьстѣи земли крживъ ю. мы же хыꙗне суще. не въздае почестьꙗ противу ѡного въздньею (Лавр. л., л. 45); сь же насѣꙗ книжными словесы срца вѣрны людии. а мы пожинаемъ оученьс приемлюще книжное (Лавр. л., л. 51 об.); и си вси схранени быша Бьею блгью. но мы на прѣреченаꙗ взиде (Лавр. л., л. 164—164 об.); в то же верема. Стославъ. ѡпоусти воѣ своѣ в Половцѣ давъ имъ дары многы. ихъже мы преди написахомъ (Ипат. л., л. 124 об. — 125); сему же рекоша старии людие. не блго есть сꙗково знамение се прообразуеть кнжю смрть еже бы мы же на прлежащее възвратимсꙗ (Ипат. л., л. 184 об.); Мы же ѡ семь

[23] Е. С. Истрина. Указ. соч., стр. 43.

погл҃мь аще во дни наша преда Гь градъ Ерл҃мь сты̀ безаконьнымь тѣмь Агарѧномъ (Ипат. л., л. 228).

Подчеркивание автором своего «я», обычно при этом с самоуничижением, бывает иногда усилено путем включения в текст приложения, при помощи которого и дана самоуничижительная оценка (сходные случаи в житийной литературе, о чем сказано выше): ѳеодосьевн же живущю в манастыри и правящю. добродѣтелное житье. и черпечьское правило и приимающю всѧкого приходящаго к нему. к нему же и азъ придохъ худыи и недостоиныи рабъ. и прилтъ мѧ (Лавр. л., л. 54); Радуетсѧ купец прикупъ створивъ. и кормьчии въ ѡтишье приставъ и страни въ ѡч҃ьство свое прише. тако радуесѧ и книжныи списатель. доше конца книга. тако и азъ худыи недостоиныи и многогрѣшныи. рабъ Бжии Лаврентеи мни (Лавр. л., л. 172 об.).

Не в авторских замечаниях, а в повествовании, в религиозных отступлениях находим определенно-личные предложения, причем и в той прямой речи, которая воспроизводит разговорную речь. Определенно-личные предложения в ряде случаев встречаются и при противопоставлении, то есть тогда, когда можно было бы ожидать постановку личного местоимения.

Приведем ряд примеров с определенно-личными предложениями: мнози бо философи молѧхоутьсѧ грви. аще сего доужа ѿпоустиши съдрава. тъ много зла створить. твоѥмоу цртвоу (1-я Новг. л., л. 71 об.); Съзва мьстисла вѣцѣ на ѡпрослаль дворъ. ре кланаюсѧ стѣи софии. и гробоу оц҃ѧ моего и вамъ. хоцю поискати галица. а васъ не забоудоу (1-я Новг. л., л. 88 об.); в се же врема придоша людье Нооугородьстии. просаще кнѧза собѣ. аще не поидете к намъ то налѣземъ кнѧза собѣ (Лавр. л., л. 21); Володимеръ же се слышавъ. возрѣвъ на нбо ре. аще се сѧ сбуде. и самъ сѧ крщю (Лавр. л., л. 37 об.)[24]; и се рекъ посла ѥдиного ѿ братьѣ. ко Изаславу кнѧзю. река тако кнѧже мои. се Бъ оумножаеть браю а мѣстъце мало. да бы ны далъ гору ту. ѡже есть надъ печерою (Лавр. л., л. 53 об.)[25]; и поча

[24] *Самъ* является формальным подлежащим, поскольку нет другого слова — подлежащего, которое бы оно определяло. Однако смысловая роль этого местоимения — подчеркнуть субъект, указание на который содержится в личной форме глагола. Безоговорочно считает *самъ* в сходных случаях подлежащим Л. А. Коробчинская («Местоимение *самъ* в древнерусском языке». — «Доповіді та повідомлення», вып. 6, ч. 1. Вид-во Львівського ун-ту, 1955, стр. 146).

[25] Местоимение *ты* отсутствует, несмотря на пропуск вспомогательного глагола *ѥси* в сложном прошедшем времени.

Володимеръ слати ко Игореви. ѡже. мѧ оумиришь съ братомъ. то по Всеволожи животѣ помогоу ти про Киевъ (Ипат. л., л. 116 об. — 117); река стоите ли въ хртьномъ цѣлованьи оу брата своего оу Игоря. и рѣша стоимы (Ипат. л., л. 118 об.); ре ѡже поидемъ сквозѣ лѣсъ. то побиютьсѧ с нами. а сила наша за нами далече. а ту сѧ сождемъ (Ипат. л., л. 149 об.).

В помещенных ниже примерах постановка личного местоимения вызвана необходимостью более четко противопоставить различные субъекты действия [26]; рекоша ѥмоу новгородьци ка кнѧже очима позриши ты. та мы главами своими вьржемъ (1-я Новг. л., л. 79); и ре твьрдіславъ посадникъ. ꙗко браѥ страдали. дѣди наши и очи. за роусьскоую землю. тако браѥ и мы поидимъ по своѥмь кнзи (1-я Новг. л., л. 79 об.); новгородьци же ѿвѣщаша кнѧ оже нѣтоу вины ѥго. ты к намъ крть цѣловалъ без вины моу не лишити. а тобе сѧ кланѧемъ. а се нашь посадни. а в то сѧ не вдадимъ (1-я Новг. л., л. 91—91 об.); ꙗко глати ѡцю к нему сну мои. благо тобѣ ꙗко слышю ѡ тобѣ кротость. и радуюсѧ. ꙗко ты покоиши старость мою (Лавр. л., л. 72); се слышавъ Володимеръ расплакавъсѧ и ре. поистинѣ ѡци наши и дѣди наши зблюли землю Русьскую. а мы хоче погубити (Лавр. л., л. 89); ѡн же послушавъ рѣчи Ростовьское. и болѧрьское величавы будущи. и хрьнага цѣлованьꙗ забывъ. Молвѧхуть бо ѥму. аще ты миръ даси ѥму. но мы ѥму не дамы (Лавр. л., л. 128 об. — 129); Андрѣи же ре тако створи. ать ѧзъ почну днь свои (Ипат. л., л. 164 об.); оутрии же днь пригнаша. к Ростиславу ис Киева. и повѣдаша ему ѿца ти Вѧчеслава Бъ поꙗлъ. Ростиславъ. же ре а мы вчера ѣхали а ѡнъ добръ и здоровъ (Ипат. л., л. 170); ѡни же рекоша ему кнже ты самъ вѣдаеши что есмы издѣꙗли Кианомъ. а не можемъ ѣхати избьють ны (Ипат. л., л. 195 об.).

Необходимость включить приложение, определяющее действующее лицо, ведет к постановке местоимения и при отсутствии противопоставления субъектов, о чем, в частности, говорит весьма показательный пример из Ипатьевской летописи: и пришедши

[26] Если противопоставляются субъекты действия, на которые указывают глаголы-сказуемые в форме 1-го и 2-го лица (при глаголе-сказуемом в форме 3-го лица обязательно наличие подлежащего, если предложение не является неполным), личное местоимение, употребленное при одном из сказуемых, способствует более четкому выделению одного из субъектов действия, но тем самым становится более отчетливым и субъект другого действия.

поклонишасѧ Василью попови. и рекоша мы вса братьꙗ. і черноризци кланѧемсѧ тобѣ и хочемъ тѧ имѣти собѣ ѡца. и игоумена (Ипат. л., л. 220).

В следующих примерах нет противопоставления субъектов действия, нет и приложения к местоимению, способствующего его выделению в речи, тем не менее, как мы полагаем, постановка местоимения вызвана нарочитым подчеркиванием субъекта действия. В пользу такого вывода говорит сам текст, из которого видно, что требуется обратить особое внимание на субъект действия: Новгородьци же кнꙋзю рекоша. мы бе-своеꙗ брасѧ. бес пльсковиць не имаѥмъсѧ на ригоу а тобе сѧ кнꙋже кланѧѥмъ (1-я Новг. л., л. 105 об.); а волоса блоуткиницѧ на вѣчи оубиша. ре посадни ты ѥси мои дворъ хотелъ зажечи (1-я Новг. л., л. 110 об.)[27]; но оуже бѧше бию гнѣвоу не противитисѧ. ꙗко реⁿᵒ бы дрѣвлѣ. ісоу наоугиноу бмь. егда веде ꙗ на землю обѣтованоую тогда ре. азъ послю на нѧ преже васъ недооумение и грозоу. і страхъ и трепетъ (1-я Новг. л., л. 121 об. — 122); и ре Блудъ къ посломъ Володимеримь. азъ буду тобѣ в срце и въ приꙗзньствᵒ (Лавр. л., л. 24); Стополкъ же и Володимеръ рекоста к нему. да се ты ни на погануꙗ идеши. ни на свѣтъ к нама. то ты мыслїши на наю. и погаными помагати хочеши. а Бъ промежи нами будеть (Лавр. л., л. 76 об.); Изѧславъ же ре Вѧчеславу. ѧ есмь к тобѣ слалъ а Киевъ тобѣ даꙗ и то ти есмь ꙗвлялъ с тобою могу быти а с братомъ твоимъ Гюргемъ не оуправити ми. есть (Ипат. л., л. 145); Володимеру же брату своему Изѧславъ ре брате ты еси въ Оугрѣхъ былъ оу зѧтѧ. своего оу короля. ты вѣдаешь всю мысль и думу ихъ. а тобе брате и ны потрудити ѡпать моеꙗ дѣла чти и своеꙗ (Ипат. л., л. 148—148 об.)[28]; и поклонисѧ. ѡбразоу Бжию и кртоу чтномоу гла Ги срцевидие. аще спсеши мѧ влко ты недостоинаго (Ипат. л., л. 227).

В летописях встретились и примеры, когда личное местоимение стоит без логического на нем ударения: и рекъ к нему оныи что ты томоу велиши творити. меду мало варено а дроужины много (1-я Новг. л., л. 1); Въ то лѣ. изгони всеволодъ

[27] Этот пример Е. С. Истрина относит к числу случаев без логического ударения на личном местоимении (указ. соч., стр. 39).

[28] Ср. выше пример из Лаврентьевской летописи (л. 84 об., Поучение Владимира Мономаха), где местоимение *ты* тоже стоит после обращения, но при повелительном, а не при изъявительном наклонении, как в данном и в следующем примере из Ипатьевской летописи.

чьрмьныи. снъ стославль правнукъ олговъ. вноукы ꙗрославле. из роуси. та река. бра моꙗ ѥсте. .в. кназа повесили вы. въ галици. ꙗко злодѣꙗ. и положили ѥсте оукоръ на всѣхъ. и нѣтоу вамъ части въ роускои землї (1-я Новг. л., л. 78 об.) [29]; са творилъ что было надобѣ весь нарадъ и в дому своемъ то ꙗ творилъ е[с]мь. ї в ловчи ловчии нарадъ са есмь держалъ. и в конюсѣ и ѡ соколѣхъ и ѡ ꙗстребѣ тоже (Лавр. л., л. 83. Поучение Владимира Мономаха); и слышаша полочане и здумаша рекуще. не може мы стати противу Новгородце. и Смолнано. аще попустимъ ихъ в землю свою. аще и миръ створимъ с ними. а много ны зла створать (Лавр. л., л. 136 об.); и ту пригна к нему Стославъ Ѳлгови и нача молити ему хота оудержати и река ему ты хощеши прочь поити а мене ѡставивъ а сако еси волость мою погубилъ а жита еси ѡколо города потравилъ (Ипат. л., л. 165); на рѣцѣ Каꙗлы ре бо дѣи Игорь. поманоухъ азъ грѣхы своꙗ пре Гдмь Бмъ моимъ. ꙗко много оубииство кровопролие створихъ в землѣ крътꙗньстѣи. ꙗко же бо азъ не пощадѣхъ хртꙗнъ. но взахъ на щитъ городъ Глѣбовъ. оу Переꙗславла (Ипат. л., л. 224 об.). Итак, первые случаи с личным местоимением без логического на нем ударения находим уже в той части 1-й Новгородской летописи, которая написана во второй половине XIII в. (все примеры из 1-й Новгородской летописи), что полностью совпадает с данными грамот.

Единичность примеров без логического ударения на личном местоимении, господство случаев с постановкой одного местоимения при противопоставлении двух субъектов действия говорит о том, что для периода составления не только 1-й Новгородской и Лаврентьевской летописей, но также и Ипатьевской летописи употребление местоимения без логического на нем ударения не было характерным для древнерусской письменности.

С показаниями летописей совпадают и данные Слова о полку Игореве и Задонщины. В Слове о полку Игореве и Задонщине личное местоимение при формах повелительного наклонения отсутствует: сѣдлай, брате, свои бръзыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска на переди (Сл. о плк. Иг., с. 7—8); Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Русскую, за раны Игоревы буего Святъславлича (Сл. о плк. Иг., с. 33); взлелѣй господине мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано (Сл. о плк. Иг., с. 39); О жаворонокъ птица,

[29] В данном предложении глагол-сказуемое предшествует личному местоимению, логическое ударение — на глаголе-сказуемом. См. также ниже пример из Лаврентьевской летописи, л. 136 об.

красных дней утеха, возлети под синии небеса, посмотри к силному граду Москве, воспой славу великому князю Дмитрею Ивановичу и брату его князю Владимеру Ондреевичу (Сл. о Кулик. битве, с. 34); И рече князь Дмитрей Ивановичь: «Считайтеся, братия, колько у нас воевод нет, и колько молодых людей нет» (Сл. о Кулик. битве, с.41).

И Слово о полку Игореве, и Задонщина подтверждают положение, что в древнерусском литературном языке нормой было употребление форм изъявительного и сослагательного наклонения без личного местоимения при них: Хощю бо, рече, копïе приломити конець поля Половецкого съ вами Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону (Сл. о плк. Иг., с. 6); Галичкы Осмомыслѣ Ярославе высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ (Сл. о плк. Иг., с. 30); полечю, рече зегзицею по Дунаеви, омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру Князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ (Сл. о плк. Иг., с. 37—38); Прежде восписах жалость земли Руские и прочее, от кних приводя. Потом же списах жалость и похвалу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимеру Ондреевичу (Сл. о Кулик. битве, с. 33); Арькучи: «Можеш ли, господине князь великый, веслы Непра зоградити, а Дон шеломы вычерпати, а Мечю трупы татарскыми запрудити?» (Сл. о Кулик. битве, с. 39).

Немногочисленные случаи с личным местоимением объясняются или необходимостью противопоставить субъекты действия в сложном предложении, или нарочитым подчеркиванием субъекта действия (при отсутствии противопоставления): О бояне, соловïю стараго времени! абы ты сïа плъкы ущекоталъ (Сл. о плк. Иг., сп. XVI в); А мы уже дружина жадни веселïя. (Сл. о плк. Иг.); Великый Княже Всеволоде! не мыслю ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы Чага по ногатѣ, а Кощей по резанѣ. Ты бо можеши посуху живыми шереширы стрѣляти удалыми сыны Глѣбовы (Сл. о плк. Иг., с. 28—29); Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю (Сл. о плк. Иг., с. 35); о Днепре словутцю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую! Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до плъку Кобякова (Сл. о плк. Иг., с. 38—39); И мы, господине, пойдемъ за быструю реку Донъ, укупимъ диво, старымъ повесть, а младымъ память, а храбрых своих испытаем за землю Рускую и за веру крестьяньскую (Сл. о Кулик. битве, с. 35); Микулина жена Васильевича Марья Дмитриева рано плакашеся у Москвы брега на забралах аркучи: «Доне, Доне, быстроя река, ты пробил еси горы каменныя, течеши в землю половецкую, прилилей моего государя къ мне Микулу Васильевича» (Сл. о Кулик. битве, с. 38); А казнилъ богъ Рускую землю за съгрешение. И ты пришелъ

царь Мамай на Рускую землю съ многими, съ девятю ордами, съ 70 князьми (Сл. о Кулик. битве, с. 40).

Отметим, что в большинстве случаев при местоимении стоит усилительное *бо*, *и*, противительное *а*.

В Волоколамском списке XVI в. «Повести о разорении Рязани Батыем» (в 1237 г.), возникшей не позднее середины XIV в., также нет случаев употребления личного местоимения при повелительном наклонении. Последовательно употребляются определенно-личные предложения: Царь Батый лукав есть и немилостив в неверии своем, пореваем в похоти плоти своея, и рече князю Федору Юрьевичю: Дай мне, княже, видети жены твоей красоту» (Пов. о раз. Ряз., с. 10); Да не подиви, царю, не успевати наливати чаш на великую силу—рать татарьскую (Пов. о раз. Ряз., с. 14); О, земля, о земля, о дубравы, поплачите со мною! (Пов. о раз. Ряз., с. 16) и др.

Следует, однако, отметить, что отсутствие личного местоимения в «Повести о разорении Рязани Батыем» в известной степени объясняется тем, что повелительное наклонение употреблено в контексте, где нет противопоставления действующих лиц.

В «Повести о разорении Рязани Батыем» нормой является употребление определенно-личных предложений и в тех случаях, когда сказуемое выражено формой изъявительного или сослагательного наклонения глагола: Благовѣрный же князь Федор Юрьевич Резанской посмеяся, и рече царю: «Не полезно бо есть нам християном тобе, нечестивому царю, водити жены своя на блуд. Аще нас преодолееши, то и женами нашими владети начнеши» (Пов. о раз. Ряз., с. 10); И рече братии своей: «О господия и милая братия моя, аще от руки господня благая прияхом, то злая ли не терпим?» (Пов. о раз. Ряз., с. 11); Аще бы у меня такий служил, — держал бых его против сердца своего (Пов. о раз. Ряз., с. 14); како нареку день той, или како возпишу его, в он же погибе толико господарей и многие узорочье резанское храбрых удалцев (Пов. о раз. Ряз., с. 16); Аще услышит бог молитву вашу, то помолитеся о мне, о брате вашем, да вкупе умру с вами (Пов. о раз. Ряз., с. 16).

Пример на стр. 14 и последний пример свидетельствуют о том, что и при противопоставлении действующих лиц могло отсутствовать личное местоимение.

Постановка личного местоимения вызвана наличием особого ударения (первый пример из приведенных ниже, в котором при личном местоимении стоит приложение, и четвертый пример), необходимостью противопоставить действующие лица (остальные два примера): Се бо я, брат ваш, наперед вас изопью чашу смертную за святыя божия церкови, и за веру христьянскую, и за отчину отца нашего великаго князя Ингоря Святославича (Пов. о раз. Ряз., с. 11); И виде князь великий убиение брата своего князя Давида Ингоревича и воскричаша «О братие моя милая!

Князь Давид, брат наш, наперед нас чашу испил, а мы ли сея чаши не пьем!» (Пов. о раз. Ряз., с. 11); Они же рекоша царю: «Мы со многими цари во многих землях, на многих бранех бывали, а таких удальцов и резвецов не видали, ни отци наши возвестиша нам» (Пов. о раз. Ряз., с. 14); Слезы же его от очию, яко поток, течаше и жалосно вещающи: «О милая моя братья и господие! Како успе животе мои драгии? Меня единаго оставиша в толице погибели. Про что аз преже вас не умрох?» (Пов. о раз. Ряз., с. 16. См. сходный случай на той же странице).

В древнейших памятниках деловой письменности тоже последовательно употребляются определенно-личные предложения с формой повелительного наклонения глагола, причем особенно последовательно в официальных документах, а не в частной переписке, широко представленной новгородскими берестяными грамотами: боудеть ли боле коунъ. то рчи ѥмоу тако. промиловалъ ѥси. оже ѥси не ставилъ послоуховъ (Рус. Пр. 1282 г., л. 620 об. б); аще познаеть кто, не емлеть его, то не рци емоу: мое, нъ рци емоу тако: поиди на сводъ, гдѣ еси взалъ (Рус. Пр. по Акад. сп. XV в., л. 50); что имъ посоулишь. то даи. а болѣ не даи (Смол. гр. 1229 г., сп. А. Сум. и Лоп., с. 24. См. также сп. В, С.); гость ко мнѣ поущаите а поуть имъ чистъ (Гр. Смол. кн. Александра около 1300 г., Сум. и Лоп., с. 67); да пришли. сороцицю. сороцицѣ забыле (Новг. берест. гр. XIV в., Арц., № 43); и ѿвѣцаи ѥму. такъ (Новг. берест. гр. второй половины XIII в., Арц. и Борк., № 142); даи ключи ѳоми (Новг. берест. гр. первой половины XIV в., Арц. и Борк., № 177); поиди же в горо[дъ] (Новг. берест. гр. второй половины XII в. или рубежа XII—XIII вв., Арц. и Борк., № 238); посъли же добръмъ (Новг. берест. гр. XI в., Арц. и Борк., № 246); поими. моѥго цалца. корми ѥже дн̄ь. овсъмъ (Новг. берест. гр. второй половины XIV в., Арц. и Борк., № 266); да пришли ми ктениа доброго. (Новг. берест гр. второй половины XIV в., Арц. и Борк., № 271); а нынѣ покаитеса того безакониа (Новг. берест. гр. середины XIV в., Арц. и Борк., № 317).

Мы привели выше большое число примеров из берестяных грамот, при этом и сравнительно позднего времени — XIV в., считая данные этих грамот весьма показательными для истории простого предложения.

Отметим, что среди случаев с повелительным наклонением без местоимения при нем имеется сложное (бессоюзное) предложение, во второй части которого форма сложного прошедшего времени тоже без местоимения при ней, хотя отсутствует вспомогательный глагол.

Имеем в виду пример из Новгородской берестяной грамоты № 43, в котором только на основании предыдущего контекста можем определить, что *забыле* указывает на 1-е лицо ед. ч.

Постановка местоимения вызвана, как правило, стремлением четко противопоставить различные лица (в составе одного сложного предложения или в двух предложениях, следующих одно за другим), выделить лицо, к которому обращаются с речью (слова-обращения являются приложением к местоимению). Для усиления логического ударения при местоимении может быть поставлено усилительное *и*, которое выполняет также и функцию присоединения данной части предложения к другой. Союз *а* является или начинательным союзом (в начале нового предложения), или противительным, следовательно, и подчеркивающим лицо при противопоставлении субъектов действия (в составе одного предложения).

В следующих примерах местоимение поставлено в зависимости от тех или иных условий, указанных выше: Аще кто челѧдинъ поати хощеть, познавъ свои, то къ ономоу вести, оу кого то боудеть коупилъ, а тои сѧ ведеть ко дроугомоу, даже доидеть до третьего, то рци третьемоу: вдаи ты мнѣ свои челѧдинъ, а ты своего скота ищи при видоцѣ (Рус. Пр. по Акад сп. XV в., л. 50 об.); и ты игумене исаиѥ и вы братиѥ. донѥлѣ же сѧ миръ състоить. молите ба за мѧ и за моѣ дѣти (Мстиславова гр. около 1130 г., Срезн. Др. пам. Приложение); или кто почнеть сѧ запирати того. тъ станеть. со мною. передъ бмь. а ты варламе исправи (Духовное завещание новгородца Климента до 1270 г., Сахаров. Обр. др. пис., табл. III); і ѡнъ прислалъ къ федосьі вари ты пивъ (Новг. берест. гр. XIV в., Арц. и Тих., № 3); и чето. ѡмьшѣ пришлю. и вы имъ кѣне мъи голубыи даите съ людми дате (Новг. берест. гр. второй половины XIII в., Арц. и Борк., № 142); а не възме и вы. во стадъ пустите педъ (передъ) людми. (Новг. берест. гр. второй половины XIII в., Арц. и Борк., № 142); а ты продае коне колико ти водадѧ (Новг. берест. гр. середины XII в., Арц. и Борк., № 163); дать мелеѧноу. и. д. еже накладо и вещи а ты старосто сбери (Новг. берест. гр. второй половины XIV в., Арц. и Борк., № 253); А ты ходи не боисѧ миро взалѣ на старои межѣ юриа кнѧза (Новг. берест. гр. первой половины или середины XIV в., Арц. и Борк., № 286); приказываю дѣти свои своеи кнѧгинѣ. а вы дѣти. мои жывите за оди а мтри своее слушаите во все. (Дух. гр. 2-я кн. Дм. Ив. 1389 г., Рук. ЦГАДА).

Относительно единственного примера с местоимением в краткой редакции Русской правды по Академическому списку XV в. С. П. Обнорский отмечает, что использование местоимения *ты* вызвано условиями стилистического подчеркивания местоименной формы в данном контексте [30].

[30] С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946, стр. 26.

Для подчеркивания лица, как мы полагаем, было бы достаточно, согласно нормам древнерусского языка, постановки местоимения лишь при первой форме повелительного наклонения (вдаи), а не при двух (вдаи, ищи).

Очевидно, в данной фразе первоначальный текст подвергся изменениям. Эти изменения привели к выдвижению на первый план повелительной формы того глагола, который несет наибольшую смысловую нагрузку (вдаи), и подчеркиванию личного местоимения при глаголе, который не несет такой же нагрузки (ищи).

В числе приведенных выше примеров — примеры с союзом *а*, начинающим новое предложение. Если в данном предложении имеется противопоставление субъектов действия или субъект действия противопоставляется названному ранее, не возникает сомнений, что местоимение является носителем логического ударения. Однако примеры из берестяных грамот XIV в. № 253 и 286, особенно из последней грамоты, казалось бы, допускают различное толкование и потому требуют разъяснений. Мы считаем, что местоимение *ты* в них выделено. В грамоте № 253 в предшествующем тексте, не приведенном нами, имеются лишь следующие слова: ѿ *маскима* (максима) *ко десѧцѧнамо.*

Таким образом, инфинитив *дать* относится ко многим лицам, а *ты* указывает на единичного исполнителя действия, следовательно, субъекты действия различные.

В грамоте № 286 предшествующий словам *а ты ходи. . .* текст, если восстановить буквы в оторванном куске бересты, имеет следующий вид: ѿ григориі ко дмитроу. м[ы здо]ровѣ. Автор грамоты счел необходимым сделать резкий переход, обратившись к адресату сразу же после этого краткого замечания о себе, и подчеркнул этот переход употреблением местоимения *ты* в сочетании с начинательным и в какой-то мере противительным *а*.

Но в той же грамоте находим и случай, когда местоимение могло бы и отсутствовать, несмотря на противопоставление субъектов действия, так как при форме изъявительного наклонения того же лица (уцюеши) оно не стоит: а уцюеши а не поіду к но. . . ты тогодъ иди.

Поскольку мы особое внимание уделили берестяным грамотам [31], вновь подчеркнем медленный рост в них случаев с местоимением при формах повелительного наклонения. И на рубеже XIV—XV вв. и в XV в. нормой является определенно-личное предложение: а нонеце осподин пецалесь дѣтьмѣ моими (Новг. берест. гр. XV в., Арц. и Борк., № 135); Купите маслица древѧного да пришлите симъ (Новг. берест. гр. рубежа XIV—XV вв., Арц. и Борк., № 173).

---

[31] Об определенно-личных предложениях в грамотах на пергамене см. в работе: В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение), стр. 90—106.

И в этот период местоимение является носителем логического ударения: а не угодице с кымъ прислать и ты у себѧ избѣли (Новг. берест. гр. XV в., Арц., № 21); ухо к тобѣ с васильемъ со желутковымъ и ты ухо положи на суде а на мене се шли на томъ... (Новг. берест. гр. XV в., Арц., № 25); А куны ѣзъ дала. двду. прибышѣ. и ты чадо. издѣи при собѣ. да привези. сѣмо (Новг. берест. гр. рубежа XIV—XV вв., Арц. и Борк., № 125); и ты ѡспдне. прикажи всѧкоѥ слово (Новг. берест. гр. XV в., Арц. и Борк., № 243).

При формах 1-го и 2-го лица изъявительного и сослагательного наклонений в памятниках деловой письменности личное местоимение обычно не употребляется, таким образом и здесь господствуют определенно-личные предложения: а ѡномоу коуны имати. ротѣ ходивше. ѣко не вѣдаѧ ѥсмь коупилъ (Рус. Пр. 1282 г., л. 627 б); аж бы нальзлъ правдоу. то напсати, како то держати роуси. съ латинескымь ѣзыкомѣ. и латинескому ѣзыкоу съ роусию то дѣржати. Аж быхъмъ что тако оучинили (Смол. гр. 1229 г., сп. А. Сум. и Лоп., с. 21. См. также сп. В, С); на то. на всѣмь. цѣловалъ ѥсмь. крт к бра. къ своѥму. к мѣстерю. а они цѣловали. ко мнѣ. кртъ. мѣстеревою дшею и пкуклею. (Дог. гр. Смол. кн. Ив. Алексан. с Ригой первой половины XIV в., Сум. и Лоп., с. 70); а то есмь оучинилъ и записалъ своею доброю волею. што ми то сдержати крѣпко и до своего живота (Гр. Смол. кн. Юрия Святосл. 1386 г., Сум. и Лоп., с. 72—73); какъ се гдо мною попецалуѥте и моими дѣтми (Новг. берест. гр. второй половины XIV в., Арц., № 49); покосиле есмь пожню и ѡзерици оу мене сѣно ѡѧли (Новг. берест. гр. XIV в., Арц., № 53); коупилъ еси: робоу: плѣскове (Новг. берест. гр. XII в., Арц. и Борк., № 109); вьдале есмь гюрьгевицоу без девати коунъ: в: гривьнѣ (Новг. берест. гр. рубежа XI—XII вв., Арц. и Борк., № 119); какъ ѥси дъкънчалъ марке съ мнъю. (Новг. берест. гр. второй половины XIII в., Арц. и Борк., № 142); а тѵ приказахо нездыле же (Новг. берест. гр. середины или второй половины XIII в., Арц. и Борк., № 220); а не прислещи ми полоупаты гривьны а хоцоу ти выроути въ тѧ лоуцьшаго новъгорожанина (Новг. берест. гр. XI в., Арц. и Борк., № 246); тобѣ тако же брату моѥму молодшему грамоты отоимати кому будешь подава в моѥмь кн[аж]еньи (Дог. гр. Дм. Дон. с кн. Вл. Андр. после 1362 г., Собол. и Пташ., № 51); а искати ны ржевы. а тобѣ с нами. одиного. а наидемъ ржеву и ржева тобѣ. а волости наши намъ (Докончальная гр. кн. Вас. Дм. с кн. Серпуховским 1390 г., Рук. ЦГАДА).

В целом ряде примеров (из Дог. гр. Смол. кн. Ив. Алексан. с Ригой, из новгородских берестяных грамот № 53, № 246) имеется

противопоставление субъектов, тем не менее личное местоимение не включено в текст.

Употребление местоимения в древнейших памятниках деловой письменности всегда вызвано требованиями стиля, о которых мы говорили выше. В духовных, вкладных грамотах, в договорных грамотах особенно часто встречаем стоящее в начале *се азъ* (ѩзъ, я), после которого следует приложение. Это стало стереотипной формулой. Приведем ряд примеров с личным местоимением, особое внимание уделив новгородским берестяным грамотам: а река тако по сего речи ѥмлю тѧ. нъ азъ ѥмлю тѧ а не холопъ. и ѥмете и на желѣзо (Рус. Пр. 1282 г., л. 625—625 об. а); а се ѩ всеволодъ далъ ѥсмь блюдо серебрьно. в. л. грвнъ серебра. стмоу же геѡргиевн (Мстиславова гр. около 1130 г., Срезн. Др. пам. Приложение); Въ имѧ ѡца и сна и стго дха. Се азъ рабъ бжии. Климѧнтъ (даю) роукописанье стмоу. гергью. и игоуменоу. варламоу и всеи братьѣ. (Духовное завещание новгородца Климента до 1270 г. Сахаров., Обр. др. пис., табл. III); Се азъ кнѧзь смоленьскии. ѡлександъръ. докончалъ есмь. с немьци по давному докончанью. како то докончали ѡтци наши дѣди наши (Готландская редакция Смоленской гр. 1229 г., сп. В. Сум. и Лоп., с. 25); што боудеть намь рѣчь съ пискоуномь или съ мастеромь. то ведаемъ сѧ мы сами (Гр. Смол. кн. Фед. Рост. о торговле 1284 г., Сум. и Лоп., с. 66); или не выдадите нездильца пороучникоу. то мы исправимъ въ Пльскове. на вашеи братии. а вамъ повѣдаѥмъ (Гр. псковского посадника Сидора в Ригу начала XIV в., Собол. и Пташ., № 45); прислав онаныѩ мол[вилъ]... ѩзъ ѥму ѡвѣчалъ не реклъ ми есифъ варити перевары ни на кого (Новг. берест. гр. XIV в., Арц. и Тих., № 3); а се ти хочоу: коне коупивъ: и кънѧжъ моужъ въсадивъ: та на съводы: а ты атче еси не възалъ коунъ: техъ: а не емли: ничъто же оу него: (Новг. берест. гр. XII в., Арц. и Борк., № 109); се азо рабо бжи селивьстро. напсахъ роукописание (Новг. берест. гр. второй половины XIII в., Арц. и Борк., № 138); пусти на немъ тѧжѧ а не на мнѣ. а азо сѧ саме с нимо ѳведаю (Новг. берест. гр. второй половины XIII в., Арц. и Борк., № 142); се да ѧ иеве. серебро. матѳею (Новг. берест. гр. конца XIII в., Арц. и Борк., № 197); ожь ли право запираютьса ѧ даю кнѧжю дьньскамоу гривноу сьрьвра (сьрьбра). едоу с нимо. (Новг. берест. гр. рубежа XII—XIII вв., Арц. и Борк., № 222); въ другы рѧдъ рать ударила подо копорию. а ѧ безъ другого конѧ животъ пометаль, а иное розронѧль (Новг. берест. гр. середины или второй половины XIV в., Арц. и Борк. № 273); уцини ми добро а азъ тобѣ много клонѧсѧ брату своѥму а да купи ми... (Новг. берест. гр. второй половины XIV в., Арц. и Борк., № 283).

В ряде примеров, относящихся к XIII—XIV вв., местоимение не является носителем логического ударения (а азо в примерах

из берестяных грамот начинает самостоятельное предложение): што боудеть намъ речь съ пискоупомь. или съ мастеромь. то ведаемъ сѧ мы сами (Смол. гр. кн. Фед. Ростисл. 1284 г., Сум. и Лоп., с. 66); ѣще сигово нету по цта тобь буде гъже а ѧзо тобе кланѧюсѧ (Новг. берест. гр. рубежа XII—XIII вв., Арц. и Борк., № 147); возми. оу данилки оу бѣшкова а да. и смьну флареву а ѧзо тобѣ сѧ кланѧю (Новг. берест. гр. середины XIV в., Арц. и Борк., № 186)[32].

Бесспорно, нет логического ударения на местоимении в примере из новгородской берестяной грамоты XV в.: поклоно ѿ фалеѧ ко ѥсифу послал. ѧзо к тоби берость (Новг. берест. гр. XV в., Арц., № 27).

Однако, как свидетельствуют те же берестяные грамоты, в XV в. еще устойчивыми были старые нормы — не употреблять личного местоимения при формах изъявительного и сослагательного наклонения, если это не вызывалось особыми причинами: а. рожь. осподине. велишь мне молотитѣ [ка]къ. укажешь (Новг. берест. гр. первой половины XV ., Арц и Борк., № 242); како осподи. попечалуѥшь о м... голови. чтобы сѧ на менѧ. не родила. грамота. бесуднаѧ (Новг. берест. гр. первой половины XV в., Арц. и Борк., № 310); на. де. ѥсмѧ ѡсподине на бога. и на тебѧ на сво.ѥго ѡсподна (Новг. берест. гр. первой половины XV в., Арц. и Борк., № 310).

В следующих примерах стоит *мы*, так как противопоставляются субъекты действия: пришли осподине цлвкъ спроста. а мы не смиѥмъ імать ржи без твоѥго слова (Новг. берест. гр. конца XIV—XV вв., Арц., № 17); што ѥси ѡдода деревенеку климецу ѡпарину а мы ѥго не хътимо не суѣднеи человѣко волено бъ деіты (Новг. берест. гр. рубежа XIV—XV вв., Арц. и Борк., № 311).

II. Определенно-личные и двусоставные предложения в старорусских памятниках

Рассмотрим показания более поздних памятников, остановившись вначале на старорусских грамотах XV—XVII вв., поскольку мы выше уже затронули вопрос о грамотах XV в. (на бересте).

Необходимо отметить, что не наблюдается роста случаев с личным местоимением при формах повелительного наклонения, поскольку такое употребление и не стало в дальнейшем нормой, что в течение XV—XVII вв. не происходит значительного увели-

---

[32] Ср. в грамоте XV в.: а тоби своѥму осподиню цоломи бию (Новг. берест. гр. XV в., Арц. и Борк., № 301). Однако в другой грамоте того же периода: а ѧзъ торбѣ (тобѣ) своѥму гну цоломъ бѣю (Новг. берест. гр. XV в., Арц. и Борк., № 243).

чения числа примеров с личным местоимением, для которого нет стилистических обоснований, при формах изъявительного и сослагательного наклонения. Даже в грамотах XVII в. определенно-личные предложения с изъявительным и сослагательным наклонением не вытеснены двусоставными предложениями, хотя благодаря трафаретному началу *се язъ* в договорных, духовных и жалованных грамотах общее число случаев с личным местоимением весьма значительно. Этому увеличению числа случаев с местоимением способствует и трафаретное словосочетание *се язъ кнѧзь великии* (позже: се мы кнѧзь великии) на протяжении всего текста княжеских грамот.

О широком употреблении определенно-личных предложений говорят, в частности, многочисленные случаи, когда местоимение не включено при противопоставлении субъектов действия [33]: а хтъ се мое рукописанье преступи. сужуса. с нимъ. предъ бгмъ. в день страшнаго. суда (Двин. гр. XV в., Шахм. Исслед., № 8. См. также № 12, 13, 50, 70, 76, 106); а также, сынове, благословляю васъ всѣхъ посполно, чтобы тотъ нашь намѣстникъ въ доходѣхъ и пошлинахъ церковныхъ и селехъ ни от кого не обиженъ былъ ничѣмъ (Моск. гр. XV в., АЮБ, т. 2, № 167); да сына же своего Ивана благословляю своим царством Руским, чем мя благословил отец мои, князь Василей, и что мне бог дал (Моск. гр. 1572 г., Дух. дог. гр., № 104); да ему жь даю город Романов на реке на Волге, а держи его, сын мой Иван, за нагайскими мурзами по тому, как было при мне. (Моск. гр. 1572 г., Дух. дог. гр., № 104) [34]; Послали есмя к вамъ въ моностырь, подъ начало, Нагово Петра, а велѣли есмя вамъ приставити къ нему три или четыре старцы добрыхъ да дву слугъ, и велѣли его беречи, чтобъ не утекъ (Моск. гр. 1589 г., АИ, т. I, № 225); Въ прошломъ во 140 году писалъ еси къ намъ, что извѣщалъ намъ Лялскіе волости крестьянинъ Ивашко Киселевъ (Моск. гр. 1632 г., АЮБ, т. I, № 55, VII); А прочеть сю нашу грамоту отдали бы есте земскому старостѣ Ивану Лисину и онъ ее держитъ въ земской избѣ впредь для спору (Сузд. гр. 1646 г., АЮБ, т. I, № 55, VIII).

Последовательно, за редкими исключениями, употребляются определенно-личные предложения тогда, когда субъект действия в другой части предложения выражен словом в дат. п., зависящим от инфинитива. Сказуемые резко отличаются по форме, при одном из них — инфинитиве — названо действующее лицо, нет необходимости поэтому подчеркивать путем постановки личного местоимения другое действующее лицо: А гдѣ мене пошлешь[ь], и мнѣ поитьти без послушанїа (Моск. гр. 1436 г. Дух. дог. гр., № 35а);

[33] Среди определенно-личных предложений, когда нет противопоставления субъектов действия, большое место занимают предложения с глаголом-сказуемым *даю* в духовных грамотах.

[34] Личное местоимение отсутствует и при форме повелительного наклонения.

А гдѣ тобѧ пошлю, и тобѣ поити без ослушан[ь]ꙗ (Моск. гр. 1436 г., Дух. дог. гр., № 35б); и что есмь собѣ примыслил, или что собѣ примыслим, и тобѣ тог[о] всег[о] под мною, подъ великим кн[ѧ]зем и под моим с[ы]н[о]мъ, под великим кн[ѧ]зем, и под моими дѣтми, которых мнѣ дастъ б[о]гъ, блюсти, и не ѡбидети, ни въстѹпатисѧ (Моск. гр. 1473 г., Дух. дог. гр., № 70а); А гдѣ, г[о]с[поди]не, пошьлеш[ь] своих воевод, и мнѣ, г[о]с[поди]не, с твоими воеводам[и] послати своих воевод своими людми (Колом. гр. 1447 г., Дух. дог. гр., № 48); А пошле[м] свои[х] воевѡ[д], и тобѣ съ н[а]шими воеводами послати свое[г][о] воеводѹ съ своими лю[д]ми (Моск. гр. 1504 г., Дух. дог. гр., № 90, IIа); А не учнете къ старцу и къ старицѣ береженья держати, и тына около дѣвича монастыря поставить не велите, а старецъ будетъ Петр изъ монастыря утечетъ, и вамъ отъ насъ быти въ опалѣ (Моск. гр. 1589 г., АИ, т. I, № 225); а толко впередъ такъ станешъ плутать, и тебѣ отъ насъ быть в опалѣ (Моск. гр. 1630 г., АИ, т. III, № 163).

В последних двух примерах субъекты действия не противопоставляются: *вамъ*, *тебѣ* — те же лица, на которые указывают глагольные формы *не учнете держати*, *поставить не велите*, *станешъ плутать*. Мы привели их здесь не только потому, что они сходны по структуре с предыдущими примерами, но и потому, что во второй части предложения *вамъ* и *тебѣ* обозначают не исполнителей действия, а лиц, подвергающихся действию другого лица — *отъ насъ*.

В грамотах находим и случаи, когда личное местоимение не имеет на себе логического ударения, субъекты действия не противопоставляются.

В первую очередь отметим примеры, однотипные по структуре с предыдущими, но в которых действующее лицо в первой и во второй части одно и то же.

Таким образом, в этих примерах меньше оснований, чем в перечисленных ранее без личного местоимения, для постановки местоимения: А с кѣ[м] буде[ш](ь) ты в целованіе, и тобѣ томѹ целованіе сложыти (Моск. гр. 1504 г., Дух. дог. гр., № 90, IIа. См. также Моск. гр. 1531 г., Дух. дог. гр., № 101а); А коли мы в выходы в орди[н]скіе и в татарскіе проторы не дади[м], и намъ и ѹ тобѧ не взѧти. (Моск. гр. 1504 г., Дух. дог. гр., № 90, IIа. См.. также Моск. гр. 1531 г., Дух. дог. гр., № 101а).

Следует подчеркнуть, что в приведенных примерах местоимение стоит при глагольных формах, указывающих личным окончанием на то или иное лицо (второе — в первом примере, первое — во втором), а не при формах сложного прошедшего времени, когда местоимение восполняет отсутствие вспомогательного глагола.

Особый интерес представляет пример (первый) с постпозицией местоимения, включенного в текст между глаголом и управляемым

этим глаголом словом. Нам представляется, что удельный вес этого местоимения в структуре предложения незначителен.

Отметим еще несколько примеров с двусоставным предложением на месте ожидаемого, с точки зрения норм древнерусского языка, односоставного предложения: И Петръ учалъ проводникомъ говорыти: «у меня есть грамота Великого Князя, что мнѣ ѣхати къ Пречистой въ Печеры, а къ Пскову отселя язъ не ѣду; а изо Пскова язъ опять къ Пречистой не съѣзжу» (Отрывок розыскного дела., АИ, т. I, № 140); а Ондрей Лаптевъ говорилъ: «язъ къ Москвѣ не ѣду, блюдуся отъ Государя казни» (Отрывок розыскного дела. АИ, т. I, № 140); Маія въ 30 денъ пришли мы, со всѣми ратными людми на Енатаевъ островъ, и идемъ въ Астороханъ тотчасъ (Рус. гр. 1614 г., АИ, т. III, № 281); А что пишешь, что будтось ты хотѣлъ, по моему писму, Микифорка Пушкинова, которой недавнѣ переѣхал въ Вязму, повѣсить за воровство, что онъ покралъ у Пушкиныхъ крестьянъ лошади, и будтось Пушкины крестьяне того не похотѣли, а съ нимъ помирились (Вязем., гр. 1624 г., АИ, т. III, № 131); и намъ порутчикамъ того Аргунейка сыскать: а въ томъ мы порутчились, поручную запись на себя дали (Ленск. гр. 1642 г., АЮБ, т. II, № 257, I).

Как судебники XVI в., так и два других памятника того же периода — Домострой и Стоглав последовательно употребляют определенно-личные предложения не только в случаях с повелительным, но также и с изъявительным и сослагательным наклонением глагола. Употребление личного местоимения, как правило, вызвано определенными стилистическими причинами, как видим, в частности, из следующих примеров: а пошлешь кѹды слѹшкѹ или сна, и што накаже̑ говорити или што здѣлати или што кѹпить и ты вороти да спроси емѹ што ты емѹ наказалъ что емѹ говорить̑ или что емѹ здѣла̑, или что емѹ кѹпити (Домострой, с. 33)[35]; аще людемъ твоимъ лѹчитца с кѣмъ брань гдѣ ни бѹдь и ты на своихъ брани, а крѹчиновато дѣло и ты и оударь хоти и твои правъ (Домострой, с. 68); не полюби̑ хто моего товарѹ и азъ назадъ возмѹ а денги ѿдам' (Домострой, с. 68); церковь Божія устроена на молитву приходити и на оставленіе грѣховъ. Бога молити со страхомъ. Мы же паче на гнѣвъ Бога подвизаемъ (Стоглав, с. 51).

Но даже и при противопоставлении субъектов встречаем случаи без личного местоимения (ср. с приведенными выше примерами где при тех же условиях местоимение включено в текст): и скажу[т] про ни[х] миромъ, что оне нѣ лгали, а на того члка не нарядомъ говорили, а сами оне люди добрые не [л]живые, и дело ве[р]ши по суду (Суд. Фед. Ив., 1589 г., с. 31—32); А хто на

[35] Постановка *ты* при глаголе *наказалъ* не вызвана стилистическими причинами.

моше[н]нике или на ома[н]щике взыще[т] то[г][о], что е[г](о) оману[л], и хоти его трою дне[м] изымаешъ и доведе[ш] на него, ино его би[ти] кнутомъ (Суд. Фед. Ив. 1589 г., с. 32); «Молю васъ святѣишіи отцы мои. аще обрѣтохъ благодать предъ вами. утвердите въ мя любовь. яко и в приснаго вамъ сына» (Стоглав, с. 24); и всѣ тѣ роботые наши свободны, и добрыми домами живѹтъ, ꙗко же видиши и молѧ т за ны бг̅а, и доброхотаю т намъ всегда (Домострой, с. 66); еще сїѧ ѳториши то везде тебѣ ждѹтъ и стречаютъ, а в пѹть провожаютъ (Домострой, с. 67).

Выше мы отметили пример (Домострой, с. 33), где при повелительном наклонении постановка личного местоимения вызвана стилистическими причинами, а при изъявительном не может быть объяснена необходимостью противопоставить субъекты действия, стремлением выделить в речи субъект действия.

Нельзя обосновать стилистическими причинами наличие местоимения в следующих примерах с прямой речью: егда званъ бѹдеши, кимъ на бракъ не сѣди на преднемъ мѣсте егда кто честнѣе тебѣ бѹдетъ званны х имъ и пришедъ иже тебѣ звавыи ѡного речетъ ты даждь семѹ мѣсто, и тогда начнеши со стѹдомъ посльѣднее мѣсто держати (Домострой, с. 9); і спроса т ѡ чемъ про кого иногды і оучнѹтъ питати ино ѿвещати не вѣдаю азъ ничего того и не слыхалъ и не знаю (Домострой, с. 32).

Выше мы говорили о частной переписке XV в. — о берестяных грамотах этого периода.

Письма царя Ивана IV и князя Курбского дают нам представление об эпистолярном стиле XVI в. В отличие от грамот на бересте, написанных простыми людьми на темы повседневной жизни, без стремления показать свою начитанность, убедить противника цитатой из священных книг, письма царя Ивана IV и князя Курбского, при своеобразии художественной манеры каждого из них, — это литературные произведения с присущими им особенностями.

И тем не менее в отношении употребления определенно-личных предложений мы можем найти черты сходства между частной перепиской XV в. и письмами Ивана IV и князя Курбского.

Как в письмах Ивана IV, так и в письмах Курбского тоже полное господство определенно-личных предложений над двусоставными с личным местоимением. В рассмотренных нами письмах Курбского к царю Ивану IV и другим лицам около 300 определенно-личных предложений с изъявительным и сослагательным наклонением глагола (из них примерно седьмая часть при противопоставлении различных субъектов действия).

Синонимичных двусоставных предложений около 60-ти. Нет необходимости выделять цитаты из священных книг, поскольку

и в этих цитатах мы встречаем как определенно-личные, так и двусоставные предложения.

Примеры, где местоимение при повелительном наклонении, единичны.

Отметим несколько случаев без постановки личного местоимения при противопоставлении различных субъектов действия (как с изъявительным, так и с повелительным наклонением): Или речеши ми, яко святительская поучения тако примаху? (Письма Ив. IV, л. 53); Видиши ли, яко многожды и не хощу, случаются по нужди законопреступнымъ наказаніе. (Письма Ив. IV, л. 716 об.); И уже не разумѣю, ни чего у насъ хощеши. (Письма Курб., с. 114); А еже пишеши, аки бы тебѣ не покорихся и землею твоею хотелъ владѣти, измѣнникомъ и изгнанцомъ нарицающе мене, — сіе отвѣщаніе оставляю, явственно ради отъ тебѣ навѣту, или потвору (Письма Курб., с. 136); А того дѣля господине, прошу тя, даи ми покои съ тѣми новыми толкованіи (Письма Курб., с. 439).

Включение личного местоимения, как правило, вызвано стилистическими причинами — необходимостью противопоставить субъекты действия, включить в текст приложение (иногда — с уничижительной оценкой) и т. д.: Ты же, тѣла ради, душу погубилъ еси, и славы ради мимотекущія, нелѣпотную славу пріобрѣлъ еси, и не на человѣка возъярився, но на Бога восталъ еси (Письма Ив. IV, л. 126); И мы того не запираемся, что ты у нас в приближенье был. И мы для приближенья твоего тысячи две рублев дадим, а доселева такие по пятидесят рублев бывали (Письмо Ив. IV Василию Грязному-Ильину. С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка, ч. I. М., 1952, стр. 252); а къ тому да не зѣло приражуся кусательными словесы ко твоеи царской высотѣ азъ, убогій, яко могучи вмещая, да укроюся отъ свару (Письма Курб., с. 129—130); А еже пишеши, аки бы царицу твою счаровано и тебя с нею разлучено отъ тѣхъ предреченныхъ мужей и отъ меня, — азъ ти за оныхъ святыхъ не отвещаю, бо вещи вопіютъ, трубы явленнѣиши гласъ испущающе, о святынѣ ихъ и добродѣтели (Письма Курб., с. 132); Но о себе язъ, бѣднои и окаяннои, мало вамъ воспомяну (Письма Курб., с. 408); Аще и бритосны строки сія явятся, и ты раздери и огню предаи ихъ (Письма Курб., с. 408).

Примеры, где постановка личного местоимения не вызвана стилистическими причинами, встречаются редко. Отметим некоторые из них: Что писал еси, что по грехом взяли тебя в полон — ино было, Васюшка, без путя середи крымских улусов не заезжати; а уж заехано — ино было не по об'езному спати: ты чаял, что в об'езд приехал с собаками за зайцы — ажно крымцы самого тебя в торок ввязали. Али ты чаял, что таково ж в Крыму, как у меня стоячи за кушеньем шутити? (Письмо Ивана IV Василию Грязному-Ильину. С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Хресто-

матия, с 252) [36]; Тому ты человѣку грози смертеи, обо изгнанеи прещеньми, если которого будешь таковаго обрящешь (Письма Курб., с. 139); А се лжеплетеніе и преже азъ видахъ, полскимь языкомъ написано (Письма Курб., с. 379); Возримъ же со прилежаніемъ и разумѣемъ внятно, что мы творимъ противу толь великихъ человѣколюбиваго Бога, крѣпце намъ заповѣдующа о соблюденіи заповѣдеи своихъ, а хотяще насъ сподобити царьства своего небеснаго (Письма Курб., с. 394).

И памятники других жанров дают ту же картину употребления в XVI в. определенно-личных предложений, в частности, сочинения и челобитные Пересветова, Повесть о видении: господствуют определенно-личные предложения, которые встречаются и при противопоставлении субъектов действия, постановка личного местоимения вызвана стилистическими причинами.

Случаи с личным местоимением, для включения которого в текст нет указанных оснований, единичны [37]: Ино у него служил москвитин Васка Мерцаловъ, і онъ того вопрашивал: Ты гораздо знаешъ про то царство московское, скажи ми подлинно (Пересветов, с. 63); А выѣзду моему, государь, одиннатцат лѣт. А яз тебя, государя благовѣрнаго царя доступити не могу; а яз тебѣ, государю, говорю не собя для, твоего для царьскаго мудраго воиньства, чтобы моя служба не замерла за мною, а тебѣ то, государь, въскорѣ надобѣ на недруги твои (Пересветов, с. 79) [38].

Для решения вопроса, было ли нормой в XVII в. употребление определенно-личных предложений, большое значение имеют показания Жития протопопа Аввакума, его челобитных, писем и посланий, а также помещенная в «Русской грамматике» Генриха Вильгельма Лудольфа (издана в Оксфорде в 1696 г.) запись в разговорнике фраз (с переводом на латинский язык) с 1-м и 2-м лицом глагола-сказуемого.

Для «Жития» и особенно для челобитных, писем и посланий протопопа Аввакума, в которых обильно представлен нравоучительный элемент, характерно обилие предложений со сказуемым — повелительным наклонением глагола.

Среди большого числа этих предложений предложения с личным местоимением при глаголе занимают сравнительно скромное место.

Протопоп Аввакум последовательно употребляет определенно-личные предложения, причем в ряде случаев (см. некоторые из приведенных ниже примеров) и при противопоставлении, при наличии обращения: Любил, протопоп, со славными знатца, люби же

---

[36] Постановка первого *ты* вызвана пропуском вспомогательного глагола, однако второе *ты* могло и отсутствовать, поскольку на лицо уже было раньше указано.

[37] В Повести о видении они отсутствуют.

[38] Союз *а* не имеет противительного значения и является союзом начинательным.

и терпеть, горемыка, до конца (Аввакум. Житие, с. 75); Пестуны, ко мне приходя, плачют, а я говорю: «коли баба лиха, живи же себе одна!» (Аввакум. Житие, с. 79); да и надеюся, яко силен бог спасти нас с вами. Ну, государь, моли ж ся и за мя, грешнаго, и в чем перед тобою погрешил, прости мя (Аввакум. Челобитная, с. 194); Ну, дружи со мной, не сердитуй же! Правду тебе говорю. (Аввакум. Письма, с. 208); И паки моли о себе и о нас бога, а мы о вашем благоприступании, елико можем (Аввакум. Письма, с. 246); Раби бога вышняго! Посылайте деньги мои к жене моей и детям; а я милостию Христа, моего бога, покоен, сыт и пьян, — дал бог! (Аввакум. Письма, с. 248).

Постановка личного местоимения при формах повелительного наклонения у протопопа Аввакума вызвана стилистическими причинами. Местоимение является носителем логического ударения.

В ряде случаев при местоимении имеется приложение, во многих примерах четко противопоставлены различные лица, причем при местоимении, как правило, стоит *и* (иногда в сочетании с *да*) или *а*, которые не только присоединяют данное предложение к предыдущему (самостоятельное или главное в составе сложноподчиненного предложения условия), но и позволяют подчеркнуть это местоимение: и аще что реченно просто, и вы, господа ради, чтущии и слышащии, не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить (Аввакум. Житие, с. 53); Аще меня задушат, и ты причти мя с Филиппом, митрополитом Московским; аще зарежут, и ты причти мя с Захариею пророком (Аввакум. Житие, с. 63); И вы, бога ради порассудите: буде грехотворно я учинил, и вы меня простите (Аввакум. Житие, с. 84); И я отшел ко дверям да набок повалился: «посидите вы, а я полежу», говорю им (Аввакум. Житие, с. 102); Коли тебе, государь тако годе, ино и мне так любо: ты царствуй многа лета, а я мучюся много лета (Аввакум. Челобитная, с. 199); А ты друг мой головной, пожалуй, господа ради, на себе притирай (Аввакум. Письма, с. 212); А что, петь, ты о Акинфее печалуешься? Вели ему постричися, да и ты постригися, да прямою дорогою ко Христу тому побредите неоглядкою, а затем — как вас Христос наставит (Аввакум. Письма, с. 214); Миленькой мой государь! В последнее увидился с ним, егда причастил ево; Да пускай, богу надобно так! И ты небольно о нем кручинься. Хорошо, право, Христос изволил (Аввакум. Письма, с. 217); И как весною приедете, тогда и Орину привезите; а у вас бы жила смирно, не плутала; а буде станет плутать, и вы ее смиряйте (Аввакум. Письма, с. 220); Мир ти, Алексеюшко миленькой мой, — побей его, господа ради, палкою, по моему благословению, и аще станет каятися, и ты о том мне возвести, и аз ему во исцеление души и тела епитимлю пришлю; а буде взбесится, и ты и рукою махни (Аввакум. Письма, с. 237);

не пецыте-де-ся вы ни о чем, токмо о проповеди прилежите, а то — де у меня вам всево много напасено (Аввакум. Письма, с. 281); И ты, игуменушко, не ковыряй впредь таких речей. Какая тебе прибыль? Наводишь душе моей тщету (Аввакум. Письма, с. 282); А ты, Меланья, не яко врага ея имей, но яко искреннюю. И все сестры спомогайте ей молитвами (Аввакум. Письма, с. 289); Да веть-су и я не выдам тебя: ты там плачь, а я здесь! (Аввакум. Письма, с. 290); Со Христом и большому волку, хохлатой той собаке, глаза вырву, нежели щенятам. Молитеся только вы о нас, крепко и неослабно, господа ради, отцы святии (Аввакум. Письма, с. 292).

Среди примеров, в которых имеется противопоставление, нами отмечены и случаи с постановкой личного местоимения после формы повелительного наклонения (Житие, с. 102; Письма, с. 281).

В первом из указанных примеров, по нашему мнению, на местоимении *ты* такое же логическое ударение, как и на местоимении *я*, во втором — местоимение *вы* не выделяется так четко в речи, поскольку недостаточно ясно выражено противопоставление субъектов (во второй части предложения — безличное предложение *у меня. . . напасено*).

В примерах, где нет противопоставления, постановка местоимения после глагольной формы вызвана стремлением несколько смягчить приказание. Иллюстрацией могут служить приведенные ниже первый и второй примеры, но не последний (Письма, с. 231), с яркой эмоциональной окраской: призвал меня и поклонился мне, говорит: «пожалуй, возьми их ты и попекися об них, бога моля; послушает тебя бог» (Аввакум. Житие, с. 75); Козма та не знаю коего духа человек: въяве уговаривает, а втай подкрепляет меня, сице говоря: «протопоп! не отступай ты старова тово благочестия» (Аввакум. Житие, с. 94); Бросился он из сеней, да и чрез забор, да и бегом. Пономарь — ет кричит вослед: «Отче, отче, мантию и клобук возьми!» Он же отвеща: «горите вы и со всем! Не до манатьи!» (Аввакум. Письма, с. 231).

У протопопа Аввакума случаи с постановкой личного местоимения после форм повелительного наклонения встречаются часто.

Примеры со смягченным приказанием, бесспорно, составляют явление более позднее по отношению к использованию личных местоимений с логическим на них ударением. Эта новая функция, по-видимому, была характерной сначала для разговорной речи. Смягченное приказание имеет место, кроме указанных выше случаев из Жития (Житие, с. 75 и 94), и в следующих примерах: Везде искали, а жены моей с места не тронули, — лишо говорят: «матушка, опочивай ты, и так ты, государыня, горя натерпелась!» (Аввакум. Житие, с. 84); Да переставай ты и медок попивать. (Аввакум. Письма, с. 208); Григорьевна, перестань-ко ты мясца кушать, господа ради, но питайся семеньми, яко трие отроцы

в Вавилоне (Аввакум. Письма, 270); Друг мой миленькой Еленушка! Поплачь-ко ты хорошенько перед богородицею-светом, так она скоренько очистит тебя (Аввакум. Письма, с. 290).

Благодаря присоединению частицы *ко* в двух последних примерах смягченное приказание приобрело характер отеческого увещевания. Однако постпозиция местоимения (в предложениях, где не противопоставляются субъекты действия) не всегда ведет к смягчению приказания. Постановка усилительной частицы *же* после глагола способствует его выделению в речи, постановка усилительного *и* перед местоимением, подчеркивая это местоимение, тем самым не смягчает и силы приказания, просьбы (может иметь место и употребление одновременно *же* и *и* — см. первый пример): Ну, прости же и ты меня и молися бога, для о мне (Аввакум. Письма, с. 214); Ну, государыня, пойди же ты со сладким Исусом в огонь, подле нево и тебе сладко будет (Аввакум. Письма, с. 224); Чесо ради много беседую о нем? Блюди и ты душу свою от него, держа старово отеческаго предания, и блажен будеши (Аввакум. Письма, с. 262).

Рассмотренный нами материал позволяет сделать вывод об исключительном умении протопопа Аввакума использовать средства письменной речи для выражения различных тонких эмоциональных оттенков — от категорического, резкого приказания до мягкого, душевного увещевания.

Среди многочисленных примеров с повелительным наклонением в «Русской грамматике» Генриха Вильгельма Лудольфа встретился только один случай с личным местоимением: ныне ты сам сѫди. . . В Латинском переводе также имеется личное местоимение: iam tu ipse judica. . .

Определенно-личные предложения с формами изъявительного и сослагательного наклонения глагола-сказуемого в сочинениях протопопа Аввакума преобладают над двусоставными предложениями. Таким образом, данные этих произведений позволяют говорить, что и в XVII в. нормой было определенно-личное предложение, хотя двусоставные предложения уже не составляют исключения.

О том, что господствующим типом предложения было определенно-личное, свидетельствует употребление их даже и при противопоставлении действующих лиц: Егда еще был в попех, прииде ко мне исповедатися девица, многими грехми обремененна (Аввакум. Житие, с. 60); Он меня лает, а ему рекл: «благодать во устнех твоих, Иван Родионович, да будет!» (Аввакум. Житие, с. 61); Что-петь сделаешь, коли Христос попустил! (Аввакум. Житие, с. 95 [39]; Не прогневайся, государь-свет, на меня, что много глаголю: не тогда мне говорить, как издохну! (Аввакум. Челобитная,

[39] В отличие от других примеров здесь определенному лицу во второй части предложения противопоставлено не определенное, конкретное лицо, а обобщенное (им может быть каждый, кто окажется в данных условиях).

с. 189); Ну, полно браниться. Прости, согрешил (Аввакум. Письма, с. 213); Тово для не кручинься о Иване: еще и не так стану бранять, будет не перестанешь сетовать (Аввакум. Письма, с. 214); А он-де тебе молвил: «уже-де где отец и мати, там же будешь!» (Аввакум. Письма, с. 222); Кайся, треглавый змей, кайся! Еще ти даю нарок покаяния, да нечто отраду приимешь; аще ли ни, будет так, еже выше рекох (Аввакум. Письма, с. 237).

Протопоп Аввакум в своем Житии сохраняет определенно-личное предложение и при переходах в течении рассказа, хотя в древнейших памятниках житийной литературы более обычным было употребление двусоставного предложения с личным местоимением *мы* в роли подлежащего.

Следует отметить, что формула перехода стереотипна: Паки на первое возвратимся (Аввакум. Житие, с. 57. См. также стр. 69); На первое возвратимся, (Аввакум. Житие, с. 62. См. также стр. 75, 82, 85, 92).

О том, что в литературном языке XVII в. употребление двусоставного предложения вместо определенно-личного вызывалось уже не только требованиями стиля — необходимостью сделать на местоимении логическое ударение, свидетельствуют следующие данные:

1) в произведениях Аввакума нередки случаи, когда личное местоимение употреблено не при противопоставлении действующих лиц, без логического на нем ударения; 2) в ряде примеров личное местоимение, будучи поставлено при первом глаголе-сказуемом и являясь носителем логического ударения, при других глаголах-сказуемых, в дальнейших предложениях, отсутствует.

Вторая группа примеров в полной мере сближает язык произведений Аввакума с тем, что мы находим в современных восточнославянских языках: сначала полное предложение, затем неполные с опущенным подлежащим.

Приведем несколько примеров первой [40] и второй группы примеров: 1) И я промолыл ему: «за что ты меня бьешь? ведаешь ли?» (Аввакум. Житие, с. 71. На местоимении *ты* нет логического ударения); Сама вся в грязи, а иных очищает; сама слепа, а зрячим путь указывает! Образумься! Веть ты не ведаешь, что клусишь! (Аввакум. Письма, с. 207); Писал тебе преж сего в грамотке: пора прощатца — петь худо будет, та язва будет на тебе, которую ты Феодору смышляешь (Аввакум. Письма, с. 207—208); Свет моя, государыня! Люблю я правило нощное и старое пение (Аввакум. Письма, 208); Дние наши не радости, но плача суть. Воспомяни: егда ты родилася, не взыграла, но заплакала, от утробы

[40] В первой группе примеров, при наличии нескольких глаголов-сказуемых, относящихся к одному и тому же лицу, личное местоимение не повторяется (см. Житие, с. 71, Письма, с. 207, Письма, с. 209, Письма, с. 290).

исшед матерни (Аввакум. Письма, с. 209); Ксенья бедная Гавриловна! Взыщи мужа тово своего и живи с ним, коли ты молитвилася с ним, а затем — как знаешь: воля тебе о Христе (Аввакум. Письма, с. 290);

2) А я говорю: «господи Исусе Христе, сыне божий, помогай мне!» Да то ж, да то ж беспрестанно говорю. Так горько ему, что не говорю: «пощади!» (Аввакум. Житие, с. 71); А я, окаянной, сделал не так. Во хлевине своей кричал с воплем ко господу: «послушай мене, боже! послушай мене, царю, небесный, свет, послушай меня!» (Аввакум. Житие, с. 80); А он пущи бесится, кричит, и дрожит, и бьется. Аз же, помощию божиею, в то время не смутихся от голки тоя бесовския. Кончавше правило, паки начах молитися Христу и богородице со слезами (Аввакум. Житие, с. 111); И я ему силою в рот напехаю, и он и плачет и глотает. И как рыбою покормлю, тогда бес в нем вздивиячится (Аввакум. Житие, с. 113); Свет моя, еще ли ты дышишь? Друг мой сердечной, еще ли дышишь, или сожгли, или удавили тебя? (Аввакум. Письма, с. 215); Аз же приказал пономарю стул посреде избы поставить и топор мясной на стул посреде избы поставить и топор мясной на стул положить: вершить черньца хощу. Еще же конатной толстый шелеп приказал сделать (Аввакум. Письма, с. 230).

Запись в разговорнике отдельных фраз, помещенная в «Русской грамматике» Генриха Вильгельма Лудольфа, свидетельствует о том, что в разговорной русской речи конца XVII в. господствовали определенно-личные предложения.

Личное местоимение находим преимущественно при перфекте, форма которого, в связи с отсутствием в его составе связки, не содержит указания на лицо.

Однако имеется в разговорнике ряд примеров с личным местоимением, при этом без логического на нем ударения (все приведенные ниже примеры, кроме последнего, где имеется противопоставление субъектов действия) и при формах настоящего-будущего времени: почему ты знаешъ; ѧ радъ буду часто свидатъ сѧ стобою; ѧ дожидаю сѧ твою семью, женѫ; право ѧ не стану ѣстъ покаместъ она не пришла и др.

Таким образом, хотя в разговорной речи нормой было употребление определенно-личных предложений с формой изъявительного и сослагательного наклонения глагола-сказуемого, двусоставное предложение начало закрепляться в живом разговорном языке.

О том же говорят многочисленные примеры с постановкой местоимения *мы* (реже — *вы*) в постпозиции к глаголу в изъявительном наклонении в «Поэтической» повести об азовском осадном сидении, причем в большинстве случаев на этом местоимении нет логического ударения, а также примеры с препозицией местоимения, когда оно уже было названо ранее при однородном сказуе-

мом, следовательно, тоже не выделено в речи: Кому приносите такие обиды великие и страшные грубости? Наступили есте вы на такую великую десницу высокую на государя царя турсково (Пов. об азов. взятии, с. 62); Прогневали вы Мурата салтана царя турского, величество ево. Первое, — вы у него убили на Дону чесна мужа греческого закона, турского посла Фому Контакузина, приняв ево с честию в городки свои, а с ним побили вы всех армен и гречан, для их сребра и злата (Пов. об азов. взятии, с. 63) «О, прегордыи и лютыи варвары! Видим мы всех вас и до сех мест и про вас ведаем, силы и пыхи царя турсково все знаем» (Пов. об азов. взятии, с. 65); Станем мы с ним, царем турским, битца, что с худым свиным пастухом наймитом. (Пов. об азов. взятии, с. 66); А красной хорошей Азов город взяли мы у царя вашего турского не разбойничеством и не татиным промыслом, взяли мы Азов город впрямь в день, а не ночью, дородством своим и разумом для опыту, каковы его люди турские в городех от нас сидят (Пов. об азов. взятии, с. 67) [41]; Там с ним, царем турским, переговорим речь всякую, — лише бы ему, царю, наша казачья речь полюбилась! Станем мы служить ему, царю, пищалми казачими, да своими сабелки вострыми (Пов. об азов. взятии, с. 70); и взяли мы у них на их таборех в тое пору языков турок и татар живых 10 человек. А больных и раненых застали мы 2000 (Пов. об азов. взятии, с. 80) [42].

Постановка местоимения в постпозиции, употребление местоимения при каждом однородном сказуемом сближает «поэтическую» повесть с фольклором. В этой же повести находим и постпозицию местоимения при повелительном наклонении, причем такая постановка отнюдь не смягчает приказания: Поедте вы к своим глупым пашам, не мешкая, а опять к нам с такою глупою речью не ездите (Пов. об. азов. взятии, с. 70); Промышляйте вы тем, для чего приехали от царя своего турскаго (Пов. об азов. взятии, с. 70).

Отметим, что в «Поэтической» повести широко представлены и определенно-личные предложения, преимущественно с формой повелительного наклонения глагола.

Постановка местоимения в постпозиции без логического на нем ударения характерна и для сатирических повестей — Повести об Ерше Ершовиче и Повести о куре и лисице, где имеются элементы просторечия: И суди спрашивали: «Правда сельд переславская, скажи ты про того ерша, знают ли ево на Москве князи и бояре, дьяки и дворяня, попы и дияконы, гости богатыя? (Пов. о Ерше, с. 149); И я ему сказал: иду де я к Ростовскому озеру, к рекам жирым жировать (Пов. о Ерше, с. 150); И сама лисица прослезися горко о гресех куровых и рече к нему лисица: «Горе

---

[41] Повторяется постпозитивное *мы*.
[42] Там же.

тебе, окоянны куря, ходиш ты на земле без покаяния и не ведаеш, в кой час смерть приидет» (Пов. о куре и лис., с. 192); И рекла куру лисица: «Не сули ты мне журавля в небе, токмо дай синицу в руки» (Пов. о куре и лис., с. 197).

И в этих повестях рядом с постановкой личного местоимения (не только в постпозиции, причем, в случаях с препозицией, и с логическим на нем ударением) представлены и определенно-личные предложения.

Новая повесть о преславном Российском царстве, Летописная книга, приписываемая князю И. М. Катыреву-Ростовскому, Статьи о Смуте, характерные своим торжественным, приподнятым стилем, а также путешествия по святым местам строго придерживаются употребления определенно-личных предложений (и в тех случаях, когда имеется противопоставление субъектов действия). Личное местоимение, как правило, стоит в связи с логическим на нем ударением, в частности и при противопоставлении.

Постановка личного местоимения, не вызванная указанными причинами, — исключение: Преже сихъ дней было, все вы слышели: самое его отцово злокозненое серце и тайна вся, нѣкто тое же душепагубныя бѣсовскія сонмицы, от нашего христатезоименитаго рода злоначалный губитель Божіяго жребия, — < тайную свою общую явѣ открылъ> (Пов. о Рос. царстве, с. 203—204) [43]; И митрополитъ мнѣ сказалъ: азъ тебѣ повѣмъ, что въ нашей странѣ было (Пут. Гогары, с. 120); И жилъ я во Іерусалимѣ послѣ свѣтлаго Христова Воскресенія до Радуницы (Пут. Гогары, с. 130) [44]; Патріархъ же ѿвѣща къ Царю: мы вашея Турскія вѣры не хулимъ, и жидовскія не хулимъ же; а наша прямая православная христіанская вѣра добрая (Пут. моск. купцов, с. 149); садъ же бѣ вельми предивенъ и великъ, и много въ немъ винограду и миндалю, и грушъ, и яблокъ; грушъ же мы не видали такихъ сладкихъ ни въ коемъ царствіи (Пут. моск. купцов, с. 154).

Если сравнить данные путешествий московских купцов в 1582 г. и дьякона Гогары в 1634 г. с показаниями более раннего путешествия иеродиакона Зосимы в 1420 г., то мы не найдем существенной разницы в употреблении определенно-личных и синонимичных двусоставных предложений. В этом жанре определенно-личные предложения стойко сохраняют свои позиции. Отметим попутно, что в последнем из названных путешествий (в Путешествии Зосимы) нам не удалось обнаружить ни одного случая постановки личного местоимения без стилистических оснований.

В частности, и в следующем, на первый взгляд, спорном случае употребление *мы* — своеобразный художественный прием,

---

[43] Постановка *вы* вызвана необходимостью уточнить лицо (2-е).

[44] Ср. на стр. 115, где употребление местоимения вызвано стремлением включить приложение, подчеркивающее указание на действующее лицо: А жилъ я Василій во святомъ градѣ во Іерусалимѣ три дня и три нощи.

когда «обыграно» одно и то же слово *стоѧти* с разными оттенками значения: и обрѣтохомъ рѣку велику, въ дольнѣй землѣ, еже зовется Бугъ и ту стоитъ градъ Бряславъ, и ту мы стояхомъ недѣлю (Пут. Зосимы, с. 60).

Среди пословиц XVII в., представляющих бесспорный интерес для истории синтаксических конструкций, имеются пословицы с повелительным наклонением глагола, адресованные к лицу, названному в обращении. Однако текст, рифма позволяют установить, что наименование лица в обращении не играет существенной роли, что совет, который содержится в пословице, следует понимать как относящийся ко всем людям. Это еще не обобщенно-личные предложения, а определенно-личные предложения, близкие, однако, к первым не только по значению, но и по структуре: Борисъ не дирись, а драся будешъ запирася (Пословицы XVII в., л. 328); Вахромѣи разумѣи ково бью ково жалуютъ (Пословицы XVII в., л. 332 об.); Жни баба пшаницу жди пироги. (Пословицы XVII в., л. 342); Соли дѣдъ шти а хлѣба жди (Пословицы XVII в., л. 360); Тки дочи не сѫючи жени[ѫ] иде по улице (Пословицы XVII в., л. 371).

И в предложениях рассматриваемого типа встречаем изредка постановку личного местоимения при противопоставлении субъектов действия: Ты язычекъ. смалчивай я за тебя бѣкѫ плачива (Пословицы XVII в., л. 370 об.); Ты земля тресись а мы за колье деⱬжимься (Пословицы XVII в., л. 371 об.).

В тех случаях (а их абсолютное большинство), когда в пословице нет наименования лица, которому дается совет, и, следовательно, предложение является обобщенно-личным, при сказуемом, выраженном глаголом в форме повелительного наклонения, личное местоимение отсутствует[45]: Битому. коню лише лозѫ кажи (Пословицы XVII в., л. 330); Не купи двоⱬ, купи. сѫсѣда (Пословицы XVII в., л. 360); Не жди начала жди конца (Пословицы XVII в., л. 360); Помолчи боле. поживешъ доле (Пословицы XVII в., л. 365); Хлѣбъ соль ѣжь а прав'дѫ говори (Пословицы XVII в., л. 375 об.).

В обобщенно-личных предложениях с 1-м лицом ед. и мн. ч. глагола в форме настоящего или будущего простого времени[46] и со 2-м лицом тех же времен господствуют случаи без личного местоимения: Буду богатъ буду рогатъ ко захочю того иⱬбодѫ

---

[45] Исключение составляет пример, где во второй части сложного предложения перед *ты* стоит союз *и*, имеющий и усилительное значение: Добра не смыслишъ и ты худа не говори (Пословицы XVII в., л. 339 об.).

[46] В современном русском языке обобщенно-личные предложения с 1-м лицом ед. ч. глагола не встречаются. Первый и последний из приведенных нами примеров имели бы в современном русском языке глагол-сказуемое в форме 2-го лица ед. ч. или 1-го лица мн. ч.

(Пословицы XVII в., л. 329); Домашнева вора не убережешся. (Пословицы XVII в., л. 339 об.); Есть пирогъ едимъ а нѣтъ ево гледимъ (Пословицы XVII в., л. 340 об.); Какъ в лес клинешъ такъ и окликнеся (Пословицы XVII в., л. 350); Тише поидешъ дале. будешъ (Пословицы XVII., л. 370 об.); Хваля кнги не имемся а хѫля пиво не лишимся (Пословицы XVII в., л. 374); Ѻ ково терьпимъ. про тово твердимъ (Пословицы XVII в., л. 376об.); ѣмъ а дѣла не вѣмъ (Пословицы XVII в., л. 381).

В пословицах указанного типа при глагольной форме 1-го лица мн. ч. находим и личное местоимение. Как правило, глагол употреблен в форме настоящего времени (см. ниже только один пример с формой прошедшего времени — л. 362): Адаму капаютъ яму а мы не хотимъ а туды же гляди[м] (Пословицы XVII в., л. 324об.); Знаемъ мы и сами что кривы нши сани (Пословицы XVII в., л. 347—347об.); Мы про людей вечеренку сѣдї[м] а люді про на і во сю но не спя (Пословицы XVII в., л. 356об.); Мы же ссужаемъ да мы[ж] не угожаемъ (Пословицы XVII в., л. 357); Опочинь воръ на рѣли а мы о нево упрѣли (Пословицы XVII в., л. 362).

Во всех приведенных примерах — или логическое ударение на местоимении, особенно яркое благодаря усилительной частице *же* (предпоследний пример), или противопоставление субъектов действия (остальные примеры). Таким образом, и предложения с обобщенным лицом следуют тем же правилам, которым подчиняются предложения с определенным лицом: и в них употребление местоимения вызвано стилистическими причинами.

Когда в дальнейшем все большее место стали занимать предложения, в которых постановка личного местоимения уже не вызывалась стилистическими причинами, это не отразилось на судьбе пословиц: пословицы без личного местоимения уже закрепились в разговорной речи, чему способствовал и четко сложившийся их ритмический рисунок. Произошел, как мы полагаем, противоположный процесс: пословицы без личного местоимения (а они господствовали) способствовали устранению личного местоимения в пословицах с местоимением. Особо следует сказать о пословицах с личным местоимением 1-го лица ед. ч. (действие может быть отнесено не только к конкретному лицу — говорящему, но и к любому другому лицу): Азъ не бѣ[з] обѣихъ гла[з] про себя самъ вижѫ (Пословицы XVII в., л. 324); Азъ выколю гла[з] которой ми нить зазирае (Пословицы XVII в., л. 324); Азъ пью квасъ а кали вижѫ пиво не проду ево мимо (Пословицы XVII в.); И самъ то я знаю что не до[б]ро содеваю (Пословицы XVII в., л. 348об.).

В первом примере местоимение является необходимым, поскольку опущен глагол существования, бытия. Как в этом примере, так и в двух следующих местоимение включено и для последующей рифмы (азъ — гла[3]; азъ — гла[3]; азъ — квасъ), и для приподнятости стиля (иногда с целью комического эффекта; см. третий пример).

В последней из приведенных пословиц, как мы полагаем, постановка местоимения *я* не может быть объяснена какими-либо стилистическими причинами и вызвана, по-видимому, лишь требованиями ритма.

III. Употребление предложений без личного местоимения в старобелорусской и в староукраинской письменности

Старобелорусские памятники дают сходную со старорусскими памятниками картину.

Остановимся на показаниях старобелорусских грамот. Не только грамоты XV в., но и грамоты XVI—XVII вв. характеризуются сравнительно устойчивым употреблением определенно-личных предложений с формами изъявительного и сослагательного наклонений глагола-сказуемого.

При формах повелительного наклонения местоимение обычно отсутствует и при противопоставлении субъектов действия: И мы пытали того Станислава: поведь намъ, какъ ѡцъ вашъ делилъ васъ ѿчи(н)ною вашою и тудежь людьми куплеными и землями (Вил. гр. Лит. метр., т. I, кн. 1, № 14); вѣдай певне, иж пошлем по тебе децкого нашого и кажемъ тебе перед нами к8 прав8 моцно поставити (Брест. гр. 1544 г., Arch. Sang., т. IV, № 321).

Случаи с местоимением при противопоставлении субъектов действия единичны: И Станиславовичи рекли: любимъ тебе! ты самъ судъ свой ѿкажи! (Вил. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 43); И тотъ старец[ь] на свѣтки ся ихъ не слалъ и, ѡпустивши светки, мовилъ: присягните вы на томъ, естли быхъ ѣ зъ людьми панскими васъ билъ и грабилъ и бчолы дралъ (Вил. гр. 1514 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 143).

Во втором из приведенных выше примеров личное местоимение *вы* находится в постпозиции к форме повелительного наклонения, тем не менее оно выделено в речи в такой же степени как и препозитивное ѣ во второй части сложного предложения. В грамотах XV—XVI вв. еще весьма многочисленны случаи с определенно-личными предложениями с формами изъявительного и сослагательного наклонения. Находим их и при противопоставлении субъектов действия, и тогда, когда в юридических памятниках излагаются показания допрашиваемых лиц и, следовательно, личное местоимение могло бы стоять, чтобы указать на действующее лицо не только при помощи глагольной формы. Приведем несколько примеров:

И просилъ мене Максимъ Блошичъ, што быхъ опять тую сѣножать отдалъ ему, а положилъ передо мною листъ пана Монивидовъ (Вил. гр. 1445 г., Археогр. сб., VII, № 2); А коли есмо, тые земли заводилъ, было при томъ иныхъ добрихъ людей много Волковянъ и иныхъ сторонныхъ (Вил. гр. 1451 г., АЮЗР, т. II, № 71); А што люди наши головами въ полонъ побраны тыхъ бы еси велѣлъ поотпускати, а животы и статкы велѣлъ бы еси поотдавать (Западнорус. гр. 1456 г., АЗР, т. I, № 58); А кто бы хотѣлъ то возрушить, а съ того выступать, въ томъ дѣлѣ закладаемъ на насъ вины десять тысячь рублевъ (Троцк. гр. 1456 г. или позже, АЗР, т. I, № 60); И хотели есмо вжо земли делити, и тогды ѡц҃[ь] рекъ намъ: «милыи дѣти! не хочꙋ вамъ земль дати въ делъ, бо мало маю и такъ на чомъ ся поживити для пашни» (Вил. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 14); и ѡнъ рекъ: не лицовалъ есми того коня, а ꙋха есим не резалъ (Вил. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 38); И панъ Петръ мовилъ къ томꙋ: далъ есми за тꙋю землю семьнадцать копъ грошей, а ещо на мне зостало тринадцать копъ (Минск. гр. 1514 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 145); И Тимоѳей мовилъ передъ нами: то люди мои, не похожие; панъ мой ихъ далъ къ именью моему, которое под его милостью маю въ Койдоновѣ (Минск. гр. 1515 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 186).

Однако в грамотах XV—XVI вв. заметное место занимают двусоставные предложения с личным местоимением.

В ряде случаев личное местоимение имеет при себе приложение, выделено в речи: По прыказанью господара короля его милости, я панъ Виленскій, воевода Троцкій, панъ Радивилъ Остиковичъ, судили есьмо сей судъ (Троцк. гр. 1444 г., АЮЗР, т. I, № 22, III) [47]; Мы княгиня Михайловая Александровича Анна з моимъ сыномъ княземъ Семеномъ Михайловичемъ дали есмо селцо наше Дробышовское Макарью архимандриту святыя Живоначальныя Троица, иже в Слуцку, вѣчно и непорухомо (Слуцк. гр. 1492 г., АЗР, т. I, № 99); Ꙗ, Ѩнъ Миколаевичь, маршалокъ земский, державца Слонимский. Зъ р[а]сказаныа господаря короля его милости смотрели есмо того дѣла (Вил. гр. 1514 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 92) [48], мы люди вольныи, похожии, мешкали есмо за нимъ добровольне (Минск. гр. 1515 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 186).

Личное местоимение находим и при противопоставлении субъектов действия: Што есте со княземъ съ Семеномъ миръ узяли и съ мужи Полочаны, штобы то такъ і здержали тотъ миръ крепъко, а мы такъ і держимъ крепъко, доколе ізыідеть (Полоцк. гр. ок. 1400 г., РЛА, № 134); А о чемъ ти, господине и сыну, и опричь сего нашего листу иметъ мой діякъ Василей Карло говорить рѣчми и ты бъ тому о всемъ вѣрилъ какъ и намъ самимъ (Западнорус.

[47] Несмотря на употребление личного местоимения 1-го лица ед. ч., глагол-сказуемое стоит во мн. ч.

[48] Глагол-сказуемое во мн. ч., хотя личное местоимение указывает на ед. ч.

гр . 1450 г., Акты, собр. Акад. Н., т. I, № 49); если будуть, безъ твоего вѣдома, люди твои то вчинили, и ты бы еси велѣлъ то намъ оправити (Западнорус. гр. 1456 г., АЗР, т. I, № 58); А до пани Васковое есмо писали, как вы им рок положите и ихъ ѡбошлете, абы ѡна на тот рок перед вами з ним стала (Троцк. гр. 1494 г., Arch. Sang., т. III, № 41).

Большую группу составляют двусоставные предложения с личным местоимением, содержащие указание на то или иное действие судей (сказали, рекли, пытали и т. д.), и двусоставные предложения, в которых излагается ответ допрашиваемых лиц[49]. В последних может быть и противопоставление действующих лиц, и только в этом случае имеем основание говорить, что личное местоимение выделено в речи.

Приведем несколько примеров:

1) И мы почали пытати тыхъ Бастунцовъ, мовечы: чы наводили вы на ихъ дѣцкого слугу князя Михайлова Маршалкова грабити ихъ за сѣно, чилъ не наводили? (Радун. гр. 1444 г., АЮЗР, т. 1, № 22, V); И мы спытали Б[о]рбары: што къ т[а]мꙋ за ѿпоръ маешь? (Вил. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 53); И мы сказали: Б[о]ртошꙋ и тому чл҃вку. Пацꙋсꙋ свѣтки свои зъ обꙋ сторонъ передъ нами на ѡпытанье поставити (Вил. гр. 1514 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 118); И мы спытали Кгабриѧловое: што ты къ томꙋ ѿпоръ маешь? (Западнорус. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 24); И мы рекли пану Якубꙋ: слышимъ ѿ него, иж[ь] ся ѡн ко всему тому знаеть, какъ твоѧ милость повѣдаеш[ь] (Берест. гр. 1515 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 190);

2) а Бастунцы того се запрели передъ нами, мовечы: самъ дѣцкіи Придыбало грабилъ ихъ, а мы на ихъ не вели грабити. (Радун. гр. 1444 г., АЮЗР, т. I, № 22, V); и Ганна Пашковаѧ рекла: ѧ того не вѣдаю, заплатилъ ты бꙋдешь мꙋжꙋ моемꙋ, не заплатилъ ли (Вил. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 50): И Ганна рекла: будешь ли ты дочку мою била не на моемъ селищи, ѧ на томъ присягнꙋ (Западнорус. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 24); И тыи Пурятичи мовили передъ нами къ тому: мы того села Греку не спꙋщали (Лосич. гр. 1515 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 160); и какъ тыи люди втекли ѿ мене, тыи статки въ домехъ своихъ ѡставивши, и ѧ то побралъ; а ихъ хочꙋ искати, або панъ мой будеть ѡ томъ мовити, а ѧ ихъ не пр[о]-

---

[49] На эту вторую особенность обратили внимание авторы книги «Нарысы па гісторыі беларускай мовы»: «У юрыдычных актах адной з умоў ужывання асабовых займеннікаў у ролі дзейніка з'яўлялася неабходнасць дакладна, канкрэтна ўказаць асоб, якія давалі паказанні, з'яўляючыся скаржнікамі, сведкамі або падсуднымі» (стр. 370).

В старорусских юридических документах в сходных условиях тоже употреблялось личное местоимение. См. выше два примера из «Отрывка розыскного дела».

тягиваю (Мин. гр. 1515 гр., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 186); и панъ Миколай и панъ Михайло кѵ томѵ мовили: мы за ѿца нашого въ томъ мовити не хоч[о]мъ, того есмо не звѣдоми (Вил. гр. 1514 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 143).

В показаниях допрашиваемых лиц личное местоимение может стоять не перед первым, а перед вторым глаголом-сказуемым: и князь Йѵнъ къ томусь не призналъ, и рекъ: не знаю, ни ведаю [50]; а к[г]валтомъ на чл҃вка его не наежчалъ, ани коний есми его не бралъ (Вил. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 31); И Йѵнушко зъ братомъ рекли: тепер[е] шлемся до тыхъ еднач҃въ, передъ кимъ мы тебе еднали и передъ кимъ ты намъ тотъ листъ свой дала (Вил. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 46); И Юхно мовилъ передъ нами: правда ест[ь], взялъ былъ есми шатеръ; ино а тотъ шатеръ передъ тыми слугами твоее милости ему ѿдавалъ, и ѡнъ его не бралъ (Кирен. гр. 1515 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 171).

В юридических актах, при изложении вопросов судей к тяжущимся, к свидетелям и т. д. также употребляется личное местоимение [51], которое может находиться как в препозиции к глаголу-сказуемому, так и в постпозиции к нему (в последнем случае глагол выделен в речи, как и в современном языке): И мы спытали Стецка: маешь ли ты на то люди, передъ кимъ ѡнъ тебѣ билъ на твоей сеножати? (Вил. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 21); И мы спытали Томка: ты пакъ маешь ли на то листъ кѵпчий? (Вил. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 27); и мы спытали Ганны: шлешься ль ты на тыи светки, чиль не шлеш[ь]ся? (Вил. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 27); И мы спытали Буйвидовичѡ въ: што вы къ томѵ за ѿпоръ маете? (Вил. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 46).

Грамоты XVII в. свидетельствуют о более широком, чем в XVI в., употреблении двусоставных предложений с личным местоимением, однако, как и в старорусских грамотах того же периода, устойчивое положение занимают определенно-личные предложения. Там, где нет необходимости особо подчеркнуть действующее лицо, находим эти предложения: А гонца бъ нашого пана Калѣчицкого, и человѣка, которого есьмо послѣ него съ другимъ листомъ до васъ выслали, и тепершнего посланца нашого Сасина Клепиновского здоровыхъ къ намъ отпустили, и на первшіе и на теперешній листъ намъ отвѣтъ намъ прислали (Орш. гр. 1615 г., АЗР, т. IV, № 199); И на то дали есьмо всему згромаженю иноковъ Рускихъ манастыра Виленьского светое Троицы сесь нашъ приви-

---

[50] Это стереотипное выражение из двух глаголов с отрицанием рассматриваем как единое целое.

[51] Рядом и случаи без личного местоимения: И мы спытали Бартоша: што к т[а]мѕ за ѿпоръ маешь (Вил. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 51); И мы пытали Б[о]ртоша: который к томѕ ѿпоръ маешь, и[жь] его приискиваешь собѣ за ѿчича, и надто еси его зъграбилъ? (Вил. гр. 1514 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 118).

лей съ подписомъ руки нашое и подъ печатью нашою завѣсистою великого князства Литовского (Минск. гр. 1615 г., АЮЗР, т. II, № 45); Съ тыхъ поръ теды мѣръ не могучи въ томъ на сесь часъ вашей милости моему милостивому пану услужити, на иншый часъ повольность и зычливость мою до службъ вашей милости заховую (Слоним. гр. 1615 г., АЗР, т. IV, № 190).

Для суждения об устойчивости определенно-личных предложений в деловой письменности большой материал дает Литовский статут 1529 г., в основе которого лежали русское обычное право, «Правда Русская», шляхетские привилеи [52].

В Литовском статуте 1529 г. господствуют определенно-личные предложения с формами изъявительного наклонения.

Только в указе самого великого князя Сигизмунда (Мы, Жикгимонт. . .), утверждающего названный кодекс, употреблено местоимение *мы* в самом начале текста.

Затем с исключительной последовательностью во всех тринадцати разделах, в тех его артикулах, где употреблен глагол в 1-м лице мн. ч., устанавливающий ту или иную норму, находим в начале текста определенно-личное предложение: Теж уставуемъ [53]. . ., Теж уставляем. . .; Хочем теж и уставляем. . .; Теж уставуем и приказуем. . .; А про то приказуем. . .; Теж шлюбуем и обецуем. . .; Теж обецуем. . ., Теж узычаем. . .

И в других случаях тоже употребляется, как правило, определенно-личное предложение. Приведем несколько примеров: Будучы в Полцы не маем ничого никому давати ани привилевъ потвержати (Лит. ст. 1529 г., с. 11. Заголовок); бо естли бы то инакъ учинилъ, мимо тую уставу нашу, тогда таковое каждое именье братского заведаня и записы на то будучие ни в вошто оборочаем, а не хочем тых записовъ моцныхъ мети на потом (Лит. ст. 1529 г., с. 35); А естли бы кто инакъ вчинилъ, а еднанье тое за моцное мети не хочем (Лит. ст. 1529 г., с. 55); Нижли естли бы ся што пригодило перед судьями, чого бы в тыж правых не было описано; тогды то даем на розознанье судей под сумленьем их, иж они мають упоменувшы Бога и то сказати водлуг стародавного обычая (Лит. ст. 1529 г., с. 55); Естли бы теж хто кому заставил именье, и написал бы в листе своем, ижъ мают [54], на тот рокъ окупити, а коли на тотъ рокъ не окуплю, тогды до того ж року мает держати; ино таковые мают быти держаны подлуг запису (Лит. ст. 1529 г., с. 87).

---

[52] О Литовском статуте (о трех его редакциях) см.: Е. Ф. Карский. Белорусы, т. III. Очерки словесности белорусского племени. 2. Старая западнорусская письменность. Пг., 1921, стр. 118—126. — Специально первой редакции Литовского статута посвящена статья В. И. Пичеты «Литовский статут 1529 г. и его источники» («Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», т. V, 1952, стр. 244—258, а также: «Статут Великого княжества Литовского». Минск, 1960, стр. 13—30).

[53] Словосочетание *теж уставуем* (*уставляем*) господствует в отмеченных примерах, которых около 150.

[54] В Фирлеевском списке, наиболее древнем: *иж маю*.

В сравнительно немногочисленных примерах с личным местоимением это местоимение является носителем логического ударения (чаще всего употребляется сочетание *мы сами*, что способствует подчеркиванию местоимения *мы*). Таковы, в частности, следующие случаи: Теж уставуем, иж от того часу мы сами и потомки наши будучи въ панстве нашом короне полской не маем никому ничого в панстве нашом великом Князстве Литовском земеней людей и земль давати (Лит. ст. 1529 г., с. 11); Теж обецуем и приказуем з ласки и щедрости нашое Господарское, иж маемъ мы сами и потомки наши княгинь и паней и вдовъ и княженъ и паненъ и девокъ заховати при волностях их, а кгвалтомъ ни за кого ихъ не маемъ давати без ихъ воли, нижли кождой з них с порадою приятелей их, за кого хотя, за того волно пойти (Лит. ст. 1529 г., с. 31).

Остановимся на показаниях старобелорусских летописей по списку конца XV в. (Виленский список в летописном сборнике Авраамки 1495 г.), спискам XVI в. (летописи по Академическому списку, списку Красинского и списку Рачинского) и конца XVI—начала XVII в. (Баркулабовская летопись), которые, как отмечает Е. Ф. Карский, с одной стороны, возникли под влиянием общерусских летописных сводов, с другой стороны, «в них рано проявились местные особенности как в форме, так и в содержании, а также в настроении и чувстве их составителей» [55].

В отношении определенно-личных предложений мы можем говорить о сохранении старорусских традиций, для отклонения от которых старобелорусский язык в данном случае не давал оснований.

Определенно-личные предложения с повелительным наклонением глагола-сказуемого находим и при противопоставлении действующих лиц: и кнѧ[з] великыи Витовтъ рекъ ѡц҃ѹ своемоу не вѣрѹи томоу. занже съ мною гораз[д]о живеть (Лет. Авраамки, л. 439 об. См. также Лет. Акад., л. 173—173об.); кнѧ[з] же великыи Ѳгаило переставъпивъ свои слюбъ и правдоу. мови[т]. поедь к Вилни. и тамо доко[н]чаемь (Лет. Авраамки, л. 443 об.); и боꙗре емѹ говори[ли] вѣли панѣ дворѧно[м] свои[м] в зброи оубира[ти]сѧ а мы с тобою (Лет. Крас., л. 89об.); а про то ѡберыте собѣ господара до[б]рого хто бы мѣлъ. боронити. того па[н]ства велико[г] кнѧ[з]ства Литовско[г] (Лет. Рачин., с. 240).

Как и в общерусских летописях, личное местоимение при формах повелительного наклонения встречаем редко: а рекучи передаитесѧ мнѣ слоужити. а ко[ли] ꙋ прiидѹ к городѹ и вы оузво[д] ѡпѹститѣ. и на мѡ[ст] положите (Лет. Крас., л. 85. См. также Лет. Рачин., с. 264); Пото[м] па[к] король Польски[и] Ѳкгеило почалъ просити брата свое[г] кнѧ҃ Витовта, рекучы брате милы[и] далъ тобѣ Богъ великую честь добылъ еси зе[м]ли Подольское Лито[в]скими силами а с чужы[х] сторо[н] нихто

[55] Е. Ф. Карский. Указ. соч., стр. 94.

тобѣ не помога[л], ѵчыни тэ[ж] ты мнѣ честь да[и] ми половицу зе[м]ли Подо[ль]ское ѵ пѣнезѧ[х] (Лет. Рачин., с. 261—262).

В первом примере — четкое противопоставление субъектов действия. Во втором такого ясного противопоставления нет, поскольку в тексте указано еще и третье действующее (но не противопоставленное) лицо, названное между противопоставленными лицами (а с чужы[х] сторо[н] нихто тобѣ не помога[л]) [56]. Однако повторение одного и того же глагола (*далъ — даи*), включение союза *тэ*[*ж*] (значение — *также*) способствуют логической связи различных субъектов действия.

Хотя в старобелорусских летописях при изъявительном и сослагательном наклонении обычно отсутствует личное местоимение даже и при противопоставлении субъектов действия (примеры под пунктом первым), однако, при наличии различных субъектов действия, значительное место (большее, чем в общерусских летописях) занимают синонимичные двусоставные предложения (примеры под пунктом вторым): 1) и на[ч]нѵть говори[ти] кн҃зю велико[м]ѵ Витовтѵ. кн҃зь вѣлики[и] Ѩкгаило посла[л] на[с] к тобѣ штобы еси въе[д]на[л] на[с] съ ѿце[м] свои[м] (Лет. Крас., л. 76 об. См. также Лет. Рачин., с. 251); Нещасливые новыны моему милостивому пану ознаймую, же наши битву з рокошаны проиграли (Лет. Баркул., л. 158); тут же промежи нами была силная и великая невзгода и посварокъ и велми о немъ штось дивне радили, хитре, мудре, скрыте, молчкомъ радили, о чомъ напередъ услышыте (Лет. Бакул., л. 169 об.); 2) и почнеть жаловати[с] сыноу своемѵ великомѵ кнѧзю Витѿ[в]тѫ. ты съ ни[м] гораздо живе[ш]. а ѡн оуже записалсѧ с Нѣмци на насъ (Лет. Авраамки, л. 439 об. См. также Лет. Акад., л. 173; Лет. Крас., л. 74 об.); и кн҃[з] великїи Витовть ѡвѣчаль правдѵ оу ва[с] берѵ што бы токо[ж] кн҃зь Скиргаило сѣмо приеха[л] а такоже бы правдѵ даль и ѧ выедѵ (Лет. Акад., л. 176 об. См. также Лет. Крас., л. 76об.); што еси да[л] на[м] половинѵ земли Подо[л]ское оу пѣнѧзе[х]. и мы тыи городы дали были па[н]у Спы[т]кѵ. оу два[д]цати тисѧча[х] копа[х] (Лет. Крас., л. 83 об. См. также Лет. Рачин., с. 262); Што первей всего по взятию Полоцка зсылалися наши бояре с твоими паны понеоднокрот, и ты о то намъ явно знати не дал (Лет. Баркул., № 140); Онъ тежъ повѣдалъ; «Я тежъ васъ не прошу, абысте який отказъ чинили от мене» (Лет. Баркул.).

Отметим примеры, где нет противопоставления действующих лиц: но понеиже писано братиѧ Ба҃ боитесѧ а кн҃зѧ чтите также

---

[56] Ср. в Лет. Крас.: пото[м] пакъ корѡ[л] По[л]скы[и] Ѩкгаило по҃ча[л] кн҃зѧ вѣлико[г] Вито[в]та брата свое[г] просп[ти] рекоу[чи] брате милыи да[л] тобѣ Бг҃ъ тѣю честь добы[л] еси земли По[до]льское. оучини те[ж] мнѣ честь даи ми половинѣ земли По[до]льское в пѣнѧзе[х]. (Лет. Крас., л. 83—83 об.). Здесь нет части текста (с *нихто*).

и а|з| хощю ва|м| повѣдати ѡ славномъ г[с]дри (Лет. Акад., л. 162); мы же на пре[д]ре[ч]ное возвратим[с]а (Лет. Акад., л. 165 об.); а рек[л]ъ великыи кнѧ[з] Витовтъ кнзю Ягаилоу. еще брате пошли до кнзѧ Скиргаила. што бы ѡ[н]. и ѧ дали бы[х]мо пра[в]доу ѿцоу своемоу. иже бы емѹ ч[с]то прихати. и ѡпа[т] ѿехати оу рать. а кнѧ[з] бы Скиргаило ѿ тебе да[л] правдоу (Лет. Авраамки, л. 433об. См. также Лет. Акад., л. 177).

В первом примере — авторское *я*, о котором мы говорили выше, рассматривая определенно-личные предложения в житийной литературе и в общерусских летописях (там это *я* обычно сопровождается самоуничижительной оценкой). Во втором примере — авторское *мы* при переходе в течении рассказа, о чем тоже говорилось выше. В обоих случаях личное местоимение имеет на себе логическое ударение. Особый интерес представляет третий пример, в котором к двум действующим лицам (третье — ѡнъ и первое — ѧ) относится один глагол-сказуемое (имеет форму 1-го лица мн. ч.). Оба местоимения выделены в речи и взаимосвязаны (употребление одного из них требует в данном предложении и постановки другого местоимения).

Большой материал для суждения о судьбе определенно-личных предложений в старобелорусской письменности дают переводные светские повести в списках XVI в. (одна — Александрия — в списке XVII в.).

Этот материал позволяет сделать вывод, что личное местоимение при формах повелительного наклонения употреблялось очень редко, обычно лишь при очень отчетливом, резком противопоставлении действующих лиц, когда имеется личное местоимение и при изъявительном наклонении глагола.

При менее отчетливом противопоставлении, как и в случаях без противопоставления, находим только определенно-личные предложения: и рече: ѡто-ж его возми, иначеи ти его не хочу дати (Ист. о Гвид., с. 138); Агулин почал говорыти юнаком: Верните сѧ опѧт, можем его потом убити (Ист. о Гвид., с. 143); И рек ему Трыщанъ: Поити хочу, не поведаи мѧ жаднои жывои душы (Пов. о витязях, с. 27); алеѯа^{н}деръ реклъ ему: можешъ мнѣ ю ѹказа^{т}. ѿповѣда^{л} анектанавъ: по᷑ди зо мною годины ночнои а ѹкажѹ тобѣ ю (Александрия, с. 30).

Приведем несколько примеров с личным местоимением из числа встретившихся нам случаев: и рече Бово Пулкану: Ꙗ хочу поити на тое воиско, а ты тут стережы Дружненны, абы еи ꙗкаꙗ зрада не стала (Ист. о Гвид. с. 158); и рече Пулканъ: Бово брате, поиди ты с панею тою дорогою, а ꙗ хочу поити тое воиско пробити (Ист. о Гвид., с. 160); Бово рече Симбалду: Зберы-ж ты сто тисеч воиска, а ꙗ поеду Додона лечыти до ѡсми днеи (Ист. о Гвид., с. 164); Трыщан рекъ: ѧ радъ вчынити

на ее волю, а ты не ходи никуды з двора, поедьмо ѡба посполе (Пов. о витязях, с. 42); даи ты мнѣ красную Ижоту, а ꙗ тобѣ дамъ дѣвку Брагиню (Пов. о витязях, с. 92).

Единичны случаи, когда при повелительном наклонении поставлено личное местоимение, а при изъявительном его нет: Брате, послухаи, хочу с тобою умову вчынити, хочу ти дати Костелъ град и на каждыи год десеть литръ злота, а ты ми даи Бова и Пулькана и Дружненну (Ист. о Гвид., с. 158); И корол ѡпат ему рекъ: Хочу ти водлуг первое умовы вчынити, иж тебе пущу, а ты зберы в городе тысечу молодцов, а нехаи на постели убьють Бова и Пулкана (Ист. о Гвид., с. 159); Мерлинъ рекъ: Могу ти споведати, але ты ма никому не повѣдаи (Пов. о витязях, с. 8).

В светских повестях господствуют определенно-личные предложения с изъявительным и сослагательным наклонением глагола-сказуемого. Они употребляются и при противопоставлении различных субъектов действия: Кгды непрыатель ѡбачыть, жэ есмо ещо цэло зостали, ничого противъ нам, ꙗко внимаю, не узъновить (Ист. о Атыле, с. 198); ѡна велела тобѣ мовити, абы еси собрал своего воиска пятнадцат тисеч конъных и прыехал взяти Антонъ градъ (Ист. о Гвид., с. 130); И Дружнена рекла: ѡчаровал еси, шатане, его, ꙗкъ борздо к тобѣ привык! (Ист. о Гвид., с. 152); Если хочешь со мною поити а быти воеводою над тыми сто конниками, за десеть иных зброиных хочу тобѣ платити (Ист. о Гвид., с. 162); Рек король: Если ми правду споведаешъ, буду тому велми вдячон (Пов. о витязях, с. 37); Тутъ с тобою не можем ничого почати, але ся росправиш со мною на дворе короля Артикуша битвою (Пов. о витезях, с. 58); Слышачи тыи слова царъ микола[1] ве[1]ми се ро[3]гнѣва[1] и реклъ ему: Бачъ то што тобѣ повѣдаю, присегаю пре[3] здоро[4]е ѡца моего, если на тебе намней плюнѫ ѫмрешъ (Александрия, с. 32).

Определенно-личные предложения употребляются и при обмене репликами, когда на какое-либо пожелание или на вопрос, обращенный к собеседнику (глагол-сказуемое стоит в форме 2-го лица ед. ч. повелительного или изъявительного наклонения), последний отвечает, бесспорно, подчеркивая свое личное участие в действии, обозначенном глаголом (в форме 1-го лица ед. ч.): И в тот час зрадца Бововъ прыехал Рычардо, и пытал его Симбалдо: Чому еси там замешкал? И ѡнъ ѡтказалъ: Не мовилъ есми зъ жоною ничего (Ист. о Гвид., с. 132); Панна еще ему рекла: Даи ми его; а Бово рек: Не дам ти его (Ист. о Гвид., с. 138); Рек Амурат: Готуи же ся къ битве. И Трыщан рекъ: На то есми прышол (Пов. о витязях, с. 21).

Следует отметить, что многочисленны и случаи с двусоставными предложениями, в частности, встречаются они и в текстах, передающих прямую речь — разговор двух лиц. Среди этих примеров имеются и такие, в которых постановка личного местоимения не обусловлена требованиями стиля, на местоимении нет логического ударения.

Приведем ряд примеров, где постановка местоимения вызвана необходимостью более четко противопоставить субъекты действия (примеры под пунктом первым), где на личном местоимении логическое ударение, поскольку при местоимении имеется приложение (примеры под пунктом вторым):

1) Вижу ѣ, жолнере намужненшые, же есте вы ѡ правдивых а мужных жолнеров крови далеко ѡтродили (Ист. о Атыле, с. 205); Ричардо рече: Пане, выслухаи мѧ: если ми не вѣрыш, што ѣ говору, вели мѧ ѡсадит у темницу до того часу, поки сѧ того добре довѣдаеш (Ист. о Гвид., с. 130); Королю, ты мене купилъ за двадцать литръ злота, ѣ тобе хочу дати за одну литру сто литръ: ѡзми тую землю, которую есми добылъ (Ист. о Гвид., с. 142); Аи боже! Почали сѧ велми цаловати, и рече Дружненна Бову: Хочеш ли у дворе зостати, чы-ли хочемо ехати? Рече Бово: ѧ хочу в дорогу, даи ми мою зброю (Ист. о Гвид., с. 152)[57]; Трыщанъ рек: ѣ хочу видети докуль ты можешъ стерпети (Пов. о витязях, с. 64); Рек Трыщан Ижоте: А ты што мыслиш ѡ том? Ѡна сѧ была престрашыла и рекла плачучи: Трыщане, ѧ не вмею ѡ том мовити, ѣ тобе дана в твои руки и в опеку (Пов. о витязях, с. 71)[58]; ачъ колвекъ есть речъ небеспечна цареви ити за посла, а всѣкоѫ се не лека, бо ѣ тобѣ будѹ помочи, иж жадного ѹтиѻку не почѹешъ (Александрия, с. 62); 2) ѣ Пулкан не видел есми ни ѡдного чоловѣка, хто бы сѧ мнѣ опротивил (Ист. о Гвид., с. 156); И прышол мои ѡтецъ и Маркобрун, и поимали моего ѡтца и Маркобруна, а ѣ, злочастница, поставила Бова в тот час витезем и тогды сѧ есми довѣдала, хто его ѡтец (Ист. о Гвид., с. 151)[59]; Рекъ Трыщанъ: Вѣдаете-ль вы, морнары, гдѣ есть тот Плачевныи городъ? (Пов. о витязях, с. 70); Трыщан рече: Мы Трыщан и Анцолот прырекамы словом рыцэрским: Доколь конь не падет, не хочу зъсести (Пов. о витязях, с. 124); а взглѣдаючи на него филипъ реклъ до него: тепереѫ весело ѹже ѹмираю, коли ты алеѯаѫдре забивши моего непрыѣтелѣ взѣѫ великую помъсту наѫ нимъ длѣ мене (Александрия, с. 35)[60].

В следующих примерах, согласно нормам древнерусского языка, личное местоимение не должно было бы стоять, поскольку для его постановки нет стилистических обоснований: Давшы ему хлѣбъ пошла вон, и почала мыслити и рече: Бѣда ми, если ѣ тое дитѧ умору (Ист. о Гвид., с. 134); И почала его пытати ѡ роду его, ѡтколе ест. Бово еи отказал: Ты зло говорыш, великую ми крывду чыниш, чому тобѣ моего роду до-

---

[57] Личное местоимение в предложении, содержащем ответ на вопрос, обращенный непосредственно к данному лицу. Ср. приведенный ниже пример (Пов. о витязях, с. 71), где личное местоимение — и в вопросе, и в ответе.

[58] Личное местоимение и в вопросе и в ответе.

[59] В тексте имеется и противопоставление субъектов действия.

[60] См. предыдущую сноску.

вѣдовати сѧ? (Ист. о Гвид., с. 137); и рече ему король Арменилъ: Перво бых тѧ всего розсекъ, нижли тѣ дам (Ист. о Гвид., с. 139); И догонилъ Бово и рече: Мы есмо добре дошли в тои земли (Ист. о Гвид., с. 160); Король рек: уже тако бых ю мѣлъ в мене, тѣ тобѣ повѣмъ тую, которую бых мѣти хотѣлъ (Пов. о витязях, с. 53); Рек Трыщан: тѣ слышал ѡт людеи говоречы зло ѡ тобѣ, але коли бых тѧ такъ не пустилъ, тѣ быхъ мстилъ на тобѣ, за твою злост и зраду (Пов. о витязях, с. 62); И кроль рекъ: Коли бых хотѣлъ, тѣ бых тобѣ дал за каждого пѣшка ездчалого витезѧ, а за короля того крола Артиуша (Пов. о витязях, с. 110); Слышачи то дари' по[к]неслъсе и реклъ. приѣтелю што[ж] то чинишъ, иж ты кубки до пазухи ховаешъ (Александрия, с. 64).

В ряде приведенных выше примеров (Ист. о Гвид., с. 139; Пов. о витязях, с. 53, с. 110; Александрия, с. 64) личное местоимение стоит не перед первым, а перед вторым глаголом-сказуемым. Эту особенность мы отметили выше, говоря об юридических памятниках, где она встречается в показаниях допрашиваемых лиц, т. е. тоже в прямой речи. Обычно находим местоимение при глаголе-сказуемом во второй части сложного предложения (а не при втором глаголе-сказуемом в простом предложении). Местоимение, как мы полагаем, поставлено для того, чтобы выделить в речи высказывание, содержащееся в этой части предложения, подчеркнуть главное, основное, на что надо обратить внимание. Само местоимение уже не является носителем логического ударения.

Повесть религиозного содержания «Страсти Христовы» по списку XV в. и по содержанию и по стилю изложения отличается от рассмотренных выше светских повестей.

Тем не менее в отношении употребления определенно-личных предложений эту повесть можно сблизить со светскими повестями.

Как и в этих последних, личное местоимение при формах повелительного наклонения встречается крайне редко и является носителем логического ударения: рече имъ пила коли тѣ речь из блоузненїа есть возмите его вы а подлоу закону вашого соудите его. приводѧче до божнице вашое (Страсти Христовы, л. 8 об.); тогды ѿповеделъ пила и реклъ имъ пила поведаите и вы мине ка тѣ могоу коли есми ѧ староста. вашого цр҃ѧ слоухати (Страсти Христовы, л. 16 об.); да нине вы не хаите чл҃вка того. бо не есть достоенъ см҃рти (Страсти Христовы, л. 20).

Формы без личного местоимения находим и при противопоставлении лиц: не плачи жоно не плачи ѡблюбеница. не ѡпоускаю тебе не полишаю тебе с тобою боудоу на всѧкїи ча на веки (Страсти Христовы, л. 12 об.); дали пѣнази ритере мои рекоучи г҃оворите та иже оучнове его тело его ѹкрали. коли есте спали (Страсти

Христовы, л. 31); а нине послухаите мене сн҃ве израгельскїе. подите а пошлимо моуже на горы израгельскїе (Страсти Христовы, л. 36 об.); а оутерши лице мое поцелова мене ⟨некоторыї⟩ и реклъ мн їосе не боисе возри на мене а оузнаи кто есми ѣа (Страсти Христовы, л. 37 об.).

В памятнике полное господство определенно-личных предложений с формами изъявительного и сослагательного наклонения, однако значительно и число двусоставных предложений с личным местоимением.

Приведем несколько примеров, где личное местоимение отсутствует и при противопоставлении субъектов действия: зроузоумела есми иже вежды терпѣти хочешь (Страсти Христовы, л. 3 об.); и реклъ емоу їс҃ъ за правдоу мовлю тобе нине со мною боуде оу раю (Страсти Христовы, л. 22); ѡповеде емоу левві и чи не вѣдаете wд нѣго есми законоу наоучилсѧ (Страсти Христовы, л. 31 об.); да ѡповедевши їосепъ реклъ имъ коли оусадили есте мене оу де вечернїи и бы есми тамъ оусю соуботоу (Страсти Христовы, л. 37 об.).

Определенно-личное предложение встретилось даже тогда, когда в тексте имеются слова, которые должны были бы выступить в качестве приложения к этому местоимению: ѡ сн҃оу мои наимилеишїи. што далеи боудоу чинити. *бедная матка твоѣа* (Страсти Христовы, л. 11об.).

Примеры, в которых постановка личного местоимения не имеет стилистических обоснований, немногочисленны, причем не бесспорны. Личное местоимение, как правило, стоит или при противопоставлении субъектов, или при наличии приложения, или при ответе на вопрос, когда есть необходимость поставить на местоимении логическое ударение: 1) и реклъ ⟨июдашъ⟩ ѣа ведаю гораздъ вы чините (Страсти Христовы, л. 1); ѡповеде петръ рече т емоу. хотѧ вси оубоѣатсѧ а ѣа николи не оубоюсе (Страсти Христовы, л. 5 об.); какъ бы тако реклъ млтвїыи бо. ѡ їюда ты твори што бы не вѣда. што ты чини вѣдаю ѣа твои лихии оумыслъ заню мне оусе на небе и на земли ѣавно есть (Страсти Христовы, л. 6 об.); реклъ те леввии, то што мои симеѡнъ молви. та и їа говорю (Страсти Христовы, л. 32); 2) ѡ ты проклѧтыи розделца матки и с сино. ѡ преневѣрныи злодею. ачь еси не хоте смиловатисе над сино. смиловатисе было хотѧ надъ маткою (Страсти Христовы, л. 1 об.); и кде ѧ беднаѧ матка до кого оутекоу сѧ всѧкое потенїе мене ѡпоустило (Страсти Христовы, л. 4 об.); Тые соу бжье стые таемности. которыи видели и слы-

шали есмо. їа кариноу а ленцию. бра мои (Страсти Христовы, л. 30); 3) тогды староста раклъ старце и писменнико. чи не видели есте ка хорогви сами нагноулисе и хвалили їса. тогды ѡни рекли мы гораздо видели есмо ѡчима нашима. поклонилисе хѵроужїи и с хороугвами. а хвалїли їса (Страсти Христовы, л. 17 об.).

Отметим случаи, в которых постановка личного местоимения, возможно, не имеет стилистических обоснований: тогда июда взавши панази[61] ѡд жидовъ реклъ. а ва ѡбеца есми того чл҃вка выдати. а хочоу тое ра оучинити (Страсти Христовы, л. 1); ѡповеда петръ. ѡ господи маю лі҃ та того дела части с тобою оу цртве твое страдати. не толко ми ногы оумыи але и роуце и головоу (Страсти Христовы, л. 5); да полишивши пилатъ їса на ратоуши. вышолъ до жидо реклъ имъ ѡто та оу немъ не ѡдное вины не знаидоу (Страсти Христовы, л. 19); тогды староста каза штобы оуси жидове. которые были передъ ратоушамъ собраны маленко ѡстоупили ѡ бличьа его. ѡпро кнажа капланскы и старцо и призвавши їса к собе реклъ емоу што та тобе уочиню (Страсти Христовы, л. 19 об.); реклъ давы до пекла тые слова голоса того та знаю. бо та чере дха стго прркова есми (Страсти Христовы, л. 29).

Рассмотренные нами старобелорусские памятники подтверждают положение, которое нами было высказано выше, а именно, о сходных путях развития определенно-личных предложений в старорусском и старобелорусском языках. Уже в старобелорусских памятниках XVI в. мы находим значительное число двусоставных предложений с личным местоимением 1-го и 2-го лица, однако и в памятниках XVII в. они не вытеснили определенно-личных предложений.

Если медленно шел рост предложений с личным местоимением, для постановки которого не было стилистических обоснований, то весьма показательным является все большее использование личных местоимений в стилистических целях (особенно при противопоставлении).

Очевидно, противопоставление действующих лиц в определенно-личных предложениях становилось с течением времени все менее отчетливым, приходилось все чаще прибегать к помощи личных местоимений.

---

[61] Так в рукописи.

И памятники староукраинской письменности свидетельствуют о том, что определенно-личные предложения даже в XVII в. не были вытеснены синонимичными двусоставными предложениями.

Характерны в этом отношении показания грамот XVII в. Грамоты сохраняют определенно-личные предложения даже и в тех случаях, когда постановка личного местоимения является, казалось бы, необходимой (см. первый пример, в котором слова *недостойный в епископах Исаия*, без местоимения *я*, требуют 3-го лица глагола, а не первого, как в тексте) или может быть оправдана стилистическими причинами: Мира, здравия, и спасения, и многолетствия от господа бога вседержителя вашему преосвященству недостойный в епископах Исаия присно желаю (Укр. гр. 1622 г., Вос. Укр. с Рос., т. I, № 15); Нічого іншего не розуміемо, тилко с презреня божего тое стался мусіло, же і послув вашой велможности, хоч не до нас посланих, вдячне принявши, с честю отпускаем (Укр. гр. 1648 г., Вос. Укр. с Рос., т. II, № 13); притом отдаемося ласкавай приязни вашой. Дан спод Константинова, іюля 29, 1648. Богдан Хмельницкий, рука власна (Укр. гр. 1648 г., Вос. Укр. с Рос., т. II, № 34); Твое же великое святительство молим: да изволиши о нас к богу и к великому государю его царскому величеству неусыпный ходатай быти (Укр. гр. 1659 г., Вос. Укр. с Рос., т. III, № 186).

Большой интерес для изучения истории определенно-личных предложений представляет религиозная полемическая литература XVI—XVII вв., язык которой — своеобразный синтез старославянского языка и народного разговорного языка. Доля того и другого в различных произведениях не одинакова даже в сочинениях, принадлежащих одному автору; особенно заметно влияние старославянского языка там, где излагаются догмы православной церкви и, конечно, в цитатах из священных книг. Вот почему ниже мы приводим примеры преимущественно из тех мест текста, где это влияние менее заметно.

При исследовании синтаксиса полемической литературы необходимо учитывать и характерную для нее вопросо-ответную форму: *Пытаемо* (обычно без *мы*) — *Отповѣдаемо* или *укажемо* (обычно без *мы*) [62]. Для нашей темы представляет большой интерес и непосредственное обращение в тексте к тому или иному лицу — к инакомыслящему, в споре с ним, к православному — с целью убедить его быть твердым в вере, научить, как отвечать противнику.

Такая форма требовала и подчеркивания логического ударения, вследствие чего и при повелительном наклонении часто ставилось личное местоимение: Але стой ты, крывоногий бачмажниче и з своею крывоножною бачмагою, ци можеш нею попрати силу вражию, яко тот невытрътый черевичище. (Виш. Книжка, с. 29); С нами бог, восточными! Разумѣите, языци, и ты, прегордая ла-

[62] Встречаем и 1-е лицо ед. ч. названных глаголов.

тино, и покаряйся, як с нами бог! (Виш. Книжка, с. 35); Ты же кротко отвѣщай ему (Виш. Книжка, с. 99. См. еще ряд сходных примеров в главе шестой: «Иоанна мниха извѣщение краткое о латинских прелестех, о заблуждении от пути истиннаго и болезнех смертоносного мудрования»); но ты убо шествуй с машкари и комедиами, вы же, православнии, истиннѣ послѣдуйте (Виш. Книжка, с. 121); але лакомтеся вы, руски народѣ, на свое мнихи, жебы ся спасали, и святили, и богоугодницы были (Виш. Позорище, с. 218); Слухай, православный, и ты, отступнику! (Палин. Копыст., с . 525).

Однако, в сходных случаях, встречаем и определенно-личные предложения: Здойми одно, отче владыка, жестоковыйство, фараонское або Египет'ское съ карку! (Отв. клир. Острож., с. 404); Не бойтеся убо, о православнии, гласа рапсака папы рымского, мовячого: «Кто избавит Русь от прелести невѣрия папы рымского?» (Виш. Книжка, с. 21); Пощупайся тылко в лысую головку, ксенже бискупе луцкий, колко еси за своего священства живых мертво ко богу послал, одных сѣканою, других водотопленою, третих огнепалною смертю от сея жизни изгнал? (Виш. Книжка, с. 54); Сего всего, миролюбный иноче, во общении людском без подвига пустынного получити не можешь никакожь, а коли не получиш, то вѣдай о том, ижь инок именем токмо вомѣнился еси, дѣлом же беглец и пленик от сопротиворатных обрящешися (Виш. Позорище, с. 220); Видиши ли, госпоже Домникие, як пан Юрко не вѣсть нашего слѣда, по чину и степени к богу приводящего (Виш. Послания, с. 162. Послание Домникии); Слышишъ, отступнику, якъ высокую похвалу Павлови чинитъ Златоустый святый? (Палин. Копыст., с. 445).

В религиозной полемической литературе при формах 1-го и 2-го лица изъявительного и сослагательного наклонения, как правило, личное местоимение отсутствует, следовательно, господствуют определенно-личные предложения. Отметим, что нормой является определенно-личное предложение и в авторских замечаниях от первого лица. Приведем несколько примеров (в их числе и те, где противопоставляются действующие лица): Кгды маемо самое жродло писма, о струменѣ не дбаемъ (Ист. о Флор. соборе, с. 447); Отповѣдаемо для чого бы церковъ Восточная не мѣла быти правдивою, бо ся тежъ за нею яко и за всѣми вѣрными, Отцу Своему Христосъ молилъ? (Отв. клир. Острож., с. 413); Укажемо, ижъ о церкви Восточной прообразовали и пророковали пророцы (Отв. клир. Острож., с. 414); Вопросил бых вас, что ест труд очищения, але вѣм, иж вам ни снилося о том (Виш. Книжка, с. 52); Волно вам не вѣровати, але умры тылко, тогда узриши, если лгу или правду мовлю (Виш. Книжка, с. 77); На тое вам, панове бискупи, так отповѣмъ: махлюйте як хочете, махлюйте и лжѣте (Виш. Книжка, с. 78); И поймали есте того попа, и вывели его вонъ изъ мѣста, и дали есте его всадити во иншомъ мѣстѣ въ городку на колько мѣсяцовъ, абы ового передъ людьми не говорилъ (Пересторога, с. 224);

www.ruslang.ru

Оттолѣ судимо, же Петръ святый Римскоѣ столицы властнымъ епикопомъ не былъ (Пересторога, с. 231); Не толко то естъ грѣхъ — вѣдаючи грѣшити, але гды и зъ невѣдомости грѣшимо (Палин. Копыст., с. 319); Указалемъ то вышей въ первомъ артикулѣ зъ Василія Великого; указую тутъ теперь зъ божественнаго Амвросія (Палин. Копыст., с. 390); Але еще божественного Златоустого, о самомъ Павлѣ мовячого, послухаймо (Палин. Копыст., с. 442).

Личное местоимение при формах изъявительного и сослагательного наклонения находим при переходах в течении рассказа, при противопоставлении, при наличии приложения.

Ограничимся лишь некоторыми примерами: Але мы так до нихъ мовимо: иншая есть речь быти кому, а иншая быти от кого (Ист. о Флор. соборе, с. 453—454); И я то бач[ю], и всѣмъ есть явно, же оная Флоренская унѣя або слушнѣй листрикійскій съборъ — презъ теперешнюю ваш[ю] згоду одновлен' (Отв. клир. Острож., с. 411—412); Але, вѣм, же тое знаеш и ты, яко папеж умирает також, як и той, который щастя нѣмает, и горше (Виш. Книжка, с. 34); Видиши ли лож, от отца диавола учениками его сочиненную? Но мы довольно обличим лжу и прелест сию латинскую. (Виш. Книжка, с. 113); Пытаю вас, не от сих ли ваш хитрѣйший Патѣй, которого ты, панѣ Юрку, хвалил и залицал! (Виш. Послания, с. 165. Послание Домникии); Естли онъ признаетъ, же не по конѣ пана воеводы Кіевского, але отъ мене зъ здрадою ѣздилъ: я готовъ горло мое дати. (Пересторога, с. 218); То Беллярминъ, которого отступникове слухати повинни будучи, то все што онъ тутъ повѣдаетъ признаваютъ. А мы на то оповѣдаемо (Палин. Копыст., с. 370); Отступникове теды показати были повинни не ово, же Петръ св. естъ каменемъ, што мы признаваемо, але то, же, за тымъ его таковымъ именемъ естъ Петръ удѣлнымъ монархою церковнымъ, чого мы не признаваемо (Палин. Копыст., с. 381).

Примеры, в которых постановка личного местоимения не имеет стилистических обоснований, не всегда достаточно убедительны и встречаются редко.

К числу таких случаев, когда личное местоимение могло бы не стоять, относим в первую очередь следующие, где личное местоимение употреблено не перед первым, а перед вторым глаголом-сказуемым[63]: Албо мнимаеш, иж ты што богобойного от шинкарки навык? (Виш. Книжка, с. 36. См. еще ряд сходных примеров на той же странице); Видите ли, як вы бога отверглися есте! Видите ли, яко вы добро глаголати, зли суще, не можете! (Виш. Книжка, с. 62); А коли того первого слова не знаете, чим же вы над попы превозносите и станом епископским славити смѣете? (Виш. Книжка, с. 74).

Полагаю, что нет логического ударения на личном местоимении в приведенных ниже примерах (в последнем — обращение стоит

[63] См. выше замечания о постановке личного местоимения перед вторым глаголом-сказуемым в белорусских юридических памятниках и в светских повестях.

до местоимения): Отповѣт. Тую тайну иноческого чина убиру я тобѣ открыю, толко прошу тя пилне послухай. (Виш. Книжка, с. 25); Если зас ты што иноку сказовати хощеши, не маеш ничого такового в скарбѣ сердца своего, чим бы еси инока ползовати могл, але еще бы еси его своими повѣстми и до конца отрул (Виш. Книжка, с. 37); Пытаю вас, лживые бискупи, чим ся вы хвалите, — чим не были, ни естесте и николи не будете (Виш. Книжка, с. 74).

Художественные произведения первой половины XVIIв., в том числе интермедии к духовной драме Я. Гаватовича, характерные своим языком, близким к народной разговорной речи, также свидетельствуют о том, что употребление личного местоимения служило целям стилистическим.

Приведем несколько примеров с личным местоимением при формах повелительного и при формах изъявительного и сослагательного наклонений.

В этих примерах на местоимении, бесспорно, логическое ударение, в частности в тех из них, которые встретились в сборнике стихов «Перло многоценное» (с обращением к смерти): 1) И ты, днешній гетмане, зацный Олефѣру, Щасливе справуй войском тым, а ховай вѣру (Вірши Саковича); Максим: Ей, Денісу, Ідиш же ти собі к бісу! Колі не будет пирога, Будем плакати на бога (Инт. Гаватовича); 2) О смерти гнѣвливая, злосливая, Слѣпая, глухая и нежалосливая, Тылко на жалость нашу сквапливая, Ты мене молодого несподѣванне уморила И двоякое дивовиско надо мною сътворила (Перло многоценное); О смерти гнѣвливая и страшливая, Ты цесаром и крулюм коруны здыймуеш, А голыми головами их до гробу вандруеш, Ты много злого на том свѣтѣ броиш И с премудрых филозофов смѣховиска строиш (Перло многоценное); О смерти слѣпая и глухая. Ты персонами славных браковати не знаеш. Ты пред жалостю уха свои затикаеш (Перло многоценное); Рицко: Ліпше, брате! я з тобою Іду, ти іди зе мною. (Инт. Гаватовича); Рицко: Іди з нами, Та ми ідем от давай сами (Инт. Гаватовича); Максим: Ей, брате, и я не маю. Рицю, ти маеш, я знаю! (Инт. Гаватовича).

В интермедиях к драме Я. Гаватовича, при непосредственном обращении к собеседнику, в этом обращении — вопросе и в ответе на него — встречаем употребление личного местоимения: Климко: Що тут ти, побратиме, собі порабляеш? Кажи міні як живеш, та и як ся маеш? — Стецко: Я тут не роблю ничого, Ось иду до дому свого, Та и з тоємі горшкамі, Як з своімі сусідами (Инт. Гаватовича). Характерно, однако, что и при этих условиях могут сохраняться определенно-личные предложения: Климко: Та и много поля маеш? Стецко: Маю — та що так питаеш? (Инт. Гаватовича).

Определенно-личные предложения находим в интермедиях, и тогда, когда нет указанных условий (вопроса — ответа), имеются и случаи, когда, казалось бы, могло стоять определенно-личное предложение, а в тексте — двусоставное.

Не останавливаемся на этих примерах, так как, возможно, употребление того или иного типа предложения (как, впрочем и в приведенных выше случаях) может быть объяснено особенностями стихотворной речи.

Важно отметить, что и в народных песнях второй половины XVI в. — первой четверти XVII в. в сходных условиях употребляются то определенно-личные, то двусоставные предложения:

1) Коли схочеш поїхати, не буду тебе тримати (Песня про казака и Кулину);

2) (Одрекла дівонька): «Пусти мня Стефане! Скочу я у Дунай, у Дунай, у Дунай глубокий. А хто мя доплинет, [то] его я буду» (Стефан-воевода);

В следующем примере вопрос не содержит местоимения, в ответе — личное местоимение: Гой козачейку, пане же мій, далек же маєш домик свій — При березі, при Дунаю, Там я свою хижу маю (Песня про казака и Кулину).

Рассмотренный материал староукраинских памятников свидетельствует о том, что и в XVII в. сохранялись определенно-личные предложения, хотя все большее место, преимущественно в целях стилистических, стали занимать синонимичные двусоставные предложения.

Старорусские, старобелорусские и староукраинские памятники дают общую для всех восточнославянских языков картину. Процесс вытеснения определенно-личных предложений синонимичными двусоставными, начавшийся еще в период общерусского единства, шел сходными путями в восточнославянских языках.

Мы имеем основание сделать вывод, что соотношение определенно-личных и синонимичных двусоставных предложений зависело не от того, на какой восточнославянской территории возник памятник, а от жанра произведения.

Как неоднократно отмечалось выше, употребление личных местоимений вызывалось требованиями стиля, личное местоимение, как правило, было носителем логического ударения.

Когда личное местоимение вошло в состав предложения и определенно-личное предложение превратилось в личное двусоставное предложение, была утрачена возможность подчеркнуть действующее лицо только путем постановки личного местоимения.

Язык развил другие средства, которые позволяют выделить в речи 1-е и 2-е лицо. Все шире начинают употребляться приложения, при этом и развернутого типа (особенно в художественных произведениях), все большую роль начинают играть порядок слов, а также союзы, связывающие отдельные члены предложения и части предложения.

Предложения без личного местоимения 1-го и 2-го лица на этом новом этапе истории восточнославянских языков являются неполными предложениями, и требует объяснения уже не постановка личного местоимения, а его отсутствие в тексте.

НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

I. Высказывания синтаксистов о неопределенно-личных предложениях

Неопределенно-личные предложения занимают как бы промежуточное положение между определенно-личными и безличными предложениями, в то же время в ряде случаев трудно решить, следует ли отнести предложение к неопределенно-личным или неполным с опущенным подлежащим.

Для неопределенно-личных предложений характерны два признака: 1) подлежащее отсутствует, и его невозможно выяснить из контекста; 2) сказуемое выражено формой 3-го лица глагола (всех времен).

В отличие от современных восточнославянских языков, в которых глагольное сказуемое неопределенно-личных предложений имеет только форму 3-го лица мн. ч., в древнерусском языке глагольное сказуемое неопределенно-личных предложений могло быть выражено и формой 3-го лица ед. ч., что уже отмечалось в лингвистической литературе [1].

3-е лицо глагола менее конкретно, чем 1-е или 2-е, что и ведет, при отсутствии подлежащего и невозможности выяснить его из контекста, к неопределенности действующего лица.

Несомненно, однако, что неопределенность 3-го лица мн. ч. глагола [2] значительно больше неопределенности 3-го лица ед. ч.:

---

[1] См.: В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение). Львов, 1949, стр. 106—107.

[2] С. И. Сятковский отмечает широкое распространение этих неопределенно-личных предложений (автор называет их собственно неопределенно-личными предложениями) в современных славянских языках, приводя примеры из русского, украинского, польского, чешского и сербскохорватского языков («Неопределенно-личные предложения в современных славянских языках». — В сб.: «Славянская филология», вып. 5. Изд-во МГУ, 1963).

О широком распространении в современном украинском языке бесподлежащных конструкций с глаголом прошедшего времени на *-ли* (говорится об употреблении и бесподлежащных конструкций со сказуемым-глаголом в 3-м лице мн. ч. настоящего и будущего времени) см.: О. Курило. Про українські безпідметові конструкції з присудковими дієприслівни-

при 3-м лице ед. ч. легче представить себе действующее лицо, присоединить к глаголу-сказуемому подлежащее, хотя бы и не в полной мере раскрывающее это лицо (местоимение *кто* в его неопределенном значении *кто-то*, *кто-нибудь*).

Впрочем, в ряде случаев и 3-е лицо мн. ч. позволяет присоединить подлежащее с неопределенным значением *какие-нибудь люди*, причем это мн. ч. может указывать одновременно и на множественность и на единичность [3].

Работ, посвященных специально неопределенно-личным предложениям в древнерусском языке, нет, что, возможно, объясняется относительным однообразием типов этих предложений в памятниках различных жанров [4].

Им отводится место (весьма ограниченное) в общих трудах по историческому синтаксису, в исследованиях, посвященных синтаксическим явлениям отдельных памятников письменности и, наконец, в работах об односоставных предложениях [5].

Значительно больше внимания уделено неопределенно-личным предложениям в современном русском языке. Ряд статей, диссертаций рассматривает или только неопределенно-личные предложения, или эти предложения наряду с определенно-личными или обобщенно-личными [6].

ками на *-но*, *-то*. «Збірник секції граматики української мови», кн. 1. У Києві, 1930, стр. 16—17.

Предложения с опущенным подлежащим «вследствие ненадобности обозначения деятеля или потому, что деятель неизвестен, или потому, что он каждому известен и по другим подобным причинам», в современном и старинном белорусском языке отмечаются в исследовании: Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3. М., 1956, стр. 320.

[3] См.: В. И. Борковский. Указ. соч., стр. 108. — Интересные высказывания о неопределенно-личных предложениях в современном болгарском языке содержит труд: К. Попов. Съвременен български език. Синтаксис. София, 1962 (см. стр. 81—83). Автор отмечает, что смысловым синонимом неопределенно-личного предложения (к ним К. Попов относит лишь предложения с глаголом в 3-м лице множественного числа) являются предложения, в которых подлежащее выражено неопределенным местоимением *някой* (см. стр. 82).

[4] Эти предложения заинтересовали М. Х. Партенадзе, опубликовавшего пока лишь тезисы: «Наблюдения над неопределенно-личными предложениями в «Повести временных лет» и в «Русской Правде». — XXIII Научная сессия 1962 г. с 23 апреля по 28 апреля. План работы и тезисы докладов. Изд. Батумского пед. ин-та. Батуми, 1962.

[5] См., например: В. И. Собинникова. Односоставные предложения во 2-й Псковской летописи. «Труды Воронежского гос. ун-та», т. XXVIII, 1953.

[6] См.: А. А. Юдин. Неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения в современном русском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1951; Он же. Неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения в современном русском языке. «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», т. 75. Кафедра русского языка, вып. 4, 1954; Т. Г. Почтенная. Определенно-личные и неопределенно-личные предложения в современном русском языке. Автореф. канд. дисс., М., 1954; Т. А. Харазишвили. Неопределенно-личные предложения в русском языке. «Труды Тбилисского пед. ин-та,» т. X, 1955.

Исследовав неопределенно-личные предложения в старославянском языке и приведя несколько примеров, С. И. Груздева отметила, что «во многих случаях в старославянских текстах нет вполне четкой границы между предложениями неполными, с одной стороны, и безличными, номинативными и неопределенно-личными — с другой» [7].

И в древнерусских памятниках не всегда прослеживается четкая граница между неопределенно-личными предложениями и некоторыми другими типами предложения.

Однако можно говорить и о расширении сферы употребления неопределенно-личных предложений, и о постепенном ограничении предложений, неясных с точки зрения их отнесенности к определенному структурно-семантическому типу.

Так, в отношении Синодального списка 1-й Новгородской летописи Е. С. Истрина отмечает, что только «иногда бывает затруднительно решить вопрос, является ли данное предложение неопределенно-личным или является оно неполным, и подлежащее его может быть восстановлено по контексту» [8].

Е. С. Истрина приводит несколько примеров с 3-м лицом множественного числа и делает заслуживающий внимания вывод, что случаев употребления сказуемого в форме прошедшего времени на *-лъ* (*-ли*) мало.

Е. С. Истрина не говорит о том, насколько вообще распространены в летописи неопределенно-личные предложения.

Отмечая ряд примеров из Лаврентьевской летописи, в которых сказуемое стоит в 3 л. мн. ч., подлежащее можно бы подразумевать, но для этого нет надобности» [9] (автор сравнивает их со сходными случаями с неопределенно-личными предложениями у Е. С. Истриной), Е. Ф. Карский также не высказывается о степени их распространенности.

В отношении более поздней по времени создания 2-й Псковской летописи (памятник 80-х годов XV в., в то время как Синодальный список 1-й Новгородской летописи принадлежит второй половине XIII в. — первой половине XIV в., а Лаврентьевская летопись — 1377-му году) В. И. Собинникова пишет: «Неопределенно-личные предложения очень распространены в летописи, что объясняется повествовательным характером памятника» [10].

Сравнительно небольшое число случаев с неопределенно-личным предложением в новгородских грамотах, опубликованных

[7] С. И. Груздева. Об односоставных предложениях в старославянском языке. «Уч. зап. ЛГУ», № 197. Серия филол. наук, вып. 23. Очерки и исследования по истории языка, 1957, стр. 91.

[8] Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи. М., 1923, стр. 45.

[9] Е. Ф. Карский. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи. Л., 1929, стр. 13.

[10] В. И. Собинникова. Указ. соч., стр. 189 (примеры не приводятся).

в труде А. А. Шахматова «Исследование о языке Новгородских грамот XIII и XIV века» (Исследования по русскому языку. Издание ОРЯС АН, т. I. СПб. 1885—1895).

Как отмечает В. И. Борковский в работе о синтаксисе этих грамот, на три поздние грамоты (XV в.) приходится с формой 3-го лица мн. ч. настоящего или будущего времени больше примеров, чем на все остальные 18 грамот [11].

Что касается примеров с формой 3-го лица мн. ч. прошедшего времени на *-лъ*, то их только три, причем два из них в той же грамоте XV в., в которой встретился и пример с 3-м лицом мн. ч. будущего времени [12].

В труде В. И. Борковского «Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение)», в котором выводы строятся на материале 219-ти грамот различных княжеств и разных периодов, приведены многочисленные примеры с неопределенно-личными предложениями.

Неопределенно-личные предложения встретились в новгородских, московских, ярославских, смоленских, полоцких грамотах.

Больше всего их в договорных грамотах. Поскольку неопределенно-личное предложение весьма часто является придаточной частью сложноподчиненного условного предложения, в роли сказуемого обычно выступает 3-е лицо (как правило, мн. ч., редко — ед. ч.) будущего (простого) времени глагола.

В исследованных В. И. Борковским новгородских грамотах на бересте, представляющих собою преимущественно частные письма, бесспорных случаев с неопределенно-личным предложением (глагол-сказуемое стоит в 3-м лице мн. ч.) только семь [13].

Сохранившись в памятниках [14] старорусских, староукраинских и старобелорусских, неопределенно-личные предложения (со сказуемым-глаголом в форме 3-го лица мн. ч.) стали и принадлежностью современных восточнославянских языков (как литературных языков, так и диалектов восточнославянских языков, где они весьма употребительны) [15].

---

[11] См.: В. И. Борковский. О синтаксических явлениях новгородских грамот XIII—XIV века. «Изв. Крымского пед. ин-та», т. IX. 1940, стр. 129.

[12] Там же, стр. 129.

[13] См.: А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958, стр. 141—142; Они же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958 стр. 129; Они же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963, стр. 280.

[14] Неопределенно-личные предложения находим в произведениях различных жанров, но особенно часты они в пословицах, а также в записях живой разговорной речи, о чем свидетельствует «Русская грамматика» Генриха Вильгельма Лудольфа (Оксфорд, 1696).

[15] См., в частности, работы по синтаксису русских народных говоров: А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения. М., 1953, стр. 131; В. И. Собинникова. Простое

II. Неопределенно-личные предложения в различных жанрах древнерусской письменности

Переходим к рассмотрению материала памятников различных жанров, что позволит нам решить вопрос о типах неопределенно-личных предложений и их судьбе в восточнославянских языках.

Весьма интересны показания Русской Правды по древнейшему списку 1282 г. В этом своде законов, привлекавшем внимание филологов, историков, юристов, встречаем многочисленные случаи употребления неопределенно-личных предложений, причем значительным числом примеров представлены неопределенно-личные предложения с глаголом-сказуемым в форме 3-го лица ед. ч.

Во всех случаях этот глагол-сказуемое указывает на неопределенное лицо, на каждого, кто совершил, совершает или совершит обозначаемое этим глаголом действие. При глаголе можно подразумевать местоимение *кто* (это местоимение и стоит в сходных случаях, составляющих большинство) в его неопределенном значении *кто-то, кто-либо*.

Характерно, что такое неопределенно-личное предложение может быть даже заглавием статьи, причем за этим заглавием идет тоже неопределенно-личное предложение, но уже в тексте статьи: оже *станеть* без вины на разбои. *Боудеть* ли *сталъ* на разбои. безъ всакоѥ свады. то за разбоиника людьѥ не платать · пъ выдадать и всего съ женою и съ дѣтьми на потокъ · а на разграбленіѥ (Рус. Пр. 1282 г., л. 616б); ѡже *съвержеть* виру. А оже *съвержеть* виру тъ гр҃вна коунъ. съметнаѧ ѡтрокоу (Рус. Пр. 1282 г., лл. 616 об. б—617а).

Случаи с 3-м лицом ед. ч. не в заглавии и не после заглавия, выраженного неопределенно-личным предложением: аже *оударить* мечемь а не *оутнеть* на см҃рть, то .г. гр҃вны. а самомоу гр҃вна за раноу. оже лѣчебноѥ. *потьнеть* ли на см҃рть. то вира: (Рус. Пр. 1282 г., л. 617 об. а—б); Пакы ли *боудеть* что татебно *коупилъ* въ търгоу. или конь или пъртъ. или скотиноу. то *выведеть* свободьна моужа два. или мытника. аже *начнеть не знати* оу кого коупилъ. то ити по немь тѣмь видокомъ на търгоу. на ротоу. а истъцю своѥ. лице взати (Рус. Пр. 1282 г., л. 618 об. а); Аже *крадеть* скотъ на полѣ. или овци или козы. или свинью .ѕ҃. коунъ (Рус. Пр. 1282 г., л. 619 б);

предложение в русских народных говорах (по материалам говоров Воронежской области). Воронеж, 1961, стр. 88—91. — В. И. Собинникова отмечает, что неопределенно-личные предложения очень продуктивны в диалектах и что в территориальном отношении их использование не ограничено (стр. 91; там же и ссылка на труды других исследователей русских народных говоров); В. Я. Чернухина. Односоставные предложения с главным членом, выраженным глаголом, в говорах Воронежской области. «Материалы конференции по изучению южнорусских говоров и памятников письменности (6—8 декабря 1962 года)». Воронеж, 1964, стр. 86.

и оустави люди до третьаго рѣза оже *имлеть* въ рѣзъ коуны (Рус. Пр. 1282 г., л. 620 об.а).

Не приводим других многочисленных примеров, поскольку они однородны с отмеченными выше [16].

Интерес представляет случай с 3-м лицом ед. ч., раскрывающимся в дальнейшем как указывающее не только на единственное, но и на множественное число: аже *крадеть* гоумьно или жито в гамѣ. то колико ихъ боудеть крало. то всѣмъ по .г. грвны и по .л. коунъ (Рус. Пр. 1282 г., л. 619б—619об. а).

В тех случаях, когда неопределенно-личное предложение следует за двусоставным предложением с местоимением *къто* в роли подлежащего, неопределенность лица меньше, чем в рассмотренных ранее примерах: Аже кто оударить мечемь. не вынезъ его или роукоѥтью. то .вı. грвне. продаже за обидоу. оже ли вынезъ мьчь а не *оутнеть* то грвноу коунъ (Рус. Пр. 1282 г., л. 617а—б).

Степень неопределенности действующего лица при сказуемом, выраженном 3-им лицом мн. ч. глагола, также не всегда одинакова.

Характерно, что в Русской Правде отсутствуют неопределенно-личные предложения, приближающиеся по степени неопределенности лица к безличным. Мы имеем в виду ту группу неопределенно-личных предложений, в которых глагол стоит в настоящем времени и обозначает действие, протекающее постоянно, вне временных условий, причем неопределенное лицо, на которое указывает сказуемое, это вообще все люди, без исключений. Такие примеры (всего девять случаев) отмечены В. И. Борковским в договорных грамотах и в одной первой докладной грамоте, причем один из них в грамоте, написанной во второй половине XIV в., а остальные в грамотах XV в.[17]

В Русской Правде имеются как неопределенно-личные предложения с 3-им лицом множественного числа, указывающим, несомненно, на множественное число (на какую-то группу людей, но не на всех людей вообще), так и предложения, в которых глагол-сказуемое указывает одновременно и на множественность, и на единичность (какая-то группа людей или какой-то человек).

К первой группе относятся (приведем лишь несколько примеров): Аже кто оубиѥть кнажа моужа. въ разбои. а головника *не ищють* то вирьвноую платити. въ чьѥи же вьрви голова лежить. то .п. грнъ паки людинъ. то сорокъ гривенъ (Рус. Пр.

---

[16] Отметим редкий случай такого употребления глагола-сказуемого в 3-м лице ед. ч. в апокрифической литературе: Въ. вı. днь. лжны ха рѡдисѧ в то днь. ни кѫпити ни продати. аще *кѫпи* раба, *не имае* его *wбрѣсти* (О днях лунных, т. II, с. 391).

[17] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение), стр. 107.

1282 г., л. 615 об. б — 616а); А се оурочи городникоу. закладаче городьнѧ кѳна взѧти а кончавше погата. а за кормъ. и за вологу. и за мѧса. и за рыбы .з. коунъ на недѣлю .з. хлѣбовъ .з. оубороковъ пшена .з. лоуконъ ѡвса. на .д. кони. имати же ємоу донелѣ городъ *сѣроубѧть*. а солодоу *дадѧть* ємоу ѡдиноу .Г. лоуконъ (Рус. Пр. 1282 г., л. 625 об. б); а ѡже *боудоуть* с нимь *крали*. и *хоронили*. то всѣхъ выдати (Рус. Пр. 1282 г., л. 627 об.)

В предложениях второй группы, в которых глагол-сказуемое указывает одновременно и на множественность, и на единичность действующего лица, неопределенность лица меньше, чем в приведенных выше: А оже *оубьють* кого оу клѣти. или оу которои татьбы. то *оубьють* въ пса мѣсто. оже ли и *додьржать* свѣта. то вести и на кнѧжь дворъ (Рус. Пр. 1282 г., 619а); Оже изъ хлѣва *выведоуть* то закоупоу того не платити (Рус. Пр. 1282 г., л. 623 об. а); [В] даче не холопъ. ни по хлѣбе *работѧть*. ни по придатъцѣ. нъ ѡже *не доходѧть* года. то ворочати ємоу млть. ѡходить ли то не виноватъ єсть (Рус. Пр. 1282 г., л. 626 об. а — б).

Последний пример особенно ярко подтверждает высказанную выше мысль, что 3-е лицо мн. ч. может указывать не только на множественность субъекта, но и на единичность, о чем свидетельствует местоимение *ємоу* [18]. Сходную картину употребления неопределенно-личных предложений мы наблюдаем в Торговом договоре Смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригою и Готским берегом 1229 г.[19]

Во вступлении к договору в списках Готландской редакции имеется только одно неопределенно-личное предложение, при этом с глаголом в 3-м лице мн. ч. Здесь форма мн. ч. указывает одновременно и на множественность, и на единичность действующего лица (какие-нибудь люди, какой-нибудь человек — те или иные смолняне, немцы, тот или иной смолнянин, немец): а любо чл҃вка *оубиють* до см҃рти. како чл҃вка то ѡплатити. аж бы миръ не ръздроушенъ былъ (Смол. гр. 1229 г., сп. А. Сум. и Лоп., с. 21. См. также сп. В, С).

---

[18] См. еще более показательные примеры из договорных грамот [В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. (Простое предложение), стр. 109].

[19] В. И. Борковский считает, что основной текст Смоленской грамоты, содержащий условия договора, был составлен на русском языке в Смоленске (см.: В. И. Борковский. Смоленская грамота 1229 г. — русский памятник. «Уч. зап. Ярославского пед. ин-та», вып. 1. Гуманитарные науки, 1944). Обзор мнений о языке, на котором первоначально был составлен договор, дан в книге: «Смоленские грамоты XIII—XIV веков». М., 1963, стр. 18—20 (обзор принадлежит Т. А. Сумниковой).

Во вступлении к договору в списках Рижской редакции употреблено неопределенно-личное предложение, по степени неопределенности лица приближающееся к безличным. Глагол-сказуемое стоит в 3-ем лице мн. ч. настоящего времени и обозначает действие, протекающее постоянно, однако не вне временны́х условий, а при наличии в будущем других действий: Что сѧ въ которое вѣремѧ начнеть дѣти то *оутвьржаютъ* грамотою. (Смол. гр. 1229 г., сп. D. Сум. и Лоп., с. 35. См. также сп. E, где написано: *оутвьрживаютъ*).

Обращает на себя внимание, по сравнению с Русской Правдой, крайне редкое использование неопределенно-личных предложений с 3-м лицом ед. ч. (два достоверных случая), причем в числе этих немногочисленных случаев и неопределенно-личное предложение, которое следует за предложением с *къто*, и потому его неопределенность недостаточно формально выражена (первый пример): Кто биѥть дроуга. дѣревъмь. а боудѣте[20] синь. любо кровавъ. полуторы гривны серебра платити ѥмоу. по оухоу *оударите*[20] .г. четвѣрти серебра (Смол. гр. 1229 г., сп. A. Сум. и Лоп., с. 21. См. также списки B, C, D, E, F); Аже *насилоуѥть* робѣ. а боудоуть на на[21] него послоуси. дати ѥмоу гривна серебра (Смол. гр. 1229 г., сп. A. Сум. и Лоп., с. 22. См. также списки B, C).

В основном тексте торгового договора неопределенно-личные предложения с 3-м лицом мн. ч. глагола указывают одновременно и на множественность, и на единичность действующего лица: оже *бьютъ* волного чл҃вка. платити за головоу .Ī. гривенъ серебра (Смол. гр. 1229 г., сп. D. Сум. и Лоп., с. 36. См. также сп. E, F); аще око *выбьютъ* или роукоу ѿтноуть. или ногоу или инаѧ хромота котораѧ на телѣ .е. гр҃внъ серебра (Смол. гр. 1229 г., сп. D. Сум. и Лоп., с. 36. См. также сп. E, F); послоу. и по҃у. что *учинѧть*. за двоѥ того оузѧти. два платежѧ (Смол. гр. 1229 г., сп. A. Сум. и Лоп., с. 21. См. также сп. B, C); Аже кого *ouранѧть*. полоуторы гривны сер. ебра[22]. аже боудѣте без вѣка (Смол. гр. 1229 г., сп. A. Сум. и Лоп., с. 21. См. также сп. B, C).

В грамоте имеется и случай, когда глагол в форме 3-го лица мн. ч. настоящего времени указывает на действие, протекающее постоянно, вне временны́х условий. Можно предполагать, что неопределенное лицо, совершающее действие, — это вообще все люди без исключений: аже капь. чимь то *весѧтѣ*.[23] излъмльна боудѣте. а любо льгче будѣть. тоть споускати обѣ вьдино мьсто (Смол. гр. 1229 г., сп. A. Сум. и Лоп., с. 24. См. также сп. B, C).

[20] *Е* на месте ь.
[21] Так в рукописи.
[22] Так в рукописи.
[23] *ѣ* на месте ь.

В более ранней Смоленской грамоте (написана, по-видимому, между 1223—1225 гг.) — договоре неизвестного Смоленского князя с Ригою и Готским берегом встретились только примеры с 3-м лицом мн. ч. глагола-сказуемого, указывающим одновременно и на множественность, и на единичность действующего лица: аже *оубьють* моужа вольного. тъ выдати розбоиникы колико то. ихъ боудѣть было (Гр. неизв. Смол. кн.); Аже *оубьють* посла. или попа, то двое того дати за головоу (Гр. неизв. Смол. кн., Сум. и Лоп., с. 10); аже *оубьють* тивоуна кнѧжа. городьского .к. гри. сѣрѣбра. како и послоу (Гр. неизв. Смол. кн., Сум. и Лоп., с. 13); оже *имоуть* роусина на вольного. оу вольное жены. въ ризѣ или на гътьскомь бѣрѣзѣ. оже *оубьють* и тъ ть оубитъ. пакы ли *не оубьють*. платити ему .Г. гри. сѣрѣбра (Гр. неизв. Смол. кн., Сум. и Лоп., с. 13).

Как видим из изложенного выше, в своде законов, в договорных грамотах, определяющих взаимоотношения, правовые нормы представителей обеих договаривающихся сторон, господствуют неопределенно-личные предложения с 3-м лицом мн. ч. глагола-сказуемого. Как отмечалось выше, случаи с неопределенно-личными предложениями, приближающимися по степени неопределенности лица к безличным, или не встречаются совершенно (в Русской Правде), или представлены единичными примерами (в грамотах).

Самый жанр (памятники деловой письменности) не требовал употребления этих предложений.

В памятнике житийной литературы — В Житии Феодосия Печерского по списку XII в. мы наблюдаем другую картину.

Неопределенно-личные предложения с 3-м лицом ед. ч. глагола-сказуемого здесь отсутствуют, нет и неопределенно-личных предложений с 3-м лицом мн. ч., указывающим одновременно и на множественность, и на единичность действующего лица.

Употребляются или неопределенно-личные предложения с 3-м лицом мн. ч. глагола-сказуемого, указывающим вообще на всех людей, без исключений (первый пример) или с тем же лицом глагола-сказуемого, но относящимся к какой-то группе людей (остальные примеры): прозвутеръ же видѣвъ дѣща и сръдьчьныма очима прозьрѣ ѥже о немь. ѩко хощеть из млада богоу датиса; ѳеѡдосиѥмь[24] того *нарицають* (Ж. Феод. Печ., л. 27а-б). Къ семоу же блаженомоу нѣколи *приведоша* разбоиникы съвязаны. ихъже *бѣша* ѩли въ ѥдиномь селѣ манастырьскѣ. хотѧща красти (Ж. Феод. Печ., л. 50 г.); Таже по дъвою днью повелѣвъшю келарю. да по обычаю хлѣбы братии *испекоуть* въ моуцѣ тои. ѥѩже бѣ прѣже рекль не имамъ (Ж. Феод. Печ., л. 52 в — г); Многашьды же пакы. ѥгда *възвѣстѧхоуть* приходъ томоу блаженаго. тоже тако тъ ишьдъ того сърѣташе радоуѩса. прѣдъ

[24] Т. е. данным (даром) богу (с греческого).

двьрьми храмоу и тако вънидоста оба въ храмъ (Ж. Феод. Печ., л. 60а); Тъгда же акы пѣ ѿ коѥго божьствьнааго ѩвлениа. подвижесѧ вѣрьныихъ множьство. и съ оусьрьдиѥмь. сами придоша. и бѣша. прѣдъ враты сѣдѧще и ожидающе донъдеже блажепааго *изнесоуть* (Ж. Феод. Печ., л. 64б).

Мы привели только несколько примеров из числа тех, которые не допускают двоякого толкования (как неопределенно-личные или как неполные). Встретившиеся нам примеры (14 случаев), если принять во внимание сравнительно небольшой объем памятника, говорят о том, что неопределенно-личные предложения занимали заметное место в житийной литературе.

О том же свидетельствует и Житие XI в. по списку XII в.— Съказаниѥ. и страсть и похвала сто҃ю мч҃нкоу. бориса. и глѣба. (Сборник XII в. Московского Успенского собора) и по списку XIV в — Чтениѥ о житии и погублении блж҃ную стрпца. бориса. и глѣба (Сильвестровский список XIV в.).

Памятник этот еще меньше по объему, чем Житие Феодосия Печерского, но и в нем мы находим значительное число неопределенно-личных предложений (свыше 50 в обоих списках).

И здесь все случаи с 3-м лицом мн. ч. глагола-сказуемого. Действие совершается какой-то группой лиц: и ночь поимавъ помостъ на берестовѣмь и въ ковъръ обьртѣвъше съвѣсивъше оужи на землю. везъше на саньхъ *поставиша* и въ цр҃кви сты҃а бц҃а (Сказ. о Б. и Г., л. 9а — б); и *положиша* тѣло ѥго принесъше вышегородоу. оу цр҃кве с҃таго василиа въ земли *погребоша* (Сказ. о Б. и Г., л. 12 г); и *несѧхоуть* ѥго на носилѣхъ и прибѣгоша берестию съ нимь (Сказ. о Б. и Г., л. 15г); и тъгда *съказаша* ѥмѹ ѩже *слышаша* ѿ приходѧщиихъ отътоудоу. како *видѣша* свѣтъ и свѣщѣ въ поустѣ мѣстѣ (Сказ. о Б. и Г., л. 16б); овогда бо на мѣстѣ идеже лежаста. *видѧахоу* стълпъ огньнъ стоѩщь (Сказ. о Б. и Г., л. 18г); *повѣдаша* же ѩрославоу о всемь семь (Сказ. о Б. и Г., л. 19а); и *оуставиша* праздьникъ праздьновати мц҃а иоулиа въ. кд҃. вънь же дн҃ь оубиѥнъ прѣблженыи борисъ (Сказ. о. Б. и Г., л. 20а); и въ домъ тъ сѣдѧше предъ храминою. по приключаю же *не подаша* ѥмоу ни ѣсти ни пити (Сказ. о Б. и Г. л. 21б); си слышавъ лазарь повелѣ ѥи на литоургии престоѩти оу двьрии цр҃къвьныхъ да ѥгда *отъпоють* *сътворать* ѥи мл҃твоу и малъмь древѧнымь *помажють* ѥи роукоу (Сказ. о Б. и Г., л. 22а — б); идуще же ѥмоу *повѣдаша* ѥму оц҃а оумерша. бра҃ старѣишаго сто҃ polka сѣдша на столѣ о҃ци (Чт. Б. и Г., л. 95б); мнѫ҃ды нощию на мѣстѣ томъ. *видѧху* идеже лежашеть тѣло сто҃ю стрпцю бориса и глѣба. овогда свѣщѣ овогда столпъ огньнъ. с нбсѣ сущь (Чт. Б. и Г., л. 103г); она же

не можаше ни очию възвести ни оустнами двигнути. нъ. пребываше ѩко и мр҃тва. не ѩдуще ничт° же развѣ токмо раздвигше ѥи оуста. и тако *вливаху* лжицею или млеко или воду (Чт. Б. и Г., л. 113в); наставши же недѣли маслопустнѣи. вземши же и *несоша* ю въ цр҃квь с҃тго николы (Чт. Б. и Г., л. 113г).

Житие по характеру изложения представляет собою повествование, рассказ об определенных событиях, вполне понятно поэтому, что большое место среди сказуемых занимают глаголы говорения, глаголы движения.

Поскольку житие является повествованием, в какой-то степени допустимо его сближение с летописью.

С полным основанием можно предполагать, что в летописи, большом по объему памятнике, встретится много случаев употребления неопределенно-личных предложений.

Такое предположение подтверждается в результате сплошной выписки примеров из 1-й Новгородской летописи по Синодальному списку.

Неопределенно-личные предложения находим почти на каждом листе памятника. Можно заметить, что этот тип предложений особенно часто встречается при описании определенных событий, происшедших в результате действий какой-то группы лиц (как весьма многочисленной [25], так и небольшой). Глагол-сказуемое стоит в 3-м лице мн. ч.

К числу таких событий в первую очередь относится поставление посадника (реже — лишение посадничества того или иного лица): Въ то҃ лѣ҃ *вдаша* посадницьство новѣгородѣ. завидоу дмитровицю (1-я Новг. л., л. 12); Томь лѣ҃ *отѧша* посадницьство оу михалѧ. и *вдаша* мирошки нездиницю. (1-я Новг. л., л. 49 об.) и др.

Поставление архиепископа, игумена, игуменьи тоже приписывается неопределенной группе лиц: *поставиша* архе҃ппа нифонта. моужа с҃та и зѣло боѩщѧ сѧ б҃а (1-я Новг. л., л. 13); томь лѣ҃ оу с҃тго дха съшьствіѩ. *поставиша* игоуменомь саву. (1-я Новг. л., л. 13); Томь лѣ҃. оу с҃тѣи б҃ци. въ звериньци. *поставиша* игоумению (1-я Новг. л., л. 52).

Рядом примеров представлены неопределенно-личные предложения, в которых говорится о приглашении князя на стол или его изгнании из Новгорода: Въ то҃ лѣ҃. *выгнаша* кнзѧ с҃тослава сна ольгова из новагорода (1-я Новг. л., л. 19об.); И пото҃ *посадиша* на столѣ мьстислава. ростіславицѧ. съ брамь ѧропълкомь (1-я Новг. л., л. 39 об.).

[25] Иногда действие приписывается всем без исключения жителям Новгорода.

Широко представлены неопределенно-личные предложения, в состав которых входят словосочетания з а л о ж и т а (а также: поставиша, съроубиша, съвершиша, концаша, испьсаша, стша) *црквь, съроубиша* (а также: заложиша) *горо*ѧ, *заложиша* (а также: дѣлаша) мостъ.

В повествовании о погребении князя, архиепископа обычно находим неопределенно-личные предложения с глаголами-сказуемыми в 3-м лице мн. ч. *привезоша, положиша* (а также: *погребоша*).

Когда речь идет об убитых на войне или в самом Новгороде, действующее лицо, за редкими исключениями, не указывается конкретно, употребляется глагол-сказуемое в 3-м лице мн. ч. *оубиша*. Той зиме новегородѣ *оубиша* гаврила неревиницѧ. и вачѧ свеневицѧ и съ моста *свергоша* (1-я Новг. л., л. 47). Неопределенно-личные предложения находим не только при изложении указанных выше событий.

Употребляются они в повествовании и в других случаях. Ограничимся несколькими примерами: Въ лѣ ҂ѕ .х. ои. бы дорогъвь новегородѣ и *коуплѧхоу* кадь ръжи по .д. грвнѣ. а хлѣбъ по .в. ногатѣ. а медъ по .і. коунъ поудъ (1-я Новг. л., л. 37. См. еще сходные примеры: л. 81 об., л. 104 об., л. 115 об. — 116); То же лѣ. еще не дошедшю кнѧзю михаилу до города. ѣша ігната бѣска. и *биша* і на вѣчи. і *свергоша* і с моста въ волховъ. *творѧхоуть* бо е переветь державша к михаилу. а бъ. то вѣсть (1-я Новг. л., л. 160 об.); бы матежь в новѣгородѣ. і *пограбиша* дворъ остафьевъ дворѧнинцевъ и *пожгоша* всь (1-я Новг. л., л. 164 об.).

Случай с неопределенно-личным предложением, которое можно сблизить с безличным: То же лѣ по грѣхомъ нашимъ. придоша ѣзыци незнаѥми. их же добрѣ никто же не вѣсть. кто соуть и ѿколе изидоша. и что ѣзыкъ ихъ. и которого племене соуть. и что вѣра ихъ. а *зовоуть* ѣ татары. а инии глть таоурмены. а дроузии печенѣзи. (1-я Новг. л., л. 95 об. — 96)[26].

Сходную картину употребления неопределенно-личных предложений, как об этом свидетельствует сплошная выборка примеров,

---

[26] Ср. приведенные В. И. Борковским примеры из поздних грамот с тем же глаголом: кому же то вѣдомо, что то *зоут* Подища? (Яросл. правая докладная гр. между 1495—1497 гг. В той же грамоте еще четыре сходных примера); а Рижяномъ у Полочку никакое малое торговле не торговати, што розницею *зовуть* (Полоцкая дог. гр. 1407 г.) [Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение), стр. 107].

находим и в летописях, более поздних по времени сложения, — в Лаврентьевской летописи 1377 г. и в Ипатьевской летописи около 1425 г.

Вполне понятно, что здесь нет изложения событий, характерных для Новгорода, — поставления посадника и лишения посадничества того или иного лица, приглашения князя на стол и изгнания князя.

Исключение составляют несколько примеров, причем в двух из них описываются события в Новгороде: Престависѧ Вячеславъ снъ Ꙗрославль. Смолиньскѣ. и *посадиша* Игоря Смолиньскѣ. из Володимеря введше (Лавр. л., л. 55. См. также Ипат. л., л. 60 об.); и приведшю ему в црквь стыа Софыа. и *посадиша* и на столѣ (Лавр. л., л. 143)[27]; и бы крамола в Новѣгородѣ. *выгнаша* Василыа кнѧза (Лавр. л., л. 166 об.).

Как и в Новгородской летописи, поставление епископа приписывается неопределенной группе лиц (примеры немногочисленны): *Поставиша* еппа Мануила скопца Смолиньску. пото другого скопца Володимерю. еппа Ѳеодора (Лавр. л., л. 101); *поставиша* блжнаго Далмата еппомь (Лавр. л., л. 166); в то же лѣто *поставиша* еппа Переꙗславлю. именемъ Еоуфимыа (Ипат. л., л. 114); *Поставиша* еппа Черниговоу. именемъ Онофрыа (Ипат. л., л. 116); В то же лѣто *поставиша* еппа Полотьскоу. Козмоу (Ипат. л., л. 116); Том же лѣ. *поставиша* еппа Аркадыа Новугороду. мца августа въ .Г. днь. (Ипат. л., 178 об.).

Широко представлены неопределенно-личные предложения, в которых повествуется о погребении князя (большинство примеров), княгини, епископа, игумена.

Чаще всего находим глагол-сказуемое *положиша*, встречаются и другие глаголы, обозначающие движение: *погребоша*, *принесоша*, *привезоша* и др.

Приведем несколько примеров: Мьстиславъ изиде на ловы. разболѣсѧ и оумре. и *положиша* и (в церкви) оу ста Спса. юже [бѣ] самъ заложилъ (Лавр. л., л. 51); Судиславъ престависѧ. Ꙗрославль братъ. и *погребоша* и въ цркви ста Гюргиа (Лавр. л., л. 55); *принесоша* Василка и *положиша* и в цркви стыа Бца в Ростовѣ. идеже и мти его лежить. тогда же *принесоша* голову великаго кнѧза Гюргиа. и *вложиша* ю в гро. к своему

[27] Не присоединяем к отмеченным примерам следующий, поскольку в Лаврентьевской летописи (л. 109 об.) — *посади в Пересопници*: Володимиру приходившю и не може что створити. и иде в Галичь. а Мьстислава Дюргевича *посадиша* в Пересопници (Ипат. л., л. 146 об.).

телу (Лавр. л., л. 163); и повелѣ тыцкои взати Игорѧ. и вземше и *положиша* въ цр҃кви ст҃го Михаила (Ипат. л., л. 129 об.); Того же лѣта исходача престависѧ кн҃зь Володимиръ. Андрѣевичь. мца генварѧ въ .кѣ. и *привезоша* Вышегороду. Феѳдоровы недѣли в пѧтокъ (Ипат. л., л. 195); Во том же лѣ. престависѧ Ѳлег Ст҃ославичь. мца генварѧ въ .sі, и *положиша* оу ст҃го Михаила (Ипат. л., л. 216).

Неопределенно-личное предложение с одним и тем же глаголом-сказуемым *нарекоша* встречаем там, где говорится об имени, даваемом ребенку при крещении или тому или иному лицу при пострижении в монахи: и в се врема родисѧ Ꙗрославу сн҃ъ. *нарекоша* имѧ ему Вѧчеславъ (Лавр. л., л. 51); Родисѧ оу Мстислава сн҃ъ оу Андрѣевича. и *нарекоша* и в крщ҃ении Василии (Лавр. л., л. 122); Родисѧ сн҃ъ Геѡргїю кнѧзю. мца. ѡкта. въ .кг. днь. и *прозваша* и Всеволодъ. а в ст҃омь крщ҃нии *нарекоша* имѧ ѥму Дмитрии. (Лавр. л., л. 149—149 об.); В се же лѣто родисѧ оу Мстиславa сн҃ъ и *нарекоша* имѧ ему Володимеръ (Ипат. л., л. 109 об.); въ оутри же днь в нелю рано. въсходящю слнцю родисѧ оу Ст҃ослава Ѳлговича дчи *нарекоша* въ крщ҃ение имѧ еи Мр҃ыѧ (Ипат. л., л. 137); Тое же ѡсени. родисѧ оу Рюрикови сн҃ъ. и *нарекоша* имѧ смоу во ст҃мь крщ҃нии Дмитрѣи. а мирьскии Володимеръ (Ипат. л., л. 228 об.); Того же лѣ на зимоу родисѧ дщи оу Ростислава оу Рюриковича. и *нарекоша* имѧ еи Ефросѣньꙗ и прозваниемь. Изморагдъ. еже нарочетьсѧ дорогыи камень (Ипат. л., л. 242 об.).

Находим неопределенно-личные предложения в повествовании и о других событиях: ѡканьныи же Ст҃ополкъ ре. елико же Лѧховъ по городу избиваите ѧ. и *избиша* Лѧхы (Лавр. л., л. 49. См. также Ипат. л., л. 54); Ꙗрославъ ста на мѣстѣ идеже *оубиша* Бориса (Лавр. л., л. 49)[28]; а Мстислав же приде на Волгу. и *повѣдаша* ѥму ꙗко Ѳлегъ вспатилсѧ к Ростову. и Мстиславъ поиде по не (Лавр. л., л. 86. См. также Ипат. л., л. 87); а Изѧславъ бѣжа в Гомъи. и ѡтолѣ *прогнаша* и в Вѧтичѣ (Лавр. л., л. 116 об. — 117); Того лѣта. на зиму. великыи кнѧзь Всеволодъ. ѡжени сн҃а своего Ꙗрослава. и *приведоша* за нь Юргевъну Кончаковича (Лавр. л., л. 143 об.); томь лѣ *оубиша* Изосиму преступника (Лавр. л., л. 168); а Всеволодичь Ст҃ославъ Всеволодичь вбѣже в Кневъ къ ст҃ѣи Орини в манастырь и тоу и ꙗша (Ипат. л.,

[28] В Ипат. л., л. 54: *оуби*, новым почерком надписано *ша* (оубиша).

л. 120 об.); И прииде вѣсть. к Володимироу Двдвичю. ѡже Игорѧ *оубили* (Ипат. л., л. 130); Приде Изѧславъ из Нова. города въ Киевъ. и *начаша* ему *повѣдати* на Гюргевича на Ростислава. рекоуче много зла бѧше замыслылъ (Ипат. л., л. 135 об.); а с города. ѩко дождь камение *метаху* нань (Ипат. л.. л. 142); ту же и Севенча Бонѧковича, дикаго Половчина *оубиша* (Ипат. л., л. 156 об.); и тако из града *пригнаша* по Петра рекуще. кнзь тѧ зоветь (Ипат. л., л. 167).

В Лаврентьевской и в Ипатьевской летописях находим и группу неопределенно-личных предложений с глаголом-сказуемым в форме 3-го лица мн. ч. настоящего времени, по степени безличности приближающихся к безличным. Действие приписывается в них как бы всем лицам. Наиболее отчетливо эта особенность проявляется во втором и четвертом из приведенных ниже примеров: [и] приходившю ему ко цр҃ю. ѩкоже *сказаютъ*. ѩко велику честь приѧлъ [есть] ѿ цр҃ѧ. при которомь приходивъ цр҃и (Лавр. л., л. 4. См. также Ипат. л., л. 5); и ре҃ Гь҃ Бъ҃ Ноєви. створи ковчегъ в долготу локотъ. т҃. а в ширину .п҃. а възвышие .л҃. локотъ. ибо локтемъ сажень *зовуть* (Лавр. л., л. 30. В Ипат. л., л. 35 об.: Егупьтѣ бо локтемъ саженъ *зовуть*.)[29]; Ꙗрославъ же се ѩко҃ реко҃. любимъ бѣ книгамъ. [и] многы написавъ положи в стѣи Соѳьи. цркви юже созда самъ. оукраси ю златомь и сребромь. и ссуды и цркѵными. в неиже ѡбычныѧ пѣсни Бу҃ *въздаютъ*. в годы ѡбычныѧ (Лавр. л., л. 52. См. также Ипат. л., л. 57); Того же лѣ҃. ѩвиша ѩзыци. ихже никтоже добръ ѩсно не вѣсть кто суть и ѡколѣ҃ изидоша. и что ѩзыкъ ихъ. и которого племени су҃. и что вѣра ихъ. и *зовуть* ѧ Татары. а инии глють Таумены. а друзии Печенѣзи (Лавр. л., л. 153); *глю* бо тако ѩко Кыѩнъ ѡдинѣ҃ изгыбло на полку то҃ л҃. тысѧчь (Лавр.л., л. 153 об.).

В замечательном художественном произведении XII в. — в Слове о полку Игореве также находим неопределенно-личные предложения с 3-м лицом глагола-сказуемого, обозначающего действие, приписываемое неопределенной группе лиц.

В памятнике имеются неполные предложения с подлежащим, восстанавливаемым на основе всего контекста, и потому близкие к неопределенно-личным предложениям. Их мы здесь не приводим

[29] Благодаря указанию на место действие приписывается жителям данной местности, а не всем без исключения лицам. Ср. противоположный вывод в «Грамматике русского языка», т. II. Синтаксис, ч. 2 (М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 7): «В тех случаях, когда в неопределенно-личном предложении присутствует общее указание на место, где происходит действие, действующее лицо мыслится наиболее обобщенно. . .»

и отмечаем лишь бесспорные, по нашему мнению, примеры: А Святъславь мутенъ сонъ видѣ: въ Кіевѣ на горахъ си ночь съ вечера *одѣвахъте* [30] мя, рече, чрѣною паполомою, на кроваты тисовѣ. Чрѣпахуть ми синее вино съ трудомь смѣшено; *сыпахуть* ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ великый женьчюгъ на лоно, и *нѣгуютъ* мя (Сл. о плк. Иг., с. 23); Тому въ Полотскѣ *позвониша* заутренюю рано у Святыя Софеи въ колоколы: а онъ къ Кыевѣ звонъ слыша (Сл. о пл. Иг., с. 36).

Полагаем, что в помещенном ниже предложении автор опустил подлежащее со специальной целью — не уточнять, кто является действующим лицом, и потому относим это предложение к неопределенно-личным: На Немизѣ снопы *стелютъ* головами, *молотятъ* чепи харалужными, на тоцѣ животъ *кладутъ*, *вѣютъ* душу отъ тѣла (Сл. о плк. Иг., с. 36).

Следует, однако, отметить, что одно из действующих лиц в какой-то мере раскрывается благодаря следующему за приведенным выше предложению: Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми Рускихъ сыновъ (Сл. о плк. Иг., с. 36).

И в повести, говорящей о событиях более позднего времени — о приходе Батыя на Рязань в 1237 г., также употребляются неопределенно-личные предложения с 3-м лицом глагола-сказуемого, обозначающего действие, приписываемое неопределенной группе лиц.

И здесь отмечаем лишь примеры, в которых подлежащее не восстанавливается на основании контекста: И плакашеся весь град на мног час. И едва отдохнув от великаго того плача и рыдания, и *начаша* совокупляти воинство свое, и *учредиша* (Пов. о раз. Ряз., с. 10); Сия бо наведе бог грех ради наших. А князя Ингоревича *яша* еле жива суща (Пов. о раз. Ряз., с. 12); И от великаго кричания, и вопля страшного лежаща на земли, яко мертвъ. И едва *отльеяша* его, и *носяша* по ветру. И едва отдохну душа его в нем (Пов. о раз. Ряз., с. 14).

III. Старорусские памятники

Старорусские памятники XV—XVII вв. всех жанров говорят о широком распространении неопределенно-личных предложений с 3-м лицом множественного числа глагола-сказуемого.

Грамоты, судебники XVI в., Домострой (преимущественно его хозяйственная часть), Стоглав широко пользуются этим типом предложения, когда надо приписать действие неопределенной группе лиц: а *приведу* новгорода или новоторжца с полични на тфери. к велико князю. или къ его наимѣстнику. сути его

[30] Одѣвахуть.

по хр҃тному челованью (Новг. гр. XV в., Шахм. О языке, № 18); А *возмѹт* на нег(о) грамотѹ в то врема, та грамота не в грамотѹ (Моск. гр. 1402 г., Дух. дог. гр., № 19); и *сказывали* ему, что Иштерекъ князь и со всѣми мурзами кочюютъ подъ Астороханью (Рус. гр. 1614 г., АИ, т. III, № 256); и того приказали беречи накрѣпко; чтобъ его за монастырь *не спускали*, и бражничать бы и озорничать ему *не давали* (Моск. гр. 1643 г., АИ, т. III, № 227); и ты, Государь, пожаловалъ ему на похороны и тѣмъ его Христофора и *похоронили* (Рус. гр. 1645 г., АИ, т. III, № 304, I); а коли хлѣбы *пекѹтъ* тогды и пла҃а *моютъ* (Домострой, с. 27); а кѹды *пошлютъ* в добрые люди оу воротъ легонко поколотить (Домострой, с. 33); а всемѹ бы томѹ была мѣра и сче҃ сколко чево ис села или ис торгѹ *привезѹтъ* (Домострой, с. 52); а всегды бы было готово, всѧкои запа҃ какъ *попытаю* (Домострой, с. 53); а в вечере по томѹ же вездѣ переходити и пересмотритї и перенюхать гдѣ ѡгнѧ *бы не оуронили* на погребѣ и на ледникѣ (Домострой, с. 56); и по тѣмъ книгамъ въ церквахъ Божіихъ *чтутъ*. и *поютъ*. и *учатся*. и *пишутъ* съ нихъ (Стоглав, с. 43); И о семъ достоитъ попеченіе сотворити веліе: плѣненыхъ *привозятъ* на окупъ изъ ордъ бояръ и бояринь. и всякихъ людей (Стоглав, с. 45); Доселѣ *избирали* священниковъ или игуменовъ безпорочны (Стоглав, с. 50); И нѣкогда вниде въ слухи боговѣнчанного и христолюбиваго Государя Царя и великаго князя Ивана Васильевича всея русіи самодержца, что по многимъ святымъ церквамъ Божіимъ *звонятъ* и *поютъ* не во время (Стоглав, с. 58).

Встречаем и случаи, когда нельзя предполагать какую-то группу лиц, действующее лицо оказывается еще более неопределенным: а послѣ ихъ тоѣ рѣки на оброкъ не взялъ никто, и на насъ въ той рѣкѣ рыбы *не ловятъ же* (Моск. гр. 1575 г., АИ, т. I, № 192); и почесть ему, Великому Государю, *воздаютъ* по его царьскому достоинству (Вязем. гр. 1624 г. АИ, т. III, № 131); и в осень капѹстѹ *солѧт* и свеклѹ *ставѧ* и рѣпѹ и морковъ *запасаю* (Домострой, с. 41); аще сїа҃ ториши то везде тебѧ *ждѹтъ* и *стречаютъ*, а в пѹть *провожаютъ* ѿ всѧкого лиха берегѹтъ на станѹ *не подадѹтъ* а на дорогѣ *не розобьютъ* (Домострой, с. 67); того ради *кормѧ* добраго за добро а лихова ѿ лиха (Домострой, с. 67—68).

Остановимся особо на примерах из судебников XVI в., поскольку эти примеры требуют дополнительных разъяснений. В судебниках XVI в. мы почти не находим предложений, встретившихся в Русской Правде, — неопределенно-личных предложений с 3-м лицом ед. ч., в частности в заглавиях статей.

Нет этих предложений в заглавиях Судебника 1550 г. (отметим попутно, что нет их и в Судебнике 1497 года), только несколько случаев встретилось в заглавиях Судебника 1589 г.: 132. *(С)кажетъ* да[л] было животъ на соблюдение, а *ищетъ* (Суд. Фед. Ив., с. 6); 156. *Взыщетъ* на боярине іли на монастыре земъли црвы (Суд. Фед. Ив., с. 7); 194. *Купи*[*т*] на то[р]гу что поношено (Суд. Фед. Ив., с. 9) [31].

В самом тексте такие предложения составляют исключение: Езду имати на ве[р]сту по де[н]ге, колъко ве[р]стъ ни буди, *хочетъ* пешъ поди, *хочетъ* лоша[д] наими (Суд. Фед. Ив., с. 18).

Наличие небольшого числа неопределенно-личных предложений указанного типа позволяет сделать вывод, что хотя они не были совершенно чужды деловым памятникам XVI в., все же являлись для этого времени архаизмами.

И в Судебнике 1550 г., и в Судебнике 1589 г. широко использованы неопределенно-личные предложения с 3-м лицом мн. ч. глагола-сказуемого. Их мы находим в заглавии (в Судебнике 1497 г. в заглавии этих предложений нет). Это 3-е лицо мн. ч. обычно указывает только на группу лиц, но может указывать как на группу лиц, так одновременно и на одно лицо (ср. сказанное выше о подобных примерах в Русской Правде).

Приведем несколько примеров из Судебника 1550 г. и из Судебника 1589 г.: А *досудятся* до поля, да не ставъ у поля *помирятся*, и боярину, и дворецкому, и казначею, и діяку, и подьячему, имати по тому жъ указу (Суд. Ив. IV, с. 191. Неопределенно-личное предложение и в оглавлении); А *побіются* на полѣ въ пожегѣ, или въ душегубствѣ, или въ разбоѣ, или въ татбѣ, ино на убитомъ истцово доправити (Суд. Ив. IV, с. 193. Неопределенно-личное предложение и в оглавлении); А кто возметъ болши того, и *уличатъ* его въ томъ, ино на томъ взяти втрое (Суд. Ив. IV, с. 207. См. еще ряд таких же или сходных формулировок); И *назовутъ* его во обыску лихимъ человѣкомъ, ино его пытати (Суд. Ив. IV, с. 207); 15. Кого *побию*[*т*] на поле, что по[ш]ли[н] има[т](ь) (Суд. Фед. Ив., с. 2. Неопределенно-личное предложение и в тексте); 17. *Побию*[*т*]*це* на поле в пожe[г](е), в душегу[б]-стве, на убито[м] по[ш]линъ (Суд. Фед. Ив., с. 2. Неопределенно-личное предложение и в тексте); А *пошлутъ* котораго недельщика има[т](ь) тате[и] и ра[з]боиниковъ, и ему и[х] има[т](ь) бе[з]-хитъросно и не норовити (Суд. Фед. Ив., с. 29); *Скажу*[*т*] миро[м] в обы[с]ку, что живота его было сто[л]ко, и в то[м] ему да[ти] су[д] (Суд. Фед. Ив., с. 36).

В книге, которая по стилю изложения некоторых ее частей приближается к памятникам деловой письменности, — в пере-

---

[31] В списке Андреевского (рукопись XVII в.): А хто купит на торгу что поношено.

водном произведении специальной литературы «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (напечатана в Москве в 1647 г.) тоже значительное число неопределенно-личных предложений.

Во всех этих предложениях глагол-сказуемое стоит в 3-м лице мн. ч.

В числе примеров — ряд случаев с глаголом, стоящим в форме настоящего времени и обозначающим действие, которое протекает постоянно, вне временных условий. Все примеры с одним и тем же словом *называют*. Приведем некоторые из них: и се есть накороткѣ ословѣ овойнѣ, и для чего влатынскомъ языке то слово красно или пригоже *называютъ* (Уч. и хитр. рат. стр., с. 22); Абудетъ они отдобрыхъ салдатовъ ивоиновъ учитися нехотятъ, и я имъ укажу на женъ, которыхъ *называютъ* амазонесъ (Уч. и хитр. рат. стр., с. 39); Апетли чѣмъ курицы ловятъ, *называютъ* регементами сирѣчь владѣніемъ. (Уч. и хитр. рат. стр., с. 56).

Несколько примеров с глаголом-сказуемым в 3-м лице мн. ч., указывающим на группу лиц: Или будетъ вамъ *повелятъ* хулу положить, и то вамъ недѣлать (Уч. и хитр. рат. стр., с. 25); въ прежнія времена *наймовали* салдатовъ, для того что бы они государемъ своихъ земель городовъ и людей, и добра прибавливали, и подданныхъ ихъ отъ насильства недругова обороняли (Уч. и хитр. рат. стр., с. 31); и какъ ихъ *роспустятъ*, всякой салдатъ побѣжитъ своею дорогою (Уч. и хитр. рат. стр., с. 48).

Исключительно большое место занимают неопределенно-личные предложения (только с 3-м лицом мн. ч. глагола-сказуемого) в описании путешествий.

Характерно употребление в этих предложениях глаголов говорения, указывающих на лиц, от которых путешественник слышал ту или иную легенду, рассказ об имевшем место в прошлом событии и т. д. В путешествиях находим: *а сказываютъ*, *а сказывали*, *и сказали*, *а глаголютъ*. Особенно много этих глаголов-сказуемых в Путешествии московских купцов, затем в Путешествии Гогары, причем в случае постановки глагола в форме настоящего времени действие приписывается как бы всем людям без исключения, хотя путешественник мог получить сведения или от какой-то группы лиц, или даже от одного лица: И есть тутъ кладязь, а *глаголютъ*; коли дѣвици испіютъ тое воды, а не сохранили дѣвства своего, ино имъ уста позлатѣютъ (Пут. Зосимы, с. 66); А *сказываютъ*: тотъ гробъ учинила Царица Елена (Пут. моск. купцов, с. 138); а *сказываютъ*: подъ тѣми древесы спали два пророка (Пут. моск. купцов, с. 145); и *сказали*, что де туто Лотъ былъ (Пут. Гогары, с. 119).

Здесь же отметим пример с глаголом восприятия: А *слышали* о святѣмъ патріархѣ, что сидѣлъ на патріаршествѣ 85 лѣтъ, а постриженъ былъ 12 лѣтъ; а во Іерусалимѣ у гроба Господня служилъ 3 лѣта. (Пут. моск. купцов, с. 151).

В путешествиях находим многочисленные случаи с другими глаголами в форме настоящего времени, обозначающими действие, протекающее постоянно, вне временны́х условий. Приведем несколько примеров: и ту есть внѣ града кладязь, еже зовется: Нагій, а въ немъ *достаютъ* воду святую (Пут. Зосимы, с. 62); Во всѣхъ же церквахъ Фряжскихъ со органы *поютъ* на великіи праздники (Пут. Зосимы, с. 67); А оттуда *ходятъ* въ два пути: единъ путь ко Іерусалиму, а другій путь во святую гору Аѳонскую и въ Селунь (Пут. моск. купцов, с. 137. См. еще ряд примеров в том же памятнике с тем же глаголом *ходятъ* с глаголами *выходятъ*, *приходятъ*, *входятъ*); дорога вельми нужна, промежъ горъ каменныхъ, развѣ *ѣздятъ* на верблюдахъ, а на иномъ ни на чемъ *не ѣздятъ* (Пут. моск. купцов, с. 155); И на ту дорогу *ѣздятъ* на верблюдахъ, и воду *возятъ* въ бараньихъ кожахъ выдѣланыхъ (Пут. Гогары, с. 115); И въ церковь *входятъ* въ едины двери съ полуденныя страны, а не въ большия двери каменныя (Пут. Гогары, с. 114).

В ряде случаев глагол указывает на какую-то группу лиц: И оттолѣ поидохомъ въ Лидду, идѣ-же былъ великій мученикъ Георгій; ту ему главу *усѣкли*. (Пут. Зосимы, с. 67); И *не взимаютъ* отъ того села ничтоже, понеже не повелѣно бѣ (Пут. моск. купцов, с. 146); А въ городъ поѣдетъ, и тамо его *встречаютъ* всѣмъ городомъ, и честь ему велику воздаютъ (Пут. Гогары, с. 118) [32].

Примеры отмеченного употребления многочисленны во всех названных путешествиях.

Употребление неопределенно-личных предложений (как правило, указывающих на какую-то группу лиц) находим и в других старорусских произведениях, причем наиболее часто они встречаются в произведениях повествовательного характера: и кто бы изъ земли твоеи поѣхалъ, по пророку да чюжихъ земель, яко Исусъ Сираховъ глаголетъ, ты называешь того измѣнникомъ; а естльли *изымаютъ* на предѣле, и ты казнишь различными смертьми. (Письма Курб., с. 135); и къ тому рекъ: «Есть написана книга, евангельскими и апостольскими словесы едиными, избирающи и сочиняючи приличные, и *глаголютъ* ее аки бы Василіа Великого» (Письма Курб., с. 415); О рожденіи благовѣрнаго царя Констянтина Івановича такъ *пишутъ*, что он родился воинъ (Пересветов, с. 70); А есть ли хто даромъ возметъ, а не заплатит тое цѣны, что указано, іно таковому смертная казнь. і лутчаго *не пощадятъ* (Пересветов, с. 76); а говорил так: «Тепере де перед нами казаков ис под Азова побитых *возят* каюками, а *станут* де *возить* и будурами» (Пов. об азов. взятии, с. 52); А нас на Руси *не почитают* и за пса смердящаго (Пов. об азов. взятии, с. 68); И для того постъ *учинили* во царьствѣ, великъ и малъ, лѣта

[32] Слова «всѣмъ городомъ» являются образным выражением и не делают определенной группу действующих лиц.

7115-го съ октября съ 14-го числа, отъ понедѣльника, да по октябрь же по 19 день, до недѣли, и молебны *пѣли* по всѣмъ храмомъ (Пов. о видении, с. 178); и се внезапу слыша ми ся ся звон великъ, яко въ той болшой колоколъ *звонятъ*, его же при цари Борисѣ *слили* повелѣніемъ его (Пов. о видении, с. 179); Утверди перемирия и оттолѣ возвратися царь Борисъ во царствующій градъ честно и, пришедъ, возложи на ся царский вѣнецъ, и *помазаша* его миромъ, да царствуетъ надъ людми (Пов. Кат.-Рост., с. 566); и повѣда о себѣ всѣмъ людемъ Сѣверскихъ градовъ: яко азъ есмъ царь Дмитрѣй, избавленъ отъ смерти: въ мѣсто же мое *убиша* ляха, а я избавленъ (Пов. Кат.-Рост., с. 588); зъ другую же страну *повѣдаютъ* намъ шествіе Крымцовъ, помогающе царю Василію (Пов. Кат.-Рост., с. 594); и положиша тѣло его въ монастыри Варсоноѳевскомъ; а Борисъ положенъ бысть зъ древними цари у Архангела во храмѣ, и послѣ оттолѣ его *выслаша* и *положиша* его тѣло тамо же въ монастыри (Сказ о Гр. Отрепьеве, с. 731); а ставилъ его Богданъ Бѣльской, и *нарекоша* имя ему Новой Царевъ градъ Борисовъ (Ст. о Смуте, с. 1284); А бочку или оковъ *купливали* по три алтына и по гривнѣ, а коли дорого, ино и по пяти алтынъ. (Ст. о Смуте, с. 1286).

Единичны примеры, когда имеются в виду как бы все люди, без исключения: Царство Московское, его же *именуютъ* отъ давныхъ вѣкъ Великая Росія, той же градъ Москву постави великый князь Данилъ и царствова въ немъ самъ, и дѣти его, и внучата, и вся степень его досдѣ, даже и до великого князя Василія Ивановича всеа Русіи. (Пов. Кат.-Рост., с. 560); а *зовут* ево рыба сих (Пов. о Ерше, с. 148); а *зовут* ево рыба лодога (Пов. о Ерше, с. 148); а *зовут* ево рыба селдь (Пов. о Ерше, с. 149).

В первом примере поставлены временны́е границы — указано начало действия глагола, однако, это указание на время тоже является неопределенным: отъ давныхъ вѣкъ.

Мы особо выделяем случаи употребления неопределенно-личных предложений в сочинениях протопопа Аввакума, поскольку в этих памятниках письменности XVII в. ярко ощущается струя живого разговорного языка.

Отметим, в первую очередь, примеры с глаголом *звати*. И в современном русском языке и в древнерусском и старорусском языке данный глагол в форме 3-го лица мн. ч. настоящего времени часто входил в состав неопределенно-личного предложения и обозначал действие, протекающее постоянно, вне временны́х условий. При этом неопределенное лицо — это вообще все люди, без исключений.

Протопоп Аввакум, говоря о событиях недалекого прошлого, употребляет глагол *звати* в прошедшем времени. Таким образом, действие относится к прошлому, но неопределенность лица не уменьшается.

Примеры однотипны: Да у меня же был на Москве бешаной, — Филипом *звали*, — как я из Сибири выехал (Аввакум. Житие, с. 114); А егда я был в Сибири, — туды еще ехал, — и жил в Тобольске, привели ко мне бешанова, Феодором *звали*. Жесток же был бес в нем (Аввакум. Житие, с. 115); Как в попах еще был, там же, где брата беси мучили, была у меня в дому <моем> [33] вдова молодая, — давно уж, и имя ей забыл, помнится, Офимьею *звали*, — ходит и стряпает и все хорошо делает (Аввакум. Житие, с. 116); у Тобольске была у меня девица, Анною *звали*, дочь мне духовная, гораздо о правиле прилежала о церковном и о келейном и вся мира сего красоту вознебрегла (Аввакум. Житие, с. 117); Григорьем *звали*, байник, сын мне был духовный (Аввакум. Письма, с. 261).

Находим и случаи с другими глаголами-сказуемыми, но обычно эти глаголы указывают на какую-то группу лиц. Все случаи в тексте, характерном своей близостью к разговорной речи: Стало у меня в те поры кости те щемить и жилы те тянуть, и сердце зашлось, да и умирать стал. Воды мне в рот *плеснули*, так вздохнул да покаялся пред владыкою (Аввакум. Житие, с. 71); Что собачка, в соломе лежу: коли *накормят*, коли нет (Аввакум. Житие, с. 72); И я, смиряя, приказываю ей: «вели матери прощения просить у Орефы колдуна». Потом и больнова *принесли*, велела перед меня положить (Аввакум. Житие, с. 79); А егда я был в Сибири, — туды еще ехал, — и жил в Тобольске, *привели* ко мне бешанова, Феодором звали (Аввакум. Житие, с. 115); Ездила, ездила в коретах, да и в свинарник попала, друг мой милой! *Кормят*, *кормят*, да в лоб палкою, да и на огонь жарить (Аввакум. Письма, с. 224).

В следующем примере глагол-сказуемое указывает на всех лиц без исключения, действие его не ограничивается каким-либо определенным отрезком времени: Да что, братия моя любезная, светы, вем, яко молвите: «батько — де неискусно глаголет». Хорошо, искусно, искусно! От дел звание *приемлют* (Аввакум. Письма, с. 278).

О том, что неопределенно-личные предложения были широко распространены в разговорной речи, особенно убедительно говорят записи Генриха Вильгельма Лудольфа в его «Русской грамматике» 1696 г., а также пословицы XVII в., где они занимают весьма заметное место.

В записях находим как примеры с употреблением 3-го лица настоящего времени глагола-сказуемого, указывающего на всех людей без исключения и обозначающего постоянно протекающее действие, причем не всегда ясно, действительно ли имеются в виду все лица, а не какая-то группа людей, и случаи с глаголом-сказуемым, относящимся к какой-то неопределенной группе лиц.

[33] Слово вписано рукою Епифания.

Приводим и те, и другие случаи: из агленской землы *привозятъ* сѹкно (с. 43); за єтѹю цѣнѹ *не здѣлаютъ* бѹшмаки (с. 45); *скажутъ* что пригожие женщини во францѹскои землѣ (с. 60); *Говорятъ* что тамъ страшно холодно (с. 62); *показали* мнѣ грамоткѹ печатанѹ, казало сѧ мнѣ что ѿ шурина твоево (с. 64); наши пасторъ казанїе не здѣлаетъ после ѡбѣда, толко стихи *поютъ* и главу *читаютъ* изъ нового завѣта (с. 69); *скажутъ* что ты водишъ сѧ съ людми всѧкои вѣры (с. 69); въ дѹраки *поставлѧютъ* человѣка которои богатство[34] и честь не ищетъ (с. 78).

В пословицах нет необходимости называть действующее лицо.

Народный жизненный опыт облекается в такую форму, которая обобщает весь круг возможных лиц.

Примеры, как уже отмечалось, весьма многочисленны в пословицах XVII в.: В дождь избу *не крою* а в ведро и сама не каплетъ (Пословицы XVII в., л. 332); *Встречаютъ* гостя по пла а *провожаю* по умѹ (Пословицы XVII в., л. 332 об.); Где *шьют*, там и *порютъ* (Пословицы XVII в., л. 335 об.); Даравому каню в зубы *не смотря* (Пословицы XVII в., л. 338 об.); *Жнутъ* поле в пору (Пословицы XVII в., л. 342 об.); Желѣзомъ хлѣбъ *добываютъ* (Пословицы XVII в., л. 343); Иглою *шьютъ* а чашею *пьютъ* а плею *бьютъ* (Пословицы XVII в., л. 348 об.); Косу *остря* на травѹ *смотрятъ* (Пословицы XVII в., л. 351); Мечомъ злато *добываютъ* а мечь злато *покупаютъ* (Пословицы XVII в., л. 356 об.); На бито два небитыхъ *даютъ* (Пословицы XVII в., л. 360 об.); Ремесла залечми *не нося* а с нимъ лѹтче (Пословицы XVII в., л. 367 об.); ѿ добра добра *не ищутъ*. (Пословицы XVII в., л. 376 об.); Щеголя *бьютъ*. спинѹ оголя (Пословицы XVII в., л. 380).

Несколько другого характера пословицы, которые в какой-то степени можно сблизить с обычными неопределенно-личными предложениями, близкими по значению к безличным, непословичного типа: *Зову* меня Власомъ а живу в сѣлѣ за пасомъ (Пословицы XVII в., л. 346 об.); *Зовутъ* ево Ѳомою а живетъ о собою в люди не ходитъ а к себѣ не зоветъ (Пословицы XVII в., л. 347 об.).

В неопределенно-личных предложениях иногда имеется указание и на место действия (в первом примере оно определено путем наречия *там*, которое не в полной мере раскрывается и

[34] Богатство.

в придаточном предложении): Какъ тамъ говорить гдѣ *не дадꙋ* и рта ꙋворить (Пословицы XVII в., л. 352 об.); Москва стои на болотѣ а ржи в нѣи *не молота* (Пословицы XVII в., л. 357 об.).

Пословицам XVII в. известны и неопределенноличные предложения с глаголом в форме прошедшего времени: гдѣ черти ни *бродили* вездѣ их *бранили* (Пословицы XVII в., л. 335 об.); *Дали* ногому рубашку инъ толста (Пословицы XVII в., л. 339 об.); Ка волкъ носи никто не видалъ: а ка вока *понели* вся види (Пословицы XVII в., л. 350 об.); *Пожили* в нꙋже да *нажили* хꙋже (Пословицы XVII в., л. 365); ꙋ Фили *пили* да ѳилю же *били* (Пословицы XVII в., л. 371 об.).

Особо следует отметить случаи употребления глагола-сказуемого в форме 3-го лица ед. ч., обычно прошедшего времени (на 3-е лицо указывают сходные примеры с формой 3-го лица настоящего и будущего простого времени и особенно пример, где есть и форма настоящего времени, и форма прошедшего времени: дуетъ-ожегся): Болото *изродилъ* а рыбы *не изловилъ* (Пословицы XVII в., л. 328 об.); Дѣла *не дѣлаетъ* а здѣла *не бѣгаетъ* (Пословицы XVII в., л. 338); Досадя другꙋ со стыдомъ *поклонися* (Пословицы XVII в., л. 338); *Игра* в дꙋдꙋ. не скачꙋ *рыдалъ* в пирꙋ. не плачꙋ (Пословицы XVII в., л. 348); *Обрадовался* крохѣ. да ломоть *потерялъ* (Пословицы XVII в., л. 361 об.); *Ожегся* на молокѣ и на водꙋ *дуетъ* (Пословицы XVII в., л. 362 об.); *Основалъ* нити шолкомъ а уто поучиною (Пословицы XVII в., л. 362 об.); *Платилъ* долги. а не *минулъ* Волги (Пословицы XVII в., л. 364 об.); По себе *знаетъ* и намъ *лаетъ* (Пословицы XVII в., л. 364 об.); *Родился* малъ а *умеръ* пьянъ (Пословицы XVII в., л. 366 об.).

В приведенных примерах лицо остается неопределенным, однако, в отличие от случаев с 3-м лицом ед. ч. в юридических памятниках древнерусского периода, в текст не может быть включено местоимение *кто* в его неопределенном значении *кто-то, кто-нибудь*.

IV. Неопределенно-личные предложения в старобелорусской и староукраинской письменности

Старобелорусские и староукраинские памятники XV—XVII вв. отличаются от старорусских лишь лексическим составом: в них находим как общие со старорусскими памятниками глаголы, так и глаголы, отсутствующие в старорусских памятниках.

Следует отметить, что в старобелорусских и староукраинских памятниках не встретились примеры с 3-м лицом ед. ч. глагола в неопределенно-личных предложениях. Эти примеры и в старорусских памятниках единичны, что позволило нам считать их для XVI в. (точнее для конца XVI в., поскольку Судебник Федора Ивановича, где имеется несколько случаев с 3-м лицом ед. ч., относится к 1589 г.) архаизмами.

В старобелорусских памятниках деловой письменности широко использованы неопределенно-личные предложения с 3-м лицом мн. ч. глагола-сказуемого, указывающим на какую-то группу лиц (или, в отдельных случаях, одновременно и на одно лицо): Имѣніе дѣдичьно, которое жъ то у пѣнезехъ *записують*, у нѣкоторыхъ нашихъ сторонахъ держано до 15 лѣтъ (Стат. Владислава 1420—1423 гг. АЗР, т. I, № 27); А коли злодѣя *выдадуть* исъ права, а чимъ его *възвелять*, казнити по его дѣломъ (Западнорус. гр. 1468 г. АЗР, т. 1, № 67); А сведется вира, *убьютъ* сотцкого въ селѣ, ино тебѣ взяти полтина (Западнорус. гр. 1470-1471 гг., Акты, собр. Акад. Н., т. I, № 87); Кого *пошлютъ* в заставу, абы был там на рокъ, а онъ на рокъ положоный тамъ не будетъ (Лит. ст. 1529 г., с. 17. Заголовок); Которымъ опекуномъ *дадут* опекунство, какъ маютъ в том справоватися (Лит. ст. 1529 г., с. 35. Заголовок); Естли где паробки крадуть в околицу, а з лицом их *поймають*, которое лицо будеть стояти полтину грошей, тогды маеть каран быти яко злодей (Лит. ст. 1529 г., с. 98).

3-е лицо мн. ч. настоящего времени глагола-сказуемого может указывать на действие, протекающее постоянно, вне временных условий и выполняемое всеми лицами, без исключений: Также у Полоцку соль вѣсити на скалвахъ тымже вѣсомъ, што воскъ *вѣсять*, тыми же колоколы (Могилев. гр. 14 мая 1407 г., РЛА, № 164) [35]; А вѣсебное имати вѣсцю: какъ у Полоцку на Рижанехъ *емлють*, такъ имати у Ризе на Полочянехъ вѣсебное (Могилев гр. 14 мая 1407 г., РЛА, № 164); также Полочяномъ у Ризѣ, а Рижяномъ у Полочку, никакое малое торговле не торговати, што розницею *зовутъ* (Могилев. гр. 14 мая 1407 г., РЛА, № 164); штож который дворъ купилъ былъ есми собе в месте виленском ѕ золотара Станцелавруса на тои ѕлицы которою *ходятъ* ѿт сватого Їна к Бернадыном, а к томуж ещо есми былъ прикупил местца где тепер пекарнѧ (Минск. гр. 1491 г., Arch. Sang., т. I, № 100); А про то приказуем, абы кождый з васъ таковые корчмы забиралъ, буд духовный и светскій и панскій и всих посполите, и вси тые суды, в которых пива *варят* (Лит. ст. 1529 г., с. 24).

Весьма распространены неопределенно-личные предложения с 3-м лицом мн. ч., указывающим на какую-то группу

---

[35] Грамота под № 164, написанная в Могилеве, содержит договор Полоцка с Ригою.

лиц, иногда очень обширную, в белорусских летописях XVI-XVII вв. [36].

Особенно охотно употребляет составитель Баркулабовской летописи эти предложения, когда говорит о ценах на продукты (ср. с примерами из 1-й Новгородской летописи), о сельскохозяйственных работах: и кнѧ(з) великыи Евноутїи выскочи(л) и оубѣжа(л) в горы и в до(л) и тамо ѡзабе в ногы. и емше его *привели* къ бра(т)у его къ кнѧзю. великомѹ Кестѹ(т)ю (Лет. Авраамки, л. 438); кнзѧ велико(г) Лито(в)ского, албо пана со(ж)жено бы(ло) тѣло, тогды пры нихъ *кладывали* ногъти ры(с)и албо медве(ж)и (Лет. Рачин., с. 235); а в то(ж) часъ была ѹ Смоле(н)скѹ великаѧ замѧ(т)нѧ и много люде(и) *посе(к)ли* которые спрыгали Витолту и мо(р) былъ велики(и) на люди (Лет. Рачин., с. 264. См. также Лет. Крас., л. 85); коли кого кнземъ Лито(в)скимъ *посадать* на великомъ кн(с)тве ва(м) ѿ Лито(в)скои земли не ѿступати (Лет. Рачин., с. 272); патрїархъ же Калисть помнувь слово Хво и(ж) ре(ч) аплѡ(м) своимъ идеже слово ваше *прїимѹть* тѹ пребываите (Лет. Акад., л. 150); избито бы(с) вои много множество кнзеи боꙗрь но и самого кнзѧ великого Светьслава *оубиша* (Лет. Акад., л. 181); Того року ячмень, овесъ *сеяли* на десятой недели (Лет. Баркул., л. 142); Того року жита *жали* по Покрову Святыи Богородицы, овсы и ячмени *жали* на 3 недели по Покрове (Лет. Баркул., л. 142 об.); зима была люта, снежна, на санехъ *ездили* по святе Велебномъ недели две (Лет. Баркул., л. 155); Тотъ рокъ былъ велме меженский, албо голодный: жито *куповали* чверт по таляру (Лет. Баркул., л. 156); воевода Мутлянский втекъ из Мигалем, трохи *не поймали*, и много за нимъ *гонили* ажъ до границы Мутлянское (Лет. Баркул., л. 161 об.—162); *почали орати* на Страстной недели (Лет. Баркул., л. 165 об.); Тогды всего того насеня в Киеве, на Волыню *куповали* (Лет. Баркул., л. 167); Потомъ болшая вода дождевая нашла; и так *поведали*, яко бы серед лѣта на Москве снегъ великий и морозъ былъ, колко недель на санехъ в лѣте ездили (Лет. Баркул., л. 168 об.).

Встретившиеся в летописях примеры с 3-м лицом множественного числа настоящего времени глагола-сказуемого, указывающего на всех людей вообще и обозначающего действие, протекающее постоянно, вне временных условий — преимущественно с глаголами называния: и прозвал(л) то(т) Керъну(с) берегъ свои(м) ꙗзыкомъ властны(м) по латыни литу(с) где сѧ люди его множа(т) а трубы што на ни(х) *играю(т)* туба (Лет. Рачин., с. 228); а пото(м) забраласѧ до Рыма и (в) Рыме ме(ш)каю(чи)

[36] Ниже приводим примеры и из летописи конца XV в. — из так называемой летописи Авраамки, писанной в 1495 г.

Богу служыла пи(л)не и ме(ш)кала ко(л)ко го(д) и ѡсветиласѧ котору(ю) *называю(ть)* са(н)кта. Прекседы(с) а по ру(с)ки(и) Пароскове҃ѣ (Лет. Рачин., с. 230—231); и в малы(х) часехъ поехалъ после того кн҃зь велики(и) Кгидими(н) в ловы ѿ Трокъ за чотыри мили и на(и)деть гору красную на(д) рекою Вилнею на которо(и) зна(и)де(т) звера великого тура и (в)бъеть его на то(и) горе гдѣ теперъ *зову(т)* Ту(р)ѧ гора (Лет. Рачин., с. 244); и кн҃зь велики(и) Кгидыми(н) на за(в)трее ж не т҃же(ж)дчаючы и послалъ по люди и заложылъ городъ ѡдинъ на Швинъторозе ни(ж)ни(и), а други(и) на Крыво(и) горе которую тепе(р) *зову(т)* Лысою и нарече(т) имѧ тымъ городо(м) Вилнѧ (Лет. Рачин., с. 245); Того ж року по Ѳеофане владыце совершено на владычество Полоцкое Нафанаила Терлецкаго, началника новому календару безаконому его даному и безыменному как того *зовутъ?* хто то подалъ? Ни Моисей, ни Христосъ! (Лет. Баркул., л. 152 об.).

Неопределенно-личные предложения с 3-м лицом мн. ч. глагола-сказуемого, указывающего на группу лиц, а также с тем же лицом того же числа (исключительно настоящего времени) глагола, относящегося ко всем людям вообще, широко употребляются и в других старобелорусских произведениях, но особенно часто в повестях: 1) то оужо коли оучоула пресмоутнаѧ матка. бег҃о ка҃ болши҃ могла до него плачоучи пришла. да коли оувидела ижь его коулаки *бьютъ.* за шии *кидаю.* *плюю* т҃рньемъ *короуноуютъ.* и мерзѧчкоу всѣхъ его быти видела. пороушилисе в неи всѧ оунотренаѧ ее а не бы голо҃ а ни розоу҃ оу нее (Страсти Христовы, л. 10); стоѧла болеючи албо зламана была болестїю ждоучи докоу҃ с крижа *соимоу* тело сн҃а ее (Страсти Христовы, л. 13 об.); повѣдилъ, ижъ дей того не слыхать, только дей тое на Москве *говорятъ*, што зъ Литвою миръ выйдетъ борзо, и велѣно дей городы осмотривать (Вестов. отписки Кмиты, 1573—1574 гг.); Коли *утопили*, топоръ *давали*, а выплывши ни топорища (Вестов. отписки Кмиты, 1573-1574 гг.); *Поведаютъ* ижъ в тои битве сто двадцать и пѧть тисечеи угров побитыхъ легло (Ист. о Атыле, с. 176); Трыщанъ прыехалъ до короля, и король рекъ Трыщану: Едмо там, гдѣ насъ *ждутъ* (Пов. о витязях, с. 62); А затымъ поехали с тою панною к тому турнаю и наехали витезѧ у зброи едучы, а з ним *везут* у возе панну велми у коштованныхъ шатахъ убранную (Пов. о витязях, с. 121); А такъ водлу҃ ѡбычаю цеса҃ского зложи҃ алеѯа҃де҃ тѣло его, а з велики҃ ѡбходо҃ *несли* е҃ на погре҃, за ѯпережаючими збро'ными пе҃сы и макидоны

(Александрия, с. 72); и коли его *крестили, дали* имѧ ему Бово (Ист. о Гвид. с. 129); 2) и рекли коли оуже есть вине смерти. албо пошлемы его на ѡстро. его огонтоу *зовоу* (Страсти Христовы, с. 23); почали будовать тое мѣсто, которое теперь Вэнэцэею *зовуть* (Ист. о Атыле, с. 213); а тые ѡстровы полны добрых людеи и всѧкого добра, которых то *зовуть* Долние ѡстровы (Пов. о витязях, с. 70); Пан Трыщан рече: Витезю, не рачте за зле мѣти ѡ што вас спытам, бо в нашои земли за то *не дивѧт* (Пов. о витязях, с. 104); а ѣ не знаю, ѣак в шахи *играют* (Пов. о витязях, с. 110); пото^{м} пре^{в} ко^{л}ко дни пришо^{л} на мѣ^{ст}це велми сухое, где воды не была, а переходячи пре^{з} мѣстце которое *зов*^{т} адриа^{т}, притѧгну^{л} кѵ рецѣ ефратѵ та^{м} же постави^{л} наметы свои (Александрия, с. 57).

Широко распространены неопределенно-личные предложения и в староукраинских памятниках. Как уже отмечалось, показания этих памятников и старобелорусских памятников совпадают с данными старорусских памятников.

Таковы, в частности, свидетельства Галицко-Волынской летописи: тогда же два кнѧзѧ Половѣцкаѧ Соутоевича Котѧнь. и Самогоуръ. поткоста на пѣшьцѣ. и оубьена быста конѧ под ними. и за мало ихъ *не* ѧша (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 245 об.); тогда же и Василь дыѧкъ рекомыи Молза застрѣленъ бы подъ городомъ. Михалка же Скоулоу *оубиша* согонивше на Ширѣцѣ. а главѵ его *сосѣкоша* трои чепи снѧше золоты и *принесоша* главоу его ко Коломанови (Ипат. л. Гал.-Вол.), л. 249 об.); ѿтоудоу же ву Татарѣхъ. *не смѣють* его нарещи гра^{д} Козлескъ. но гра злыи. понеже бишасѧ по семь недѣль *оубиша* бо ѿ Татаръ сны темничи три (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 264).

Указание «ву Татарѣхъ» в какой-то степени не столько уменьшает неопределенность лица, сколько ограничивает группу лиц, которые «не смѣють. . . нарещи гра Козлескъ».

Многочисленны случаи употребления неопределенно-личных предложений в староукраинских памятниках более позднего времени различных жанров, в том числе в «Пересторогe», этой своеобразной летописи религиозной борьбы, в сочинениях Ивана Вишенского, а также в произведении, характерном своим почти чистым народным языком, — «Слово о збуреню пекла». Приведем ряд примеров: а (уховай, Боже!) *скинутъ* ли которого з насъ зъ епископіи, то самъ осуди, якая нечесть? (Пересторога, с. 211); Турковъ, Татаровъ, Жидовъ, невѣрниковъ и поганъ тутъ мѣшкаючихъ у вѣрѣ ихъ *не ломаютъ*, только народови Рускому (Пересторога, с. 216); Поповъ до тоей унѣи кгвалтомъ *притягали*, а которые зводити ся имъ не давали, оныхъ *обезчестѣвали* (Пере-

сторога, с. 220); А ты, православный, уважай якъ фальшиве свѣдоцства зъ писма *приводять* апостата: не вѣръ, стережися! (Палин. Копыст., с. 414); Если такая поневолная згода слушне за згоду разумяна быти маетъ, — не можетъ ся знайти переднѣйшая, яко у Ишпаніи и в(е) Ѳранціи, где не толко человѣка посполитою, але и самыхъ кролевъ пуйналами, ножами в брухъ отъ писма до згоды *приводятъ* (Отв. Клир. Острож., с. 409); Не смерть ли тебе поглонет, так же и убогого? Не в земленные ли нядра тебе *уволокут* так же, як и убогого? (Виш. Книжка, с. 43); Се ест, не сего ради буди пастыр, да тя *почитают*, *блажат*, *величают*, *возносят* и чест тебѣ *воздают* (Виш. Книжка, с. 108); Теды, из муки их изведши, в едину темницу *затворили* до другаго мучения, если ся не намыслят и доброволнѣ идолом не пожрут (Виш. Послания, с. 167. Послание Домникии); Что глаголет пан Юрко, не вѣм. Почто мя *ожидают?* (Виш., Послания, с. 168. Послание Домникии); ⟨Люципер⟩: Тую то *оповѣдают* Но он скончења свѣта не вѣсть. (Сл. о збур. пекла); Посел трети (прибигае и мовит): Отож, пане наш Аде, юж Христос умирает, На крестѣ главу свою прикланяет. . . Отцом со жолчїю его *напоили* и приправами, присѣками его *частовали* (Сл. о збур. пекла); Люципер (до Ада мовит): Видиш, Аде, такую маю новину, Що ся стало през мене Мариину сину? . . . на крестѣ его *прибили* И бок ему копием *пробили*, И терновий винец на главу *вложили* (Сл. о збур. пекла).

Представлены в староукраинских памятниках и неопределенно-личные предложения с 3-м лицом мн. ч. глагола-сказуемого, указывающего на всех людей вообще и обозначающего действие, протекающее постоянно, вне временны́х условий. И в староукраинских памятниках господствуют в этих предложениях глаголы называния: ⟨Люципер⟩: Пекло, моя слѣчная потѣха єдина Грѣшников аж до верху узкаго пожерла, И Давида цара, с которого мя Исуса Христа *повидают*, О чем вси пророци люд научают (Сл. о збур. пекла); Стецко: Як тебе *зовут?* — питаю (Инт. Гаватовича); Стецко: О, того не знаю, Як здрайцю *зовют* там того. . . (Инт. Гаватовича); Золотаа волность, так еи *называют*, Доступити еи всѣ пилне ся старают (Вирши Саковича).

Рассмотренный материал древнерусских, старорусских, старобелорусских и староукраинских памятников позволяет сделать некоторые общие для всех этих памятников выводы.

Неопределенно-личные предложения употреблялись уже в древнейших памятниках, причем преимущественно с 3-м лицом мн. ч. глагола-сказуемого, но в отдельных жанрах письменности глагол-сказуемое мог стоять и в 3-м лице ед. ч.

В дальнейшем второй из названных типов утрачивается как в старорусских, так и в старобелорусских и в староукраинских памятниках. Отдельные случаи с 3-м лицом ед. ч. — несомненный архаизм, а не живое явление языка.

На протяжении всей истории восточнославянских языков наблюдается широкое использование неопределенно-личных предложений для указания на какую-то неопределенную группу лиц. Несравненно реже встречаются в памятниках восточнославянской письменности неопределенно-личные предложения, в которых глагол-сказуемое относится вообще ко всем людям без исключения, и действие глагола не имеет временных границ. Эти предложения, имеющие обобщенно-личный характер, именно благодаря названной особенности заняли видное место в пословицах, большинство которых живет и в современной разговорной речи восточнославянских народов.

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

I. Из истории изучения безличных предложений

Вопросу о безличных предложениях в памятниках восточнославянской письменности наше отечественное языкознание уделяло и уделяет большое внимание.

Уже в трудах второй половины прошлого столетия делается попытка дать характеристику главнейших типов безличных предложений, выделить те из них, которые казались наиболее оригинальными для восточнославянских языков.

Мы имеем в виду труды П. А. Лавровского, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни [1].

Наибольший интерес для сравнительно-исторического изучения безличных предложений представляют исследования А. А. Потебни, поскольку ученый привлек не только материалы русского языка, но использовал также данные украинского и белорусского языков.

Больше всего внимания уделено безличным предложениям в III томе «Из записок по русской грамматике» А. А. Потебни (глава «Устранение подлежащего»).

Здесь рассмотрены основные структурные типы безличных предложений, сделана попытка выяснить их происхождение, главным образом как результат утраты субъекта в личных предложениях или его превращения в творительный действующего предмета, что позволяло на определенном этапе предполагать за объектом неизвестный субъект.

---

[1] П. А. Лавровский. О языке северных русских летописей. СПб., 1852; Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1863. Ссылаемся на последнее издание — М., 1959; А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. Изд. 2. Харьков, 1888. Делаем ссылки на издание — М., 1958; III. Харьков, 1899; IV. М.—Л., 1941. — Взгляды авторов упомянутых трудов на безличное предложение рассмотрены В. И. Борковским более подробно в статье «Из истории изучения безличных предложений в памятниках восточнославянской письменности» (сборник, посвященный академику А. Мразу и профессору Я. Станиславу. Bratislava, 1966).

Большое внимание уделено безличным предложениям с безличным глаголом ощущений и восприятий внешних явлений.

В отношении оборотов, в которых подлежащее налицо, а сказуемое безличное (глагол в форме ср. рода прошедшего времени, прилагательное или причастие прошедшего времени страдательного залога в ср. р.), исследователь приходит, как мы полагаем, к верному заключению, что они «составляют, по-видимому, переход от субъектности к бессубъектности (=безличности) предложений» [2].

Не останавливаясь на замечаниях А. А. Потебни по поводу других оборотов, отметим только, что приведенные исследователем примеры из русских памятников различных жанров (со второй половины XIII в. и кончая началом XVII в.) с именительным падежом подлежащего при глаголе с отрицанием позволили ему сделать важный и, по нашему мнению, тоже верный вывод: «. . . можно думать, что цсл. обороты с подлежащим при н Ѣ с т ь и т. п. не подражания греческому, а остаток туземной старины. . .» [3].

Как видим, русский материал не вызывает у А. А. Потебни сомнений, что оборот с именительным при отрицании в русском языке не является заимствованием из другого языка.

В книге последователя А. А. Потебни — Д. Н. Овсянико-Куликовского «Синтаксис русского языка», (СПб., 1902; Изд. 2 — СПб., 1912), содержащей ряд интересных наблюдений, нового древнерусского материала (по сравнению с имеющимся в книгах А. А. Потебни) немного.

Белорусский материал привлечен А. А. Потебней в ограниченном размере: при рассмотрении лишь некоторых безличных оборотов, Д. Н. Овсянико-Куликовским приводятся примеры лишь из русского языка.

Безличные предложения в белорусском языке впервые были систематично исследованы в 3-м выпуске второго тома уже упоминавшегося нами капитального труда академика Е. Ф. Карского «Белорусы».

Сжато, с привлечением большого и интересного материала из западнорусских памятников и народных говоров, здесь рассмотрены все основные типы безличных предложений (в их числе и инфинитивные).

После появления названных выше трудов внимание ученых было направлено на детальное изучение безличных предложений в каком-либо одном крупном памятнике или в группе однородных памятников.

Вначале безличные предложения не являются специальной темой исследования, им лишь посвящается отдельная глава в ра-

---

[2] А. А. П о т е б н я. Из записок по русской грамматике, т. III, стр. 441.
[3] А. А. П о т е б н я. Указ. соч., стр. 482.

ботах, рассматривающих синтаксические явления памятников (и шире — фонетические и грамматические явления).

Имеем в виду исследования А. А. Шахматова, Е. С. Истриной, Е. Ф. Карского, С. П. Обнорского, В. И. Борковского, Т. П. Ломтева, С. П. Бевзенко, М. А. Соколовой и других ученых.

Благодаря этим трудам были значительно расширены наши сведения о безличных предложениях в летописях, в деловой письменности, в других выдающихся произведениях восточнославянской письменности.

За последние три десятилетия напечатано много работ, в которых исследованы специально безличные предложения в старинных памятниках [4] или даже одна какая-либо безличная конструкция.

К числу первых относится монография Е. М. Галкиной-Федорук «Безличные предложения в современном русском языке» (Издательство МГУ, 1958), представляющая несомненный интерес для историка русского языка не только потому, что в ней в отдельных случаях приводятся примеры из памятников древнерусской письменности, но также благодаря предложенной в работе детальной классификации различных по своему морфологическому составу безличных предложений на основе другого, не менее существенного признака — значения, выражаемого тем или иным типом безличного предложения.

Специально безличным предложениям посвящена работа В. И. Борковского «Безличные предложения в древнерусских грамотах XIV—XV вв. южного происхождения» («Известия ОЛЯ АН СССР, т. IX, вып. 5, 1950).

В украинских грамотах (исследовано 96 актов) оказались те же типы безличных предложений (исключение составляют только безличные предложения с *есть* и родительным количественным имени существительного), которые отмечены в древнерусских грамотах (в труде того же автора «Синтаксис древнерусских грамот. Простое предложение»), и не встретилось ни одной безличной конструкции, которая не употреблялась бы в этих древнерусских грамотах.

История безличных предложений рассмотрена в ряде кандидатских диссертаций: Н. Н. Арват. Безличные предложения в древнерусском языке (по материалам новгородской письменности XI—XV вв.). 1955; А. А. Дибров. «Безличные предложения в русской деловой письменности первой половины XVII века (на материале сборника памятников «Донские дела»). 1955; А.М. Смирнова. Безличные предложения в памятниках литературы и де-

---

[4] Отметим попутно, что за тот же период был напечатан и ряд статей, посвященных исключительно безличным оборотам в говорах и в фольклоре. Историк языка смог благодаря этому опираться в своих выводах и на надежные диалектные данные.

ловой письменности XVI в. 1955; А. Е. Выгорбина. Безличные предложения в древнерусском языке. 1961 и др.

Авторы диссертаций опубликовали и ряд статей, посвященных тому или иному типу безличных предложений: с безличным глаголом, с кратким причастием страдательного залога в составе сказуемого, с безлично-предикативными словами и т. д.

История указанных типов получила освещение и во многих работах, не связанных с диссертациями.

Отмеченные диссертации, статьи рассматривают безличные предложения в одном из восточнославянских языков, при этом, как правило, в течение ограниченного исторического периода, тем не менее они не могут не учитываться и исследователем безличных конструкций в восточнославянских языках в сравнительно-историческом плане.

Не имея возможности остановиться на всех весьма многочисленных работах, посвященных безличным предложениям (или одному какому-либо их типу), рассмотрим, как освещается один из наиболее спорных вопросов — вопрос об употреблении безличной конструкции со страдательным причастием на *-но*, *-то* с винительным падежом прямого объекта в восточнославянских языках.

Спорным, собственно, является лишь вопрос, была ли свойственна в прошлом эта конструкция русскому языку.

В опубликованной в 1958 г. статье «Сравнительно-историческое изучение конструкции безлично-предикативного страдательного причастия на *-но*, *-то* с винительным падежом прямого объекта в восточнославянских языках» («Наукові записки Дніпропетровського державного університету», т. 63. Мовознавство, випуск XIV. Харків) Я. А. Спринчак возражает П. С. Кузнецову, считавшему рассматриваемый оборот в русских памятниках XVI—XVII вв. явлением, не свойственным говору Москвы, который лег в основу литературного языка, поскольку он наблюдается лишь у писателей, затронутых иноязычным влиянием — украинским или польским [5].

Из числа приведенных Я. А. Спринчаком примеров с указанным оборотом только три имеют доказательную силу, поскольку

---

[5] П. С. Кузнецов. Из истории сказуемостного употребления страдательных причастий в русском языке. Автореф. докт. дисс. «Докл. и сообщ. филол. фак-та МГУ», вып. 6, 1948, стр. 38 (сходный вывод в другой работе П. С. Кузнецова: «К вопросу о сказуемостном употреблении причастий и деепричастий в русских говорах». — «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. III. М.—Л., 1949, стр. 72—73).

См. возражения П. С. Кузнецову в более ранних трудах: С. Д. Никифоров. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М., 1952, стр. 322; Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Изд. 5. Киев, 1958, стр. 237.

в остальных имя существительное имеет форму, общую для именительного и винительного падежей, или же налицо смешение форм именительного и винительного падежа множественного числа: . . . а самого князя великого Дмитрия ранено (Книга о побоищи Мамая по сп. нач. XVII в.): и скорбново словомъ ползовано (Домострой); почто воду кладежну во сладость подано (Алфавит, рифамами слож.) [6].

В первых двух примерах [7] форма родительного-винительного падежа одушевленного предмета, в последнем — форма вин. п. от основ на *-а*, не совпадающая с формой им. п.

Стремясь обосновать свой вывод, что данный оборот свойствен по природе русскому языку, Н. Н. Арват в небольшой статье «К вопросу об истории безличной конструкции с кратким страдательным причастием в русском языке» («Научный ежегодник Черновицкого государственного университета за 1958 год». Отдельный выпуск. Филологический факультет. Черновцы, 1960), говорит об его употреблении в древнерусских памятниках северного происхождения, в то время, как население этой территории в те времена (XIII—XV вв.) не испытывало влияния западнославянских народов.

Однако приведенные автором примеры не являются показательными, так как в них имя существительное не имеет бесспорную форму винительного падежа, примеры можно рассматривать как случаи с отсутствием согласования сказуемого с подлежащим — именем существительным в именительном падеже: А *дано* на семь сорокъ белки — Двинск. гр. XV в.; *Бысть побито* на томъ бою *немецкія силы*, — Новг. лет.; . . . бяше бо плотомь оплетено место и *насовано колья* — там же; *Черници и черници* все до наготы *излуплено* — там же [8].

Мы полагаем, что, по всей вероятности, оборот с формой винительного падежа при употребленном безлично причастии прошедшего времени срадательного залога не был чужд русскому языку XVI—XVII вв., но и не имел в нем широкого распространения, хотя и встречал поддержку в старобелорусских и старо-украинских памятниках, в частности в деловой письменности. В дальнейшем он окончательно был вытеснен из русского литературного языка, сохранившись лишь в диалектах (преимущественно западной и восточной группы). В современном белорусском литературном языке, в отличие от современного украинского литературного языка, этот оборот тоже не сохранился и характерен лишь для современных говоров белорусского языка [9].

---

[6] Я. А. Спринчак. Указ. соч., стр. 165—166.

[7] Пример из Домостроя был в свое время приведен А. А. Потебней (указ. соч., т. III, стр. 435).

[8] Н. Н. Арват. Указ. соч., стр. 194.

[9] См.: Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3. М., 1956, стр. 317—318. — Здесь и примеры из памятников XV—

Значительные успехи в разработке вопроса о безличных предложениях в древнерусском языке и в памятниках старорусского, староукраинского и старобелорусского языков позволили авторам учебных пособий по высшей школе, вышедших за последние годы, осветить эти предложения с большей или меньшей полнотой [10].

Переходим к рассмотрению исследованного нами материала.

II. Безличные предложения с глаголами существования, бытия, при которых стоит отрицание

Уже древнейшие памятники восточнославянской письменности свидетельствуют о том, что личные предложения с отрицанием при глаголе существования, бытия ѥсмь — *быти* в 3-м лице ед. ч. почти полностью вытеснены многочисленными безличными предложениями с этим глаголом [11].

В этих предложениях может оттрицаться наличие, существование лица, предмета, явления. Если безличное предложение входит в состав сложноподчиненного предложения условия в качестве его придаточной части (такие примеры находим преимущественно в юридических памятниках), то в нем лишь указывается на возможное отсутствие лица, предмета, явления. В результате отсутствия возникает определенная правовая норма, определенное обязательство того или иного лица, отмеченные в главном предложении: или *не боудеть* на немь знамениꙗ то привести ѥмоу видокъ слово противоу слова (Рус. Пр. 1282 г., л. 617 об. а); *не боудеть* ли татѧ то по слѣдоу женоуть (Рус. Пр. 1282 г., л. 624 об. а); или *не боудѣть* пороукы а въ желѣза и въсадити (Гр. неизв. Смол. кн. до 1229 г., Сум. и Лоп., с. 11); Роусиноу не оупирати. латинина. ѡднемь послухомь. аже *не боудѣтѣ* двою послоухоу (Смол. гр. 1229 г., сп. А., Сум. и Лоп., с. 22. См. также сп. В, С); а холопы и должникы и поручникы кому *не будеть* суда. техъ выдаваю без суда (Новг. гр. между 1294—1301 гг., Шахм. О языке, № 5); Истьца ли *не боудеть* ни дѣтии ѥго цѣловати ѥмоу хртъ како истьца не свѣдаѥть (Новг. гр. между 1305—1308 гг., Шахм. О языке, № 6. См. также №№ 7,

XVII вв.; «Нарысы па гісторыі беларускай мовы». Дапаможнік для студэнтаў вышэйшых навучальных устаноў. Мінск, 1957, стр. 377—379. См. также картотеку Диалектологического атласа белорусского языка.

[10] Таковы книги: «Нарысы па гісторыі беларускай мовы». Дапаможнік для студэнтаў вышэйшых навучальных устаноў; О. П. Безпалько. Нариси з історичного синтаксису української мови. Київ, 1960; Я. А. Спринчак. Очерк русского исторического синтаксиса (Простое предложение). Киев, 1960; М. А. Соколова. Очерки по исторической грамматике русского языка. Л., 1962; В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963, изд. 2, доп., М., 1965).

[11] Личные предложения с отрицанием при глаголе существования, бытия отмечены ниже в разделе «Отрицательные предложения».

8, 15, 16); а *не буде* исправы ини возму по целованю (Гр. докончальная кн. Дм. Ив. с кн. Твер. 1375 г., сп. XV в., рук. ЦГАДА).

Безличные предложения, употребление которых вызвано наличием отрицания, находим буквально во всех древнерусских памятниках, и колебания в их числе (от 1—2 примеров до 50—60) вызваны не жанровыми особенностями, а объемом памятника. Так, много этих безличных предложений в древнерусских летописях.

Приведем примеры из памятников различных жанров: никде же сицеѧ красоты *нѣсть* (Сказ. о Б. и Г., л. 24); *нѣ* спснила ѥму о бзѣ ѥго (Чт. Б. и Г., л. 99а); миру его *нѣ* конца (Сл. Илариона, с. 32); а зла *нѣ* въ моюмь въстаньи (К. Тур., с. 40); и *не бѧше* мира межи ими (1-я Новг. л., л. 56); се оу васъ *нѣтоу* влдкы (1-я Новг. л., л. 108 об.); нынѣ оу васъ *нѣ* меду ни скоры (Лавр. л., л. 16 об.); и коне ихъ *не бѣ* спѣха в нога (Лавр. л., л. 94); Изаславу же молвящу мнѣ ѡчины *нѣту* в Угрѣхъ. ни в Ласѣ (Лавр. л., л. 110); оу тебе ѿца *нѣту* а оу мене сна *нѣтуть* (Ипат. л., л. 152); и *не бѣ* ту меча. (Ипат. л., л. 207 об.); оу мене бориса в животѣ *нѣтъ* (Новг. берест. гр. второй половины XIV в., Арц., № 49); ѣще сигово *нету* (Новг. берест. гр. рубежа XII—XIII вв., Арц. и Борк., № 147); того же дѣлѧ написахъ занъ да *не было* оу мене брата ни сноу (Духовная Климента до 1270 г., Сахаров. Обр. др. письм., № 3); а в томъ новугороду измѣны *нѣту* (Новг. гр. 1371 г., Шахм. О языке, № 8); а *не бу* на немь моего блгвныѧ ни сии вѣкъ ни в будущии (Гр. дух. кн. Ив. Ив. Красн. 1358 г., Рук. ЦГАДА); а боѧромь вины *нѣтъ* (Гр. докончальная кн. Вас. Дм. с кн. Серпух. 1390 г., Рук. ЦГАДА); Не тьрпѧ ли противоу томоу оударить мечемь то вины ѥмоу в томь *нѣтоуть*. (Рус. Пр. 1282 г., л. 617б); *Не бысь* ту брата Брячяслава ни другаго Всеволода (Сл. о плк. Иг., с. 34); «Государь князь великий Дмитрей Ивановичь, *нету*, государь у нас 40 бояринов болших московских, 12 князей белозерьских, 30 новгородских посадников» (Сл. о Кулик. битве, с. 41); *Не бе* бо во граде пения, ни звона (Пов. о раз. Ряз., с. 15); томѫже свѣтѫ *нѣ* конца (О всей твари, с. 347); *нѣ* ѿрасли (О днях лунных, с. 394); и *не бысть* во мнѣ уноства (О Мелхиседеке, с. 28); а его *нѣ* тѫ (Соломон и Китоврас, с. 254); *нѣ* места гдѣ противѫстати. ни орѫжиѧ обратити (Фед. Тирон, с. 96); *не бѣ* разбоѧ ѿ мене (Смерть Авраама, с. 85).

Старорусские памятники широко употребляют безличные предложения с отрицанием при глаголе существования,

бытия, хотя и в них встречаются (даже в произведениях XVII в.) единичные случаи с синонимичными личными предложениями.

В грамотах XV—XVII вв. и особенно в Судебнике царя Федора Ивановича, Судебнике Ивана IV и в Соборном Уложении царя Алексея Михайловича еще чаще, чем в древнерусских юридических памятниках, использованы сложноподчиненные предложения условия, в которых придаточная часть является безличным предложением: А с кѣм мнѣ, великомѹ кн(а)зю, любви *не бѹдет*, ино и тобѣ великомѹ кн(а)зю Иванѹ, с тѣм любви не держати (Моск. гр. 1447 г., Дух. дог. гр., № 47); а божия воля коснется, Юрья брата в живности *не будет*, а не останется у него ни сына, ни внука, и ту вотчину всю, его удел, отец, князь великий Василий, написал в своей духовной грамоте мне, к великому государю (Моск. гр. 1572 г., Дух. дог. гр., № 104); А которо[и] члкъ умъре[т] бе[з] духовные грамоты, а *не буде*[*т*] у него сна, ино ста[т]ки все и земълю дочере; а *не буде*[*т*] дочери, ино взяти о[т] бли[ж]него роду о[т] оцева или о[т] материна (Суд. Фед. Ив., с. 48. См. также Суд. Ив. IV, с. 261); а *не будетъ* по немъ поруки, ино его вкинути въ тюрму, доколѣ по немъ порука будетъ. (Суд. Ив. IV, с. 193); А кого у вершенья того дѣла *не будетъ*, и того въ приговоръ не писати, а для чего его у вершенья того дѣла *не будетъ*, и то въ приговорѣ описать имянно (Улож. 1649 г., с. 29); А которыхъ его товарищевъ съ ними въ судѣ *не будетъ*: и тѣмъ его товарищемъ своихъ жеребьевъ искати, как они похотятъ (Улож. 1649 г., с. 58).

Отметим характерную для Уложения 1649 г. особенность — частое использование безличных предложений с *не было* в придаточной части сложноподчиненного предложения цели. В главном предложении устанавливается определенная норма, задачей которой является, чтобы не имели места то или иное действие, тот или иной поступок: А кого онъ обесчеститъ: и тому доправить на немъ бесчестье, чтобы на то смотря въ церкви Божіи никакова бесчинства *не было* (Улож. 1649 г., с. 8); а в поляхъ бы хлѣба и въ запертыхъ лугахъ сѣнныхъ покосовъ не травили, чтобы однолично отъ ратныхъ людей никому нигдѣ никакова насильства *не было* (Улож. 1649 г., с. 15); А судные дѣла велѣти ему вершити безволокитно, чтобы однолично исцомъ и отвѣтчикомъ въ судныхъ дѣлахъ волокиты и убытковъ *не было* (Улож. 1649 г., с. 27); А старыхъ признакъ на тѣхъ межахъ портить не велѣти, чтобы впредь о томъ у помѣщиковъ и у вотчинниковъ никакова спору *не было* (Улож. 1649 г., с. 69).

Приведем ряд примеров с безличными предложениями, в которых при глаголе существования, бытия стоит отрицание. Больше всего встретилось нам таких примеров в письмах протопопа Аввакума, а затем в пословицах XVII в. Ограничимся лишь 1—2 случаями из памятников, из которых не были даны

примеры выше: а иномѹ никомѹ тѹта дѣла *нѣ* (Домостроіі, с. 35); а *нетъ* колодезя іно бы вода всегды была (Домострой, с. 59); речетъ же ми. яко идолопоклоненія *нѣсть* въ насъ (Стоглав, с. 29); ушей и городка *нѣтъ* (Оружие Бор. Год., с. 34); такова ратнаго строю *не бывало* какъ нынѣ у насъ цесарцовъ (Уч. и хитр. рат. стр., с. 55); Только бы у меня не отняли коницы моея, ино бы Кроновы жертвы *не было* (Письма Ив. IV, л. 55); Въ болярѣхъ же нашихъ несогласия *нѣсть*, развѣе друговъ и совѣтниковъ вашихъ (Письма Ив. IV, л. 175); И аще бы сего *не было*, они бы возмогли противу насъ извѣтъ поставити (Письма Курб., с. 369); Коли правды *нѣтъ*, то всего *нѣтъ* (Пересветов, с. 66); а царевы грозы к ним *не было* (Пересветов, с. 66); намъ же ниотколѣ помощи *бысть* токмо въ сохраненіи всещедраго Бога и въ заступленіи Пречистые Богоматере (Пов. Кат.-Рост., с. 603);[12] а иныя в немъ купли *нѣтъ* (Хож. Аф. Ник., л. 374 об.); аще ли внѣ града, то *нѣсть* исцѣленья (Пут. Зосимы, с. 61); И такого состава сахара опричь Египта нигдѣ *не бываетъ* (Пут. Гогары, с. 118); Въ томъ мѣстѣ сынове Израилевы возропташа на Моисея, яко *не бысть* у нихъ воды, что имъ пити (Пут. моск. купцов, с. 152); о именѣхъ жи ихъ *нѣсть* здѣ слова (Пов. о Рос. царстве, с. 194); Тако же и о Латынахъ глаголаше, яко *нѣсть* порока въ нихъ (Ст. о Смуте, с. 1291); В тот 2 день боя у нас с ними *не было* (Пов. об азов. взятии, с. 72); в день и ночью нам, богомольцам твоим, покою *нет* (Сатиры о пьянстве, с. 119); И *нет* такова силнаго и славнаго богатыря во всей подселенней (Сказ. про Бову, с. 469); Ох, горе! везде от дьявола житья *нет!* (Аввакум. Житие, с. 64); Мне видится и у царя Алексея Михайловича *нет* такова покоя (Аввакум. Письма, с. 224); Беися не боися бе[з] року сме[р]ти *не будетъ* (Пословицы XVII в., л. 330); *Нѣтъ* такова дружка ка матушка (Пословицы XVII в., л. 361).

Относительно безличных предложений с отрицанием при глаголе существования, бытия в белорусском языке Е. Ф. Карский пишет: «Уже давно на славянской почве развился особый род бессубъектных предложений при сказуемых *нѣсть*, *нѣтъ*, в которых подлежащее ставится в родительном падеже; в белорусском языке [как в польском языке (Małecki, G. H. II, 375—376) [13] и украинском] сюда присоединились *нема*, *немаш*, *немашка*» [14].

Е. Ф. Карский приводит примеры из старобелорусских памятников и из диалектных записей, поэтому мы здесь отмечаем лишь

[12] При глаголе-сказуемом нет отрицания, так как оно имеется в наречии.

[13] Dr. A. Małecki. Gramatyka historyczno-porównawcza języka polskiego, t. II. Lwów, 1879.

[14] Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3, стр. 318—319. — Первое наречие, как полагает Е. Ф. Карский, глагольного происхождения — из *не мае*, указывая на украинские *нема*, *немáе*, второе — из *не маешь*, к ним может быть присоединен наречный суффикс -ка (там же, стр. 77).

те случаи из старобелорусских памятников (в их числе и с *не было*, *не будетъ*), которые не встретились у Е. Ф. Карского: оуже голосоу оу него *не было* (Страсти Христовы, л. 13 об.); реклъ емоу пилатъ а на земли правды *нѣтъ* (Страсти Христовы, л. 19); *нетъ* его тоу (Страсти Христовы, л. 34 об.); а мнѣ службы съ него *нетъ* (Вил. гр. 1514 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 127); И панъ Венславъ мовилъ передъ нами: теперь того члвка на тотъ часъ при мнѣ *нетъ* (Борисов. гр. 1514 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 147); бо передъ тымъ того николи *не бывало* (Троцк. гр. 1536 г., Археогр. сб., т. I, № 27); про то абы омылки [а] непослушенства около того *не было* (Вил. гр. 1563 г., РИБ, т. XXX, кн. 7, № 28); а естли бы ей вена *не было*, тогды мают ей ровную часть межи детми выделити (Лит. ст. 1529 г., с. 28)[15]; А вшакже естли доводу *не будеть*, мает сам на кгвалту присягати (Лит. ст. 1529 г., с. 62); и онъ не хай потому держить воду, как бы его сеножати шкоды *не было* (Лит. ст. 1529 г., с. 71); которое дей волоки земли *нетъ* (Сп. татар. дом., с. 1373); а Ходкевича жадного въ раде королевской *не было* (Дневн. Евлаш., с. 146); и снеговъ *не было* (Дневн. Евлаш., с. 151); и тоѣ вѣдомости *нѣтъ* (Вестов. отписки Кмиты, 1573—1574 гг., № 58); а нужы ему *нѣтъ*. (Вестов. отписки Кмиты, 1573—1574 гг., № 58); короля Казимира. Кроко(в)ского в животѣ не стало. и сыно(в) в него *не было*. только ѡдна дочка Ядвига (Лет. Авраамки, л. 449); а бою бы межи на(с) *не было* а кровопролитьа бы не оучинилоса (Лет. Акад., л. 176 об.); а инши(х) рѣчеи ли(ч)бы *нѣ(т)* (Лет. Крас., л. 86); за многие лѣта таковое зимы *нѣ бывало*. (Лет. Крас., л. 90 об.); брате милы(и) зъедна(и) насъ штобы *не было* кровопролитыа (Лет. Рачин., с. 251); в лете дожду *не было*, а у восень снегу *не было* (Лет. Баркул., л. 144); и рече: ѠЗ беда мнѣ, ѡтец мертвъ, а сына *нѣт* (Ист. о Гвид., с. 131); поневаж жадное иншое надѣи здоровa *нѣт* (Ист. о Атыле, с. 194—195); а тобѣ сорому *не будет* (Пов. о витязях, с. 52); Рекъ Трыщан: Гдѣ есть ненавист, там милости *нѣтъ* (Пов. о витязях, с. 76); иж *не было* ничого сталого або моцного (Александрия, с. 71).

Случаи с наречиями *нема*, *немаш* отмечены Е. Ф. Карским в религиозных памятниках преимущественно XVII в. (есть и примеры из памятников XVI в.)[16]. По-видимому, ни в XVII в., ни тем более в XVI в. эти наречия не стали еще обычными в старобелорусском литературном языке.

Широко представлены безличные предложения с отрицанием при глаголах бытия, существования и в староукраинских памят-

[15] В этом и в следующем примере из Литовского статута 1529 г. безличное предложение входит в состав сложноподчиненного предложения в качестве его придаточной части и лишь указывает на возможность отсутствия предмета, явления.

[16] Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3, стр. 77 и 319.

никах. Иногда отрицание усилено употреблением второго отрицания — *ничого*: а поведалъ намъ, што ж дей онъ вжо старъ, а детей *ничого нетъ*, тол[ь]ко дей две внуки а невестъка вдова (Радом. гр. 1487 г., РИБ, т. XXVII, кн. 4, № 21); Ино, коли вжо тотъ Исупъ старъ, а детеи въ него *ничого нетъ*, только две внуки а невестъка вдова, и мы ему дозволили одну внуку его за сына своего поняти (Радом. гр. 1487 г., РИБ, т. XXVII, кн. 4, № 21).

В связи с приведенным выше высказыванием Е. Ф. Карского относительно *нема*, *немаш*, *немашка* в белорусском и украинском языке, отметим особо примеры с *нѣмашъ* в памятнике первой четверти XVII в. — в Палинодии Захария Копыстенского [17]: У насъ старои правовѣрнои Россіи *нѣмашъ* упору, едно статечность діаментовая (Палин. Копыст., с. 319); Бовѣмъ того слова «кимень» въ Грецкомъ архітипѣ и въ Латинскомъ преводѣ *немашъ* (Палин. Копыст., с. 409).

Приведем еще ряд случаев с глаголом бытия, существования с отрицанием из староукраинских памятников различных жанров: а пак ли бы ватама албо радца рѣклъ абы єго оу селѣ *не было* а во маєтъ прис[ч]и ажъ того чоловѣка оу се[лѣ] *нѣтъ* (Галич. гр. 1435 г., Укр. гр., № 73); а з вашое сторони жадное ведомости *не било* (Укр. гр. 1650 г., Вос. Укр. с Рос., т. II, № 193) [18]; И зась троха нижей: «церкви *не есть* ничого ровного. Але не мовъ ми стѣны церковныи, але законы церковныи?» (Ист. о Флор. соборе, с. 424); И *не будет* же конца своволенству и злостямъ (Отв. клир. Острож., с. 426); Але человѣка *не было* толко Иов (Виш. Книжка, с. 35); «В них же *нѣст* спасениа (Виш. Книжка, с. 46); Или не вѣси, яко в гордости покаяния *нѣст* (Виш. Книжка, с. 103); нѣчего рыбного *не было* (Пересторога, с. 212); чого нѣгды въ Рускомъ народѣ *не бывало* (Пересторога, с. 223); поневажъ ани імени Церкве *не было* (Палин. Копыст., с. 369. См. также с. 376); А ижъ жадного отъ людій смертелныхъ вселенского пастыра и монархи въ Церкви Божой *нѣтъ* (Палин. Копыст., с. 421); Колі *не будет* пирога Будеш плакати на бога (Инт. Гаватовича); А где запорозцов *нѣт*, татарин впадает (Вирши Саковича); Ой, Казіміру, юж тобі миру З козаками *не будеть* (Дума о Берест. звыч.); Там мнѣ *не било* от них инших страхов (Сл. о збур. пекла).

Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет сделать вывод, что и в староукраинских памятниках XVII в. наречия *нема*, *немаш* встречались сравнительно редко, господствуют

---

[17] По мнению А. А. Потебни, «Мр. *нема* и соответствующие ему можно считать относительно новым, не старее XIV в.» («Из записок по русской грамматике», т. III, стр. 480).

[18] Еще ряд примеров из грамот см. в работе: В. И. Борковский. Безличные предложения в древнерусских грамотах XIV—XV вв. южного происхождения, стр. 367.

отрицания *нѣтъ*, *нѣсть* (последнее — в религиозно-полемической литературе).

По образцу безличных отрицательных предложений с глаголом *єсмь — быти* стали, как отмечает А. А. Потебня, употребляться и безличные предложения, в которые «входят глаголы интразитивные возникновения, исчезновения, движения и пребывания в состоянии. . .» [19].

С этим мнением нельзя не согласиться, учитывая сравнительную ограниченность в древнерусских памятниках случаев с указанными глаголами, а также то, что наиболее широким оказывается в дальнейшем употребление безличных предложений с глаголом, близким по значению к *быти*, — с глаголом *стати* (в его значении *быть*, *остаться*, *стать*).

Приведем примеры из древнерусских и старорусских памятников: 1) а вазчего *не пошло* по новгородьскои волости. то соудимъ твоимъ ѿложити (Новг. гр. 1304—1305 г., Шахм. О языке, № 10); *не ѡстасѧ* ни хорома (1-я Новг. л., л. 88); а оустава мнишьскаго *не ѡстасѧ* (1-я Новг. л., л. 141 об.); 2) И будетъ. . . го сына боярского *не стало*, а жены и дѣтей у него *не осталося*, и не отданы въ помѣстье никому (Моск. гр. 1546 г., АЮБ, т. I, № 44, I); и Исачка де да Самка въ животѣ *не стало* (Моск. гр. 1556 г., АЮБ, т. I, № 41, II); и божия воля сталась, брата моего, князь Юрья, *не стало* в животе, а сына у него, ни внука, ни дочери *не осталось* (Моск. гр. 1572 г., Дух. дог. гр., № 104); и Ивашка деи Блудова въ нынѣшнем въ 101 году *не стало*, а жены деи и дѣтеи после него *не осталося* (Моск. гр. 1593 г., АЮБ, т. I, № 29, II); а *не дошло* его въ окладъ трехъ сотъ сорока четьи (Моск. гр. 1614 г., АЮБ, т. I, № 29, III); а Степана де Кругликова *не стало* давно, а послѣ его жены и дѣтей *не осталось* (Моск. гр. 1625 г., АЮБ, т. I, № 55, VI); а какъ Христофора Пухнера *не стало*, и онъ былъ не похороненъ двѣ недѣли, потому что похоронить было нечимъ (Рус. гр. 1645 г., АИ, т. III, № 304, I); Разумеваяи да разумѣетъ совесть прокаженну имущіи, якова же *ни* во безбожныхъ языцехъ *обрѣтаетца* (Письма Курб., с. 1) [20]; А воинниковъ своих велѣл судити с великою грозою смертною казнію безпошлинно для того, чтобы лиха *не множилося* (Пересветов, с. 73. См. сходный случай на с. 76); порабощеный бо человѣкъ срама не боится, а чести себѣ не добывает, хотя силенъ іли не силен, и речет такъ: однако если холоп, іного мнѣ имени *не прибудетъ* (Пересветов, с. 75); У Михайла, государь, Юрьевича, борзо в' животѣ *не стало* (Пересветов, с. 79); и тѣмъ путемъ человѣку пѣшему идти нельзѣ, солнечнаго ради сженія и жажды водныя, понеже отнюдь воды пресныя тамо *не обрѣтается* (Пут. Гогары, с. 115); Или у него, царя, *не стало* за морем злата и сребра, что он прислал под нас, казаков,

[19] А. А. Потебня. Указ. соч., т. III, стр. 484.

[20] При глаголе нет отрицания, поскольку употреблено отрицание при управляемом глаголом слове.

для кровавых казачих зипунов наших четырех пашей своих? (Пов. об азов. взятии, с. 65); И послышаху въ полцѣхъ, что Бориса Годунова на Москвѣ *не стало*, а сынъ его остался младъ, и смятошася велми и восколебашася (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 728); А будетъ того *неучинитъся*, ия начаюся что Богъ иже такого безъбожнаго житея ненавидитъ инедругъ тому и всякое бесчинство наказуетъ (Уч. и хитр. рат. стр., с. 55); И *не стало* ево (Аввакум. Житие, с. 66); одежды *не стало*, а зимовье каплет, — всяко мотаемся (Аввакум. Житие, с. 79); там снегу *не живет*, морозы велики живут (Аввакум. Житие, с. 90); а во градех и селех *не обрящется* ни единаго православна[го] епископа и попа (Аввакум. Письма, с. 197); И бутта у них кур *не стало* (Пов. о куре и лис., с. 195); И мы, богомольцы твои, тому дивимся, что у нашего архимарита вдруг ума *не стало* (Сатиры о пьянстве, с. 121); а чево *не станет*, и мы вина накупим (Сатиры о пьянстве, с. 122); Говорить было да разума *не стало* (Пословицы XVII в., л. 336).

Сходную картину (даже в отношении употребления стереотипной формулы *въ животѣ не стало* или не *стало* без слов *въ животѣ*, в сочетании с род. п. одушевленного предмета-лица в значении *умер*, *умерла*, *умерли*) дают старобелорусские и староукраинские памятники: 1) И панъ Їнъ мовилъ передъ нами: сестры нашое Ганны въ животе *не стало* ещо за ѿца нашого (Вил. гр. 1514 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 91); абы которыхъ шкодъ *не стало* (Западнорус. гр. 1542 г., РИБ, т. XXX, кн. 2, № 10); его в животи *не стало* (Брест. гр. 1544 г., Arch. Sang., т. IV, № 320); а *не дошло* въ окладъ трехсотъ тридцати четвертей (Вил. гр. 1612 г., АЗР, т. IV, № 183); а Олексѣя на нашеи службѣ *не стало* (Вил. гр. 1612 г., АЗР, т. IV, № 183); А тотъ Кузьма убитъ, а жены и дѣтей после его *не осталося* (Вил. гр. 1612 г., АЗР, т. IV, № 183); И естли шкоды на немъ доведетъ, тотъ маетъ ему оправовати, а естли шкоды ему въ пущы отъ него *не стало*, онъ безвинне его пограбилъ, тотъ грабеж маетъ ему навязывати (Лит. ст. 1529 г., с. 80); короля Казимира Крако[в]ского в животѣ *не стало* (Лет. Авраамки, л. 449. Лет. Акад., л. 178 об., Лет. Крас., л. 77 об.); а какъ кнзА вѣликѡ[г] Витовта в животѣ *не стало* (Лет. Крас., лл. 83 об. — 84. См. также Лет. Рачин., с. 262); ꙗкъ ты[х] тре[х] братовъ *не стало* ино и[х] четве[р]тыи бра[т] в Ли[т]вѣ держа[л] Новъгородо[к] кнзь Ѳедо[р] (Лет. Крас., л. 83. См. также Лет. Рачин., с. 261); и пото[м] короля Польского Владислава 8 животѣ *не стало* (Лет. Рачин., с. 253); а крови проли[т]А абы сА мѣжи на[с] *не вчинило* (Лет. Крас., л. 76 об.); 2) за чимъ до того южъ пришло, же ани при насъ, ани при жадныхъ, што передъ нами были, ничого святого, ничого ненарушоного *не зостало* (Отв. клир. Острож., с. 426); Тѣмже вам православным, утѣшения в мирѣ сем болше *не остало*, точию Христом, якоже рече: «В мирѣ скорбни будете, но о мнѣ возвеселитеся» (Вишн. Книжка,

с. 110—111); Ад (до Люцинера мовит): О, старосто Люциперу, стражею затвори пекло, Жеби жадной душѣ з него *не втекло*. (Слово о збур. пекла).

Полагаем, что в следующих примерах с глаголом *достати*, указывающим на отсутствие чего-либо, безличность глагола, по-видимому, не связана исключительно с постановкой отрицания[21]: *не достало* бо оу нихъ *бѣше* хлѣ (1-я Новг. л., л. 88)[22]; Ту кроваваго вина *недоста* (Сл. о плк. Иг., с. 18).

Такие примеры встретились в старорусской и в старобелорусской письменности: 1) а оу сѣсѣда, или оу своево хртіанїна чево *не достало* на сѣмена, или лошади или коровы нѣтъ, или гдрьскїе дани нечимъ заплатить, ино ево ссѣдити и помочи (Домострой, с. 25); и как чево подѣла вѣтшана или оу новаго *не достало* а то все есть в запасе (Домострой, с. 29); Отвещаша же мудрыя: егда намъ и вамъ *не достанетъ*, идите же паче к продающимъ и купите себе (Моск. гр. 1572 г., Дух. дог. гр., № 104); Прочих же ево ругательств и муки к государевым служивым людям *не достанет* ми повѣствовати лето (Аввакум. Письма, с. 192); 2) Кому бы *недостало* будучи на войне стацей и самому ести и пити и на кони его; тогды маеть тотъ з вижом гетманским где ѣхати або поити або и взяти потребу живности собе и на кони, а то маеть заплатити водлуг уставы положоное (Лит. ст. 1529 г., л. 18); А съ Казани ся дей боронятъ моцно: одно дей также живности *не доставаетъ* и дровъ не маютъ, чимъ ся грѣть: будованье въ замку внутри все попалили (Вестов. отписки Кмиты, 1573—1574 гг., АЗР, т. III, № 58); и если бы чого въ нихъ *не доставало*, пильнѣ оглядѣли (Брест. гр. 1609 г., АЗР, т. IV, № 178).

III. Безличные предложения с глаголами долженствования

Безличные предложения с глаголами долженствования *подобаѥть*, *достоить*, широко представленные в памятниках старославянской письменности, находим и в древнерусских произведениях, но не всех жанров. Господствует при этом первый из названных глаголов.

Оба глагола употребляют летописцы, авторы житий, проповедники. В летописях, как правило, они представлены в религиозных рассуждениях. По-видимому, *достоить* и *подобаѥть*, не

---

[21] В древнерусских памятниках случаи без отрицания не встретились, но в современном русском находим употребление *достало* и с отрицанием и без отрицания: у него *не достало* смелости; у него *достало* смелости.

[22] хлѣба (род. п. ед. ч.).

встретившиеся нам в памятниках деловой письменности, были принадлежностью только книжной, а не разговорной речи.

Относительно *достоить* отметим, что данный глагол не чужд прямой речи, причем и в тех случаях, когда она принадлежит лицу, говорящему о себе с самоунижением (первый пример), или обращена (фарисеями) к лицу с явным упреком (второй пример): она же ѿвѣща има рекущи. азъ ѥсмь жена вдова оубога. да *достоить* ми дѣлати. и нѣсть ли ми требѣ въ црк҃вь ходити (Чт. Б. и Г., л. 113б); и начаша прѣтити носящему ѡдръ: су ѥсть, *не достоить* ти взѧти ѡдра; почто въсталъ ѥси ѿ немощи, почто ицѣлѣлъ ѥси ѿ недуга и премѣнилъсѧ ѥси ѿ болѣзни? (К. Тур., с. 40).

Приведенные примеры позволяют предполагать, что *достоить* не придавало речи такого высокого торжественного характера как *подобаѥть*. О том же свидетельствуют и некоторые из отмеченных ниже примеров с *достоить*: и праздьноваша праздьньство. ꙗко же *подобаше* (Сказ. о Б. и Г., л. 20б); да не тако забыто подъ землею скровено будеть тѣло с҃тоѥ нъ на ꙗвленѣ *подобаше* мѣстѣ положенома быти (Чт. Б. и Г., л. 104а); *Подобаше* иерѣиску чину расудну быти (К. Тур., с. 7); Тѣмже, братиѥ, *подобаеть* намъ, ꙗко Б҃иимъ суще людемъ, възлюбившаго насъ Х҃а прославити (К. Тур., с. 9); нъ нази родихомъсѧ такоже *подобаѥть* намъ нагомъ проити ѿ свѣта сего (Ж. Феод. Печ., л. 58 г); нъ се намъ *подобаѥть* обличити и г҃лати вамъ ѥже на с҃псение дш҃и. и вамъ лѣпо ѥсть послоушати того (Ж. Феод. Печ., л. 59 в); г҃лѧ *не достоить* ѥтѣ потати (1-я Новг. л., л. 18); *не достоить* ни которому же ꙗзыку имѣти букъвъ своихъ (Лавр. л., л. 9 об.); ꙗко *подобаеть* с҃ну члвчкму пострдати распѧту быти и въ третии дн҃ь вскрнути (Лавр. л., л. 35); *не достоить* хѣѕномъ за погань҃ дати (Лавр. л., л. 38); *достоить* ти казнить разбоиника. но со испытомъ (Лавр. л., л. 44); намъ бо *достоить* за нь Б҃а молити (Лавр. л., л. 45); паче же имѣти въ оустѣхъ Пл҃тръ Двдвъ *подобаѥть* черноризце (Лавр. л., л. 62); тако *подобаѥть* бл҃гому Влцѣ казати. не по множьству грѣховъ тако Г҃ъ створи на҃ (Лавр. л., л. 74 об.); тобѣ кнѧ[же] *достоить* блюсти головы своее (Лавр. л., л. 87 об.); *подобаше* намъ со Иѡвомь г҃лати. (Лавр. л., л. 133); тако бо и *подобае* хрьѕно многыми напастми и скорбьми внити в црство нб҃ное (Лавр. л., л. 155); вѣ взѧла ѿ Михаила ѿ митрополита. роукописание ꙗко *не достоить* намъ безъ митрополита. въ с҃тѣи Софьи слоужити ѡнъ же на нѧ про то тѧжко с҃рце имѣѣ. Ѳнофрии же Черниговьскии

рѣ азъ свѣде *достоить* ны поставити (Ипат. л., л. 125 об.); ѡдна брат собѣ. а намъ *подобаетъ* всимъ быти съ себе (Ипат. л., л. 141); и рѣ Изаславъ Вячеславу. ѡтце ты еси оуже старъ а тобѣ *не достоить* трудитиса. но поѣди въ свои Киевъ. а со мною пусти. полкъ свои (Ипат. л., л. 165 об.); и бы скорбь братьи и тоуга и печаль велыа. *не подобашеть* бо. таковомоу силноу домоу. ноне единъ ча бес пастоуха быти (Ипат. л., л. 220); бѣ бо люба дроужиноу а злыа кажна ꙗкоже *подобаетъ*. црмь творити (Ипат. л., л. 241 об.).

Старорусские памятники сохраняют употребление *подобаѥть* и *достоить*, но тоже в высоких жанрах.

Большое число случаев мы находим в Стоглаве [23], затем (гораздо меньше) в Домострое (преимущественно в цитатах из священных книг, в религиозно-нравственных поучениях), в письмах Ивана IV и Курбского, наконец, в сочинениях протопопа Аввакума (много примеров).

Характерно, что протопоп Аввакум, стремясь придать известную торжественность своим наставлениям, предпочитает предложения с *подобаѥть* (нам встретился 31 случай с этим безличным глаголом).

В памятнике деловой письменности «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» тоже находим глагол *подобаѥть*, который, очевидно, воспринимался не только как более высокий по стилю, но и как выражающий долженствование с большей силой.

В последнем памятнике мы находим и примеры с *належитъ*: а подле того первыя начала и основанія конных людей, что тому ратному строенію потомуже, какъ и пехотному строенію разумѣти и учитися и навыкати надобе, и сколь много о сей дорогой ратной мудрости *належитъ* (Уч. и хитр. рат. стр., с. 3); И тѣмъ вымысломъ достигнетъ онъ остроуміе, какъ денги на платежь салдатомъ смѣчачи и вбереженіи держати, иотомъ немало *належитъ* (Уч. и хитр. рат. стр., с. 21).

Нетрудно заметить, что здесь никакой приподнятости стиля нет.

Ниже мы приводим и единичные примеры с *подобаѥть* и *достоить* из грамот XVI в., что не противоречит высказанной выше мысли, что в грамотах, как правило, указанные безличные предложения не встречаются: в обоих случаях стиль, не характерный для языка грамот.

---

[23] В Стоглаве встречаем и *достоино* на месте *достоить*, и *довълѣѥть* (со значением *должно*, надлежит, а не *довольно*): о семъ *достоино* вельми побесѣдовати и въ правилѣхъ и во святыхъ книгахъ довольно обыскати и утвердити, чтобы было не на погибель душамъ и Бога бы не прогнѣвати въ такомъ безстрашіи (Стоглав, с. 52); Да и о иныхъ тяжкихъ винахъ духовніи бесѣдовати *довлѣетъ*. за что гнѣвъ Божій приходитъ на насъ. и тяжкія казни гнѣва Божія (Стоглав, с. 53).

Любопытны данные Сатир о пьянстве. Глаголы *довлеет*, *достоит* (с отрицанием) употреблены с явной целью пародировать высокий стиль: Хош и отворят, и мы терпим, глухой клобук на себя наложим. Се *довлеет* нам, братие, отбегати, яко ото лва, снедающа человека (Сатиры о пьянстве, с. 63); Радуися [*недостоит* глаголати к тебе], кабаче непотребныи, несытая утроба, от всего добра отводителю, домовная пустота, неблагодарная нищета, чужая сторона от тебе неволею познавается (Сатиры о пьянстве, с. 73).

Приведем некоторые из встретившихся нам в памятниках примеры с *подобаѣть* и *достоить*: «*подобает* убо царю три сия вещи имети, яко богу не гневатися, и яко смертну не возноситися, и долготерпеливу быти к согрешающим» (Моск. гр. 1572 г., Дух. дог. гр., № 104); да тѣ храмы — храмъ Николы чюдотворца и храмъ страстотерпца Христова Георгиа и придѣлъ Ивана Златоустого — соборнѣ по чину освящали, якоже *достоитъ*, и божественную литорию в церквахъ служили соборнѣ (Рост. гр. 1592 г., АЮБ, т. I, № 27, I); *достоитъ* о семъ запретити и утвердити чтобы вдовцы и не женаты пономари не были а по разсуженію учинити (Стоглав, с. 52); *Подобаетъ* вѣдати о святѣй Божіи церкви и о службѣ. яко въ суботу убо. въ началѣ .д. часа. должно есть звонити и начати. яко да станетъ трапеза въ началѣ .е. часа (Стоглав, с. 62)[24]; всѧкаго брашна *не подобае* похѵлити глати гнило іли кисло или прѣсно или солоно или горко (Домострой, с. 10); но *достоитъ* ѿ всѧкаго зла блюстисѧ всѧкомѵ хртїанинѵ (Домострой, с. 12); благочестивымъ же наипаче *подобаетъ* смиреннѣише вещати (Письма Ив. IV, л. 169); Усмиритися уже *достоитъ* и укротитися твоему величеству и воити въ чювство: уже время! (Письма Курб., с. 153); А сего ради *подобаетъ* ти паче подщательну быти яко юноше благородному (Письма Курб., с. 450); рещи *достоитъ* ихъ: душепагубныя волки, — хотятъ насъ конечно погубити (Пов. о Рос. царстве, с. 200); и поминаетъ Божественое писаніе: *подобаетъ* словесъ ради Божіихъ и до смерти стояти (Пов. о Рос. царстве, с. 207); Пребезаконые Іудеи рѣша къ себѣ: *не достоитъ* намъ тѣхъ сребренниковъ положити въ корвану, сирѣчь въ казну, понежъ цѣна крови есть (Пут. моск. купцов, с. 146); Терпѣнію же его токмо чюдитися *достоитъ*, каковъ бысть ко злодѣемъ возблагодатель (Ст. о Смуте, с. 1315); И то говоритъ волоскій воевода: Таковых *подобаетъ* огнемъ жещи і иные лютые смерти имъ давати, чтобы зла не множилос (Пересветов, с. 65); а писано есть: *не достоитъ* царю христіянъскому на иноплеменники ходити воевати, но *достоитъ* царю от находу боронитися, противъ недруговъ стояти (Пересветов, с. 71); а солдатомъ *подобаетъ*

[24] В тексте долженствование выражено также и при помощи *должно есть*.

какъ братіямъ жити и другъ при другѣ въвойнѣ стояти, и тѣла и живота своего нещадити (Уч. и хитр. рат. стр., с. 29); А он, Пашков, стал их ворочать и хочет замуж одать. И я ему стал говорить: «по правилам *не подобает* таковых замуж давать» (Аввакум. Житие, с. 70); Молитися мне *подобает* о них, о живых и о преставльшихся (Аввакум. Житие, с. 95); *Подобает*, государь, и всем нам помышляти смерть, ад, небо, и отца нашего, протопопа Стефана, учение помнить (Аввакум. Письма, с. 195); *Не подобает* приходящаго к нам отгнать, а за бешеным не нагонятца же (Аввакум. Письма, с. 237).

В современном русском литературном языке *достоит* не употребляется. Случаи с этим глаголом, а также с глаголом *довлеет* были редки уже в XVIII в. [25] Что касается *подобает*, то он с первых десятилетий XIX в. сохраняется только «в стилизованных контекстах или в речи носителей устаревших языковых норм» [26]. Безличный глагол *надлежит*, получивший широкое распространение в языке Петровской эпохи [27], в наше время звучит уже как архаизм, допускаемый в деловом стиле.

В старобелорусских и в староукраинских памятниках *подобаѥть* и *достоить* представлены лишь единичными примерами, и только в сочинениях И. Вишенского первый из глаголов широко распространен (встретилось 18 случаев его употребления, причем не только в цитатах из священных книг).

Приведем примеры из тех и других памятников.

Ст.-бел.: и кнѧ[з] великыи Кестѹтіи ре[ч] бра[т]у своемѹ великомоу кнѧзю. Ѡлкгирдѹ тобѣ *по[д]баеть* кнѣземь великы[м] быти ѹ Вилнї старши[и] братъ (Лет. Авраамки, л. 438. См. также Лет. Акад., л. 171 об.); и ре[ч] патриархъ цр҃ю *не достоить* ти согнавь цр҃а (Лет. Акад., л. 150).

Ст.-укр.: Теплѣйшій по вѣре и верховный въ апостолехъ, апостолъ Петръ, слышачи отъ Христа тые слова: «Яко *подобаетъ* Ему ити въ Іерусалим', и много пострадати отъ старецъ и архіерей и книжникъ, и убіену быти», Петръ почалъ противъ того мовити: «милостивъ Ты, Господи! нехай Тобѣ такъ не будетъ» (Отв. клир. Острож., с. 398—399); а если святые, плачуще, из мира изыидоша, и тобѣ ли, грѣшнику, *не подобает* за грѣхи плакати (Виш. Книжка, с. 30); да не обличит тебе Петр своим узаконением, како *подобает* пастырем владѣти и началствовати над стадом овец, послѣдующих им (Виш. Книжка, с. 107); Аще бо бы и зван еси на сей брак духовный, но испытати себе *подобает*,

---

[25] «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX века.» М., 1964, стр. 277—278.

[26] Указ. соч., стр. 277.

[27] Е. М. Галкина-Федорук. Безличные предложения глагольного образования в древнерусском языке. «Славянская филология», вып. 5. Изд-во МГУ, 1963, стр. 236—237.

имаши ли одежду брачную, се ест совѣст чистую и житие непорочное (Виш. Книжка, с. 116); в цехах ремесницких русину быти *нѐ достоит*, доколѣ ся не попапежит (Виш. Книжка, с. 119); и паки: «яко *подобает* нам великими бѣдами и скорбми входити в царство небесное», — рече божественный Павел (Виш. Книжка, с. 120); таже глаголет о началѣ подвига: «*Подобаше* бо нам стонам послѣдовати спасению преочищеному» (Виш. Позорище, с. 212); Который зъ обоего люду одину овчарню мѣлъ зобрати, мовячи: «и иныя овцы имамъ, яже не суть отъ двора сего, и тыя ми *подобаетъ* привести» (Палин. Копыст., с. 436); Люципер (мовит до слуг своих): Ова, буду ся боронити як могучи, Бо *не подобает* ми из своего панства утечи, Єсли он божій сын, нехай собѣ в неби панує́т, А з нами и пеклом нехай ся не воює́т (Сл. о збур. пекла).

Приведенные примеры позволяют сделать вывод, что и в старобелорусских и староукраинских памятниках, а не только в старорусских, *подобаєть* и *достоить* (в первую очередь — *подобаєть*) являются принадлежностью высокого стиля. Характерно, что в произведении «Слово о збуреню пекла» фраза с *подобаєт* вложена в уста «Люципера».

Следует отметить, что из числа невозвратных глаголов, видимо, наиболее яркими образцами *безличных* глаголов были и в начале XVII в. глаголы *подобаєть* и *достоить*. Об этом свидетельствует Грамматика церковно-славянского языка Мелетия Смотрицкого, изданная в Евю, близ Вильны (Вильнюса) в 1619 г., где первыми из безличных глаголов названы эти два глагола.

Мы говорили выше о большом числе случаев с *подобаєть* в сочинениях И. Вишенского. У него же встретились и случаи с *довълѣєть* со значением *должно*, *надлежит*: «*довлѣет* бо вамъ тое ж страдати, што и я страдал», — рече. (Виш Книжка, с. 93); *довлѣет* бо им се в мучение, еже затворитися и лица божия не видѣти (Виш. Книжка, с. 115); *довлѣет* ми свой струп соглядати и к здравию приводити, а не других раздражняти (Виш. Послание Домникии, с. 165).

Господствующее положение в старобелорусских и в староукраинских памятниках заняли другие глаголы долженствования: *годится*, *належит* (есть и случай с *надлежит*), *слушит* (и *слушает*) [28], *пристоит*. На первом месте по степени употребительности стоит *годится* [29]. Этот глагол мы находим в памятниках

---

[28] Со значением *подобает*, *приличествует* (ср. в чешском: slušeti — подобать, приличествовать).

[29] В старорусских памятниках такое употребление *годится* составляет исключение. У Пересветова этот глагол имеет значение *следует*, *приличествует*: А про тобя, про государя, про великого царя благовѣрнаго, волоскій воевода говоритъ: Таковому государю *годится* держати дватцать тысящь юнаковъ храбрых со огненою стрѣльбою, гораздо учиненою (Пересветов, с. 63).

То же у Курбского: *Годит ли ся* ти от таковаго, о вельможныи свѣтлѣишіи

различных жанров. *Належит* также не является принадлежностью произведений одного какого-либо жанра. Что касается *слушает*, то мы его находим лишь в переводных произведениях XV—XVI вв., в частности в следующих: «Страсти Христовы» и «Повесть о витязях».

Приведем ряд примеров. Ст.-бел. памятники: А хотяжь бы и свѣдомье на то вчинилъ, а wднакожь емѹ *не годилося* его грабити на повѣданье иншихъ людей (Западнорус. гр. 1514 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 117); Ино намъ данины господарьское *не годит[ь]ца* рѹшати (Вил. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 48); ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ кому бы то вѣдати *належало* (Вил. гр. 1612 г., АЗР, т. IV, № 183. Еще пять сходных случаев в той же грамоте); тог[д]ы кнзь великии Ке[р]стѹтеи. рече[т] бра[т]у своемѹ кнзю великомѹ Wлькги[р]дѹ. тобѣ брате *го[ди]тсѧ* кнземъ велики[м] бы[ти] на Вилне. ты межи на[с] ста[р]шии бра[т] (Лет. Крас., л. 73 об. См. также Лет. Рачин., с. 247)[30]; w снoу мои наимилеишии оузнаи бедноую маткоу свою. а выслѹхаи молитвы моее. *слоушаеть* бо на сна выслоухати матки wпоущеное (Страсти Христовы, л. 11 об.); Wповѣдили в законе приказанье держимы. ижь ни wдномѹ присѧгати *не слоушае* чере дроугого. толко во има ба нашого израгельского (Страсти Христовы, л. 18 об.); w том *не прыстоит* мнѣ намнѣи вонтпит (Ист. о Атыле, с. 189); Не пърекладаю сѧ над васъ ꙗко сѧ wднак учынити *годить* гэтманови (Ист. о Атыле, с. 190); рекъ: Пани, варуи сѧ не вбиваи рыцэра своеи рукою, *не слушыт* тобѣ такои корунованои панеи королевои окрывавити свое руки в крови рыцэрскои (Пов. о витязях, с. 39); Рек Трыщан: Таити ся болшеи не могу, ꙗ есми его вбилъ, никто ми не може прыганити, иж такъ *годило сѧ* мнѣ его вбити, або ему мене, инак не могло быти (Пов. о витязях, с. 40); И wн рекъ: *Не слушит* так доброму витезю без битвы главу стати, добудьте его битвою рыцэрскимъ wбычаемъ (Пов. о витязях, с. 116); и wнъ вскочылъ в цэрковъ свою, гдѣ *не годит сѧ* рыцэру з мечом воити (Пов. о витязях, с. 116); И wн рек къ Трыщану: Але ты ест старшыи, мнѣ *годит сѧ* вас пытати (Пов. о витязях, с. 121).

Ст.-укр. памятники: Ведомо чиню тим моим листом, кому би о том ведать *надлежало* (Укр. гр. 1633 г., Вос. Укр. с Рос., т. I, № 77); Всім вобец і кождому зособна, кому о том відати *належать* будет, меновите (Укр. гр. 1652 г., Вос. Укр. с Рос., т. III, № 108); Якобы рекъ: не вѣрою одновляйтеся, але учин-

---

княжа христіянскіи, догматовъ испытовати и отвѣтовъ просити на езуитцкіи ѳабулы, соѳизматы повапленные? (Письма Курб., с. 462).

[30] Ср. с приведенным выше сходным текстом из Летописи Авраамки и летописи по Академическому списку, где *подобает*, а не *годится*.

ками добрыми, і «не мудрьствуйте надъ тое, што *ся годитъ* мудрьствовати» (Отв. клир. Острож., с. 383); И кгды въ Египтѣ з' вдячностью потыкали насъ всѣ народы, мы тежъ ставилися имъ, яко *ся годило* (Отв. клир. Острож., с. 392); И зас: *мусит быти* [31] иж вы уперед Петрова истиннаго лову мрежею словес духа святого уловлени, як гнилаа сѣть гнилых словес к вам моци пристати не мѣла (Виш. Книжка, с. 16); Пытаю вас зас, *годит* ли *ся* стаду всякого пастыря слухати (Виш. Книжка, с. 64); бо то милостыня, дана на потребы церковные, которо҃ ни на що иное травити *не годится* (Пересторога, с. 208); оны сѣвши до столу не ѣли мяса, и коли пытано: по чему бы не ѣли? отповѣдали, же такая их рекгула, же мнихамъ мяса ѣсти *не годится* (Пересторога, с. 212); на таковыи злыи языки *не пристоитъ* быти нѣмыми (Палин. Копыст., с. 318); склонилемся къ написаню тоей книги: иначей *не пристояло*, ено ся покорити волѣ и жаданю правовѣрныхъ (Палин. Копыст, с. 318); Вѣдати теды *належитъ*, ижъ што учителеве церковныи посполите и на вѣрѣ, и на вызнаню, и на каменѣ, и на Христѣ, и на Петрѣ Церковъ Христову збудовану быти повѣдаютъ (Палин. Копыст., с. 360—361); А ижъ не положилъ, певне не зналъ его. Зачимъ и намъ *не годится* надъ апостола Павла болше мудрствовати (Палин. Копыст., с. 465); На што мы отповѣдаемо: Вѣдати еднакъ *належитъ*, ижъ иншее — есть быти столицею патріархалною, и иншее — столицею апостолскою (Палин. Копыст., с. 516).

Как видим из примеров, для указания на долженствование в старобелорусских и староукраинских памятниках не был еще сделан окончательный отбор соответствующих по семантике глаголов, употреблялись для этого различные глаголы.

Из них лишь некоторые вошли в словарный состав современных белорусского и украинского литературных языков.

Глагол *годится*, известный в его безличном употреблении со значением *следует* уже памятникам восточнославянской письменности конца XIV в. [32], встречаем и в современном литературном украинском языке, ему же известно (как книжное слово) и *подобает*.

---

[31] Единственный пример с *мусит* в исследованных нами памятниках.

[32] См.: И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I. СПб., 1893, стр. 536 (один пример из памятника 1390 г., другой — из памятника 1395 г.).

«Словарь белорусского наречия», составленный И. И. Носовичем (СПб., 1870, стр. 115), отмечает в словарной статье «Годзицца» употребление данного глагола как безличного, со значением *прилично*, *надобно*, *следует* (а также и *полезно*).

«Белорусско-русский словарь» под ред. К. К. Крапивы (М., 1962) не содержит данной статьи.

Тот же «Словарь белорусского наречия» отмечает и *пристóиць* со значением *приличествует*, *следует*, *стоит* (стр. 512).

Оба литературных языка знают глагол *належит*, соответствующий русскому *надлежит*.

Другие глаголы в названных литературных языках не сохранились.

IV. Безличные предложения с глаголами, указывающими на неожиданность, случайность действия

Сравнительно узким был в древнерусских памятниках круг глаголов, которые указывают, что действия, названные примыкающими к ним инфинитивами, возникли как бы без участия субъекта действия (субъект действия обозначен словом в дат. п.), неожиданно, случайно.

Это глаголы *ключитисѧ*, *сълоучитисѧ*, *приключитисѧ*, а также *годитисѧ*, *пригодитисѧ*.

По степени употребления на последнем месте стоят глаголы *годитисѧ* и *пригодитисѧ*.

В комиссионном списке Новгородской первой летописи младшего извода, принадлежащем первой половине или середине XV в., находим и глагол *прилучитисѧ*: Того же лѣта бысть моръ силенъ в Новѣградѣ, *прилучися* приити на ны, по человѣколюбию божию, праведному суду его (л. 216) [33].

Приведем ряд примеров с названными выше глаголами: и се по изволению божию *сълоучисѧ* имъ миновати мимо ѥдино село манастырьскоѥ (Ж. Феод. Печ., л. 57в); аще ли *ключитсѧ* оукрасти Русину ѿ Грекъ что. или Грьчину ѿ Руси. достоино есть да възворотити [е] не точью едино. но и цѣну его сугубо (Лавр. л., л. 12 об. Договор 945 г.); *случисѧ* внезапу по всему граду за .м. днии. Ивлатисѧ на вздусѣ. на конихъ рищющимъ. въ ѡружьи златы имуща ѡдежѣ (Лавр. л., л. 55 об.); в си бо времена в лѣта си *приключисѧ* нѣкоему Новгородцю прити в Чюдь (Лавр. л., л. 60); нѣколи же ему пришедшю к неи и оуснувшю хотѣ и зарѣзати ножемь. и *ключисѧ* ѥму оубудитисѧ и ѩю за руку (Лавр. л., л. 99 об.); зане по смотренью Бжью *приключисѧ* ту быти. прислану Володїмеро Рюриковиче. митрополиту Кирилу (Лавр. л., л. 154 об.); и рече емоу Игорь. ѡче дро(добро) бѫшеть тишина. но же (оже) сѧ оуже *не годило* но абы ны Бъ далъ ты сдоровъ былъ (Ипат. л., л. 216 об.) [34]; а се тобе поведываемъ другую ѡбиду. за грѣхы *пригодилосѧ* такъ. как то седѣла дружина оу пиру пиюче. другъ друга

---

[33] «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». М.—Л., 1950, стр. 363 (события под 1352-м годом).

[34] Возможно, при *сѧ годило* пропуск глагола *быти*. См.: И. И. Срезневский. Указ. соч., т. I, стр. 536.

заразилъ до смрти (Гр. рижан к кн. Мих. Конст. около 1300 г., Срезн. Др. пам. 1-е, 240)[35].

В старорусских памятниках *приключитисѧ* почти не употребляется, не встретились нам *годитисѧ* и *пригодитисѧ* со значением *случиться*.

В них мы находим *лучитисѧ*, *сълоучитисѧ* и *прилучитисѧ*, причем, по-видимому, без какой-либо стилистической окраски, хотя отдельные памятники и предпочитают употребление одного какого-либо из этих глаголов: А *случится* кому изъ тѣхъ волостей перед намѣстникомъ или передъ волостелемъ, или перед ихъ тіуны, искати или отвѣчати (Суд. Ив. IV, с. 235); Егда же *прилучися* благочестивому Царю изыти съ своимъ христолюбивымъ воинствомъ на земскіе дѣла за святыя церкви и за православную христіанскую вѣру. противъ своихъ недруговъ. и тогда Царю законъ о божественномъ и о церковномъ правилѣ полагается порекшему: могіи вмѣстити да вмѣститъ. (Стоглав, с. 63); В домовитомъ ѡбиходѣ коли *лучитсѧ* какое платьѧ кроити себѣ, или жене или дѣтемъ или людемъ (Домострой, с. 29); часто маса какъ *лучит* дадутъ к обѣдуу (Домострой, с. 50)[36]; а *лучитсѧ* комуу денегъ занѧтъ бескобально, или в кобалуу или закъладъ или без ростуу ино бы на срокъ платить (Домострой, с. 60); аще о чемъ *случится* кому будетъ писати (Письма Курб., с. 113); И гдѣ *прилучится* въ нихъ быти о Христе реченному явнѣ или гадательнѣ (Письма Курб., с. 368); Аще и *лучится* отъ священныхъ словесъ прочитаемымъ коимъ быти, и мы смѣющеся между себя, а не глаголю — ругающеся, глаголемъ: «Еѳремовы, рече, словеса, подобны горѣстію хрѣну обрѣтаются» (Письма Курб., с. 389); но аще со ними *случится*, а ныне едино воспомянемъ, чѣмъ онѣ нашихъ, несовершенныхъ во писаніяхъ, устрашаютъ (Письма Курб., с. 421—422)[37]; и которому пришельцу иныя страны *прилучится* отъити ко Господу, и тѣхъ Христіянъ кладутъ въ селѣ Скудельницѣ томъ (Пут. моск. купцов, с. 146); аще ли будетъ инокъ въ которомъ монастырѣ, пришлѣцъ со иныя страны, а *случится* ему отойти къ Богу и того изъ монастыря приносятъ (Пут. моск. купцов, с. 146); И аще будетъ въ тѣ поры *лучится* мимо идти человѣку, и тотъ звѣрь гонится за человѣкомъ далече (Пут. Гогары, с. 117); аще ему, государю, *случится* за слово Божіе и умрети, — не умретъ, но живъ будетъ во вѣки (Пов. о Рос. царстве, с. 207); Въ то же время *случися* князю Дмитрѣю Пожарскому быти на селѣ своемъ, отъ разоренія Московского избѣжавшу, понеже раненъ бысть и отъ тоѣ раны закоснѣвшу ему на селѣ своемъ (Пов. Кат.-Рост., с. 613);

---

[35] При *пригодилосѧ* нет инфинитива.
[36] Безличный глагол без инфинитива при нем.
[37] При безличном глаголе нет инфинитива.

Латынин же рече противо ихъ на споръ: То есть правда, і *лучилося* бывати в томъ царствѣ на отвѣдываніе вѣры христіянскія: іно они истинные вѣры христіянскіе (Пересвѣтов, с. 78); «Отче! Аще *лучитъ* ми *ся* умрети здѣ, въ земли вашей, молю тя, да погребеши мя царьски: сынъ бо есмь царя Московскаго Иванна Васильевича, всеа Русіи самодержца!» (Ст. о Смуте, с. 1287); А кому *лучится* стояти въ государевыхъ, въ дворцовыхъ, селехъ: и тѣмъ въ государевыхъ прудѣхъ и въ озерахъ рыбы на себя не ловити (Улож. 1649 г., с. 12); А будетъ кому *лучится* ѣхати изъ Московского государьства, для торгового промысла, или иного для какого своего дѣла въ иное государьство (Улож. 1649 г., с. 13); *Не прилучилося* меня дома; занемог младенец (Аввакум. Житие, с. 79)[38]; А я лежу под берестом наг на печи, а протопопица в печи, а дети кое-где: в дождь *прилучилось*, одежды не стало, а зимовье каплет, — всяко мотаемся (Аввакум. Житие, с. 79); Да переставай ты и медок попивать. Нам иногда *случается* и воды в честь, да живем же (Аввакум. Письма, с. 208—209); Аще *приключится* и вода святити, полагаем их со крестом Христовым в воды и теми покропляемся водами, и испиваем, поучающеся на тот же подвиг (Аввакум. Письма, с. 245); Аще *прилучится*, и с маслецом разрешите на радостях: два отца — два братца (Аввакум. Письма, с. 251); а на прихлебку не диви, плетеи *не лучилось* (Сатиры о пьянстве, с. 75)[39]; Какъ *лучица*. поучитца та буду знать (Пословицы XVII в., л. 352 об.); Ретка есть о*рыгаеся рыбка ѣсть *не слꙋчаеся* (Пословицы XVII в., л. 367); Хотѣлося постричтся да *прилучилося* женися (Пословицы XVII в., л. 375).

В следующем примере глагол *привестисѧ*[40] указывает не столько на случайность, сколько на желаемый факт возникновения определенного действия: а коли *приведесѧ* кнꙧзе велики взꙧти чернои бо и на чернои бо дати по старинѣ. (Новг. гр. 1471 г., Шахм. О языке, № 20).

Весьма отчетливо на необходимость, а не случайность возникновения указывает другой глагол, многократно употребленный в переводном памятнике «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» 1647 г.[41] и особенно часто в юридическом памятнике — в Уложении 1649 г., как в сочетании с инфинитивом,

---

[38] Во всех примерах из сочинений протопопа Аввакума, кроме четвертого, при безличном глаголе нет инфинитива. В третьем можно видеть пропуск инфинитива *попити*.

[39] При безличном глаголе нет инфинитива.

[40] Как глагол *привестисѧ*, так и названный дальше глагол *довестисѧ* в «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского не отмечен.

[41] Есть случаи и с отрицанием при глаголе.

так и без него, — *довестисѧ* : Той *доведется* быти ко 2-й главѣ, 1-й части, итутъ мушкетеры совсѣми своими надобьи описаны, иктретіей части гдѣ прокопья и провсе ихъ надобье написано (Уч. и хитр. рат. стр., с. 5); И многія воры есть которымъ заплаты нагосударей своихъ и денги взяти *не доведется*, но и сверхъ того самъ много награбился, что онъ самъ государю своему долженъ. И тотъ самой пущей бездѣлникъ и клятвопреступникъ (Уч. и хитр. рат. стр., с. 50); Но и многимъ паче того *доведется* ратнымъ людемъ на оружіе которое есть снасти науки ихъ гораздо владѣти и изучитися (Уч. и хит. рат. стр., с. 56—57); И которые дѣла *доведется* вершити обчими ближними ссылками и крѣпостьми и крестным целованіемъ: и тѣ дѣла вершити безволокитно (Улож. 1649 г., с. 29); и всякія дѣла вершити по суду и по сыску, до чего *доведется* (Улож. 1649 г., с. 39); и ихъ и напередъ сроку судить и росправа межь ими чинить, до чего *доведетъся* (Улож. 1649 г., с. 40).

Глагол *довестися* не стал еще в середине XVII в. принадлежностью исключительно безличных предложений. Об этом говорят следующие два примера из того же Уложения 1649 г., в которых данный глагол стоит в 3-м лице мн. ч., как бы согласуясь со словами (тѣ пошлины; бѣглыя крестьяне и бобыли), которые зависят от стоящего при глаголе *доведутся* инфинитива (*взяти*; *отдать*): а пошлины съ того суднаго дѣла велѣти доправити на томъ, съ кого тѣ пошлины взяти *доведутся* (Улож. 1649 г., с. 44); А кому *доведутся* бѣглыя крестьяне и бобыли по суду и по сыску отдать: и тѣхъ крестьянъ отдавати з женами и зъ дѣтьми и со всѣми ихъ животы, и съ хлѣбомъ стоячимъ и съ молоченымъ (Улож. 1649 г., с. 79).

Говоря о безличных предложениях с *привелось* и *довелось* в русском литературном языке XIX в., Н. Ю. Шведова отметила: «В предложениях с *привелось*, *довелось* в качестве второстепенного и гораздо менее распространенного, чем значение случайности и неподготовленности, могло присутствовать также значение собственно вынужденности, необходимости. Оно было, по-видимому, более ранним, но отдельные случаи такого употребления отмечаются не только в XVIII, но и в XIX в. и даже в конце его. Несомненно в то же время, что для таких предложений это было значение исчезающее» [42].

Наши наблюдения над употреблением в первую очередь глагола *довестисѧ*, а затем и *привестисѧ* позволяют не только присоединиться к выводу Н. Ю. Шведовой, но и исключить из него вводное слово *по-видимому*.

Для указания на случайность, неподготовленность Уложение 1649 г. употребляет не глагол *довестисѧ*, а *лучитисѧ*, не считая их ни в какой степени синонимами.

[42] «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе простого и осложненного предложения», стр. 286.

Для выражения случайности, неподготовленности действия в старобелорусских и староукраинских памятниках употребляются другие глаголы, чем в старорусском.

Как старобелорусские, так и староукраинские памятники знают два глагола: *пригодитисѧ* и *трафитисѧ* (*трапитисѧ*), *трафлѧтисѧ* (*траплѧтисѧ*).

Первый из них в безличном употреблении встречаем и в древнерусских памятниках, но почти исключительно с отрицанием при глаголе [43].

Пригодитисѧ со значением *случиться* не сохранилось в современных литературных украинском и белорусском языках, глагол *трапитися* (*траплятися*) вошел в словарный состав этих языков (укр.: трапитися, траплятися; бел.: трапіцца, трапляцца).

Как свидетельствуют имеющиеся в нашем распоряжении материалы, в памятниках деловой письменности, в летописях, в светских повестях преобладают безличные предложения с *пригодитисѧ*.

Ст.-бел. памятники: 1) А коли где *прыгодитьсѧ* г[о]с[по]д[а]ру нашому, королю, поити на воину, где будеть крывъда великому кнѧженью Литовъскому, ино кнѧзю Ивану, зѧтю моему, зъ его м[и]л[ос]т[ь]ю, з нашымъ г[о]с[по]д[а]ремъ, с королемъ, поити на его непрыѧтелѧ самому своимъ жывотомъ, и со всими своими, послати воеводъ своихъ и люди свои вси без хитрости (Трок. гр. 1448 г. Дух. дог. гр., № 50); *пригодило* ми *ся* видети, штожь тотъ Юдисъ шолъ съ торгъ (Вил. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 36); а пото[м] ловѧ[чи] в лове[х] *приго[д]илосѧ* имъ мно[г] ѡленеи наехати на то[м] мѣсте гдѣ тепе[р] Камене[ц]кое мѣсто лѣжи[т] (Лет. Крас., л. 82об. — 83. См. также Лет. Рачин., с. 261); А естли бы *ся* потомъ тому пану, в кого слуга втечет, *пригодило* видети на торгу або поткати на дорозе; тогды вже он самъ не мает его имати, нижли маеть смотрети того приказцы своего (Лит. ст. 1529 г., с. 92); мови емоу петръ а коли ми *сѧ пригоди* с тобою оумрети ино ѧ не ѡвергоусѧ тебе (Страсти Христовы, л. 5 об.); але так *сѧ* ему тепер *прыгодило*, иж не добылъ чсти в томъ турнаи. (Пов. о витязях, с. 36); и пытали сѧ, ꙗкъ *сѧ* кому *прыгодяло* ѡт того часу коли сѧ разлучыли (Пов. о витязях, с. 57). Ст.-укр. памятники: того бже не дан коли бы *сѧ* емоу *пригодило* выти исъ земли модавскоѥ и перекаки. натискомъ оу снѧтинѣ оу горо мешканѥ съ его панею съ ѥ дитками и съ слоугами (Снят. гр. 1454 г., Укр. гр., № 87); штожъ на тотъ часъ при мнѣ моее печати *не пригодилося*, и ихъ милость на мою прозбу свои печати къ сему моему запису приложили (Киев. гр. 1508 г., АЮЗР, т. I, № 48).

[43] См. примеры у И. И. Срезневского в «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (т. II. СПб., 1902, стр. 1393).

Примеры с *трафитисѧ* (*трапитисѧ*), *трафлятисѧ* (*трапляти-сѧ*): Ст.-бел. памятники: а тотъ урад под которым бы *ся трафило* мает того тестаменту подле остаточное воли чиненого до конца доводити (Лит. ст. 1529 г., с. 36); за чимъ на серцу моемъ стало ми го барзо жаль, и пытамъ; если се боитъ, кгды му *се трафитъ* быти подъ громомъ? реклъ ми на то: же не дбаетъ никгды, ежели где потреба была зъ душнымъ збавенемъ (Дневн. Евлаш., с. 136); Воды въ томъ року на весне гвалтовные были, и *трафило* ми *се* быти, кгды бронено вырваня у млына ляховецкого, названого нового, где Янушъ, млынаръ сталъ на крайней балце, отбияючи пешною кричу ледовую (Дневн. Евлаш., с. 137); А гды му *се* такъ *трафило* отдати замужъ разомъ три цорки, люди посполитые практыковали не долго быть малженству такъ одного дня отданыхъ (Дневн. Евлаш., с. 150). Ст.-укр. памятники: А *трафит* ти *ся* перед паном стояти, тогда сила вражиа не попущает ти ровно ногами стояти, але подтыкает тя, да переплѣтаеш ногами, то тую то сюю наперед поставляючи и на пяту зас выворочаючи (Виш. Книжка, с. 29); И много *ся трафляет*, як двом борцем боручимся: то тому, то сему навръх выскочити, а того под себе подгибати, то тому зас зысподу вымкнутися и верхового наспод перевернути. (Виш. Книжка, с. 40); Так бо, рече, всякому *трафится*, который в мир богатѣет, а не в бога (Виш. Книжка, с. 41); Тому неборакови в месяц раз *трафится* напитися и то без браку: што знайдет, горкое ли или квасное пиво альбо мед, тое глощет, толко бы тую поганку — утробу насытити и утѣшити могл (Виш. Книжка, с. 42); Приведу подобную повесть от отец святых на зразуменья тое мучителное страсти и недуга, что *ся* некогда иным от тогожь пострадати *трафило* (Виш. Послание Домникиѝ. Послания, с. 167); А подъ тотъ часъ, правѣ, *трафилося*, же жолнѣрове повадили князя пана воеводу (Пересторога, с. 216); Динис: Ось коби *ся* з кім *трапiло*, Щоб нас хот зе три било (Инт. Гаватовича).

V. Безличные предложения с глаголами, обозначающими состояние природы и окружающей среды

В литературе по историческому синтаксису восточнославянских языков неоднократно отмечалось, что безличные предложения с глаголами, обозначающими состояние природы и окружающей среды, встречаются в древнерусской письменности редко. Как правило, в роли сказуемого этих предложений выступают личные глаголы.

Отсутствие случаев с употреблением в личных предложениях позволяет отнести возвратный глагол *смерчесѧ* к собственно-безличным: и повелѣ ѡльга ꙗко *смерчесѧ* пустити голуби

и воробьи. воемъ своимъ (Лавр. л., л. 17. См. также Ипат. л., л. 23 об.).

К собственно-безличным глаголам относим и глагол *погремѣ*: ѣависа столпъ ѡгненъ ѿ земла до нбси. а молньı ѡсвѣтиша всю землю. и в небеси *погремѣ* в ча .а. нощи. (Лавр. л., л. 95 об.); Тоѥ же зимы *погремѣ*. мца. дека. въ .і. (Лавр. л., л. 100 об.); ѣависа столпъ ѡгненъ ѿ земла до нбсе. а молньı ѡсвитиша всю землю и на нбси *погремѣ* в часъ .а. нощи (Ипат. л., л. 98).

Нам не встретилось случаев с постановкой глагола *погремѣти* в личном предложении. В личных предложениях (и только в личных) находим или глагол *гремѣти* или же существительное *громъ* с глаголом существования: Того лѣ. На зиму. мца ѳеврала в .зі. днь. *бы гро страшенъ*. зарази двое чади и храмину зажже (Лавр. л., л. 137 об.).

В следующих примерах личные глаголы (*загорѣса*, *зажжеса*, *горѣ*) употреблены в безличных предложениях: *загорѣса* савъкине дворе на ѣарышевѣ улици (1-я Новг. л., л. 53 об.)[44]; Бы пожаръ в Володимери городѣ мца июна. въ .кг. днь. в канунъ стою мку Бориса и Глѣба в четве. в полъночи *зажжеса* и *горѣ* мало не до вечера (Лавр. л., л. 138 об.); Того лѣта. бы пожаръ великъ в градѣ Володимери. мца. иоула. въ .ке. днь на памать Оуспенья. стыя Анны въ днь сутныи. въ врема литургиѣ. *загорися*. и *горѣ* до вечера (Лавр. л., л. 140 об.).

Старорусские, старобелорусские и староукраинские памятники не свидетельствуют о широком распространении собственно-безличных глаголов с указанным значением (состояние природы и окружающей среды). Как известно, и в современных литературных восточнославянских языках их немного.

Приведем встретившиеся одиночные примеры из старорусских памятников: Егда ж *россветало* в день неделный, посадили меня на телегу (Аввакум. Житие, с. 66); Егда-де *россветало*, — ано погоня на лошедях! (Аввакум. Житие, с. 98).

В то же время весьма распространены, особенно в повествовании, личные глаголы, употребленные в безличном предложении.

При невозвратном переходном глаголе может стоять дополнение в творительном падеже, указывающее на действующее лицо, явление (в соответствующем личном предложении данное слово было бы подлежащим): А станетъ по грѣхомъ изнеможенье,

---

[44] В 1-й Новгородской летописи много сходных примеров с глаголом *загорѣса*.

занесетъ вѣтромъ Псковскаго ловца на Неметцкую сторону, ино въ томъ пѣни нѣтъ (Моск. гр. 1531 г., РЛА, № 377); А по грѣхомъ станетъ изнеможенье, *занесетъ вѣтромъ* Неметцкого ловца на Псковскую сторону; ино втомъ пени нѣтъ (Моск. гр. 1531 г., РЛА, № 377); и перекрепливати кое поветшало или поломилосѧ, или прокапало или *вѣтрамъ подрало* (Домострой, с. 58); Тем-то мы их порохом, подкопався под ту их гору высокую, разбросали всю ее, их же *побило ею* многие тысящи (Пов. об азов. взятии, с. 73); Егда поехали из Енисейска, как будем в большой Тунгуске реке, в воду *загрузило бурею* дощеник мой совсем: налился среди реки полон воды, и парус *изорвало*, — одны палубы над водою, а все в воду ушло (Аввакум. Житие, с. 70); Барку от берега *оторвало водою*, — людские стоят, а мою *ухватило*, да и *понесло*! (Аввакум. Житие, с. 73).

В следующем примере на месте творительного падежа родительный с предлогом *отъ*: и азъ грѣшный токмо увѣрилъ, что небесный огонь есть, како *не сожгло* брады моея *отъ огня*, како же бываетъ отъ естественного огня что многия вещи пожигаетъ (Пут. Гогары, с. 120).

Более обычна постановка личного невозвратного переходного глагола без слова, указывающего на действующее лицо, явление — причину данного действия: И Божімъ гнѣвомъ, за мое окаянство, на морѣ бусу со всѣми товары *разбило* (Пут. Гогары, с. 111); И послѣ того времени из тучи каменья летѣли, а людей *не било* (Пут. Гогары, с. 121); И по строению божию ту градную стену *вырвало* и многих бусурманов за град с камением *метало* (Пов. об азов. взятии, с. 55); И божиею волею *прибило* к берегу нас. Много о том говорить! На другом дощенике двух человек *сорвало*, и утонули в воде (Аввакум. Житие, с. 70); Жена и дети остались на берегу, а меня сам-друг с кормщиком *помчало* (Аввакум. Житие, с. 73); Иное ноги в воде, а иное выползу наверх. *Несло* с версту и больше; да люди переняли. Все *розмыло* до крохи! (Аввакум. Житие, с. 73); в соборной большои церкви служил литоргию ключарь тоя церкви Иван, Михаилов сын, с протодьяконом Мефодием, и егда возгласиша: «двери, двери мудростию вонмем», тогда у священника со главы взяся воздух и *повергло* на землю (Аввакум. Письма, с. 186); Для того кузнецъ клещи куетъ, чтобы ру *не жгло* (Пословицы XVII в., л. 338об.).

Приведем еще ряд примеров с личными глаголами (с невозвратными непереходными и с возвратными глаголами): ино *топитца* хорошо (Домострой, с. 55) [45]; Той же Дионисий пишет о солнечнем знамении, когда *затмится*: есть на небеси пять звѣзд заблудных, еже именуются луны (Аввакум. Житие, с. 56) [46];

---

[45] Тóпится.

[46] Предложение можно рассматривать и как неполное — с опущенным подлежащим *солнце*.

понеже вельми *смердитъ* изъ езера гнусно (Пут. Гогары, с. 119); Пошла в клѣть по масло и[и] в печи *погасло* (Пословицы XVII в., л. 364).

В старобелорусских и в староукраинских памятниках тоже ограниченное число собственно-безличных глаголов.

В приведенных ниже примерах безличный глагол употреблен в форме инфинитива (при вспомогательном глаголе *мѣти* или при глаголе, указывающем на начало действия): прышло темность великаѧ праве ꙗко бы *сѧ мѣло зме*[*р*]*кати* (Лет. Рачин., с. 288); И рече Терызъ: Завтра у первую зору, коли *почнеть свитати* (Ист. о Гвид., с. 163); але коли оужо *свѣтати почало* (Страсти Христовы, л. 2об.).

Состояние природы и окружающей среды в безличных предложениях обозначаются личными глаголами, обычно без творительного падежа действующего лица, явления: по полямъ у пастуховъ статки *градомъ побило* (Лет. Баркул., л. 142—142об.) [47]; Того жъ року была зима злая, снеги великие и силные были морозы. Многимъ людемъ *поморозило* кому ногу, кому палцы, другому видъ, уши, носъ, а другие з морозу померли (Лет. Баркул., л. 164); на третий день дожды великие были, ажъ снегъ *согнало* (Лет. Баркул., л. 144. См. также л. 167 об., л. 168об., л. 169); В насъ на низкихъ мѣстахъ у вогородехъ капусты, цыбули, яри згола *потопило* (Лет. Баркул., л. 168об.); А кгды тым способомъ ѡбедве воиска были справлены, Атылѧ, скоро *сѧ почало к вечору хилити*, казал затрубити ку потканю (Ист. о Атыле, с. 193) [48].

VI. Безличные предложения с глаголами, обозначающими физическое или психическое состояние

Редкое исключение составляют в древнерусских памятниках и собственно-безличные глаголы, обозначающие физическое или психическое состояние человека (или другого живого существа) в результате как реальной, так и нереальной силы.

В исследованных нами материалах встретились возвратные безличные глаголы *мьнитьсѧ* [49], *оудолжилосѧ* (в значении *стосковалось*), *хочеть сѧ* (с отрицанием при глаголе): и сѣдъше глаа̄хоу чьто сътворимъ. се бо *мьнитьсѧ* намъ привидѣние бысть въ цр̄кви (Ж. Феод. Печ., л. 46г — 47а); но здѣ пакы моеи сносѣ. а твоеи женѣ *оудолжило* (Ипат. л., л. 148); или роусинъ должьнъ боудеть немьчичю. а *не хочеть сѧ* платити емоу. то

---

[47] В этом примере есть тв. п. действующего лица.

[48] Описательное выражение вместо *вечарѣло*.

[49] Глагол в форме 3-го лица ед. ч. настоящего времени. В других формах глагол употреблялся в личном предложении.

просити детьского оу кназа ли оу тивоуна (Смол. гр. 1229 г., сп. D. Сум. и Лоп., с. 37. См. также сп. E.).

Оудолжилоса в более поздних памятниках восточнославянской письменности не представлено.

Мнитьса стало принадлежностью высоких стилей.

Так, в сочинениях протопопа Аввакума этот глагол находим там, где автор стремится к торжественности, приподнятости стиля: И мне, государь, *мнится*, яко и тварь рыдает, своего владыку видя бесчестна, яко неистинна глаголют духа святаго быти и Христа, сына божия, на небеси не царя быти во исповедании своея веры (Аввакум. Письма, с. 186); Мне *мнится*, и дух пытливой таков же Никон имать, яко и Феофил, понеже всех устрашает (Аввакум. Письма, с. 189); Того ради хощу тебе сказать, яко *мнит* ми *ся*, не коснит господь о кончине моей (Аввакум. Письма, с. 199—200); Блюдусь и трепещу. Та же собака заглядывает и в нашу бедную Россию. *Мнит* ми *ся* по греческому же уставу ступает, малу-помалу на высоту восходит и со дияволом предуспевает (Аввакум. Письма, с. 202); Еще ли, государыня, браниться? Мне *мнится*, обленилася ты на ночную молитву (Аввакум. Письма, с. 209); Вото-су, отец, как бы ты ученика тово убил, и упустил от себя — быть было и тебе битому самому, и *мнится*, убо быти тяжко и бременно глаголемое (Аввакум. Письма, с. 254).

С тем же значением *думается*, *кажется* протопоп Аввакум употребляет глаголы *помышляется*, *видится* и глагол *кажется*, который находим и в деловых памятниках того же XVII в.: Старец да и раб Христов, простите же меня, что я лгал тогда. Каково вам *кажется*? не велико ли мое согрешение? (Аввакум. Житие, с. 84); И царь приходил в монастырь; около темницы моея походил и, постонав, опять пошел из монастыря. *Кажется* потому, и жаль ему меня, да уш то воля божия так лежит (Аввакум. Житие, с. 95); Посем у всякаго правовернаго прощения прошу: иное было, *кажется*, про житие то мне и не надобно говорить; да прочтох Деяния апостольская и Послания Павлова, — апостоли о себе возвещали же, егда что бог соделает в них: не нам, богу нашему слава (Аввакум. Житие, с. 109); Как станем в вечер начинать правило, так ея бес ударит о землю, омертвеет вся, яко камень станет, и не дышит, *кажется*, — ростянет ея среди горницы, и руки и ноги, — лежит яко мертва (Аввакум. Житие, с. 116); и *помышляет* ми *ся*, будет скоро о[т]ложение телиси моему, яко утомил мя еси зело, еще ж мне и самому о жизни сей нерадящу (Аввакум. Письма, с. 200); Мне *видится*, и у царя Алексея Михайловича нет такова покоя (Аввакум. Письма, с. 224) [50]; А поп-от, Борис, суматоха, мне *кажется*; да служил

[50] В следующем примере *видится* сохраняет свое первоначальное значение: Старец же посла меня к нему, как на яве том было, так и тут *видится*, и горе и смех у беса тово блиско все (Аввакум. Письма, с. 259).

по-новому и, остригшися, отрекся мира и священства и паки тоже творит: все ни та, ни ся (Аввакум. Письма, с. 288). Отмеченные выше тексты с *кажется* свидетельствуют, по-видимому, о том, что этот глагол в его безличном употреблении не был принадлежностью одного какого-либо стиля.

Приведем несколько примеров из других памятников: но нагою главою, сиречь безстыдне, толкует и выкладываетъ: яко ему *видится*, яко и словеса его свѣтчатъ, называюще Римскихъ епископовъ Антихристовыхъ, что есть смѣху преудивленію достоино предъ тѣми, яже умъ имеетъ (Письма Курб., с. 467); И для того азъ пообѣимъ сторонамъ тѣхъ давныхъ засоренныхъ путей отискивалъ и нашолъ жилу или слой которое мнѣ *кажется* полно доброго золота быти (Уч. и хитр. рат. стр., с. 3); Икогда онъ шолковое платно наживетъ, иему *кажется*, что онъ рыцарь днемъ и нощію денги добыти ищетъ и поминками и многими денгами докупитца того что иному заратную выслугу довелося (Уч. и хитр. рат. стр., с. 30).

В старорусских памятниках широко представлено употребление глагола *хочется* (бесприставочного и с приставкой *за* и *по*) как с инфинитивом, так и без инфинитива при нем: коли чево *похотѣлосѧ*, а все дома готова (Домострой, с. 42); Преж сего накормили мы их головами вашими, как Азов взяли, а топерво вам от нас опять *хочется* тово ж (Пов. об азов. взятии, с. 67); *Хочетца* нам також взяти Царьград, то государьство было християнское (Пов. об азов. взятии, с. 67); Вѣдай добросердечныи радѣтелныи любителныи читателю, чтося первая книга оратной пехотной мудрости скоро въ печать и фигурами заведена и для того спѣшнаго дѣла, всякое надобье нестоль красно и уставно какъ мнѣ *было хотѣлося* учинено, и поставлено (Уч. и хитр. рат. стр., с. 1); пить мне *захотелось* и, гараздо от жажды томим, итти не могу (Аввакум. Житие, с. 90); и он, меня наругав, и отказал жестоко, как ему *захотелось* (Аввакум. Житие, с. 97); о, горе мне, *не хочется* говорить, да нужда влечет (Аввакум. Письма, с. 201); Тотчас было в погибель впал старец-от, на меня роптит, а мне с ним ростатися *не хочется* (Аввакум. Письма, с. 258); пить *хочется*, а взять негде (Сатиры о пьянстве, с. 79); Жить мучися а умере *не хочеся* (Пословицы XVII в., л. 342 об.); Рыбки *хочеся* а в рѣкѣ не вскочится (Пословицы XVII в., л. 367); *Хотѣлося* винца да страхъ дѣбца (Пословицы XVII в., л. 375). Как видим из примеров, обычно в предложениях с глаголом *хочется* (бесприставочного и с приставкой) имеется дательный падеж лица. Может и отсутствовать дательный лица (чаще в случаях без инфинитива при безличном глаголе).

Памятники XVII в., и в первую очередь Житие протопопа Аввакума и пословицы, говорят о том, что круг безличных глаголов с суффиксом *-ся* значительно расширился, причем некоторые

из этих глаголов не сохранились в составе литературного языка: и я, отступя людей под гору или в лес, коротенько сделаю — побьюся головою о землю, а иное и *заплачется*, да так и обедаю (Аввакум. Житие, с. 90); И егда письмо изготовил, *занемоглось* мне гораздо (Аввакум. Житие, с. 92); Пожил у меня с полгода на Москве, — а мне еще *не моглося* (Аввакум. Житие, с. 99); а я таки лежу — иное сплю, а иное *неможется* (Аввакум. Житие, с. 99); И мне *неможется*, так меня подымает (Аввакум. Житие, с. 99); давно уж, и имя ей забыл, *помнится*, Офимьею звали (Аввакум. Житие, с. 116); мы же глаголем: *зевается* с похмелья (Сатиры о пьянстве, с. 79); У нас, богомольцев твоих, от слез очи мятутся, а за плечами кожи вертятся, и ночью *не спится* (Сатиры о пьянстве, с. 122); Аѳонаю *не можется* къ ненаю (Пословицы XVII в., л. 326); *Живе́ся* в чаю а *ждеся* раю (Пословицы XVII в., л. 342); *Ичется* з голодꙋ а *дрожится* с холодꙋ (Пословицы XVII в., л. 348); Лихо терпѣть а *стерпится слюбится* (Пословицы XVII в., л. 353 об.); Мылня. что Вилня. та *не гуля́ся* а ту нава́ля́ся (Пословицы XVII в., л. 356об.).

Отметим в памятниках XVII в. и невозвратные глаголы, которые, за исключением *визжит*, в значении, засвидетельствованном приведенными ниже примерами, являются только безличными:

После тово уж нам от них *полехчало*, — приступу уже не было к нам (Пов. об азов. взятии, с. 78); Агрипине *свербитъ* в' спинѣ (Пословицы XVII в., л. 324); Аѳоная *ломае* к ненасью (Пословицы XVII в., л. 324); Дѣдъ ростянулся бабу *скорчило* (Пословицы XVII в., л. 339); Плохо тому бесица х кому *приступаетъ* (Пословицы XVII в., л. 364 об.); ꙋ ково. порося пропало. томꙋ и в уша[х] *ви[з]житъ* (Пословицы XVII в., л. 372)[51]. В первом примере *от них* указывает, кто вызвал действие, обозначенное глаголом.

Особо отметим случаи, где глагол, употребленный безлично, составляет устойчивое словосочетание и понимается не в прямом, а в переносном смысле: от безпрестанныя стрелбы глаза наши *выжгло* (Пов. об азов. взятии, с. 76); прииде на мя озноба зело люта, и на печи зубы мои *розбило* с дрожи (Аввакум. Письма, с. 200); И он архимарит во уголье ладан насыпает и по церкви иконы кадит, и тем он иконы запылил и нам, богомольцам твоим, от то[го] очи *выело*, горло *засадило* (Сатиры о пьянстве, с. 119).

Как и в старорусских памятниках, находим в старобелорусских и в староукраинских памятниках глагол *видится* со значе-

---

[51] Ср. в современном русском: в голове шумит.

нием *думается*, *кажется* [52]. Этот глагол со значением *кажется* употребляется и в современных белорусских говорах.

Не встретились в памятниках *мнится* и *кажется*. Единичными примерами представлен глагол *здаецца* (здается), вытеснивший в белорусском и в украинском литературных языках другие глаголы того же значения.

Ограничимся небольшим числом примеров из старобелорусских и староукраинских памятников: 1) Ино намъ *ся видѣло*, штожь не годно ѡдному светку вѣрити, безъ тыхъ дву свѣткѡвъ (Вил. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 31); А къ тому съ певныхъ причинъ *видело ся* намъ за потребно тымъ всимъ посломъ, которые на тотъ съемъ за ознайменьемъ черезъ листы наши поедуть, росказати, яко жъ есьмо и росказали (Вил. гр. 1563 г., РИБ, т. XXX, кн. 7, № 60); Нижли естли бы один на противко другого далъ светков, а тые бы светки его посветчили, а тому *видится* иж тые светки несправедливе его посветчили; того ж часу незступуючы с права может с тыми светки перед правом мовити, иж его несправедливе посветчили (Лит. ст. 1529 г., с. 51); а теперь дей воевода Смоленскіи по мене послалъ, не вѣдаю по што, але такъ ми *ся видитъ*, што дей мнѣ быти у князя великого (Вестов. отписки Кмиты, 1573—1574 гг.); И такъ сѧ ему *видело*, иж ѡн хочет мѣти Ижоту и ѡна его милует со всего сэрца (Пов. о витязях, с. 30); по правдѣ мне *се здаеть* же то есть алеѯа[н]деръ (Александрия, с. 64) [53]; 2) Мнѣ *ся видит*, лѣпше ест ани аза знати, толко бы до Христа ся дотиснути, который блаженную простоту любитъ и в ней обитель собѣ чинит и там ся упокоивает (Виш. Книжка, с. 23—24); На тые слова в' листѣ, отче епископе, твоемъ, до княжати его милости писаные, абы до отца папежа, еднаючи собѣ ласку отъ него, або съ писаньемъ посланцовъ до его милости (от чого ся и самъ тамъ ехати в[аша] м[илость] не отмовляешъ) послалъ, або ли и самъ ехалъ, — такъ намъ *ся здаетъ* (Отв. клир. Острож., с. 409).

Рядом примеров представлен в старобелорусских и в староукраинских памятниках безличный глагол *хочется* (как с инфинитивом, так и без инфинитива): 1) И было одного днѧ лѣте, седѣлъ король ѡдин в ложницы, и *хотѣло сѧ* ему пити (Пов. о витязях, с. 11); Рекъ король: Будь то на твою волю такъ ты велиш, але ми сѧ вельми *хочет* абы ты ехал со мною (Пов. о витязях, с. 27); але велми ми сѧ *хотѣло* з ним бити (Пов. о витязях, с. 84); А *захотѣло* сѧ Анъцолоту поити против Самсижу (Пов. о витязях, с. 101); ѡпѧ млтївыи гь. полецаючи млтівоую маткоу свою иванови го-

[52] В памятниках находим и употребление того же глагола в его основном значении *видится*.

[53] У Курбского, по-видимому, под влиянием белорусского языка: А такъ естьли бы *ся вдало* вашеи милости, прочти то посланеицо въ дому пана Зарецкаго и всѣмъ во правовѣріи стоящимъ Виленскимъ мещаном (Письма Курб., с. 426).

вори. прагноу а любо *хочет* ми *се* пити (Страсти Христовы, л. 13); 2) Отож тобѣ чого *ся* ти *хотѣло*, тое ти ся исполнило (Виш. Книжка, с. 19); И чого ж *ся*, тобѣ, брате милый, *хочет* от инока? (Виш. Книжка, с. 36); Максим: Та що будемо чиніти? Лібой придет глод терпити? А вольмі *ся хочет* істи; Щось не купил — тожесь чисти (Инт. Гаватовича).

Старобелорусские и староукраинские памятники говорят о расширении случаев употребления безличных предложений с возвратными и невозвратными глаголами, обозначающими физическое или психическое состояние человека в результате как реальной, так и нереальной силы. В основном это личные глаголы (исключение составляют безличные глаголы *щастится* и *шанцует*; безличны и глаголы *зломало* и *легъчало* в том значении, в котором они употреблены в тексте [54]): 1) и зашли за реку Ве[л]ю и пото[м] перешли реку Немо[н] и нашли в чотыро[х] милахъ ѿ реки Не[м]на гору Кра[с]ну и *сподобалося* имъ и вчынили на не[и] горо[д] и назвали его Но[в]городо[к] (Лет. Рачин., с. 229); и *сподобалосѧ* е[м]у та[м], и ѡнъ тамъ поселилъсѧ (Лет. Рачин., с. 237); припала ми срога горячка, бовемъ въ дорозе меломъ при собе хорыхъ людей и заповетрилемсе отъ нихъ еще у Венкгрови, а потымъ, жемъ презъ тыйдень ехалъ не подаючи се, ажъ южъ гвалтовне мя въ дому *зломало*, и то была дивна справа Божа, же ми въ дорозе уфолкговать рачилъ (Дневн. Евлаш., с. 132); Ямъ не мало справъ судовыхъ мелъ предъ королемъ его милостю и *щастило* ми *се* за ласкою Божою. (Дневн. Евлаш., с. 138); А пани виленская для лекарствъ была у Люблине, а кгды ей на здоровю *не поправовало*, ехала была до дому (Дневн. Евлаш., с. 149); А коли будет судно готово, вложы мѧ в него и даи ми мою аръфу, а другую лютню, а на часъ собѣ гуду, абы ми туги и болести *легъчало* (Нов. о витязях, с. 23); да то ихъ смро болшоу моць име по полъночи. да такъ невѣрны жидомъ. зь ихъ нечисты оустъ такъ велми *вонѧ*[10] ажь ѡдва серце млтївого избавителѧ оу немъ се не росьсѣло (Страсти Христовы, л. 7 об.); да с ты скарѧдны и вонѧющи сли такъ млтивого (га) *болело* на серци. ажь штобы его благословленое бжтво моцно не стало (Страсти Христовы, л. 7 об.); 2) але тымъ бы болше, если бы своего умыслу не отступилъ былъ, *зашкодило* (Отв. клир. Острож., с. 400); Але если онъ доступилъ былъ, чого прагнулъ, вамъ ся якось *не шанцуетъ!* (Отв. клир. Острож., с. 429); И тое слово от несмыслства мовячи: «Ато ли *ся* латинѣ *щастит* и *шанцует* в слове, в можности, в розширеню машкарского и комедийского набоженства,

[54] Ср. выше сходные примеры из старорусских памятников.

четверорогатыми исусоругателми розтягненого и умноженого?» (Виш. Книжка, с. 33); *Щастится* папежови? Але ци не умрет? (Виш. Книжка, с. 34); *Щастилося* и Стефану, кролю полскому, але чи не умер? (Виш. Книжка, с. 34); *Щастится* и нынѣ латинѣ, але ци не помрут? (Виш. Книжка, с. 34); Вопросил бых вас, что есть труд очищения, але вѣм, иж вам *не снилося* о том (Виш. Книжка, с. 52).

VII. Безличные предложения с глаголом *писатисѧ*

Следует особо отметить употребление в памятниках (как древнерусских, так и старорусских, старобелорусских, староукраинских) глагола *писатисѧ*, когда он обозначает не конкретное действие, а в сочетании с управляемыми им словами содержит указание на книжный источник. В этом значении он является безличным глаголом: и се же чюдьнѣѥ ꙗко же *пишеть*[55] въ отьчьскыихъ кънигахъ. слабоу быти послѣдьнюмоу родоу (Ж. Феод. Печ., л. 26в); ꙗко же *пишетьсѧ* въ дѣꙗнихъ аплъ (Ж. Феод. Печ., л. 35 б); бѣ бо плакида мужь праведенъ и млтвъ ѥлинъ же вѣрою. ꙗко же в житии ѥго *пишетсѧ* (Чт. Б. и Г., л. 91г); ꙗко при семь цри приходиша Русь на Црьгородъ. ꙗкоже *пишетсѧ* в лѣтописаньи Гречьстѣмь (Лавр. л., л. 6об.).

Указание на книжный источник может отсутствовать, когда он представляется ясным и без ссылки на него: ꙗкоже и о стѣмь и велицѣмь антонии *пишетьсѧ* (Ж. Феод. Печ., л. 38а); зане *пишетьсѧ* гь гърдыимъ противитьсѧ. съмѣренымъ же даѥть блгодать (Сказ. о Б. и Г., л. 9в); *пишеть* бо ста волю боꙗщихъста ѥго сътворить и млтвоу ихъ оуслышить (Сказ. о Б и Г., л. 22в-г).

Когда древнерусский автор отсылает читателя к сказанному им ранее, он, в числе других способов, прибегает и к использованию тоже возвратного глагола — *рѣчисѧ* в форме 3-го лица ед. ч. аориста: бѣ бо самъ въ искоушении томь былъ. ꙗко же и выше *рѣчеста* (Ж. Феод. Печ., л. 37в); сѣдшю же ѥмоу ꙗкоже *рѣчеста* и се слышааше гласъ хлопота въ пещерѣ отъ множьства бѣсовъ (Ж. Феод. Печ., л. 38б); сь любъвь имѣꙗ. ꙗкоже *рѣчесѧ* не простоу къ оцю нашемоу ѳеѡдосию (Ж. Феод. Печ., л. 53в); и тоу же вьсѣмъ прѣшьдъшемъ. въ ономь же мѣстѣ ꙗкоже *рѣчесѧ*. малоу ихъ оставъшю (Ж. Феод. Печ., л. 66б).

В дальнейшем, в памятниках старорусских, старобелорусских и староукраинских употребление *писатисѧ* с отмеченным выше значением и глагола *рѣчисѧ* (не только в форме аориста, но и в форме перфекта и настоящего времени) встречается редко:

[55] Так в тексте — без *сѧ*.

о немъ же сице *речеся* (Ст. о Смуте, с. 1297); *Пишется* в писании: лев — Христос, лев и антихрист (Аввакум. Письма, с. 269); Досыт теды о одежы некшталтовной *ся рекло* (Виш. Книжка, с. 28); О иноческом чину *реклося* досыт; здесь о очищению церкве, докончаючи, речем (Виш. Книжка, с. 43); Точие, молю, вонмѣте добрѣ, все бо истинною сице быст, яко же здѣ *речется* (Виш. Книжка, с. 80); О церкви же *ся рече*, зане латина рымскую старѣйшею творит (Виш. Книжка, с. 102); Не былъ тежъ Петръ святый въ Римѣ по року 52, але во Антіохіи, о чомъ *пишется* въ посланіи къ Галатамъ (гл. 2, ст. II) (Пересторога, с. 232).

Вместо глагола *писатися* в его безличном употреблении авторы в тех случаях, когда сохраняли безличную конструкцию, вводили в текст другие глаголы, при этом и возвратные и невозвратные. Приведем примеры из различных памятников восточнославянской письменности: яко во епистоліи твоего величества *зрится*, иже правовѣрныхъ и святыхъ мужей діяволомъ нарицаешь (Письма Курб., с. 127); Да такъ говорит волоскій воевода: *Знамянуется* в' мудрыхъ книгахъ, пишутъ философеи і доктори о благовѣрномъ великомъ о цари рус'скомъ і великомъ князѣ Іване Васильевиче всеа Русіи, что будетъ у него въ его царствѣ такова великая мудрость і правда і гроза неправеднымъ судьямъ от его мудрости великія, от Бога прироженныя (Пересветов, с. 62); Въ томъ листе *стоить*, ижь ихъ милость знашли его ѿ тыхъ людей правого и тую землю емѫ присѫдили (Вил. гр. 1514 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 86); В томъ листу *стоить*, ижь тыи люди вышемѣненыи емѫ присудилъ (Вил. гр. 1514 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 115) [56].

VIII. Безличные предложения с глаголом *пошло*

В работах В. И. Борковского, посвященных синтаксису грамот [57], рассмотрена безличная конструкция с непереходным глаголом *поиду—поити* в форме прошедшего времени ср. р. (со значением *установлено*, *ведется исстари*, *обычно*) и установлено, что она принадлежит исключительно договорным грамотам. Именно в них не было необходимости указывать, *что* именно *пошло*, а важно было просто сослаться на существующее положение, имеющее определенную давность и потому

[56] В старобелорусских грамотах находим и сходную конструкцию, в которую входит причастие прошедшего времени страдательного залога *выписано*: И въ томъ листе *стоить выписано*: ижь его милость не казалъ имъ службы тяглое зъ волостью Слонимскою слѫжити (Вил. гр. 1514 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 109).

[57] В. И. Борковский. О синтаксических явлениях новгородских грамот XIII—XIV века. «Изв. Крымского пед. ин-та», т. IX. Языкознание, 1940, стр. 112; О н ж е. Синтаксис древнерусских грамот. (Простое предложение), стр. 59—60.

обязательное. Ограничимся лишь несколькими примерами[58]: тако кнѫже гнѣ. *пошло* ѿ дѣдъ и ѿ оць и ѿ твоихъ. и ѿ нашихъ. и ѿ твоего ѿчѧ ꙗрослава (Новг. гр. 1265 или 1264 г., Шахм. О языке, № 1); а коуда *пошл[о]* судии твоемоу ѣздити по вол[ост]и (Новг. гр. 1265 или 1264 г., Шахм. О языке, № 2); а дворѧномъ твоимъ. како *пошло* погонъ имати. ѿ кнзѧ по .е. коунъ. а ѿ тивоуна по .в. коуне (Новг. гр. 1270 или 1269 г. Шахм. О языке, № 3); тако *пошло* Новегородѣ. ѿпоустите ихъ проць (Новг. гр. 1270 или 1269 г., Шахм. О языке, № 3); а соудьѥ слати тобѣ своѥ на петровъ днь тако *пошло* (Новг. гр. между 1305—1308 гг., Шахм. О языке, № 6); а в роусоу ѣздити кнѧже в ѡсень. како *пошло* (Новг. гр. между 1305—1308 гг., Шахм. О языке, № 7); а сѳдеи слат по волосте м на петро в днь кат *пошло*. (Новг. гр. 1471 г., Шахм. О языке, № 20).

Встретилось безличное предложение с *пошло* (оно характерно почти исключительно для новгородских договорных грамот) и в волынской грамоте (тоже договорной): А мыта не примышлѧти. но какъ из вѣка *пошло* (Договор волынского князя Димитрия с польским королем Казимиром, заключенный в начале октября 1366 г., Собол. и Пташ.. № 8. Укр. гр., № 7).

Рядом с безличными встречаются и личные предложения с тем же глаголом, в которых наличие местоимения не устраняет, однако, неопределенности подлежащего: дворѧномъ твоимъ. и тивоунимъ. погонъ имати како то *пошло* (Новг. гр. 1265 или 1264 г., Шахм. О языке, № 1); а что *пошло* кнзю. а то кнѧже (Новг. гр. 1265 или 1264 г., Шахм. О языке, № 2); а что ти кнѧже *пошло*. на тържку. и на волоцѣ тиоунъ свои. дьржѧти. на своѥи части. а новгородцѧ на своѥи части (Новг. гр. между 1305—1308 гг., Шахм. О языке, № 6).

В поздних грамотах и в других памятниках деловой письменности встретился глагол того же корня, но без приставки, употребленный и в форме прошедшего времени ср. р. и в форме настоящего времени со значением, близким к указанному выше (переводим: повелось, полагалось, полагается): и съ угодей всякихъ платили, по старинѣ, по тому жъ, какъ съ тѣхъ пустошей помѣщича доходу *шло* прежнимъ помѣщикомъ изстари (Новг. гр. 1594 г., АИ, т. I, № 244) [59]; а за ту бобровую ловлю въ нашу казну на казенной дворъ съ васъ съ Плесскіе волости крестьянъ денгами по рублю на годъ *идеть* и по ся мѣста (Моск. гр. 1556 г., АЮБ, т. I, № 41, II); Давтомже полку уполковника есть ины салдаты которымъ надень подевяти флоринъ, аинымъ

[58] См. еще примеры в названных выше работах В. И. Борковского.

[59] Замена безличного *пошло* безличным *шло* потребовала для придания сходства значения постановки наречия *изстари*.

которыя есть плохи, и тѣмъ всего пошти флоринъ. И что уплохихъ останетца, и то онъ прибавливаетъ добрымъ которымъ болши *идетъ* (Уч. и хитр. рат. стр., с. 43).

Отметим, что в старорусских памятниках встретилась и постановка в безличных предложениях приставочного глагола *доити* со значением *достигнуть* с указанием, до чего именно *дошло*, *доидет* (при глаголе род. п. с предлогом *до* или без предлога): И до того у насъ нынѣ *дошло* что и Богоотпадшую лихую статію нынѣ честнымъ именемъ покрываютъ, и называютъ волнованіе соединеніемъ (Уч. и хитр. рат. стр., с. 51); а будетъ *дойдетъ* до пытки, и тѣхъ людей пытать, до кого *дойдетъ* (Улож. 1649 г., с. 73); А будетъ за тое вотчину по продажѣ взято будетъ денегъ меньши исцова иску: и тѣ деньги, чего въ исцовъ искъ *не дойдетъ*. правити на томъ, кто тѣми деньгами будетъ долженъ (Улож. 1649 г., с. 75).

Интересно употребление со значением *полагается*, то есть с тем, о котором говорилось выше в отношении глагола *ити*, глагола *жити*: а кто хѫдо и не по пр҃ikазѫ ѣдѣлае или не слѫшаетъ или ленитца или испортитъ што или нечисто страпае или краде ино по преже писаномѫ наказанію оучити какъ ѿ гдра слѫгамъ *живе* впреди ѡ томъ наказании писано ка кого пожаловати или наказати или наоучити (Домострой, с. 31); На день имъ *живетъ* по три торга: порану, да о полдни, да в вечерѣ; а всему цѣна уставлена, что на чем дати, а купятъ въ вѣсъ все (Пересветов, с. 75).

С приведенными выше примерами с *пошло* можно сблизить безличные предложения с *было*, тоже указывающим на то или иное юридическое положение, имеющее определенную давность: а роубежь ти кнѧже. межю соуждальскою землею. и новгородьскою. дати ти старыи. како *было* при дѣдѣ твоємь. и при ѡци твоємь ꙗрославѣ (Новг. гр. между 1305—1308 гг. Шахм. О языке, № 6); а тѣмъ знати своя служба, како *было* при нашихъ Отцѣхъ (Моск. дог. гр. 1362 г., Собр. гос. гр. и дог., ч. I, № 27); и людей отвсюду блюсти и дозирати, какъ *было* преже насъ при моемъ братѣ при Ѳотѣѣ митрополитѣ (Моск. гр. XУ в., АЮБ, т. 2, № 167); по тому жъ какъ *было* изстари при Царѣхъ (Казан. гр. 1555 г., АИ, т. I, № 162); Да ему ж даю село Сомчинское с дворы городскими, и с Самсоновым лугом, да село Воробьево, и с Володимерским, и с Семеновским, и с Воронцовым, и с Кадашевым, и с деревнями, как *было* при мне (Моск. гр. 1572 г., Дух. дог. гр., № 104) [60]; и аз городом Озерищем и городом Усвятом со всеми их волостми, и уезды, и селы, и с угодьи, благос-

[60] В этой духовной грамоте царя Ивана IV многократно употребляется безличное предложение *как было при мне*.

лавляю сына же своего Ивана, со всем с тем, как *было* к тем городам изстари (Моск. гр. 1572 г., Дух. дог. гр., № 104) [61].

В отличие от случаев с *пошло*, где могло и отсутствовать указание на то, где, кем и когда (без датировки) установлено соглашение, в примерах с *было*, за редкими исключениями, отмечается, при ком существовала данная юридическая норма.

Кроме того, безличное предложение с *было*, близким по значению к *пошло*, не является характерной принадлежностью только договорных грамот, находим его и в других грамотах, в первую очередь — в духовных.

Как видим из приведенных ниже примеров, безличные предложения с *было* имеют место не только в древнерусских и старорусских грамотах: 1) какъ прежь *было* (Грамота жителей Полоцка в Ригу 12 января 1465 г., РЛА, № 249); а мы своимъ такжѣ велѣмъ к вамъ ехати до Риги, какъ и пѣрвѣи и перѣдъ симъ *было* (Грамота бояр и мещан полоцких в Ригу 2 марта 1475 г., РЛА, № 263); 2) а тако дали ѥсмы мишеви та дворища оу новосѣльце и землею. и сѣножатьми. и зъ гаими и ставомъ и з болоты. и со всѣми оужитки. ꙗко коли из вѣка вѣчного *было* к тѣмъ дворищамъ (Заменительная гр. Яна Тарновского на именья, данная Игнатку и Самоилу Черневичам, а также Мишу Мужиковичу в Перемышле 23 мая 1390 г., Укр. гр., № 23а); тако есмо оуѣхали. влдцѣ. и земѧны. по лисичии бро. ꙗко *было* из вѣка. и вызнано (Правая гр. Самборского старосты Сташка Давыдовского Перемышльскому епископу Илье 21 января 1422 г., Укр. гр., № 53).

Рядом с безличными предложениями находим, как и в случаях с *пошло*, личные с местоимением *то* или *што*, не устраняющим неопределенности подлежащего: какъ то *было* при вашемъ Дѣдѣ при Великомъ Князе при Иване Даниловиче (Ряз. дог. гр. 1381 г.); А и ѣще што *было* межи насъ какъ здавна. гостемъ путь чистъ. и вашимъ и нашимъ торговцемъ. безъ приимъ без пакости. всѧкому чл҃вку. и чорнымъ людемъ промыслъ. (Грамота хана Золотой Орды Тохтамыша королю польскому Ягеллу после 20 мая 1393 г.).

IX. Безличные предложения с *ѥсмь — бытн* и родительным количественным

Одной их характерных черт древнерусской письменности (как правило, — деловой) была широкая употребительность безличных предложений с глаголом *ѥсмь — бытн* (в настоящем

[61] См. еще примеры: В. И. Борковский. О синтаксических явлениях новгородских грамот XIII—XIV века, стр. 113; Он же. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение), стр. 60—61.

времени опускается) и родительным количественным имени существительного, которому предшествует союзное слово *что*, *а что*, *и что*. Союзное слово может и отсутствовать (примеры без союзного слова встретились в поздних памятниках). Оборот с *есть* и родительным количественным имени существительного (без союзного слова) распространен в современных русских крестьянских говорах (встречается и в современном русском литературном языке), но, насколько нам позволяют судить имеющиеся данные [62], наиболее распространена безличная конструкция указанного типа в севернорусской языковой области. Имеется она и в белорусских крестьянских говорах и в литературном белорусском языке [63].

В отличие от современных русских и белорусских говоров современные украинские говоры не употребляют конструкции с формой настоящего времени вспомогательного глагола — *есть* (в его конкретном значении *имеется*) и родительным падежом имени существительного. При прошедшем времени того же глагола возможен род. п. существительного (и, следовательно, безличная конструкция), но всегда ощущается пропуск *много*.

Мы полагаем, что сказанное выше, а также данные старорусских, старобелорусских и староукраинских памятников позволяют сделать вывод, что безличная конструкция с родительным количественным имени существительного употреблялась не на всей территории, занятой восточными славянами.

Примеры с союзным словом при родительном падеже имени существительного и примеры без союзного слова не совпадают вполне по значению. Благодаря союзному слову глагол существования охватывает всю совокупность предметов, обозначенных именем существительным. Об этом, в частности, особенно ярко свидетельствует следующий пример: а цо *было* живота твоѥго и моѥго то все взѧли а самого смертью казнили (Новг. берест. гр. XV в., Арц. и Борк., № 135).

Что речь идет о полном охвате предмета, с полной очевидностью говорят местоимения *то все* в главном предложении.

При отсутствии союзного слова речь может идти и о всей совокупности предметов и о части ее.

Приведем ряд примеров с союзным словом: А што (в сп. Е — А что) немѣцьскы дворовъ и дворищь смѡлѣньскѣ. коуплѣнины. и цр҃кве ихъ мѣсто. не надобѣ никомоу жо (Смол. гр. 1229 г., сп. D. Приписка о татарах. Сум. и Лоп., с. 39); что волостии всѣхъ новгородьскыхъ. того ти кн҃же не держати своими моужи. нъ дьржати. моужи новгородьскыми (Новг. гр. 1265 или

[62] См., в частности, приведенную сводку в книге: В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение), стр. 63.

[63] См.: Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3, стр. 319; «Нарысы па гісторыі беларускай мовы», стр. 374.

1264 г., Шахм. О языке, № 1); а что кънаже тобе *было* гнѣва на посадника. и на всь новгородъ. то ти кнже все нелюбье ѿложити. и ѿ мала. и ѿ велика (Новг. гр. 1270 или 1269 г., Шахм. О языке, № 3); а што *будеть* моихъ селъ в новъгородьскои волости. или моихъ слугъ. тому буди судъ безъ перевода (Новг. гр. между 1294—1301 г., Шахм. О языке, № 4); А что моихъ бортниковъ и оброчниковъ купленыхъ, который въ которой росписи, то того (Дух. гр. великого князя Ивана Калиты 1328 г. Собр. гос. гр. и дог., ч. I, № 21); а что дружины Всеволожи повазаша всѣ. (Лавр. л., л. 136 об.); а Изаславу ѡсе его Володимиръ готовъ. а се его Лоученскъ а што его городовъ ать сѣдить в томъ (Ипат. л., л. 141); Вячеславъ же ре что сну оу мене дружины моеа вси с тобою пущаю (Ипат. л., л. 145 об.); а поѣди ко мнѣ Кыевоу что *боудеть*. на Роускои землѣ доумы и ѡ братьи своеи ѡ Володимерѣ племени. и то все оукончаевѣ (Ипат. л., л. 235 об.).

В некоторых из приведенных выше примеров, как и в отмеченном выше примере из новгородской берестяной грамоты, имеются в главном предложении местоимения (то все — Новг. гр. № 3; всѣ. Лавр. л., л. 136 об.; вси — Ипат. л., л. 145 об.; то все — Ипат. л., л. 235 об.), подчеркивающие, что речь идет обо всех предметах, лицах, названных именем существительным в род. п.

Рядом с безличными, но значительно реже встречаются личные предложения с *а что* [64]. Сходными с указанными безличными предложениями с союзным словом являются предложения, в которых сказуемое выражено другим глаголом. Они встречаются реже. Это объясняется тем, что среди предложений с ѥсмь — *быти* очень большое место занимают предложения с опущенным глаголом в форме настоящего времени.

Приведем несколько примеров: а што *погынеть* товара. то то. всѣмъ волочаномъ платити (Смол. гр. 1229 г., сп. D. См. также сп. E, F. В сп. F: а что *погынеть* того товара. Сум. и Лоп., с. 37)[65]; что свободъ дмитриѥвыхъ и андрѣѥвыхъ и что сельць *таѥноуло* къ тымъ свободамъ. того всего тобѣ състоупитиса. то все къ новоугородоу. бес коунъ (Новг. гр. между 1305—1308 гг., Шахм. О языке, № 6); а что са *останеть* моихъ пор[т]ъ. а то раздадать по всимъ ппыамъ и на москвѣ (Дух. гр. Ивана Калиты 1328 г., Собр. гос. гр. и дог., № 21); Всеволодъ же

---

[64] См. примеры в работе: В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение), стр. 61—62.

[65] В сп. А: а что погынеть ѿ того товара. что ѥмоу приказано. тъ платити всемъ вълъчаномъ (Смол. гр. 1229 г., сп. А. См. также сп. B, C). Благодаря тому, что здесь ѿ *того товара*, слово *что* приобретает бо́льшую значимость, предложение является личным с подлежащим *что*.

поѣха противу ѥмоу. с. Володимерци. и с дружиною своѥю. и что *бѧше* боꙗръ *ѡсталоса* оу него. а по Перѧславци посла Мстиславича Ꙗрослава сновца своѥго (Лавр. л., л. 128 об.).

В старорусских памятниках встречаем немногочисленные примеры безличных предложений с союзным словом и без союзного слова: 1) Или что *бѫдет* въ н[а]шеи ѡтчинѣ того полонѫ, коли была рат[ь] дѣда моег[о], великого кн[а]зѧ, на Скорнищевѣ и ѫ города, и нам тот полѡн ѡтпѫстит[и] вес[ь] (Моск. гр. 1447 г., Дух. дог. гр., № 47); что *было* доходов прежь того (Моск. гр. 1572 г., Дух. дог. гр., № 104); А е[з]дъ, і волокита і прогоны правому, что *буде*[т] убы[т]ка в то[м] дѣлѣ, оприче исцевы[х] иско[в], то взяти на те[х], на кои[х] ло[ж] доведу[т] (Суд. Фед. Ив., с. 53); А что правому, или его послуху, *учинится* убытка, и тѣ убытки имати на виноватомъ (Суд. Ив. IV, с. 197); а что *ся* его статка за истцовымъ *останетъ*, и то отдати въ прогоны (Суд. Ив. IV, с. 227); Да много того. Что мнѣ отъ васъ бѣдъ, всего того не исписати (Письма Ив. IV, л. 55); И что еще дивнѣишаго: за духовныхъ, бесовъ духовныхъ, Церковь Божію обороняти имъ расказуютъ и книги сопротивъ полувѣрныхъ Латиновъ писати имъ повелеваютъ! (Письма Курб., с. 463); А что *есть* у вас в нем вашего сребра и злата, то понесите без страха из Азова вон с собою в городки свои казачьи к своим товарыщем, а на отходе ничем вас не тронем (Пов. об азов. взятии, с. 63); 2) если бы *было* пользы для духовныя и спасенія души (Письма Курб., с. 442); А будетъ кто служилой человѣкъ, будучи на государевѣ службѣ, похочетъ у кого хлѣбные запасы, или конскіе кормы покупать указною цѣною, а у него и своихъ запасовъ и конского корму съ его росходъ *будетъ*: и такимъ хлѣбныхъ запасовъ и конскихъ кормовъ по указной цѣнѣ покупати не велѣти (Улож. 1649 г., с. 18); И я из первых лет ел рожь немолотую, вареную, покамест чево *было* (Аввакум. Письма, с. 188); Плачь-ко ты о себе больше, а о нем, слава Христу, и без твоих возгрей! А што? Горе уже от безумия твоего стало мне! *Есть* о нем плачющих тех (Аввакум. Письма, с. 213). Примеров без *что* немного, но они весьма показательны своей близостью (в первую очередь примеры из писем Аввакума) к живой разговорной речи.

В старобелорусских памятниках безличные предложения с родительным количественным (как с *што*, так и без него) встречаются редко.

Приведем несколько примеров: На тотъ же часъ было великое замешание промежи панами и промеж людми духовными, также и людми простыми *было* плачу великого, нареканя силнаго, похвалки, посварки, забуйство, грабежи, заклинания (Лет. Баркул., л. 141 об.); страшный былъ морозъ: што *было* цветовъ, то все поморозилъ (Лет. Баркул., л. 165об.); а што бы *было* неучстившого, а што намъ спроснеишого, што народу та-

тарскому всему свѣту страшливому непрыстоинѣишого, што продковъ нашых мужству противнеишого? (Ист. о Атыле, с. 190).

Интересно подчеркнуть, что в первом из приведенных выше примеров после *было* рядом с формами род. п. имеются и формы им. п.

В украинских памятниках нам не встретились случаи с род. п. количественным при формах вспомогательного глагола *есмь — быти*, если в состав безличного предложения не входят *веле*, *иле*, *досыть*, *килько*, *много*. Без этих слов можем отметить в исследованных нами материалах лишь два случая, из которых первый малопоказательный, так как *которыхъ* скорее является согласуемым словом (со словом *свѣдоцтвъ*), чем управляемым, зависящим от *есть*: Не заходячи у велико до свѣдоцтвъ давныхъ, которыхъ *есть* яко волосовъ на головѣ, пойзри, отче владыка, у книжки вашого Полского одного богоносца (Отв. клир. Острож., с. 427); *Естъ* и иныхъ барзо подобныхъ мѣстъ въ книгахъ нашихъ (Палин. Копыст., с. 397).

Возможно, что последний пример следует рассматривать как результат влияния белорусского языка.

X. Безличные предложения с формой 3-го лица ед. ч. глагола *ѥсмь — быти* при указании времени события

Значительное место в древнерусских памятниках, но почти исключительно одного жанра — в летописях—занимают безличные предложения с формой третьего лица ед. ч. глагола *есмь — быти* (как правило, прошедшего времени), с которым связаны слова, указывающие время того или иного события: *бѣ* же въ стоую недѣлю рече къ прозвутероу своемоу (Сказ. о Б. и Г., л. 11б); и пришедъ же въ црквь на оутрьнии *бѧше* же въ днь четвертъкъ и поклонѧѧсѧ предъ стыма ковьчегома съказаше (Сказ. о Б. и Г., л. 25б—в); да идевѣ в дом мой. къ вечерꙋ бо *е* (Смерть Авраама, с. 79); И *быс* въ день рожества помяну жену свою Ниръ и възва ю к себѣ въ храминy, да побесѣдуеть съ нею (О Мельхиседеке, с. 28); И *бы* на зимоу. и иде кнзь ꙗрославъ съ новъгородьци и съ пльсковици. и съ оболостью своею на чюдь (1-я Новг. л., л. 51); И *бы* на зимоу. побеже матеи доушильцевичь (1-я Новг. л., л. 90); и *бы* заоутра поу кнзь матѣа (1-я Новг. л., л. 90—90 об.); *бы* на зимоу придоша пльсковици поклонишасѧ кнзю (1-я Новг. л., л. 116); і *бы* на заоутрье. оувидѣ кнзь всеволодъ и влка митрофанъ. ꙗко оуже взѧтоу быти градоу (1-я Новг. л., л. 123—123 об.); *бѣ* бо оуже в заморозъ (Лавр. л., л. 48 об.); и *бы* к великоу

дни на вербницю и тоу престависѧ добрыи старечь Петръ Ильичь (Ипат. л., л. 125—125 об.); а самѣмъ полкомъ нѣлзѣ бы съѣхати. такоже *бѣ* к вечеру (Ипат. л., л. 157 об.); и *бы* противу свѣту и оудари на ни Володимеръ Галичьскыи (Ипат. л., л. 159 об.); оуже бо *бѣше* к заморозу (Ипат. л., л. 165); но въже *бѣ* к веснѣ (Ипат. л., л. 165 об.); Петръ же тужашеть такоже *бѣ* еще до ѡбѣда (Ипат. л.. л. 166 об. — 167); и такоже *бы* трьми недѣлами до мѧсопущь и поиде Изѧславъ скупѧ силу свою на Галичь и Вячьславль полкъ поя съ собою (Ипат. л., л. 167 об.); и *бы* по малѣ времени. и поча выступати стягъ ѡ Бголюбого (Ипат. л., л. 209); и *бы* на дроугои недѣлѣ по во вторникъ. на ѡбѣднѣ потрѧсеся земля. (Ипат. л., л. 238); и начаша межи собою перегонити и *бы* имъ того на долзѣ (Ипат. л., л. 221 об.); а и *бы* при вечерѣ пришедъ конюшии (Ипат. л., л. 226 об. — 227); и *бы* живота его. до того же дни (Ипат. л., л. 242).

В редких случаях встречаем указание на время в придаточном времени при глаголе *быть*: И не вѣрова Ниръ; но глагола ей второе; «отъиди отъ мене, егда како уражу тя и согрѣшу въ лице господне». И *бысть* егда Ниръ женѣ своей глаголаше и паде Соѳонимъ у ногу нирову и умре (О Мельхиседеке, с. 28); И *бысть*, егда сконча отрокъ 40 днiи въ кровѣ нировѣ, и глагола господь Михаилови (О Мельхиседеке, с. 30).

В старорусских, старобелорусских и староукраинских памятниках примеры, сходные с отмеченными выше в древнерусских памятниках, по-видимому, составляли исключение. Нам встретились лишь следующие случаи, все из переводных западнорусских памятников: А коли *было* оу поночи. а стою а молюсе коу боу (Страсти Христовы, л. 37 об.); И *было* одного днѧ лѣте, седѣлъ король ѡдин в ложницы, и хотѣло сѧ ему пити (Пов. о витязях, с. 11); И коли *было* къ вечору, пани узѧла прощэне ѡтъ короля и прыступила велми вдачно къ Трыщану (Пов. о витязях, с. 42); Коли *было* ѡ вторе' або ѡ трете' годинѣ вночь, анектана пре^{з} че^{р}нокни^{ж}ство поча^{л} се перемена^{т} во ѡсобѫ смоковѫю (Александрия, с. 27).

XI. Безличные предложения с глаголом *єсмь — быти* в сочетании с инфинитивом

Широко представлены в древнерусских памятниках безличные предложения с глаголом *єсмь — быти* в сочетании с инфинитивом.

Как мы полагаем, Е. С. Истрина имела основание подчеркнуть необходимость выделить в качестве особого типа сочетание гла-

гола ѥсмь — *быти* с инфинитивами *видѣти*, *слышати*, *чути*, *знати*, *вѣдѣти* [66]. Как отмечает Е. С. Истрина, личный глагол здесь не имеет конкретного значения, а является лишь отвлеченной связкой и составляет вместе с инфинитивом цельное сказуемое, которое может быть вполне сопоставлено с составным сказуемым и может быть также названо составным. Указывается и на то, что к таким конструкциям с инфинитивами имеется параллельная с составным сказуемым с наречием, соответствующим по содержанию инфинитиву: видно, слышно, вѣдомо, знатно, чутно.

Мы не можем только согласиться с тем, что конструкции с инфинитивом и конструкции с наречием как бы совпадают по значению.

По-видимому, все же правы те языковеды (с ними спорит Е. С. Истрина), которые считают, что рассматриваемые конструкции с инфинитивом имеют значение возможности.

Нам думается, что во всех приведенных ниже примерах модальный оттенок возможности (или невозможности — при наличии отрицания) отчетливо виден: и *бѣ видѣти* на земли чл҃вкы житиѥмь акы анг҃лъмъ тъчьны (Ж. Феод. Печ., л. 39г); и николи же ѥго *не бѣ видѣти* дрꙗхла. или съньзъшасѧ на обѣдѣ сѣдꙗща съ братиѥю. нъ вьсегда весело лице имоуща (Ж. Феод. Печ., л. 50г); и *бѣ видѣти* чюдо преславьно (Сказ. о Б. и Г., л. 21в); *не бꙗше* бо тогда *вѣдѣти* кымъ образомъ смр҃ть бываѥть (Чт. Б. и Г., л. 96г); і тоу оусрѣтоша стоꙗщь полкъ нѣмецьскыи и *бѣ видѣти* ꙗко і лѣсъ. бѣ бо съвкоупилаѧ вса земла нѣмецьскаꙗ (1-я Новг. л., л. 144об.); посемь же начаша в дн҃е ꙗвлꙗтисѧ на конихъ и *не бѣ* ихъ *видѣти* самѣхъ но конь ихъ видѣти копыта (Лавр. л., л. 71об.); бѣша бо в ни̑ гребьци гребуть невидимо. токмо весла видѣти, а чл҃вкъ *бꙗше не видѣти* (Лавр. л., л. 110 об. См. также Ипат. л., л. 153 об.); и *не бѣ слышати* пѣныꙗ в плачи. и велици вопли. плака бо сѧ весь гра̑ Володимерь по не̑ (Лавр. л., л. 163 об.); а с которого стану двигнутсѧ потнуть чл҃вка. *и бꙗше видѣти* дѣло стыдно и велми страшно и хлѣбъ во оуста не идꙗшеть ѿ страха (Лавр. л., л. 170); и тако стоꙗху межи собою ако аже Изꙗславлимъ сторожемъ. *зрѣти бꙗшеть* на Галичьскии огнѣ. а Галичьскимъ сторожемъ *зрѣти бꙗше* на Изꙗславли ѡгни (Ипат. л., л. 150); и ту *бѣ видити* ломъ копииныи. и звукъ ѡружьиныи ѿ множьства праха не знати ни конника ни пѣшьць. (Ипат. л., л. 204); и людье не могоша сѧ ни мало оудержати. но вси вопыꙗхоуть. ѿ слезъ же не можахоу прозрити. и вопль далече *бꙗже* (*бꙗше*) *слышати*

[66] Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи, с. 48.

(Ипат. л., л. 209); Сей бо град Резань и земля резанская, изменися доброта ея, и отиде слава ея, и *не бе* в ней ничто благо *видети* — токмо дым и пел, а церкви все погореша, а великая церковь внутрь погоре и почернеша. (Пов. о раз. Ряз., с. 15).

В старорусских памятниках находим лишь отдельные случаи такого употребления глагола *есмь — быти* с инфинитивом: конны и доспѣшны цвѣтно *видѣти было* велможи его, полки против недруга крѣпкаго бою не держали (Пересветов, с. 75); И страшна добре нам стало от них в те поры, трепетно и дивно их несказанной и страшной и дивной приход бусурманской нам *было видети* (Пов. об азов. взятии, с. 61); Никак непостижимо уму человеческому: в нашем возрасте того *было не слышати*, не токмо что такую рать великую, страшную и собранную очима кому *видети* (Пов. об азов. взятии, с. 61); Миленькой дитятко, где ты гулял? *Не слыхать было* про тебя (Аввакум. Письма, с. 236).

Несколько шире представлены рассматриваемые нами безличные предложения в западнорусских памятниках, но большинство случаев — в переводных произведениях: а пото[м] *было видети* рога[ми] на[в]сходъ (Лет. Рачин., с. 288); и *было* то *слышать* по все[и] зе[м]ли Польско[и] и Лито[в]ско[и] (Лет. Рачин., с. 289); Правда початокъ былъ грозный, а остатокъ плачливый: што было огородныхъ речей — капуста, ботвинье, цибуля, маки, горохи, ячмень, ярица, то все морозъ побилъ, чого з великимъ плачемъ *было видети* — тыкъ людей голодных, которые толко огороды были засеяли, а жита не починали (Лет. Баркул., л. 165 об.); да колижь тое кариноу̑ и ленцию̑. говорили за того переменилисе а далеи̑ *было не видети* (Страсти Христовы, л. 27. См. также л. 33 об.); а всюды так было полно жалости, иж через долгии час жадного знаку веселѧ такого або доброе мысли *не было видать* (Ист. о Атыле, с. 222); И третего днѧ почалъ догонѧти Бова; то была великаѧ ѡхота Пульканова за Бовомъ, а его звукъ за две мили *было чуть* (Ист. о Гвид., с. 154); И коли девка видела свою государыню умерлую, ѡна почала плакати и драти лицэ свое и *было* ее *чути* велми далеко. (Пов. о витязях, с. 6); Король Ленъвиз видел с палацу и прыступил ближей и слухал великии часъ, и *было* ему *видет* велми дивно иж так цудне и жалостне играл, а судно коштовно покрыто злотоглавом (Пов. о витязях, с. 24); И коли был волан турнаи и *было слышати* усим, и розъехали сѧ вси [и] король Ленвизъ, абы сѧ справили къ другому турнаю (Пов. о витязях, с. 29); и тут затрубил человѣкъ у рогъ, которого рогу далеко *было чуть* (Пов. о витязях, с. 74).

Староукраинские памятники тоже знают этот тип безличных предложений: А в манастырѣ рѣкь и потоковъ непрестанно в молитвѣ к небесному кругу текущих иноческого чина по за-

кону церковному *видѣти нѣсть*, и вмѣсто бдениа, пѣсни и молитвы и торжества духовнаго — пси выют, гласят и ликуют (Виш. Книжка, с. 47); и *бѣ видѣти* источник здравотвореный, от мертвых и нагих костей исходящ и животворящ страждущая и утѣшение и здравие дарующ (Виш. Книжка, с. 128); Также и иные всѣ, кождый свою причину мѣлъ, и обавлялися пріѣзду патріаршого: яко о томъ завше *знати бываетъ* же винный суду боится (Пересторога, с. 207); Што зъ вышпомененныхъ причинъ *есть видѣти* (Палин. Копыст., с. 430); А же не кождая отъ апостоловъ уфундованная церковъ есть патріархалною, зъ того самого достатечне *есть видѣти*, же на болшъ надъ пять суть патріархалными, хоть апостолскими суть многія (Палин. Копыст., с. 517).

Отметим, что в сочинениях И. Вишенского безличные предложения имеют ярко выраженную книжную устарелую форму: в них находим *нѣсть* и аорист *бѣ*.

В сочетании с инфинитивом других глаголов ѥсмь — *быти* в форме 3-го лица ед. ч. настоящего, прошедшего и будущего времени (а также повелительного наклонения) имеет значение *случится* (*случилось*), *приведется* (*привелось*), *доведется* (*довелось*), *приходится*, *нужно*, *необходимо*, *возможно* (без *было*, *будет* или с *было*, *будет*).

Примеров такого употребления в древнерусских памятниках (особенно в грамотах)[67] очень много, и мы ограничимся лишь небольшим их числом: *бы* же родителема бл҃женаго *преселитисѧ* въ инъ градъ коурьскъ нарицаѥмыи (Ж. Феод. печ., л. 27в); *не боуди* ми *възѧти* роукы на брата своѥго и ѥще и на старѣишѧ мене (Сказ. о Б. и Г., л. 10г); велика бо р҃ѣ гл҃ти къ немѹ. ꙗко ѡ҃ити емоу *е* ѡ҃ свѣта сего (Смерть Авраама, с. 81); а про коуны чимь то ми *сѧ было* вамъ *платити*. въ коупѣськомъ сътѣ. оу фомы .и҃. гр҃вны възмите (Духовная Климента, до 1270. Сахаров. Обр. др. пис., № 3); а чего *будеть искати* мнѣ. и моимъ бо҃ромъ. и моимъ слугамъ у новъгородьцевъ. и у новоторъжьцевъ и у волочѧнъ. а томоу всему судъ дати безъ перевода (Новг. гр. между 1294—1301 г. Шахм. О языке, № 4); кн҃ажо тобе *было* тое ѡбиды *постеречи* (Гр. рижан к кн. Мих. Конст. около 1300 г., Срезн. Др. пам. 1-е, 24); *Приехати* ми *было* оу литву. и то есмь исправилъ. приехалъ есмь оу литву (Гр. Смол. кн. Юрия Святосл. 1386 г.. Сум. и Лоп., с. 72); а чего ми *буть искати* на твоихъ бо[я]рехъ или чего *искати* тобѣ на моихъ бо҃рехъ намъ ото[сла]ти от собе по бо҃рину (тѣ) тому дѣлу оучин[ять] исправу (Дог. гр. вел. кн. Дм. Дон. с кн. Вл. Андр. после 1361 г., Собол. и

[67] Примеры из древнерусских грамот см.: В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение), стр. 66—67.

Пташ., № 51); и съкры ѣ въ полостьници. близъ шатра. въ немь же *бе* имъ *пити*. (1-я Новг. л., л. 89 об.); но оуже *бѧше* бию гнѣвоу *не противитисѧ*. (1-я Новг. л., л. 121 об.); і побѣжа михалко із города къ стму георгию. како *было* ему своімь полкомь *оуразити* нашю стороноу. і ізмѧсти люди (1-я Новг. л., л. 134); Еже *было творити* ѡтроку моему то са ѥсмь створилъ дѣла (Лавр. л., л. 83. Поучение Владимира Мономаха); Павлово слово поминаѭ. мнѣ ни ѡ чем же *буди хвалитисѧ*. токмо ѡ кртѣ хвѣ (Лавр. л., л. 150); а ины изъимаша бѣжаша в тверди. и кнѧзе наши *не бы* кого *воевати* (Лавр. л., л. 155 об.); и *не бѣ* с кимъ *стоѧти* противоу емоу (Ипат. л., л. 143 об.); с тобою могу быти а с братомъ твоимъ Гюргемъ *не оуправити* ми. *есть* (Ипат. л., л. 145); Петръ же тѣмь печаленъ бѧше велми. ѡже ему *бѧше* ѡпѧть в городъ *поѣхати* (Ипат. л., лл. 166 об. — 167); и ре Стославъ Ѡлговичь. строема. своима. далечє есмь гонилъ по Половцехъ. а кони мои не могоуть. аже ми *боудеть* нынѣ *поѣхати*. то толико ми *боудеть* на дорозѣ ѡстати (Ипат. л., л. 224); Рюрикъ же поча слати ко Стославоу поноуживаѭ его. река емоу брате и сватоу. намъ *было*. сего оу Бга *просити* (Ипат. л., л. 227 об.); *Пѣти было* пѣсь Игореви, того (Олга) внуку (Сл. о плк. Иг., с. 6).

В старорусских памятниках мы наблюдаем уменьшение числа отмеченных выше безличных конструкций, а также употребление лишь одной формы прошедшего времени — *было*, вытеснившей формы других прошедших времен. В грамотах устойчиво сохраняется стереотипная формулировка с *будетъ*: А кому *будетъ* чего *искати*. У отдельных писателей (преимущественно у Пересветова и у протопопа Аввакума) со значением *следовало быть* представлено рядом случаев употребление сочетания *было быть*. В пословицах XVII в. это сочетание имело несколько другое значение: предстояло быть [68]. Что и в XVII в. безличные конструкции с *будет* и *было* не были чужды фольклору, живой народной речи, свидетельствуют примеры из Повести об азовском взятии, из пословиц XVII в.

Безличная конструкция с *будет* встречается и в современном фольклоре, а безличная конструкция с *было* известна и литературному русскому языку, хотя ее употребление и ограничивается преимущественно вопросительными предложениями с *зачем*, *где*, *куда* и предложениями, в состав которых входит количественное числительное в сочетании с именем существительным.

[68] См. у А. А. Потебни: В вр.: быть было (предстояло быть) ненастью, да дождь помешал, посл.: а и чуть было спустить калену стрѣлу, провѣщится лебедь бѣлая, Др.-русск. ст., 217 («Из записок по русской грамматике», т. I—II, стр. 393).

Приведем примеры из памятников различных жанров XV—XVII вв.: А *бѫдеть* ти киличѣи *послати* в Орду, и что с ним послеш[ь], или х тобѣ посол татарьскои придет, и тобѣ тог[о] почтити кр[е]стьяньског[о] дѣлѧ добра, а то тобѣ не в-ызмѣнѫ (Моск. гр. 1402 г., Дух. дог. гр., № 19); А кому *будетъ* чего *искати* на Гришѣ или на его приказщикѣ, ино ихъ сужу язъ князь великій или мой бояринъ введеной (Моск. гр. 1546 г., АЮБ, т. I, № 44, I,); Гдѣ *было* ти совѣтомъ разума своего злодѣиственныи совѣтъ *исторгнути*, ты же убо больми плевелъ наполнилъ еси (Письма Ив. IV, л. 134об.); и индѣ: «мнѣ *не будетъ похвалитися*, токмо о крѣсте Господа Исуса Христа, имже мнѣ миръ распятся, а азъ мирови» (Письма Курб., с. 374); А ту мудрость царь снял з᾽ греческих книгъ, образецъ—таковым *было* грекомъ *быти* (Пересветов, с. 73); Да написал Махметъ-салтанъ в тайнѣ себѣ: Таковому *было быти* християнскому царю, во всемъ правда імѣти і за вѣру христіянскую крѣпко стояти (Пересветов, с. 77); *Дѣлати было* мнѣ, государь, щиты гусарскіе доброго мужа косые сажени, с клеем і с кожею, с сырицею, с красками і с рожны желѣзными; а тѣ щиты, государь, с македонскаго образца (Пересветов, с. 79); А на взыскание смерти нашей з Дону удалые молотцы к вам тотчас будут под Азов все, *не утечи будеть* пашамь вашим от них и за море (Пов. об азов. взятии, с. 66); гдѣ *было* всѣмъ рукодѣлнымъ и торговымъ людемъ отомъ *радоватися* какъ истаго внедерлянскихъ удѣлехъ цвѣтутъ сирѣчь вдобромъ пребываніи живутъ, и также денегъ доволно имѣютъ (Уч. и хитр. рат. стр., с. 46); А будетъ кто служилыхъ людей такимъ дѣломъ поклеплетъ напрасно, и сыщется про то допряма: и тому, кто такимъ дѣломъ кого поклеплетъ, учинити то же наказаніе, въ какомъ *было* наказаніи *быти* тому, кого онъ такимъ дѣломъ поклеплетъ. (Улож. 1649 г., с. 19); а что онъ въ томъ дѣле пытанъ будетъ, и то ему учинитца отъ себя, по тому, на что *было* ему *похвалятца* лихими дѣлы. (Улож. 1649 г., с. 62); Пил еси, после *будет* тебе о сермяге *воздыхати* (Сатиры о пьянстве, с. 84); Не им было, а *быть* же *было* иным; писанное время пришло по Евангелию: «нужда соблазнам приити» (Аввакум. Житие, с. 95); Ей, не лгу — *буди* мне с сею ложью *стати* на страшнем суде с тобою пред лицем господним. (Аввакум. Письма, с. 199); Тово для не кручинься о Иване: еще и не так стану бранить, будет не перестанешь сетовать. Чем *было* тем *не велеть* сетовать, а она сама кручинится! (Аввакум. Письма, с. 214); Вото-су, отец, как бы ты ученика тово убил, и упустил от себя — *быть было* и тебе битому самому, и мнится, убо быти тяжко и бременно глаголемое (Аввакум. Письма, с. 254); *Быть было* ненастью да дождь помѣша. (Пословицы XVII в., л. 327 об.); *Быть было* бедѣ да дѣнги по берѣ (Пословицы XVII в., л. 327 об.);

Чѣмъ *было* волѹ *рычать*. а[и] телѣга скрыпитъ. (Пословицы XVII в., л. 377 об.).

И в старобелорусских памятниках представлена конструкция с ѥсмь — *быти* и инфинитивом, причем, как и в старорусских произведениях, из форм прошедшего времени сохранилась лишь форма *было*. Чаще всего отмеченную конструкцию мы находим в Повести о витязях, причем с формами всех трех времен: И ты къ намъ пишешъ, ижъ, коли есьмо мели волю съ кн[я]земъ Московъскимъ перемиръе брати, тогъды намъ къ тобе, брату нашому, о томъ *было не посылати* (Западнорус. гр. 1542 г., РИБ, т. XXX, кн. 2, № 10); а ида к Сѣверскомѹ Новѹгоро[д]коу велить Вои[ди]ла ѡбесити. а кнѧзю велїкомѹ Ѧгаилѹ. с Вите[б]ка *поити было* с ним же (Лет. Авраамки, л. 441 об.); а реклъ такъ мнѣ *было* жены *иска[ти]*, а се мнѣ Богъ жону да[л]. и понѧлъ ее за себе (Лет. Рачин., с. 237—238); овожъ того такъ веле въ томъ року было, ажъ *было* зъ пострахомъ великим *успоминати*. (Дневн. Евлаш., с. 159); И король мовилъ: Тобѣ *есть погинути* што еси хотела Трыщана або мене уморити (Пов. о витязях, с. 11); Рек король: Тогды *ест* Трыщану *вмерети* (Пов. о витязях, с. 17); Але ноч насъ споткала, и коли бых ихъ на поли застал, або *было* ему тую панию *пустити*, або бых сѧ бил з ним поки быхъ не мог ударыти мечом; а тепер не вѣм што быхмо учынили (Пов. о витязях, с. 50); але, ѥк есми тобе росказал, такъ учыни; хотя ми *будет умерети*, мушу то вчынити (Пов. о витязях, с. 79); и видевшы то Ижота рече: Пани ты королевнѧ корунованнѧ, ѥкъ еси ты прышла къ набольшому витезю с печалными речми? Тобѣ *было прыти* тихо и ѡтворыти мѧкние уста на тихие беседы, нехаи бы сѧ витезю серцэ на храброст ѡбротило (Пов. о витязях, с. 103).

Отметим встретившиеся примеры из староукраинских памятников: Ты же ми зри и латину, егда от здравыя мысли богословия вѣры испаде, не словом ли согрѣшает и еже *нѣсть обрѣсти* в писании вѣщает (Виш. Книжка, с. 102); Гдыж подобнѣй Аркадію *было* на столици царства своего *седѣти* въ Константинополю, але даймо, же папежа цесарове назвали отцемъ всего свѣта (Палин. Копыст., с. 502).

XII. Инфинитивные безличные предложения

Ф. И. Буслаеву принадлежит интересное высказывание об инфинитиве: «Употребление неопределенного наклонения развивается в языках с течением времени, в ущерб другим формам глагола. Таким образом, вместе с утратою флексий и с господством отвлеченного выражения, в новейших языках возникает естественная потребность в неизменяемой и отвлеченной форме неопределенного наклонения. Потому-то разнообразное выражение мысли, помощию различных форм латинского глагола, в ро-

манских языках передается одною и тою же формою неопределенного наклонения» [69].

С возникновением инфинитива как особой глагольной формы связано и появление в языках инфинитивных безличных предложений.

Памятники восточнославянской письменности, начиная с древнейших из них, свидетельствуют о том, что расширялся круг значений инфинитива в составе предложения, что безличные предложения с инфинитивом в качестве главного члена (сначала без частицы *бы*, а позднее также и с частицей *бы*) занимают все большее место среди безличных предложений.

В отношении древнерусских памятников мы имеем основание сделать вывод, что безличное предложение с инфинитивом встречается чаще других типов безличного предложения, при этом инфинитивные придаточные предложения составляют примерно $^1/_3$ часть случаев с инфинитивом в роли сказуемого.

В старорусских, старобелорусских и в староукраинских памятниках (особенно — в юридических) инфинитивные предложения по частоте употребления тоже занимают первое место несмотря на весьма значительный рост двух типов безличного предложения: 1) с причастием страдательного залога; 2) с наречием и прилагательным. По-прежнему господствуют случаи с инфинитивом в составе простого и главного предложения. Инфинитивные придаточные предложения, имеющие свои специфические особенности и свою историю, мы здесь, в труде, посвященном простому предложению, не рассматриваем.

Широко распространены в древнерусских памятниках безличные предложения с инфинитивом в контексте, где указываются действия, которые должны быть выполнены или постоянно выполняются (группой лиц или отдельным лицом).

Обычно при инфинитиве стоит (чаще до инфинитива) дательный падеж лица, которому *следует* или *дается право* что-либо делать (или — не делать) [70]. Особенно большое место занимают безличные предложения долженствования в юридических памятниках, в первую очередь в договорных грамотах, где представлялось необходимым четко, ясно и категорично перечислить обязательства договаривающихся сторон, и в Русской Правде.

Приведем ряд примеров. Ограничимся сравнительно небольшим их числом из различных памятников как с дательным падежом действующего лица, так и без дательного падежа.

---

[69] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, стр. 374.

[70] Случаи с пропуском дательного падежа немногочисленны и могут быть подведены под определенные правила. См.: В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение), стр. 84—86.

С дат. п. действующего лица: боудѣть ли тажа смоленьскѣ немьчицю съ смолнянномь. соудити ꙗ смолѣньскому кнадзю (Гр. неизв. Смол. кн. 1223—1225 гг., Сум. и Лоп., с. 12—13); Аже боудѣте пьрвѣе на нѣи соромъ былъ. взати ѥи гривна серьбра за насилиѥ (Смол. гр. 1229 г., сп. А., Сум. и Лоп., с. 22. См. также сп. В, С); а в ладогоу ти кнже слати ѡсетрьникъ и медовара по грамотѣ ѡца своѥго ꙗрослава (Новг. гр. 1265 или 1264 г., Шахм. О языке, № 1); а кто почнеть вадити к тобе. томоу ти веры не ꙗти (Новг. гр. 1270 или 1269 г., Шахм. О языке, № 3); а гнѣва ти кнже до новагорода не дьржати. ни до ѡдиного чловка (Новг. гр. между 1305—1308 гг., Шахм. О языке, № 6); а что наши ординци и делюи а тѣмъ знати своꙗ служба (Гр. докончальная кн. Дм. Ив. с кн. Серпух. около 1367 г., Рук. ЦГАДА); а межи на нашимъ посло ѣздити путь имъ чтъ (Гр. перемирная лит. кн. Ольгерда с кн. Дм. Ив. 1371 г., Рук. ЦГАДА); а пошле воево. и тобѣ и свои воево послати (Гр. докончальная кн. Дм. Ив. с кн. Твер. 1375 г., сп. XV в., Рук. ЦГАДА); а купцамъ торговаты по старине с обе половине (Нибуров мир, 1392. Schiemann, с. 286); А се покони вирнии были при ꙗрославѣ. вирьникоу взати .з. вѣдеръ солодоу на нелю. оже овьнъ. любо полоть. или .в. ногатѣ (Рус. Пр. 1282 г., л. 616б — 616 об. а) аже кто много реза ималъ. то томоу не имати (Рус. Пр. 1282 г., л. 623б—623 об. а); Оубоеть моуж[ь] моужа, то мьстить братоу брата, или сынови отца любо отцю сына или братоучадоу, любо сестриноу сынови (Рус. Пр. по Акад. сп., л. 49); мнѣ пороучилъ бъ архиеппию в роуськоі землі вамъ слоушати ба і мене (1-я Новг. л., л. 150); і докончаша миръ на двоу тысачю серебра. а книжниꙗ великого дмитрию не подънимати (1-я Новг. л., л. 161 об. — 162); а вы есте вси хртъ цѣловали на томъ аже кто боуде мнѣ золъ. то вамъ на того быти со мною (Ипат. л., л. 134); Вячеславъ же то слышавъ и любо бы ему. и тако цѣловаста хртъ. оу стою мчнку на гробѣ. на томъ Изславу имѣти ѿцмь Вячеслава. а Вячеславу имѣти снмъ Изслава (Ипат. л., л. 145).

Без. дат. п. действующего лица: аже оубьють моужа вольного. тъ выдати розбоиникы колико то ихъ боудѣть было (Гр. неизв. Смол. кн. 1223—1225 гг. Сум. и Лоп., с. 10); послоу и поу что оучинать. за двоѥ того оузати. два платежа (Смол. гр. 1229 г., сп. А. Сум. и Лоп., с. 21. См. также сп. В, С); а пена где зацьньтсѧ ту ѥѧ концати (Нибуров мир, 1392 г., Schiemann,

с. 286); аче боудеть коневыи тать. а выдати кнАзю на потокъ (Рус. Пр. 1282 г., л. 618б); аже боудоуть дъчери оу него дома. то дати часть на нѣ. аже боудоуть за моужемъ. то не дати имъ части (Рус. Пр. 1282 г., л. 621 об. б); А иже изломить копье, любо портъ, а начнеть хотѣти его держати оу себе, то пріати скота оу него (Рус. Пр. по Акад. сп., XV в., л. 50 об.); етеръ же зак°нъ Халдѣемъ [и] Вавилонамъ. мтри поимати. с братними чады блудъ дѣяти и оубивати (Лавр. л., л. 5 об.); а Бохмитъ ны оучить гл҃а wбрѣзати оуды таиныа и свинины не ѣсти. вина не пити (Лавр. л., л. 27); и р҃е Володимер что есть законъ вашь. wни же рѣша wбрѣзатисА. свинины не ѣсти ни заѧчины. суботу хранити (Лавр. л., л. 27 об.); Въ .вi̇ дн҃ь лжны''. ха рwдисА в то'' дн҃ь. ни кжпити ни продати (О днях лунных, с. 391).

Отметим стереотипное выражение, которым фактически отрицается право человека оценивать тот или иной поступок и выносить приговор, поскольку это признается лишь за высшим существом: а то бг҃и соудити. (1-я Новг. л., л. 54 об.); Изаславъ велѣлъ но томоу Бъ послоу ѣако не повелѣлъ. ни наоуцилъ а то оуже Бг҃ъгви соудити (Ипат. л., л. 130); Изаславъ же р҃е аже сА оуже тако оучинило. а тамо намъ вси быти. а то оуже Бг҃ви соудити (Ипат. л., л. 130); аже оуже бра нашь оубитъ. а пошелъ к Бг҃и а тамо намъ вси выти. а то Бг҃и правити (Ипат. л., л. 133); и р҃е Вачьславъ. wзраса на ст҃ую Бц҃ю ѣже есть надъ Золотыми вороты а тои ны прчтѣи Бг҃ни судити съ сн҃мъ своимъ и Бм҃ъ наши. въ сии вѣкъ и в будущии (Ипат. л., л. 156).

Памятники восточнославянской письменности XV—XVII вв. (тоже в первую очередь юридические) содержат огромное количество рассмотренных выше инфинитивных предложений, как правило, с дат. п. действующего лица.

Примеры с дат. п. действующего лица:

1) Ст.-рус. памятники: А нам, кн[А]зем великим, в сѫды вопчие не вступати (Моск. гр. 1402 г., Дух. дог. гр., № 19); А новых нам мытwв не замышлати, ни пошлин (Моск. гр. 1447 г., Дух. дог. гр., № 47); а приставо в ва м приставливати (Новг. гр. 1471 г., Шахм. О языке, № 20); А с Романова городка давати ти татарщинѫ къ ѣрославлю по старинѣ (Моск. гр. 1473 г., Дух. дог. гр., № 70а); а та земла wцистити матфѣю и самуилу (Двин. гр. XV в. Шахм. Исслед., № 17); цѣмъ владѣлъ павелъ григорьевъ сн҃ъ тѣмъ владѣти кюпреѧну пав-

лову сп҃у (Двин. гр. XV в., Шахм. Исслед., № 104); А с кѣ[м] буде[ш]ь ты в целованіе, и тобѣ томꙋ целованіе сложыти (Моск. гр. 1504 г., Дух. дог. гр. № 90, II (а)); а давати имъ съ того озерка и съ пустошей оброку на годъ дватцать бѣлъ (Моск. гр. 1540 г., АЮБ, т. II, № 173, V); и ловцомъ Казанского города и Свіяжского, безъ архіепископля вѣдома, въ тѣхъ водахъ не ловити (Казан. гр. 1555 г., АИ, т. I, № 162); И Михаилу тѣ пустоши роспахати, и крестьянъ на нихъ называти, и учинити ихъ в жилѣ (Новг. гр. 1594 г., АИ, т. I, № 244); А пашню крестьяномъ на монастырь пахати на выть по десятинѣ, а сѣяти монастырскими сѣмяны (Моск. гр. 1602 г., АЮБ, т. I, № 43); А подьячимъ у собя дѣлъ никоторыхъ не держати (Суд. Ив. IV, с. 204); А на монастырехъ жити нищимъ, которые питаются милостынею от церкви Божіи (Суд. Ив. IV, с. 261); А детемъ боя[р]ски[м] ку[п]леные лошади по тому [ж] пятънати (Суд. Фед. Ив., с. 49); а черницамъ у мирскихъ церквей въ просфирницахъ не быти. а жити черницамъ въ дѣвичьихъ монастырѣхъ (Стоглав, с. 65); На погребѣхъ и на лѣдникехъ, и в житницахъ, и в сꙋшилѣ и в онбарехъ в конюшнѣ часто гдрю смотрити (Домострой, с. 55); А бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ сидѣти въ полатѣ, и по государеву указу государевы всякія дѣла дѣлати всѣмъ вмѣсте (Улож. 1649 г., с. 25); И сія три статьи всякому гораздо остерегати, и тѣмъ како тремя чювствы украшену быти (Уч. и хитр. рат. стр., с. 26).

2) Ст.-бел. памятники: А што смыслить богъ над кнꙗзем Ѳедором Львовичомъ, а хто ѡстанетсꙗ детеи его, тому ꙁсꙗ его ѡтчына держати (Трок. гр. 1442 г., Дух. дог. гр., № 39); А в Козельскъ кнꙗзю Ивану не вступатис[ѧ] (Трок. гр. 1448 г., Дух. дог. гр., № 50); И мы сказали: Б[о]ртошꙋ и тому чл҃вку Пацꙋсꙋ свѣтки свои зъ обꙋ сторонъ передъ нами на ѡпытанье поставити. (Вил. гр. 1514 г., Лит. метр., т. I, кн. 1. № 118); держати Андрею то помѣстье за собою, а не пустошити, и крестьянъ не разгоняти, и лишнихъ доходов не имати никакихъ (Вил. гр. 1612 г., АЗР, т. IV, № 183); А какъ дастъ Богъ, будемъ мы господаръ или сынъ нашъ на столицѣ Московского государства, и имъ тые помѣстья справити въ Помѣстномъ Приказѣ по книгамъ, и по дачамъ (Вил. гр. 1612 г., АЗР, т. IV, № 183); яко в тых правех описано девком зыменей и четвертое части давати (Лит. ст. 1529 г., с. 29); А для кривд шляхты судити паном зъѣжъчатися на местцо положоное до Вилни на два роки (Лит. ст. 1529 г., с. 44. Заголовок); а присꙗгу межи собою на то[м] дали не мыслити зла межи ихъ никомꙋ на себѣ (Лет. Крас., л. 73 об.); Коли кого кн҃земъ Лито[в]скимъ посадꙗть на великомъ кн҃[с]зтве ва[м] ѿ Лито[в]ской земли не ѿступати (Лет. Рачин., с. 272); Пани, соиди доловъ, поехати тобѣ

со мною (Пов. о витязях, с. 93); Витези, вам мыслить ѡ мнѣ и ѡ собѣ (Пов. о витязях, с. 121); Дружнена пошла къ Бову и почала его пытати: Храбрениче, тебе поити со мною, маеш послужыти двадцатма невестам добрым (Ист. о Гвид., с. 136);

3) Ст.-укр. памятники: а по ленкове животѣ и дѣте леньковы тако жь таѧ села держати (Жалованная гр. великого князя Свидригайла Ленку Зарубичу, данная в Житомире в 1433 г., Укр. гр., № 69); попу косити до граници и до конца лѣса волчиского (Вкладная гр. 1440 г., Укр. гр., № 77); а так по нем и иншим всѣмъ протосинкгеломъ того заживати. (Перестерога, с. 213).

Без дат. п. действующего лица:

1) Ст.-рус. памятники: А ког[о] митрополит ѡбинит, ино ѡбидное ѡтдати (Моск. гр. 1402 г., Дух. дог. гр., № 19); А татѧ и беглеца выдати по исправѣ (Колом. гр. 1447 г., Дух. дог. гр., № 48); а приведу тферитина с полични к новгорочко посаднику. или к новоторжко. сути его по хртно челованью. а посула не взѧ с обѣ половинѣ (Новг. гр. 1426—1461 гг., Шахм. О языке, № 18); а буде тируну не до земли. ино мимо земца непродати (Двин. гр. XV в. Шахм. Исслед., № 36); А татѧ беглѣца по исправѣ выдати (Моск. гр. 1504 г., Дух. дог. гр., № 90, II (а)); а что которой приказщикъ доходу себѣ сберетъ, и то велѣти писати въ книги, и тѣ книги отдавати въ монастырскую казну, чтобъ архимариту и братьѣ было известно (Моск. гр. 1602 г. АЮБ, т. I, № 43); А приведутъ кого съ поличнымъ впервые, ино его судити, да послати про него обыскати (Суд. Ив. IV, с. 221); А которые земли за приставомъ въ судѣ, и тѣ земли досуживати. (Суд. Ив. IV, с. 253); А буде[т] о[н] куря уби[л] петуха, ино на не[м] взяти соро[к] а[л]ты[н], а за курицу две де[н]ги (Суд. Фед. Ив., с. 55); а у Спаса на царскомъ дворцѣ. да у Спаса Смоленскаго. да у Николы чудотворца у Каменнаго моста звонити и пѣти обѣдня въ полчаса дни (Стоглав, с. 63—64); а что попортилоса ино то наперед ести и в займъ давати и милостыню и нѫжнымъ (Домострой, с. 61); А будетъ кто кого чѣмъ обесчеститъ, и за бесчестіе чинити указъ (Улож. 1649 г., с. 30);

2) Ст.-бел. памятники: А ѡ што сопрутьсѧ суд[ь]и ѡ которыхъ делехъ, ино положыти на г[о]с[по]д[а]ра, короля и великого кн[ѧ]зя Казимира (Трок. гр. 1459 г. Дух. дог. гр., № 60); а со всихъ волостныхъ и селскихъ людей тотъ податокъ выбирать тымъ обычаемъ (Вил. гр. 1566 г. РИБ, т. XXX, кн. 7, № 99); У сведецстве жадного иншого закону не мети кроме хрестьянъ римского закону або греческого (Лит. ст. 1529 г., с. 68. Заголовок); А естли бы увяжному нечимъ платити, ино его за шию выдати (Лит. ст. 1529 г., с. 74); а то собѣ такъ оумовили што собѣ

придобоудоу[т] городы а любо волости то на полы подѣлити (Лет. Крас., л. 73об. См. также Лет. Рачин., с. 247); а был ѡбычаи того города: докуль не выидеть третꙗ часть днꙗ, ворот городовых не ѡтворать (Ист. о Гвид., с. 163);

3) Ст.-укр. памятники: законъ же бꙗше в Лꙗхо таков челꙗди нѣ имати ни бити (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 293об.); А коли их познаемо, што нам подобает учинити? Тое: внимати собѣ от них, не слухати их, ниже послѣдовати им (Виш. Книжка, с. 63); писано бо ест: Бога единаго боятися, а от человѣк не страшитися (Виш. Книжка, с. 82); по реченному Павлом апостоломъ: «невѣжду страхомъ спасати» (Пересторога, с. 221).

В отношении грамот уже отмечалось, что в них встречаются случаи, когда в дательном падеже стоит слово, обозначающее неодушевленный предмет. Фактический исполнитель действия, не названный дательным падежом лица, как бы устранен, действие, которое обозначает инфинитив, приобретает еще большую степень обязательности [71].

Примеры такого употребления дательного падежа при инфинитиве в других памятниках составляют исключение (приводим некоторые из них): А кто займет денги въ кабалу, въ ростъ, и на тѣ кабалы отписи безъ боярского докладу и безъ дiячей подписи не быти (Суд. Ив. IV, с. 208); А удѣлного Князя сынъ боярской бьетъ челомъ на Царева и Великого Князя человѣка, ино суду быти такожъ на Москвѣ (Суд. Ив. IV, с. 267); А будетъ исъ тѣхъ людей, которые мелницы вновь поставили, учнетъ кто бити челомъ государю, чтобы у нихъ мелницъ не ломать: и тѣмъ мелницамъ по ихъ челобитью быть (Улож. 1649 г., с. 24).

В восточнославянских грамотах XVII в., изредка и в других памятниках того же периода и более раннего — XVI в. (пример из Летописи Красинского) находим при инфинитиве частицу *бы*, которая выполняет не всегда одинаковую функцию: в одних случаях инфинитив с *бы* указывает на желаемое действие, в других — на обязательное действие, причем благодаря *бы* нет той категоричности, которая свойственна инфинитиву без *бы* [72]: а не дошло его въ окладъ трехъ сотъ сорока четьи, и намъ бы его пожаловати велѣти ему дати въ Перемышльскомъ уѣздѣ жеребей, деревни Микулиной, а въ ней пашни семдесятъ четьи, что было въ помѣстьѣ за нимъ же за Ондрѣемъ (Моск. гр. 1614 г., АЮБ., т. I, № 29, III); а что у тебя про Маринку и про Ивашка Заруцкого и всякихъ вѣстей будетъ, и тебѣ бъ, господине, о томъ къ намъ писати (Рус. гр. 1614 г., АИ, т. III, № 29); и вы протопопу велѣли быть на Верхотурьѣ до нашего указу; и намъ бы вамъ

[71] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. (Простое предложение), стр. 86—87:

[72] Ср. употребление сослагательного наклонения со значением желательности и со значением приказания: В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Простое предложение, стр. 89—90.

о томъ велѣти указъ свой учинити (Моск. гр. 1625 г., АИ, т. III, № 137); а Петрушка Кровопусковъ въ роспросѣ непытанъ сказалъ, что онъ то сукно купилъ въ нынѣшнемъ во 155 году на Москвѣ въ ветошномъ ряду у носящего человѣка безпоручно; и намъ бы о томъ велѣть указъ учинить (Моск. гр. 1647 г., АЮБ, т. I, № 55, X); и намъ бы его пожаловати во Ржевѣ Володимеровѣ Кузьминымъ помѣстьемъ Безобразова селцомъ Остолоповымъ, съ деревнями на двѣстѣ четвертей (Вил. гр. 1612 г., АЗР, т. IV, № 183); и вамъ бы тотчасъ тому посланнику нашому дать пристава, кормы и подводы (Копыс. гр. 1615 г., АЗР, т. IV, № 195); и мы тотъ листъ заразъ къ вамъ отсылаемъ, а вамъ бы его посломъ Московского господарства заразъ же отдать (Орш. гр. 1615 г., АЗР, т. IV, № 199); коли кнзи паны Лито[в]ское земли ко[г] посадѧ[т] на велико[м] кнже[н]и Лито[в]ско[м] а ва[м] бы ѿ Лито[в]ское земли не ѿстꙋпити ѿ вѣлико[г] кнзѧ Лито[в]ско[г] за г[с]дрѧ собѣ мѣти а мене ва[м] събѣ де[р]жати воево[до]ю докоу[л] кнзь вѣликыи на Литвѣ сѧде[т] на Ви[л]ни и на Троцѣ[х] (Лет. Крас., л. 89об.); И ему бы у насъ вся добрая творити, и закона бы нашего и устава ничѣмъ не разоряти, и своего бы ему злаго прироженія забыти, а намъ бы ему такоже неизмѣнно и непоползновенно служити (Пов. о Рос. царстве, с. 192); а себе бы им тем, царю своему турскому, нашею смертью слава залесть вечная во всю вселенную, а нам бы, християном, учинить укоризну вечную (Пов. об азов. взятии, с. 60); взять бы ныне нам Царьград взятьем из рук ваших бусорманских, убить бы против того вашего Ибрагима царя турского и со всеми его бусорманы погаными, пролити бы ваша кровь бусорманская нечистая (Пов. об азов. взятии, с. 70); Звал меня, госпожа моя лисица, крутицкой митрополит в подьеки, глас мой хвалил велми сам митрополит, а петь бы мне у него на омбоне дишкантом тонко и высоким гласом (Пов. о куре и лис., с. 196).

Как видим из приведенных примеров, господствует желательность, а не долженствование. Желательность особенно заметна в тех примерах из грамот, где излагается просьба того или иного лица к автору грамоты, от которого зависит выполнение этой просьбы. Во всех случаях стереотипная юридическая формула *и намъ бы о томъ велѣть. . .*

Отметим, что желательность с оттенком долженствования могла быть передана инфинитивом и без частицы *бы*: наипаче же. плакахꙋсѧ по немь лѣпшии моужи. Володимерьстии рекоуче добрыи ны гне. с тобою оумрети. створшемоу толикоую свободоу (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 303 об.).

Таков текст в Ипатьевском списке Галицко-Волынской летописи, относящемся ко времени около 1425 г. В Хлебниковском списке XVI в. и в Погодинском списке начала XVII в. вместо *добрыи ны гне*: *добро бы нам гсдне*. Благодаря включению *бы*

и замены *добрыи* словом *добро* предложение имеет более ярко выраженный оттенок желательности: хорошо бы нам, господин, с тобою умереть.

В повествовательных древнерусских произведениях широко представлены и инфинитивные предложения, в которых действие (или отсутствие возможности совершить действие) представляется н е и з б е ж н ы м в силу ряда причин (обычно они не указываются), как бы п р е д о п р е д е л е н н ы м: а се же чюдьнѣѥ ꙗко же пишеть въ отьчьскыихъ кънигахъ. *слабоу быти* послѣдьнюмоу родоу (Ж. Феод. Печ., л. 26в); писано ѥсть *ни* вьсемоу мироу *въмѣстити* пишемыхъ (Сказ. о Б. и Г., л. 22г); ре же имъ ѡльга люба ми есть рѣчь ваша. оуже мнѣ моужа своего *не крѣсити* (Лавр. л., л. 15); ре Добрына Володимеру. съгладахъ колодникъ. ѡже суть вси в сапозѣ. симъ дни намъ *не дати* (Лавр. л., л. 27); Гюрги же ре. поиде к Переꙗславлю. ту ти ѥму *прити*. да негли ту покоритсѧ (Лавр. л., л. 107); боꙗре же размолвиша Дюргѧ. рекоуче братоу твоемоу *не оудержати* Киева (Ипат. л., л. 143 об.); Изѧславъ же не послушавъ брата своего Стꙋослава. но ре ему браꙗ моꙗ воротившесѧ поидуть оу волость свою. а мнѣ *сѧ воротити*. (Ипат. л., л. 184 об.); Мстиславу же начаша дружина молвити что кнже стоиши поѣди из города. намъ ихъ *не перемочи* (Ипат. л., л. 194 об.) *быти* грому великому, *ити* дождю стрѣлами съ Дону великаго (Сл. о плк. Иг., с. 12); Жены Рускїя въсплакашась аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ *ни* мыслїю *смыслити*, *ни* думою *сдумати*, *ни* очима *съглядати*, а злата и серебра *ни* мало того *потрепати* (Сл. о плк. Иг., с. 20); Звонят колоколы вечныа в великом Новегороде, стоят мужи новгородцы у Святой Софеи аркучи «Уже нам, братие, на пособе великому князю Дмитрию Ивановичу *не поспеть*» (Сл. о Кулик. битве, с. 34); а скрегчюще зубы своими и дерущи лица своа, аркучи: «Уже нам, братие, в земли своей *не бывати*, а детей своихъ *не выдати*, а катунь своих *не трепати*, а *целовати* нам зелена мурава, а в Русь ратью *не ходити*, а выхода нам у русских князей не прашивати» (Сл. о Кулик. битве, с. 40); Да не подиви, царю, *не успевати наливати* чаш на великую силу — рать татарьскую (Пов. о раз. Рязани, с. 14).

И в старорусских, старобелорусских и староукраинских памятниках распространены инфинитивные предложения с указанным значением.

С т. - р у с. памятники: Отнюдъ ничему тому *не бывати*, православнїи, что сыну здѣ у насъ живати (Пов. о Рос. царстве, с. 202); *Потерять* вамъ под Азовым городом турецких голов своих многия тысящи (Пов. об азов. взятии, с. 71); *Быть* тому

так за божиею помощию (Аввакум. Житие, с. 75); И король Марко-брун почел говорить: «Государыня прекрасная королевна Дружневна, уже тебе отцу своему и матери своей *не пособить*, а тужишь — лишь живот свой надсажаешь» (Сказ. про Бову, с. 464); А ныне твой есмь раб до смерти и добра *хотети* (Пов. о куре и лис., с. 195); *Бы* бычку на веревочке (Пословицы XVII в., л. 329 об.); Всего свѣта *не захватить* (Пословицы XVII в., л. 333 об.); *Не быва* калине. малиною (Пословицы XVII в., л. 359 об.); На сѣслѣ пива *не угодать* (Пословицы XVII в., л. 359 об.); ѿ смерти и по каменемъ *не скрытся* (Пословицы XVII в., л. 376 об.); Шила в мѣхѣ. *не утаить* (Пословицы XVII в., л. 379).

Ст.-бел. и ст.-укр. памятники: Не только намъ того *не урозумѣти*, але такого господарского отъѣханья всему свѣту *не вмѣстити* (Вестов. отписки Кмиты 1573—1574 гг., № 58); То имъ была ѡдная ворожбитка поведила: вам *погинути* ѡт короля Мелиадуша двора (Пов. о витязях, с. 13); а Галиѡт рек: То естъ большыи, которыи по свѣте слывет, тут ми *прынати* смерть, або *быти добрым человеком* (Пов. о витязях, с. 83); и помыслилъ есмь. помалѣ и на тамо *поити*. где ѡци и братїа наша (Духовная гр. киевского князя Андрея Владимировича 1446 г., Укр. гр., № 83).

Немногочисленны случаи употребления инфинитива со значением возможного, не ограниченного определенным отрезком времени действия. Все эти случаи (ниже приводим несколько примеров) с глаголами движения: [и] по Ловоти *внити* в—Ылмерь ѡзеро великое (Лавр. л., л. 3); и по тому морю *ити* до Рима а ѿ Рима *прити* по тому же морю ко Цр҃югороду (Лавр. л., л. 3); а ѿ Цр҃агорода *прити* в Поноть моря (Лавр. л., л. 3).

И в поздних памятниках находим примеры с инфинитивными предложениями такого же значения.

Они характерны для путешествий XV—XVII вв.: Отселѣ выходятъ пути на Великое море: на право *поидти* ко Святой горѣ, и къ Селуню, и ко Арменской землѣ, и къ Риму: на лѣво же ходятъ правовѣрніи ко Іерусалиму (Пут. Зосимы, с. 63); Отъ Рамли *идти* пять верстъ, ровно и красно до Іерусалима, а отсюды *полѣсти* въ горы (Пут. Зосимы, с. 65); И поклонихомся ту. А позади олтаря храма Воскресенія Христова, внизъ, *идти* сорокъ ступеней, гдѣ крестъ Господень обрѣла Благовѣрная Царица Елена, и того креста тамо нѣтъ (Пут. Гогары, с. 113); И оттуда *идти* до Галиполя града два дни, а отъ Галиполя до широкаго моря Бѣлаго же день ходу (Пут. моск. купцов, с. 137); Сухимъ путемъ ходятъ на Дамаскъ градъ; и оттолѣ до Дамаскаго града три дни, а ходятъ на ослятѣхъ, а *идти* по заразамъ и по горамъ каменнымъ, а путь вельми труденъ (Пут. моск. купцов, с. 137); А стоитъ

монастырь на край юдоли плачевной, которая пошла отъ Іерусалима въ море Садомское, а *идти* тою юдолью плачевною до моря до Садомского, идѣ же погубилъ Господь Содомъ и Гоморъ за беззаконія ихъ, на 50 верстъ (Пут. моск. купцов, с. 148).

Глаголы *видѣти*, *слышати*, *чути*, *знати*, *вѣдѣти* без глагола *єсмь* — *быти* при них, как и в случаях с этим глаголом в форме 3-го лица ед. ч. (см. выше), могут иметь значение н е о б х о д и м о г о или в о з м о ж н о г о действия, приуроченного к прошедшему, настоящему или будущему времени: єсть бо мала гора надълежащи надъ манастырьмь тѣмь. и чл҃вкоу томоу тоуда въ нощи по нєи ѣдоущю и се *видѣти* томоу чюдо испълънь оужасти (Ж. Феод. Печ., л. 55г); бѣ бо исхитрилъ Изаславъ лодьи дивно бѣша бо в нихъ гребци невидимо токмо весла *видити*. а чл҃вкъ бѫшеть не видити (Ипат. л., л. 153 об.); Игорь же р҃е братьи. и дроужино. таины Б҃иа никто же не вѣсть. а знамению творѣць Б҃ъ и всемоу мироу своемоу а намъ что створить Б҃ъ. или на добро или на наше зло. а то же намъ *видити* (Ипат л., л. 223—223 об.).

В памятниках восточнославянской письменности XV—XVII вв. различных жанров тоже встречаем инфинитивные предложения с названными выше глаголами: и ту молилася ⟨Святая Богородица⟩ Сыну своему, и до нынѣ *знати* мѣсто то, идѣ-же клала поклоны на мраморе (Пут. Зосимы, с. 64); а поверхъ тоя горѣ *видѣти* стоитъ Ноевъ Ковчегъ, а потому его *знать*, что концами стоитъ на двухъ горахъ (Пут. Гогары, с. 111); Верху-жъ воды по морю 12 путій *знати* (Пут. моск. купцов, с. 152); Когда от века *слышать*, еже бы мертвый что доброе сотворил? (Аввакум. Письма, с. 221); А учителя твоего, Григорья, что *не слышать*? Жив ли он, бедниньКой (Аввакум. Письма, с. 223); Того же лѣта быша знамениа многа и мгла велика за две сажни *не видѣти* (Лет. Акад., л. 154 об.); то [ж] бы[с] Б҃гъ мрѣзко *зрѣти* (Лет. Акад., л. 180); а Годуна с царства своего Московского согналъ, и *не ведати* где ся Годунъ поделъ (Лет. Баркул., л. 169 об.); повѣдилъ, ижъ дей того *не слыхать* (Вестов. отписки Кмиты 1573—1574 гг., АЗР, т. III, № 58); съ Смоленска приставщики Смоленкіе (*не вѣдати*, што тому за причина) людей всихъ съ селъ съ заграничья до Смоленска выгоняютъ (Вестов. отписки Кмиты 1573—1574 гг., АЗР, т. III, № 58); по том *познати* доброго рыцэра, иж за их великую смѣлость ѡни носать два мечы (Пов. о витязях, с. 28); Рекъ Блерыжъ Бланору: ѠНо рыцэръ с ким ти сѧ бити, але *знат* по немъ, иж добрыи по седенью и на ношенью оружѧ (Пов. о витязях, с. 63); бо лѣпе᷑ заправды е᷑ст нагле нава᷑ностю згинѫ᷑т, нижли псова᷑е нашего людꙋ *видѣ* (Александрия, с. 70); А *знать*, если бы хто што строхи и знал, як южь досягнет стиха якого басней аристотельских, тогды южь Псалтири читати ся соромѣет (Виш. Послание Домникии, с. 163).

Следы такого старинного употребления находим и в современных русском, украинском и белорусском языках [73].

Представлены в древнерусских памятниках и безличные инфинитивные предложения, в которых инфинитив, как и в случаях с глаголом *єсмь—быти*, имеет значение действия, которое *случится* (*случилось*) или которое *доведется* (*довелось*), *приведется* (*привелось*), *будет нужно* (*было нужно*) *совершить*: и многымъ ѿ вельможь *приходити* к немоу блвлениа ради (Ж. Феод. Печ., л. 36г); помагающѣ томоу стомоу дхоу. и црквь же великоу камениємь *възградити*. въ имѧ стыа бца и приснодвыа мариа (Ж. Феод. Печ., л. 60в); се же такоже и по млтвѣ томоу самомоу начатъкъ копанию *положити* (Ж. Феод. Печ., л. 60г); си же начаша заводити и негодовати дружины своеа первыа. и люде *не доходити* кнѧже правды (Лавр. л., л. 72 об.); рѣша ты намъ братъ стариши. аже ты не даси а намъ самѣмъ ѡ собѣ *поискати* (Ипат. л., л. 115); Изѧславъ же то видивъ. реть дроужинѣ своеи. оуже ми толико *доехати* с гостьми. съ Оугры и с Лѧхы. а оуже дроужина моа пострашена (Ипат. л., л. 146); река ему сну мнѣ с кимъ Рускую землю *оудержати* с тобою. а поѣди сѣмо (Ипат. л., л. 172 об.); и то видивши и оубоѧшасѧ. рече оуже сѧ имъ всѧко *совокѹпити* на ны с Галичаны. и с Черными Клобукы (Ипат. л., л. 204 об.);

Приведем несколько примеров такого употребления инфинитивных предложений из памятников восточнославянской письменности XV—XVII вв., где оно тоже встречается не часто: А жити в Гундустанѣ ино вся собина *исхарчити*, зань же у нихъ все дорого (Хож. Аф. Ник., л. 386 об.); А кому поклонитися Гробу Господню, тому *дати* златыхъ денегъ, Венетическихъ флоринъ. То еще колико на пути Арапомъ *давати*, *откупати* путь отъ Рамли ко Иерусалиму, то еще сторожемъ *давати*, 15 стражей у Гроба Господня приставлено, лютыхъ Сразинъ (Пут. Зосимы, с. 65); А буде государь нас, холопей своих далных, не пожалует, не велит у нас принять с рук наших Азова града, — заплакав, нам ево *покинути* (Пов. об азов. взятии, с. 81); Быть богату *быть* и *рогатѹ* (Пословицы XVII в., л. 328); а на людех пити, ино побои *терпети* (Сатиры о пьянстве, с. 77); А Ижота рекла Брагини: Поехал пан Трыщан битвы искати и там мусит несколко ран мѣти, а того былиа мало, чым раны лечыти; а так *поехати* мнѣ або тобѣ зѣльа того искати (Пов. о витязях, с. 89); длѧ того вѣда'те на° ѧ муже на вспоможе'е вам вскорѣ *при'ти* (Александрия, с. 61); И много ся трафляет, як двом борцем

[73] См.: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 396—397; Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3, стр. 318.

боручимся: то тому, то сему навръх *выскочити*, а того под себе *подгибати*, то тому зас зысподу *вымкнутися* и верхового наспод *перевернути* (Виш. Книжка, с. 40).

В следующем примере восклицательное инфинитивное предложение *много ѡ то писати* говорит о возможности и в то же время нежелательности действия, которое поэтому и не совершается: Бъ бо казнить чл҃вка чл҃вкмъ. тако наведе Бъ сего бесурменина злого за неправду нашю. мню бо и кнзи ради зане живѧху в котора межи собою много ѡ то писати. но то ѡстави (Лавр. л., л. 170).

Сходные инфинитивные предложения (с глаголом *говорить — мовити*) стали, по-видимому, принадлежностью высокого стиля, причем они могли быть не только восклицательными, но и вопросительными, и повествовательными.

Их встречаем, в частности, у протопопа Аввакума, преимущественно в тех местах его сочинений, где господствует книжная речь, у И. Вишенского: Много о тех кознях говорить! Егда поставили патриархом, так друзей не стал и в крестовую пускать (Аввакум. Житие, с. 64—65); А што много говорить? Плюнуть на действо то и на службу ту их, да и на книги те их новоизданныя, — так и ладно будет! (Аввакум. Житие, с. 85); Много про то говорить! Бывал и в иноземских руках (Аввакум. Житие, с. 87); О том много говорить. Бог их простит! (Аввакум. Житие, с. 95); Зело у него во Христа горяча была вера! Да что много говорить? — как начал, так и скончал! (Аввакум. Житие, с. 99); Да што много говорить? аще бы не были борцы, не бы даны быша венцы (Аввакум. Житие, с. 108); Але што мовити много, благодарю бога за твердость и сталость вашу (Виш. Книжка, с. 16); И што много мовити, в том глаголѣ видѣлем явного фарисея (Виш. Книжка, с. 17).

Для памятников XVI—XVII вв. характерно значительное число случаев употребления восклицательных и вопросительных инфинитивных предложений, разнообразных по значению. Их находим в полемических произведениях, в повестях, в письмах (Ивана IV и Курбского). С исключительным умением использованы эти предложения протопопом Аввакумом — и в полемике с никонианами, и в поучениях староверам, и при передаче живого диалога.

XIII. Безличные предложения с именной формой причастия страдательного залога

Безличные предложения с именной формой причастия страдательного залога занимают в древнерусских памятниках скромное место по сравнению с другими безличными предложениями,

что уже отмечалось в отношении древнерусских грамот [74]. Если к числу случаев с причастием настоящего времени отнести даже примеры с адъективировавшимися причастиями *вѣдомо* и *съвѣдомо*, то все же следует признать полное господство предложений с причастием прошедшего времени.

Значительный рост безличных предложений с причастием прошедшего времени страдательного залога (как правило, — от глаголов совершенного вида) мы наблюдаем в восточнославянской письменности XV—XVII вв. Особенно заметен этот рост в старобелорусских и в староукраинских памятниках.

При причастии мог быть употреблен глагол *ѥсмь — быти* в прошедшем, настоящем и будущем времени (редко — в повелительном наклонении), причастие могло и не иметь при себе этого глагола в 3-м лице ед. ч.

Мы не останавливаемся здесь на значении причастных форм (со связкой и без связки). Это не является предметом нашего исследования.

Отметим, что рассматриваем лишь те предложения, где бесспорная безличность — нет имени существительного в им. п.

Таким образом, случаи, когда причастие имеет форму среднего рода ед. ч., характерную для безличных предложений, и не согласовано с именем существительным в им. п., не составляют предмета нашего исследования [75].

В древнерусских памятниках при причастии обычно не называется действующее лицо. Приведем несколько примеров: *приказано боудѣте* добрымъ людѣмъ (Смол. гр. 1229 г., сп. А., Сум. и Лоп., с. 20. См. также сп. В, С); како *боудеть* всѣмъ *вѣдомо* (Смол. гр. 1229 г., сп. В., Сум. и Лоп., с. 25. В сп. А и С имеется подлежащее *то*); а что *взѧто* товара новгородьского или купецьского или гостиного или по всеи волости новгородьскои. а того всего новоугородоу не поминати (Новг. гр. 1314 г., Шахм. О языке, № 12); а за жеребець. оже *не въсѣдано* нань. то гр҃на коунъ. (Рус. пр. 1282 г., л. 619 об.); ꙗкоже *оуставлено есть* преже (Лавр. л., л. 12 об. Договор 945 г.); *бѣ* бо ѥму *възвѣщено* преже дн҃емь ѥдинѣмь (Лавр. л., л. 70 об.); а что *изъимано* людеи черны. и з женами и з дѣтми. то все попровадилъ прочь (Лавр. л., л. 170); ѡ немже *бѣ* в заднихъ лѣтѣхъ *писано* (Ипат л., л. 118); и посла к Новгородцемъ. река имъ *вѣдомо буди*. хочю

---

[74] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение), стр. 81. — Из встретившихся в грамотах 23 случаев (см. стр. 73—74) большинство принадлежит XV—XVI вв.

[75] По нашему мнению, в этих случаях — отсутствие согласования и примеры не относятся к безличным предложениям. См. примеры из древнерусских памятников и из народных говоров: В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. (Простое предложение), стр. 74—76; В. И. Борковский и П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Изд. 2, доп., стр. 422—425.

искати Новагорода. и добромъ и лихомъ (Ипат. л., л. 182—182 об.); и *повелѣно бѣ* оубо бл҃женоуоумоу ѳеѡдосию. предъстоꙗти и слоужити (Ж. Феод. Печ., л. 30в); и *заповѣдано* же *бысть* по всеи странѣ тои. аще къде видѣвъше такого отрока. да пришьдъше възвѣстите мт҃ри ѥго (Ж. Феод. Печ., л. 31г); и *възвѣщено бысть* старьцю о неи (Ж. Феод. Печ., л. 32а); жена же ѥго ꙗко же *бѣ* ѥи *повелѣно* хожаше предъ нимь (Ж. Феод. Печ., л. 34в); и си видѣвъ и слышавъ. въспраноувъ ѿ съна поути сѧ ꙗтъ. ꙗко же *повелѣно* ѥмоу *бысть* (Сказ. о Б. и Г., л. 22в); ꙗко же въ ст҃ыхъ евангл҃иихъ. *писано* ѥсть ни вьсемоу мироу въмѣстити пишемыхъ (Сказ. о Б. и Г., л. 22г); а сицеи *рати не слышано* (Сл. о плк. Иг., с. 17); *Ведомо* намъ, братие милыи, што де у быстрого Дону царь Мамай пришел на Рускую землю, а идет к нам в Залескую землю. (Сл. о Кулик. битве, с. 33); и ре҃ гь ко а҃глмъ свои̯ правили есть тако копати адамоу како емоу *е҃ соу҃жено* (Сл. о Адаме и Еве, с. 11).

Действующее лицо называлось или словом в тв. п. или словом в род. п. с предлогом *отъ*: 1) ꙗко *ре҃ бы* дрѣвлѣ. і҃соу наоугиноу бм҃ь. (1-я Новг. л., л. 121 об.); вела имъ оучити люди. понеже тѣмь *есть поручено* Бм҃ь (Лавр. л., л. 52); 2) и ѿ т҃ѣ *заповѣдано* ѡбновити ветъхии миръ. (Лавр. л., л. 11 об. Договор 945 г.); то никтоже ва҃ не можеть вредитисѧ. оубити. понеже *не буде҃* ѿ Ба҃ *повелѣно*. (Лавр. л., л. 83); отъвѣщаваше ѥмоу сице. рѣхъ ти ꙗко *повелѣно ми* ѥсть отъ игоумена. ꙗко аще и кнꙗзь приидеть не отъврьзи вратъ (Ж. Феод. Печ., л. 40в).

В древнерусских памятниках, насколько позволяют судить немногочисленные примеры, первый способ указания на действующее лицо не был господствующим в безличных предложениях с причастием страдательного залога.

Как уже отмечено выше, в старорусских памятниках безличные предложения с причастием страдательного залога получили широкое распространение. Находим большое их число и в деловой письменности, и в письмах Курбского, и в сочинениях протопопа Аввакума, и в других произведениях. Часть примеров стереотипна: *писано* (*написано*) там-то, *как писано* (*написано*) *выше* (*ниже*).

Приведем некоторые из имеющихся в нашем распоряжении примеров с причастиями, преимущественно от различных глаголов: А въ книгахъ писма Тимоѳѣя Михайлова сына Оѳонасьева съ товарыщи *написано*: дана грамота Олѳерку Филимонову, да Васюку Иванову, да Елохѣ Иванову сыну на Кудмо озеро да на пустошь (Моск. гр. 1540 г., АЮБ, т. II, № 173 ,V); а сказываетъ, что деи *велѣно было* Плесскіе волости крестьяномъ Исачку

Захарову да Самку Павлову наша служба служити (Моск. гр. 1556 г., АЮБ, т. I, № 41, II); *Писано* на Москвѣ, лѣта 7097 Марта въ 8 день (Моск. гр. 1589 г., АИ, т. I, № 225); И вам *бы*, господа, про то *было вѣдомо* (Рус. гр. 1614 г., АИ, т. III, № 34); а по правиломъ мирянину двоеженцу. до урочна времени. въ церковъ не входити. а троеженцу наипаче *запрещенно* (Стоглав, с. 52); ѡ чемъ *послано*, то и памет҃и (Домострой, с. 33); Яко же *речено бысть* въ Старчествѣ о Иванне Коловѣ (Письма Ив. IV, л. 86); а наипаче такъ ото многихъ священныхъ словесъ *хватано* (Письма Курб., с. 113); а вкругъ тоя малыя церкви *обито* дцками мраморными и узорчатыми (Пут. моск. купцов, с. 138); а старцы Греки и міряне и Арабы вѣрные пойдоша на свое мѣсто, гдѣ имъ *уготовано* (Пут. Гогары, с. 119); И *повѣдано быть* объ немъ скиѳетродержателю (Пов. Кат.-Рост., с. 570); и про такое войско николи *не слыхано* (Уч. и хитр. рат. стр., с. 18); *чтено*, чтобы то все уложенье впредь было прочно и неподвижно (Улож. 1649 г., с. 6); какъ *писано* выше сего (Улож. 1649 г., с. 41); Дивно только — человек; а что ж ангел? ино нечему дивитца — везде ему *не загорожено* (Аввакум. Житие, с. 66); Перемена ему пришла, и мне грамота: *велено* ехать на Русь (Аввакум. Житие, с. 83); И царю Алексею *говорено* о том (Аввакум. Письма, с. 291); Нашему Мине. *начасоно* в спине (Пословицы XVII в., л. 359).

Следует подчеркнуть, что в старорусских произведениях тв. п. действующего лица встречается реже, чем род. п. с предлогом *отъ*, так как этот родительный, почти неизвестный памятникам деловой письменности, употреблялся в произведениях высокого стиля, преимущественно в определенных словосочетаниях: 1) Тако же *реченно* и божественнымъ Лукою при концѣ его евангелія (Письма Курб., с. 361); на четвертый же день *повелѣнно бысть* болѧры трупъ его зжещи на всполі и града во адѣ, его же самъ при животѣ своемъ сотвори (Пов. Кат.-Рост., с. 581); По благословению отца моего старца Епифания *писано* моею рукою грѣшною протопопа Аввакума (Аввакум. Житие, с. 53); *Писано* моею рукою грешною, сколько бог дал, лутче тово не умею (Аввакум. Письма, с. 225); 2) тому Тимохе *писано* отъ государя нашего отъ боярина и конюшего и намѣсника Казанского отъ Бориса Федоровича Годунова (Моск. гр. 1588 г. РЛА, № 397); яко, чрезъ Езекеиля зрится, отъ Бога *заповѣданно* (Письма Курб., с. 438); да рекутъ такъ: и отъ Бога *написано*, комуждо по дѣлом его (Пересветов, с. 62); Цѧрь же книги прочетъ; іно *написано* от Бога с великою клятвою: Отведет царь войско свое на иноплеменническую землю и тамо кровь пролиет християнскую, и та кровь на цари в'зыщется (Пересветов, с. 71); Толко отначалнаго полевого воеводы всѣмъ государемъ не такъ *приказано* (Уч. и хитр. рат. стр., с. 24); А с Москвы от Никона *приказано* ему мучить меня (Аввакум. Житие, с. 69).

По-видимому, род. п. с предлогом *отъ* позволял указывать не непосредственно действовавшее лицо, а лицо, предписавшее то или иное действие, установившее определенный закон. Писал Тимохе, конечно, не сам Годунов, а другое лицо по его приказанию. Написано не богом, а теми, кто изложил христианское учение, ссылаясь на бога [76].

А. А. Потебня привел в свое время пример из Домостроя, в котором при причастии страдательного залога, бесспорно, стоит винительный падеж (форма родительного падежа, поскольку предмет одушевленный): и *скорбново* словом *ползовано* [77].

Не вызывают сомнений и отдельные примеры, отмеченные П. С. Кузнецовым в русских памятниках XVI—XVII вв., поскольку форма вин. п. имени существительного не совпадает с формой им. п.: и в то же время у них подкопом *воду отнято* (Курбский); и *болшую половину* войста пѣшого ко штурму *послано* (Курбский); *збирано*. . . сперва *дватцатую денгу* потом *десятую денгу*, не по одинъ год (Котошихин) [78].

В наших материалах находим еще примеры: А еже пишеши, аки бы *царицу твою счаровано* и *тебя* съ нею *разлучено* отъ тѣхъ предреченныхъ мужей и отъ меня, — азъ ти за оныхъ святыхъ не отвещаю, бо вещи вопіютъ, трубы явленнѣиши гласъ испушающе, о святынѣ ихъ и добродѣтели (Письма Курб., с. 132); Что Углицкимъ учинено и Ярославичемъ и прочимъ единые крови, и како *ихъ* всеродне *заглажено* и *потреблено*? Еже ко слышанію тяжко, ужасно! (Письма Курб., с. 133); но и паче слово простираетъ и слогъ ко слогу прилагаетъ по наученію дьяволю, како Борисъ повелѣ ево убити,. и како *его* ото убивства *соблюденно*, и како крыяся по всѣмъ странамъ окрестнымъ, и како достиже Кіива (Пов. Кат.-Рост., с. 570).

Приведенные примеры, а также употребление в севернорусских (изредка в среднерусских и южнорусских) говорах формы вин. п. при причастии прошедшего времени страдательного залога (*рубашку взято* и т. п.) позволяют предположить, что указанный оборот не был чужд русскому языку XV—XVII вв., но и не имел в нем широкого распространения, хотя и встречал поддержку в старобелорусских и староукраинских памятниках,

[76] Ср. высказанное Р. Мразеком предположение, что «в таких коммуникативных ситуациях, где необходимо было при пассиве четко обозначать собственного инициатора действия, ставилось иное синтаксическое средство, а именно род. п. с предлогом *od/ot*, *отъ*, при осмыслении аблятивном (=идея исходного пункта, от которого действие исходит, ведет свое начало, свою причину)» (Р. Мразек. Синтаксис русского творительного. (Структурно-сравнительное исследование). Praha, 1964, стр. 156).

[77] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III, стр. 435.

[78] П. С. Кузнецов. Из истории сказуемостного употребления страдательных причастий в русском языке, стр. 38; он же. К вопросу о сказуемостном употреблении причастий и деепричастий в русских говорах, стр. 72—73.

в частности, в деловой письменности. В дальнейшем он окончательно был вытеснен из литературного языка, сохранившись лишь в диалектах (преимущественно западной и восточной группы) [79].

Большой рост безличных предложений с причастием прошедшего времени страдательного залога в старобелорусских и старо-украинских памятниках вызван в первую очередь тем, что при причастии стала возможной постановка прямого дополнения. Эта конструкция могла заменить и личную конструкцию с тем же причастием и конструкцию с переходным глаголом и прямым дополнением.

Показательно, что исследованные ранее 95 украинских грамот, помещенные в труде В. Розова [80], не содержат ни одного бесспорного случая употребления отмеченного выше безличного предложения, характерного для современного украинского языка [81]. Между тем среди грамот имеются и грамоты первой половины XV в. и первого десятилетия второй половины XV в.

Приведем несколько примеров из старобелорусских и старо-украинских памятников, где нет указания на действующее лицо (в тв. п. или в род. п. с предлогом *отъ*), нет и прямого дополнения: 1) ѣкъ ѕ верхѕ в семъ моемъ листе *выписано* (Могилев. гр. 1533 г., Arch. Sang, т. III, № 437); И тобе *бы*, брату нашому, о томъ *было ведомо* (Западнорус. гр. 1542 г., РИБ, т. XXX, кн. 2, № 10); а из Нѣмець ми ѣвлено что Нѣмци записалиса на на[с] (Лет. Акад., л. 173 об. См. также Лет. Крас., л. 74 об.); а жо[п]ка[м] двѣма *при[з]волено было* ходити до комнаты кнгню с ни[м] поклада[ти] (Лет. Крас., л. 77. См. также Лет. Рачин., с. 252); мает войну служити тымже обычаем как вышше *поставлено* (Лит. ст. 1529 г., с. 13); а они не повинни ей будуть посагу дати, яко в тых правех *описано* (Лит. ст. 1529 г., с. 29); И такъ намъ *отложоно* до заплаты зъ скарбу, ведля истотъ королевскихъ (Дневн. Евлаш., с. 148); Мнѣ *росказывано* о всихъ, хто былъ на съѣздѣ Рудницкомъ и хто не былъ (Вестов. отписки Кмиты 1573—1574 гг., № 58); рече ісъ ка *речено есть*. речеть пила как *речено есть*. (Страсти Христовы, л. 19 об.); [В] той часъ *повѣдано* цареви филипови, ижъ а[р]мениа проти ему се бурила (Александрия, с. 34); 2) ѡ кнази Василы *невѣдомо есть*. (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 264); подлугъ того ѣко *выписано* оу первыхъ листѣхъ: такѣ ж мы слюбуемы ннѣ и слюби[ли] есмы (Ланч. гр. 1433 г. Укр. гр. № 68); и ѡныи границы по

[79] В. И. Борковский и П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка, изд. 2, стр. 426—427.

[80] В. Розов. Українські грамоти, том перший, XIV в. і перша половина XV в. У Киеві, 1928.

[81] В. И. Борковский. Безличные предложения в древнерусских грамотах XIV—XV вв. южного происхождения, стр. 369—371.

тым врочищам приїмꙋю, ꙗкъ в листех наших *выѡбражено* (Львов. гр. 1537 г., Arch. Sang., т. IV, № 84); не ко попом, мовит, *речено* (Вишн. Книжка, с. 74); Он же, востав от сна, удивися явленню и абие устремися на ловленне рыб в реченную оную страну, идеже ему *узнаменанно быст* (Вишн. Книжка, с. 125); Кирилл Луцкій упалъ у хоробу, поѣхалъ до Сендомира на лѣкарство; *дано* потомъ знати, жебы мѣлъ умерти (Пересторога, с. 210); *Оповѣдено*, ижъ звѣзды зъ неба спадутъ (Пересторога, с. 321); На жадномъ соборномъ канонѣ *не положено*, абы папежъ головою мѣлъ быти постановленъ надъ патріархален (Пересторога, с. 324).

И в старобелорусских и в староукраинских памятниках (см. сказанное выше о старорусских памятниках) часть примеров стереотипна: ꙗкъ *описано* (*выписано*) там-то.

Старобелорусские и староукраинские памятники говорят о некотором преобладании конструкций с *отъ* и род. п. над конструкциями с тв. п.

Приведем примеры с тв. п. из старобелорусских и староукраинских памятников: 1) которыми тремя шестьдесятъ тысячъ войскъ Московскихъ съ Серебряными и съ царевичи отъ Орши *прогнано* (Вестов. отписки Кмиты 1573—1574 гг. № 78); И король рек: Не проси, але сам ѡзми: ничого ти мною *не заборонено* (Пов. о витязях, с. 11); Пан Трыщан рек: Панно *зафалено* ти *буди* всими витези и паннами, што еси рада ѡтвести витеза ѡт легкости (Пов. о витязях, с. 94. См. сходный пример на стр. 108 и на стр. 112); *тѡповедано* емꙋ голосо*м* господна. (Страсти Христовы, л. 29. На том же листе — сходный пример); 2) рекшоу ему. тако пиръ золъ есть. ꙗко *свѣщано есть* безбожнымъ твоимъ боѧриномъ Филипомъ. и братоучадомъ твоимъ. Ѳлександромъ. ꙗко оубьеноу ти быти (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 258 об.); Росказаньемъ Вселенского патріарха двоженцѣ *выволано*, ереси *выклято* (Пересторога, с. 223); Анаѳемы ся тежъ боимо за то, гды быхмы над то[што] южъ *подано* и сѵнодами *приказано*, мѣли приймати (Палин. Копыст., с. 321).

Примеры с *отъ*: 1) С т. - б е л. памятники: А къ тому тежъ *дано* намъ отъ старостъ нашихъ украинъныхъ знати (Западнорус. гр. 1542 г. РИБ, т. XXX, кн. 2, № 10); А въ наказѣ намъ *дано* отъ ихъ милости пановъ радъ и отъ всихъ становъ сеймовыхъ коруны Польской и великого князства Литовского, штобы мы съ вашими послы зъѣхалися (Копыс. гр. 1615 г. АЗР, т. IV, № 196); Въ тотъ часъ *побито* отъ Москвы много множество почту царя Дмитра Ивановича, люду зацного (Лет. Баркул., л. 170 об.); Того року 1578, 22 октобра *побито* отъ нашихъ Москвы подъ Кесю о два (пробел в подлиннике) и арматы немало *побрано* (пробел в подлиннике) (Дневн. Евлаш., с. 140); Пан Трыщан рекъ: Панна *дѧковано* ти *будь* ѡт всих витезеи, што еси

рада ѡстеречы витезА ѡт легкости (Пов. о витязях, с. 94); бо и на ѿ него *приказано есть* (Страсти Христовы, л. 32 об.); бо и ва теперь а ни оуказоватисе а ни с вами говорити могли бы есмо. то *бы* ѿ стго дха *не было* на ѿпоущено. (Страсти Христовы, л. 32 об.); 2) Ст.-укр. памятники: Где который з вас священство по закону узаконенному постигл? Тое и сами признаете, иж от вас *згвалчено ест.* (Виш. Книжка, с. 62); вѣдомость *дано* патріарху отъ Володимерского (епископа) Мелетія, же тое ся стало Грегоркови отъ Луцкого (Пересторога, с. 208); *Выслано* отъ короля, заручаючи пану воеводѣ Кіевскому, абы того Никифора на сеймѣ поставилъ (Пересторога, с. 217); што *отповѣдено* отъ тыхъ святыхъ въ артикулѣ роздѣлу сего второмъ (Палин. Копыст., с. 405); кгды ему отъ Христа *было речено* (Палин. Копыст., с. 468); и штобы колвекъ ему *обѣцано*, любъ *дано* отъ Христа Господа *было* (Палин. Копыст., с. 483—484).

В современных литературных русском, белорусском и украинском языках безличная конструкция с *от* не употребляется.

Как сказано выше, в старобелорусских и староукраинских памятниках широко представлены безличные предложения с причастием, при котором имеется прямое дополнение.

Приведем несколько примеров из числа встретившихся нам многочисленных случаев в старобелорусской письменности XV—XVII вв. Отмечаем только те примеры, где форма вин. п. не совпадает с формой им. п.: и *самого вдарено* каменемъ; и *жонѕ* его *слѕгъ* его бито (Вил. гр. 1510 г. Лит. метр., т. I, кн. 1, № 40); И ты данники пана воеводины слалися на светки на люди добрые, какъ *ихъ бито* и ѡграблено (Вил. гр. 1514 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 143); Року [15] 64 *послано* на межу до двора господарского Лунъное *детей боярскихъ*: *Девятого Иванова Татишчова* а *Василя Иванова Бунакова* (Западнорус. гр. 1564 г, РИБ, т. XXX, кн. 7, № 75); *Илю Шашкевича отправлено* з листомъ пана его милости отвороным о стацею до Мереча (Западнорус. гр. 1565 г., РИБ, т. XXX, кн. 7, № 85); Естлиж *чыего человека поимано* з лицомъ, того маеть вести до его пана (Лит. ст. 1529 г., с. 99. Заголовок); И приказа[л] сыну своему жебы по сме[р]ти его на то[м] мѣ[ст]цу гдѣ бы его зъжогъ *всихъ кнАзе*[*и*] *Лито*-[*в*]*скихъ* и *знамениты*[*х*] *бо*тл[*р*] *сожъжено было* (Лет. Рачин., с. 234—235); королю Жыкгимонту ѕродиласА до[ч]ка с королевое Ба[р]бары в По[з]нанью *которую названо* Едвига (Лет. Рачин., с. 280); Того [ж] року *цара* Завольского *пущоно* з Литвы по велицэ дни которы[и] седѣлъ в Литвѣ (Лет. Рачин., с. 285); а *побито и*[*х*] на врочыща[х]. на Голъвѣ и на Полозорьи (Лет. Рачин., с. 286); *взято* на кролевство Полское кролемъ *кролевича швецкого* (Лет. Баркул., л. 142); *постановлено* на владычество *Гедеона*, а первый *звано его* Миколаемъ (Лет. Баркул., л. 163); Там же *того Самуила убито* (Лет. Баркул.,

л. 163 об.); *отца* дей *убито* (Сп. татар дом., с. 1368); *приставовъ* на границу *выслано* (Вестов. отписки Кмиты 1573—1574 гг., № 58); там же суседа моего *Михайла Зверова*, *москвитина*, *поймано*, и *обвешоно* (Дневн. Евлаш., с. 145); *отдано* тежъ потомъ *сестру* ихъ милости, *панну Зофею*, за пана Дорогостайского (Дневн. Евлаш., с. 151); *которого пытано* (Страсти Христовы, л. 27); штобы *дано* и *таблицю*. а *кграпкоу* (Страсти Христовы, л. 33 об.); *звано ее* Дикгъна (Ист. о Атыле, л. 216); Перед его смертью на двадцать днии *комэту* ку всходу слонца *видено* (Ист. о Атыле, с. 223); Панно: *твоего* ѡтца *поимано* (Ист. о Гвид., с. 140); А *ихъ* ѡбѣихъ тутъ же *забито* (Пов. о витязях, с. 12); и в котором[м] *было вырито голов*ѳ *львов*ѳ*ю* (Александрия, с. 27); [А]леѯа[н]деръ ѳслышавши ижъ *дарил забито* перешо[л] рекѳ крамѳ[с] з людо[м] свои[м] ве[ч]ми скоро (Александрия, с. 70).

Несмотря на то, что в старобелорусских памятниках, в отличие от старорусских, отмеченная конструкция была широко распространена, ее судьба в белорусском языке была сходной с судьбой в русском языке: она сохранилась лишь в говорах, причем и здесь постепенно, но менее интенсивно, чем в русских говорах, утрачивается [82].

Приведем примеры из староукраинских памятников: *Оддано* нам *грамоту* од тебе, воеводи бранского, в которой до нас пишеш, жалячися на пограничних людей (Укр. гр. 1649 г., Вос. Укр. с Рос., т. II, № 106); Скаржил нам асаул миргородскіи, же на Мерле *пасеку выбито* і *пасечника выгнано* (Укр. гр. 1650 г., Вос. Укр. с Рос., т. II, № 162); Іж господь бог даровал нам обоз лядский розгромит 23-го дня місяца мая, где і *Калиновского*, *гетмана коронного*, і *сина* его, і *товариство все побито* теди (Укр. гр. 1652 г., Вос. Укр. с Рос., т. III, № 110); А што ся тогды на томъ листрикій-скомъ сонмищи дѣяло же *одныхъ душено*, *другихъ давлено*, *иншыхъ топлено*, *другихъ* голодомъ *морено*, везеньемъ *траплено*, *иншихъ прекуповано*, *иншихъ* фортелми *звожено* — тое теперь ваш[я] згода одновляетъ, тое побужаетъ, тое въскрешаетъ, тое роскревяетъ (Отв. клир. Острож., с. 412); што *орла* въ Вавилонъ къ Іереміи *слано* (Отв. клир. Острож., с. 429); Вѣми убо, яко на первомъ соборѣ Никейском первосѣдѣнием стола *твоих прежде бывших святых и благочестивых пап почтено было* (Виш. Книжка, с. 109); Тогда *его* здрайцею *учинено* (Пересторога, с. 217); абы его не поткала бѣда, якъ Стефана попа, *которого* въ Луцкий рѣцѣ *утоплено* (Пересторога, с. 225); чого доводъ въ Апокалипсисѣ ясный маеш, гдѣ *кождого* зъ апостоловъ особливымъ каменемъ *названо* (Палин. Копыст., с. 395); Къ тому,

---

[82] Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3, стр. 317—318 (здесь и примеры из памятников XV—XVII вв.). См. также картотеку Диалектологического атласа белорусского языка.

не толко *Леона* такимъ титуломъ *учьчено*, але и *иныхъ многихъ святыхъ* (Палин. Копыст., с. 498).

Судьба конструкции — причастие страдательного залога и прямое дополнение — была в украинском языке, как отмечено выше, иной, чем в русском и белорусском языке: она твердо закрепилась в литературном языке и в говорах.

XIV. Безличные предложения с наречием-сказуемым

Как уже отмечалось выше, заметный рост числа безличных предложений, в состав которых входит наречие-сказуемое, наблюдается в старорусских, старобелорусских и староукраинских памятниках. Однако и в отношении древнерусских памятников мы имеем основание говорить не только о сравнительно частом употреблении, но и о многообразии значений рассматриваемых предложений.

Наиболее часто встречаются безличные предложения с наречиями, придающими высказыванию значение долженствования, необходимости, возможности, невозможности, обоснованности действия [83]. На первом месте по частоте употребления находятся *лзѣ*, *не лзѣ*, а затем *надобѣ*, *не надобѣ*. Обычно при этих наречиях (при *лзѣ* и *не лзѣ* за редкими исключениями) стоит инфинитив глагола, указывающий характер действия.

Постановка *лзѣ*, *не лзѣ*, *надобѣ*, *не надобѣ* смягчает категоричность формулировки, в особенности при отсутствии отрицания: действие допускается, считается возможным, но не обязательным [84].

Как правило, *лзѣ* и *не лзѣ* употребляется без связки. Господствуют случаи, когда в предложении указывается, кто совершает (или не совершает) действие.

Приведем несколько примеров из большого числа встретившихся нам в исследованных памятниках (их много в Рижской редакции Смоленской грамоты 1229 г.[85], в Лаврентьевской и в Ипатьевской летописях): немьчичю же въ ризѣ и на гътьскомь бѣрѣзѣ. смолнѧнина. на желѣзо. безъ его воле *не лзѣ* имати (Гр. неизв. Смол. кн. 1223—1225 гг., Сум. и Лоп., с. 11); ожо стареишии его не оумолвить. то *лзѣ* емоу детьскии приставити (Смол. гр. 1229 г., сп. D., Сум. и Лоп., с. 38. См. также сп. E, F); *нелзѣ* речи. не вѣдѣ оу кого ѥсмь коупилъ (Рус. Пр. 1282 г.,

[83] Ср. замечания А. И. Вальковой, что данная группа наречий наиболее многочисленна в исследованных ею памятниках (279 примеров из тысячи примеров с предикативными наречиями) («К вопросу о предикативных наречиях древнерусского языка». — «Уч. зап. Бельцкого гос. пед. ин-та», вып. 6 (филол.). Кишинев, 1963, стр. 9.

[84] См.: В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение), стр. 82.

[85] В Готландской редакции той же грамоты нет указанных предложений.

л. 618 об. б); и се писъ чьрнъ ста предъ мною. ꙗкоже имь мнѣ *нельзѣ* ни поклонитисѧ (Ж. Феод. Печ., л. 44а); *нѣлзи* пити, ни коня напоити (Сл. Дан. Зат., л. 281 об.); Той осени наиде дъжгь великъ. и днь и ночь. на гжькинъ днь. оли и до никулина дни. не видехомъ свѣтла дни. нї сѣна людьмъ *баше лзѣ* добыти. нї нивъ дѣлати (1-я Новг. л., л. 105 об.—106); і *баше нѣлзѣ* іхъ взати (1-я Новг. л., л. 144); и *не бѣ лзѣ* ѡзеромь Печенѣгомъ помагати (Лавр. л., л. 48 об); сим же полко *не лзѣ баше* битисѧ с ними тѣсноты ради (Лавр. л., л. 103 об.); ꙗ пополку бо *баше нѣлзѣ* перевестисѧ крами съ своими (Ипат. л., л. 110 об.); ѡже ти самому *нѣ лзѣ* а помочь ми пусти (Ипат. л., л. 148 об.); ѡже ны *будеть лзѣ* на Бѣлъгородъ въѣхати то Гюрги готовъ перед нами. бѣгаеть (Ипат. л., л. 150); Того стараго Владимїра *не лзѣ бѣ* пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ (Сл. о плк. Иг., с. 37).

В отличие от *льзѣ* и *не льзѣ*, которые встретились исключительно в безличных предложениях, *надобѣ* и *не надобѣ* употреблялись и в личном предложении [86]. И в предложениях с этим наречием обычно находим дат. п. действующего лица.

Приведем несколько примеров: аще смоленьскии кнѧзь поеденть на воиноу. *не надобѣ* же немецьскомоу гостьи (Смол. гр. 1229 г., сп. D. Сум. и Лоп., с. 38. См. также сп. E); *не надобѣ* ѥмоу ѣхати. (Смол. гр. 1229 г., сп. F, Сум. и Лоп., с. 50); ни выходо *не надобѣ* тобѣ ко тфери кашину танути (Гр. докончальная кн. Дм. Ив. с кн. Твер. 1375 г., сп. XV в. Рук. ЦГАДА); аже холопъ крадеть кого любо. то гноу выкоупати и. любо выдати и. с кымъ боудеть кралъ, а женѣ и дѣтемъ *не надобѣ*. (Рус. Пр. 1282 г., л. 627б—627 об. а); Аще оубьют[ь] огнищанина въ обидоу, то платити за нь 80 гривенъ оубіици, а людемъ *не надобѣ* (Рус. Пр. по Акад. сп. XV в., л. 50 об.); и да творѧть куплю. ꙗкоже имъ *надобѣ* (Лавр. л., л. 12); а Всеволодъ ажь восхочь с нами оуладитисѧ. а оуладитьсѧ а тобѣ *не надобѣ* с братомъ Двдъмъ (Ипат. л., л. 239).

Отметим еще случаи с другими наречиями долженствования, необходимости, возможности: тако како грамо написано. тако имъ *надо* всею землею ѿступи. што есть лотыгольскаѧ земла (Гр. кн. Герденя 1264 г. Гр., касающ., IIа); и ту показають нѣчто мало видѣныа своего. ꙗко *мощно* видѣти чловкмъ. (Лавр. л., л. 96); *не мощно* бо зрѣти чловкмъ естьства англьскаго. (Лавр. л., л. 96); и тоу дворъ Стославль раздѣли на .д. части. и скотьницѣ бретьяницѣ. и товаръ иже *бѣ немочно* двигноути

[86] См.: В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение), стр. 72—73.

(Ипат. л., л. 123); кнже *не мочно* ти поѣхати к нимъ (Ипат. л., л. 154 об.); и тако пере Гюргемъ *не возможно бы* имъ оудержатисѧ (Ипат. л., л. 171); мнѣ же ѡвѣщавшю. аще *оузможно есть* покажи ми (Ипат. л., л. 173 об.); а оустомъ чл҃вчьскомъ *не мощьно* исповѣдати (Ж. Феод. Печ., л. 35г); И сеже паки *подобьно ѥсть* рещи. еже ꙗко пишетьсѧ таково о ст҃мь и велицѣмь савѣ (Ж. Феод. Печ., л. 56б); ѡна же ѡвѣща има рекущи. азъ ѥсмь жена вдова оубога. да достоить ми дѣлати. и *нѣсть* ли ми *требѣ* въ цркви ходити (Чт. Б. и Г., л. 113б).

Долженствование, необходимость выражались и при помощи существительного *неволѧ*, употребленного в сочетании с инфинитивом на месте соответствующего по значению наречия: а *неволѧ* ми своее головы блюсти (Лавр. л., л. 88 об.); также *неволѧ* ми *было* пристати в свѣтъ ходаче в руку (Лавр. л., л. 90).

В старорусских памятниках круг наречий, употребляющихся в безличных предложениях с отмеченным выше значением, широк: *надобѣ*, *надобѣть*, *надобно*, *должно*, *подобно*, *нуждно*, *мочно* (и *мошно*, *мощно*), *можно*, *возможно*,[87] *льзѣ* (встретилось только в письме Ив. IV: нѣсть льзѣ), *нелзѣ* (а затем и *нелзя*, *нельзя*).

Интересно отметить, что в книге «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» 1649 г. встретились почти все перечисленные выше наречия.

Приведем ряд примеров из памятников различных жанров: пособлѧти ему намъ везде, где *бѫдеть* ему *надобе* (Твер. гр. 1449 г. Дух. дог. гр., № 54); Так бы и вы делали во всяких опалах и казнех, как где *возможно* (Моск. гр. 1572 г., Дух. дог. гр., № 104); и тотъ деи храмъ ветхъ, служити въ немъ *не мочно* (Моск. гр. 1610 г., АЮБ, т. I, № 27 II); а мѣрить ихъ въ десятины *не лзѣ* (Моск гр. 1649 г., АЮБ, т. I, № 55, XII); А *будетъ надобѣть* на которое дѣло истца или отвѣтчика вспросити, ино его къ себѣ позвати (Суд. Ив. IV, с. 205); В недѣлю же *должно есть* звонити и начати въ началѣ г҃ часа (Стоглав. с. 62); и по сему убо *нѣсть подобно* и пѣнию надъ тобои быти. (Письма Ив. IV, с. 100. См. также с. 104); Тѣмъ же *несть льзѣ*, яко же глаголютъ словеса, ниже праведная, ни по достоянию гоните (Письма Ив. IV, л. 165); И от Божія всемогущія десницы живымъ и мертвымъ кому *возможно* гдѣ скрытися? (Письма Ив. IV, л. 168); его же *нуждно* убоятися и мнѣ и Димоѳилу (Письма Ив. IV, л. 718 об.); аще комѫ в чем *возможно* и мы помогали бг҃а ради (Домострой, с. 64); дорога тѣсна, поити *нелзя* (Хож. Аф. Ник., л. 373); едва *можно* взыти на ту гору младому человѣку. (Пут. моск. купцов, с. 148); *невозможно* ни чѣмъ исцѣлитися отъ земнаго врача, аще не Господь поможетъ. (Пут. Гогары, с. 119); а инымъ повелѣ итти противу Крымскаго царя по Украйнымъ городомъ, гдѣ

[87] При перечисленных наречиях могло быть и отрицание.

кому *подобно*. (Пов. Кат.-Рост., с. 566); і *не надобѣ* такъ ему много терпѣти. (Пересветов, с. 64); *Не мощно* царю царство без грозы держати (Пересветов, с. 73); А царю без воиньства *не мочно* быти (Пересветов, с. 65); оковаху бо по верху тоя кади желѣзнымъ обручемъ для того, что бы *нелзѣ* ея урѣзати (Ст. о Смуте, с. 1285); Того же лѣта, мѣсяца февраля 18 день, бысть ино чюдо преславно, его же вѣрнымъ молчати *невозможно* (Ст. о Смуте, с 1307); *Нелзя* нам миритца или веритца крестьяном з босурманы (Пов. об азов. взятии, с. 70); ремесла ему *надобно* разумѣти (Уч. и хитр. рат. стр., с. 21); И *мочно* и иныя богоспасаемыя образцы сыскати (Уч. и хитр. рат. стр., с. 28); А рыбы зело густо в нем: осетры и таймени жирни гораздо, — *нельзя* жарить на сковороде: жир все будет. (Аввакум. Житие, с. 86); Он же, миленькой, вздохнул, да и пошел, куды *надобе* ему. (Аввакум. Житие, с. 88); С великою нуждею доволокся до Колмогор; а в Пустоозерской острог до Христова Рождества *не возможно стало* ехать, потому что путь нужной, на оленях ездят (Аввакум. Письма, с. 193); *Можно* нам знать, яко скорбь их томит (Аввакум. Письма, с. 212); Да пускай, богу *надобно* так! (Аввакум. Письма, с. 217); Аще бы ми *возможно*, вся бы вещи морския и земския во утробу свою вместил (Аввакум. Письма, с. 273); каяты много, а ворожить *нелзе* (Сатиры о пьянстве, с. 84); и мне *можно* упросить у митрополита (Пов. о куре и лис., с. 197); Истинно. не ложно. проти рожну пра *не возможно* (Пословицы XVII в., л. 347 об.); *Мошʼно* догадатся что в окошко у* бросатся (Пословицы XVII в., л. 356 об.); ѵпрямилъся умереть *надобно*. смереть (Пословицы XVII в., л. 373).

Необходимость выражалась в сходных случаях и при помощи существительных, имеющих тот же корень, что и соответствующие им наречия: на сіе отвѣту *не потреба*, по премудрому Соломану: глупающему, рече, отвѣщевати не подобаетъ (Письма Курб., с. 134—135); А *потреба* блюстися, аще бы был окаянныи (Письма Курб., с. 140); Не им было, а быть же было иным; писанное время пришло по Евангелию: «*нужда* соблазнам прити» (Аввакум. Житие, с. 95).

Предложения с наречиями, имеющими значение долженствования, необходимости, возможности, и в старорусских памятниках занимают первое место среди безличных предложений с наречием—сказуемым. Следует, однако отметить, что это в известной степени объясняется значительным числом (и объемом) юридических памятников. Тем более показательным является то, что предложения, о которых говорим ниже, — с наречиями, указывающими на эмоциональное состояние человека, содержащими оценку действия, в старорусских памятниках встречаются почти так же часто, как и рассмотренные выше.

В старобелорусских и в староукраинских памятниках, как видно из приведенных ниже примеров, употреблялись в безлич-

ных предложениях те же наречия долженствования, необходимости, возможности, которые встретились в старорусских памятниках.

Однако для старобелорусских и староукраинских произведений характерна одна общая для них черта, отличающая эти памятники от старорусских. Имеем в виду все более закрепляющееся в них наречие *треба* (в меньшей степени — *потребно*) [88], а также имена существительные *потреба* и *потребизна* со значением долженствования, необходимости.

Приведем ряд примеров из старобелорусских и староукраинских памятников.

Ст.-бел. памятники: А где *бѹдеть надобе* кнѧзю Ивану Анъдреевичу на его непрыѧтелѧ, и г[о]с[по]дару нашому, королю, боронити его по тому жъ, ажъ его не заидеть какое дело (Трок. гр. 1448 г., Дух. дог. гр., № 50); А отсюле поѣхали водою, а отоле ужо *нелга* ѣхати домою, замержеть (Полоцкая гр. второй половины XV в., РЛА, № 266); а намѣстнику Вилькомирскомѹ *не надобе* ся въ тыи люди встѹпати (Вил. гр. 1514 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 115); Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотрить, або чтѹчи его ѹслышить, нинѣшнимъ и на потом бѹдѹчимъ, комѹ *бѹдеть потреб* того ведати (Брест. гр. 1544 г., Arch. Sang., т. IV, № 326); и панове рада къ намъ братьѣ своей отписали, што мѣста на зъѣздъ намъ великимъ посломъ съ вашими великими послы иншого, мимо указъ соймовый и мимо прежніе обычаи, отмѣнять *не мошно* (Копыс. гр. 1615 г. АЗР, т. IV, № 196); а князю великомоу Вито[в]тоу часто воючи Лито[в]скѹю землю. а великомѹ кнзю Ѧгаилоу и Скиргаилѹ, *невъзмо[ж]но* имъ стати. противоу емѹ. занеже бо в него събрала[с] великаѧ сила (Лет. Авраамки, лл. 444 об. — 449); Таке[ж] кнзь вѣлики[и] Моско[в]ски[и]. оу велико[и] мл[с]ти жилъ с ни[м] иныи кнжта Нѣмецкие слѹха[ли] его и на помочь дава[ли] на би[т]вѹ гдѣ емѹ *боуде[т] потреба.* (Лет. Крас., л. 86—86 об.); а простыхъ люде[и] которы[х] живыхъ по[и]мали *нѣльзе* и выписати множества длѧ (Лет. Рачин., с. 282); а к тому року нашимъ посломъ поспет *невозможно* было (Лет. Баркул., л. 140); але тот, кому *будеть надобе*, на пане его ран своих и головщин маеть искати (Лит. ст. 1529 г., с. 64); ажъ такъ и вышелъ зъ воды и над надею всихъ насъ, люди тамъ будучихъ, живъ зосталъ, бо *не можна* му *было* жадного ратунку дати (Дневн. Евлаш., с. 137); «А што дей мнѣ упоминается о царства мои, тому дей *быти не мочно*» (Вестов. от-

[88] Интересные данные можно извлечь из карты № 227 в труде «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы». Мінск, АН БССР, 1963. Она говорит о полном господстве слов *трэ́ба*, *тра́ба*, *трэ*, *патрэ́бна*. Слова *на́да*, *на́ды*, *на́дабі* распространены (часто рядом с названными выше словами) на севере и востоке БССР (встречаются и в некоторых других местах, но, за исключением нескольких пунктов, при наличии и *трэ́ба* и т. д.).

писки Кмиты 1573—1574 гг., № 58); Хотя на сторону Московского въ той мѣрѣ *не треба* ся оглѣдати (Вестов. отписки Кмиты 1573—1574 гг., № 58); яко слухи доходятъ: «королей дей у нихъ много, *надобѣ* бъ почать што» (Вестов. отписки Кмиты 1573—1574 гг., № 58); *Не потреба* тобѣ шаблю рымского мѣста и тых мѣстцъ, которые суть ему послушны, доставать (Ист. о Атыле, с. 219); а *трэба* тэж доброго слуги хто бы имъ служил (Ист. о Гвид., с. 136); Витез Бово узал лист и заховал и рече: Могу-ль понести зброю зъ собою? И ѡнъ рече: *Не треба*, поедь на иноходнику. (Ист. о Гвид., с. 144); и вбравшы тѣло короля Аполопа як *есть потребно*, положыл его въ кошт (Пов. о витязях, с. 2—3); ѡни ему ѡтказали: *Треба* ся тобѣ и Трыщану стеречы. (Пов. о витязях, с. 10); Заказал Трыщану и нарядили ся як *было* имъ *потреба* (Пов. о витязях, с. 13—14); Намъ тут *потреба* ждати того, кого тут прохали (Пов. о витязях, с. 44); и ѡбема *было потреба* ѡпочынути (Пов. о витязях, с. 51); *Треба* се вам поспешыти, рек король (Пов. о витязях, с. 61); Рекъ Трыщан: для смерти *не треба* ся боати (Пов. о витязях, с. 81); и кони' нам *не треба* (Александрия, с. 50); такъ тежъ цареви *треба* бы" такому, абы ѡста"нее доко"чене бачи" (Александрия, с. 73). Ст.-укр. памятники: словесы лестьными *не возможно бѣ* гра̂ прида̂ти (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 263 об.); а в городъ *нелзѣ бы̂* въѣхати ратными (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 306 об.); А *ненадобѣ* у тую земьлю никому уступатися (Городок. гр. 1403 г., АЮЗ, т. II, № 69); Во има̂ бо̄жье знаменито бу̂ и свѣдочно каждо̂ добро̂ кто коли на то̂ листь позрить албо услыши̂ его чтучи кды его *буде̂ потрєбно* (Львов. гр. 1412 г., Укр. гр., № 44); Мл̄тию божию мы великый кн̄зь швитригаило литовьскии русскии чинимь знаменито симъ наши листомъ комуждо *потребизна* его вѣдати (Луцк. гр. 1434 г., Укр. гр., № 70); Чинимъ знаменито и даемъ вѣдати кождому нинѣшнимъ и потомъ будучымъ, кто нань возрыть или его чтучи услышыть, кому жъ того *будеть потребно* (Киев. гр. 1437 г., АЮЗР, т. I, № 19); а и децкихъ наместъникомъ Бранскимъ на его людей *не потреба* давати (Брасл. гр. 1498 г., РИБ, т. XXVII, кн. 5, № 216); Ꙗ кнаꙁь Андрѣи Юрьевич Жеславскии вызнаваю тым моим листом, кому *потребъ* того вѣдати (Луцк. гр. 1534 г., Arch. Sang., т. Ш, № 493); а тих своеволних, так з вашое, яко і з нашое сторони, *треба* карати (Укр. гр. 1651 г., Вос., Укр. с Рос., т. II, № 206); *потреба* остерегатися того, абы ото такими подобен'ствы, подъ плащикомъ згоды, не в'палъ хто в' сѣть діаволю (Отв. клир. Острож., с. 386); А кгды такъ указуемо (доводы писма святого), отповѣдаютъ намъ: «нжъ ся то розумѣти маетъ духовне, то естъ о ду-

ховномъ Сіонѣ, о духовномъ небесномъ Іерусалимѣ, *не треба* церкви до мѣстца привязовати» (Отв. Клир. Острож., с. 415); а тое пытати *не треба* (Виш. Книжка, с. 11); тобѣ ли покаяния *не треба*? (Виш. Книжка, с. 28); Там того бы ся нам сорома убояти *потреба*, а нынѣ покаятися (Виш. Книжка, с. 58); иж бы ее *не потреба* залецати, боронити и оправдати (Виш. Книжка, с. 86); како *ест мощно* сие осуществити и вместо истинны утвердити и узаконити (Виш. Книжка, с. 95); Сего в писании ниже Петровом, ниже прочих апостол обрѣсти никакоже *мощно нѣсть* (Виш. Книжка, с. 105); Видиши ли, яко *не требѣ* ти *ест* самому искати власти и началства (Виш. Книжка, с. 106); О прочиих же ересех *не требѣ* вам *есть* и писати (Виш. Книжка, с. 121); «Не мешай, чого *не треба* мѣшати», мовитъ святый Златоустый. (Пересторога, с. 224); то власнѣ *потреба было* Петру святому по вознесеніи Христовѣ въ 43-мъ лѣтѣ въ Римѣ жити, гдыжъ 68 лѣтъ всего вѣку его по вознесеніи Христа было. (Пересторога, с. 231); *Нелзи* теды, ено за таковыми задатками, отступникомъ, называючимся «унеятомъ», отповѣсти (Палин. Копыст., с. 318); склонятися *не можно*, и оныхъ отпаденемъ не погоршатися (Палин. Копыст., с. 321); Вѣдати теды *потреба*, ижъ тыи похвалы святыи учителеве святымъ апостоломъ давали и чинили, чтячи ихъ (Палин. Копыст., с. 475); На третий доводъ о Сылвестрѣ, Римскомъ епископѣ, и отповѣдати *нетреба* (Палин. Копыст., с. 496); А притом и то *потребно* вѣдати тебѣ, ласкавый чителнику, иж тая книга презацная (Перло многоценное); Ой не глядіте, *треба* ся бити (Дума о Берест. звыч.); *треба* нам о том знати (Сл. о збур. пекла); А нам *потреба* о душѣ его пильное стараня мѣти (Сл. о збур. пекла).

Большую группу в древнерусских памятниках составляют безличные предложения, в которых дается оценка действия, устанавливается его соответствие желаниям, правам того или иного лица, группы лиц, определенным моральным нормам. Эта оценка действия, обозначенного инфинитивом, может одновременно указывать и на состояние лица, дающего данную оценку. Только эмоциональное состояние лица устанавливает наречие-сказуемое, когда при нем нет инфинитива, обозначающего действие (инфинитив глаголов восприятия может присутствовать), и он не опущен.

Поскольку круг наречий, выступающих в предложениях, где наречие содержит оценку действия, и в предложениях, указывающих эмоциональное состояние лица, в большей или меньшей степени совпадает, мы ниже не разграничиваем тех и других предложений.

Чаще всего в указанных предложениях оценку дают наречия *любо*, которое употребляется почти исключительно в функции сказуемого безличного предложения, *лѣпо*, представленное только

случаями постановки в безличном предложении, *годѣ* и *годьно*, которые находим преимущественно в безличных предложениях.

Приведем лишь некоторые из встретившихся нам случаев с этими и некоторыми другими наречиями: оурадили пакъ. миръ. *како бы любо* рѹси и всѣмоу латинескомоу ꙗзыкоу. кто то оу роусе гостить (Смол. гр. 1229 г., сп. А., Сум. и Лоп., с. 21. См. также сп. В, С. Сходная конструкция в сп. D, E, F); верху того немечькому гостю в полочьскую *волно* еха и торгова купити и прода. тако полочано и видибланину *волно* гостити в ригу и на госкы берегъ (Гр. кн. Герденя 1264 г. Гр., касающ., II а); а свиньѥ бити ти кнаже. за. ѯ. вьрстъ ѡколо города. а дале коуда комоу *годно* (Новг. гр. 1304—1305 гг., Шахм. О языке, № 10); а вѣсцѣви крть цѣловати какъ ѥму *право* вѣсити (Торг. дог. между Полоцком и Ригой около 1330 г. Гр., касающ., VII); да есмь имъ свободу, куды имъ *любо* (Дух. гр. кн. Ив. Ив. Красн. 1358 г., Рук. ЦГАДА); а тобѣ брату моѥму молодшему мнѣ служити безъ ослушанью [п]о згадцѣ како *бути* мнѣ *слично* и тобѣ брату моѥму молодшему (Докончальная гр. кн. Дм. Ив. с кн. Серпух. около 1367 г. Рук. ЦГАДА); *зѣло страшьно бы* громъ и мълниꙗ. градъ же ꙗко ꙗблъковъ боле. (1-я Новг. л., л. 30—30 об.); оже ти *не оугодьно* дьржати новагорода снмь. а въда ны бра. (1-я Новг. л., л. 94 об.); *не любо* ми есть в Киевѣ быти (Лавр. л., л. 20); и *чюдно* слышати и. любо комуждо слушти и (Лавр. л., л. 36 об.); *не добро* бо *есть* преступати предѣла чюжего (Лавр. л., л. 61 об.); *нѣ* мене *лѣпо* судити епшу. ли игумено. ли смердо (Лавр. л., л. 76 об.); ѡже ти брате *не досыти* всю землю Русскую ꙉдержаще. а хощешь и сеѥ волости (Лавр. л., л. 102. См. также Ипат. л., л. 113); *тажко бы* ѥму зане бы ѥму помощи на ѡкуду же (Лавр. л., л. 112 об. См. также Ипат. л., л. 160 об.); *нѣ* бо *достоино* наскакати на стильскыи чинъ на мьздѣ (Лавр. л., л. 132 об.); ꙗко Гви *годѣ бы* тако и бы (Лавр. л., л. 160 об.); *жалостно* же и слышати ꙗко ѡць ѥго чтныи Ꙗрославъ великыи не бѣ вѣдалъ такого встаныꙗ на сна своѥго милого Ѡлеѯандра (Лавр. л., л. 169); да и насъ и в Руси *лихо* разбои оучинити (Лавр. л., л. 170 об.); ꙗкоже *бѣ лѣпо* жити браи единомыслено. оукоупѣ. блюдоучи ѡцьства своего (Ипат. л., л. 121 об.); се Бъ волю свою како

ему *оугодно*. тако створилъ есть. (Ипат. л., л. 167); *годно* ти сѧ с ни оумирити оумиришисѧ (Ипат. л., л. 170 об.); и рекоша ему мужи *дивно есть* кнже ѡже жалуеши. на сновца своего на Ѳлга. а живота своего не блюдеши (Ипат. л., л. 183 об.); тобѣ *лѣпо* ѣздити вь великѣ полку (Ипат. л., л. 198 об.); Ярославоу же *не любо бы* дале поите (Ипат. л., л. 227 об.); покаанне есть ключь цесарьствиа. без того бо *не оудобь* вълѣсти никомоуже (Ж. Феод. Печ., л. 39в); Ико ты ны[нѣ] есн влдко съвъкоупилъ въ мѣсто се и аще *годѣ* ти *есть* жити намъ въ немь (Ж. Феод. Печ., л. 55б—в); и вамь *лѣпо* *есть* послоушати того (Ж. Феод. Печ., л. 59в); ако господеви *годѣ бысть* (Сказ. о Б. и Г., л. 11в); *Не лѣпо* ли ны *бящетъ*, братїе, начяти старыми словесы трудных повѣстїй, о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича (Сл. о плк. Иг., с. 1); *Грозно* бо и *жалосно*, брате, в то время посмотрети, иже лежат трупи крестьянские аки сенныи стоги, а Дон река три дни кровию текла (Сл. о Кулик. битве, с. 41); *страшно* и *грозно* ѡ всемь томъ глати (О всей твари, с. 348);

Весьма часто эмоциональное состояние человека обозначалось словом *жаль*, которое находим исключительно в безличных предложениях, причем такому употреблению не противодействовало наличие существительного *жаль* в литературном языке даже позднего периода: и ту порты с него снемъ. за шию оковалъ и рукы и ногы. и мучилъ его такъ как то *буди* бгу *жаль* (Гр. рижан к кн. Мих. Конст. около 1300 г. Срезн. Др. пам. 1-е, с. 241); и *жаль* ми своеа оцины (1-я Новг. л., л. 76. См. также л. 149); аще ти *не жаль* ѡчины своеа. ни мтре стары суща и дѣтии свои^{x} (Лавр. л., л. 20); аще вы сего оукора *не жаль*. азъ единъ погыну (Лавр. л., л. 48 об.); то лошади *жаль*. а самого *не жаль* ли (Лавр. л., л. 93 об.); *жаль* бо ны *есть* бра своего Игорѧ (Ипат. л., л. 133); да како *жаль* ми *бѧшеть* на Игорѣ. тако нынѣ жалоую болми по Игорѣ. братѣ моемь (Ипат. л., л. 225); *не жаль* ми *есть* за свою злобоу приати ноужьнаа всѧ. ихже есмь приалъ азъ (Ипат. л., л. 226); Игорь плъкы заворачаетъ; *жаль* бо ему мила брата Всеволода (Сл. о плк. Иг., с. 18).

Последний пример из Ипатьевской летописи представляет особый интерес: при *жаль* имеется инфинитив, таким образом, в примере содержится и оценка действия.

Оценка действия может быть дана путем сравнения его с другим действием. В этом случае в роли сказуемого безличного предложения выступает сравнительная степень: и нача молитисѧ съ слезами глѧ оувы мнѣ Ги. *луче бы* ми оумрети съ братомь. нежели жити на свѣтѣ семь (Лавр. л., л. 46 об.

См. также л. 162); прикосноу бо сѧ ємь слово гн҃е рекшеє. ако *оудобѣє єсть* вельбоудоу сквозѣ иглинѣ оуши проити нежели б҃атоу въ цр҃ствиє нб҃сноє вънити (Ж. Феод. Печ., л. 33в—г); *луцежъ бы* потяту быти, неже полонену быти (Сл. о плк. Иг., с. 5); Говорит Пересвет черпец великому князю Дмитрию Ивановичу: «*Луче бы* нам потятым быть, нежели полоняным быть от поганых» (Сл. о Кулик. битве, с. 38); *Лутче* нам смертию живота купити, нежели в поганой воли быти (Пов. о раз. Рязани, с. 11); *оудобнѣе* ѥ̑ на[м] в вавилонъ ꙁ въвратити нежели ѡставити жены н҃ша (Пов. о плаче, с. 282).

Мы уже говорили выше о широком распространении в старорусских, старобелорусских и староукраинских памятниках безличных предложений с наречиями оценки (действия, эмоционального состояния человека).

В старорусских памятниках встречаем и те наречия, которые были названы выше, но они уже занимают более скромное место, причем *лѣпо* и *годѣ* становятся исключительно принадлежностью высоких стилей.

С исключительным мастерством пользуется наречиями оценки протопоп Аввакум, подбирая сильные и красочные слова.

Приведем ряд примеров из различных памятников (в числе примеров и случаи со сравнительной степенью): А в чем будет твоя вина, и ты б ему добил челом, как ему *любо* (Моск. гр. 1572 г., Дух. дог. гр., № 104); И бискупъ и ратманы Петрꙋ говорили: «*плохо было* тебѣ Государю Великому Князю измѣнити, что на тебѣ Государь Князь Великіи вѣру положилъ и приказъ свой великой» (Отрывок розыскного дела., АИ, т. I, № 140); и чего въ посолскихъ записяхъ не написано и не укрѣплено, и о томъ и писать *стыдно* (Вязем. гр. 1624 г., АИ, т. III, № 131); Вопрос л҃е. О животворящемъ крестѣ господни. на церквахъ водружаютъ, о семъ назнемоновати. како достоитъ и *лѣпо* ему вездѣ быти (Стоглав, с. 56); к҃а Наказъ мѫжѫ и женѣ и люде[м] и дѣтемъ како *лѣпо* т҃ бы им' (Домострой, с. 18); Заецъ потреба множество псомъ, на враги жъ множество вои: како убо *безлѣпо* казнити подвластныхъ, имуще разумъ! (Письма Ив. IV, л. 144 об.); сія убо вся во своеи власти и въ вашеи положиша, яко же вамъ *годе* (Письма Ив. IV, л. 151); и повелѣ народъ собрати и обѣща имъ: яко *годѣ* вамъ, тако и будетъ (Пов. Кат.-Рост., с. 566); Вы же, друзи и братія, подайте ми совѣтъ благъ, да яко *угодно будетъ* воли вашеи! (Пов. Кат.-Рост., с. 594); и *лѣпо есть* намъ за сіе дѣло крѣпко и неподвижно стояти, и молити всещедраго Бога (Пут. Гогары, с. 116); И есть то *зѣло тяжко* предвышнимъ воеводою отвѣчати (Уч. и хитр. рат. стр., с. 26); Дотого нынѣ ратное дѣло межь германяны дошло ито *жалобно* слышати, такъ что нынѣ ратное дѣло переменилося (Уч. и хитр. рат. стр., с. 40); и по сыску

за честь государева двора того, кто на государевѣ дворѣ кого обесчеститъ, посадити въ тюрму на двѣ недѣли, чтобы на то смотря инымъ *неповадно* было въпередь такъ дѣлати (Улож. 1649 г., с. 11) [89]; *Ужасно* слышати сердцу всякому их бусурманская трубля, яко звери воют страшны над главами нашими розными голосами (Пов. об азов. взятии, с. 62); Так *горько* ему, что не говорю: «пощади!» (Аввакум. Житие, с. 71); *Грустко гораздо*, да душе *добро*: не пеняю уж на бога вдругорят (Аввакум. Житие, с. 72); И с тех мест царь на меня кручиноват стал: *не любо стало*, как опять я стал говорить; *любо* им, как молчю, да мне так не сошлось (Аввакум. Житие, с. 93); Так мне в то поры *горько стало* (Аввакум. Житие, с. 115); Вем, яко *скорбно* тебе, государю, от докуки нашей. Государь — свет, православной царь! *Не сладко* и нам, егда ребра наша ломают и, розвязав, нас кнутьем мучат и томят на морозе гладом (Аввакум. Письма, с. 186); так *добро* и *любезно* мне на земле лежати и светом одеянну и небом прикрыту быти (Аввакум. Письма, с. 200); Ну, государыня, поиди же ты со сладким Исусом в огонь, подле нево и тебе *сладко будет* (Аввакум. Письма, с. 224); Да сваляся с доски, кое-как лбом о землю, весь болю. *Полехче мало стало*, дьякона та опять проклял, да и оздоровел. (Аввакум. Письма, с. 259); в те поры пить *любо было*, а теперево платить нечем (Сатиры о пьянстве, с. 86); *Мѵ̑тно* на дш̑ѣ что нѣтъ пива. в коп̑ѣ (Пословицы XVII в., л. 356 об); *Не любо* не ꙁнаися не хошь не живи (Пословицы XVII в., л. 360); *Плохо* тому бѣсиꙋца х кому приступаетъ (Пословицы XVII в., л. 364 об.).

Помимо *жаль*, отметим еще употребление слов *сором* и *недосуг* в роли наречия в безличном предложении: а которому изъ насъ на тотъ срокъ самому пріѣхать *не досугъ*, и ему прислать къ роздѣлу человѣка своего, или крестьянина, или кому онъ прикажетъ (Моск. гр. 1632 г. АЮБ, т. I, № 112, IV); И нынеча мне *жаль* курочки той, как на разумъ прийдетъ (Аввакум. Житие, с. 78) [90]; Как им сором покинуть *стало*, а мы обличать стали, так на бесстудие приидоша и сами глаголаша с нами: «хотя-де в черта веровати, да вам не покоримся!» (Аввакум. Письма, с. 260); Бг̑у *жаль* куря дать а чоꙑ̑тъ воꙁ̑ме и борана (Пословицы XVII в., л. 327); *Жаль* кулака а бить дурака (Пословицы XVII в., л. 342 об.).

Приведем ряд примеров из старобелорусских и староукраинских памятников (в числе примеров и случаи со сравнительной степенью и со словами *жаль* [91], *страхъ* в роли наречий оценки).

---

[89] Юридическая формулировка с *неповадно было* широко использована в Уложении 1649 г.

[90] В исследованных нами сочинениях Аввакума еще ряд случаев со словом *жаль*.

[91] И в значении *жалость* и в значении *досада, обида*.

Ст.-бел. памятники: а самому *волно* пойти со всими его статки (Лит. ст. 1529 г., с. 23); Не *жаль* бы ми, милостивая, коли бы отъ кого иного, не отъ таковыхъ простыхъ хлоповъ таковоей легкости своее терпѣти (Трок. гр. 1536 г. Археогр. сб., т. I, № 27); а в землю Мстисла[в]скоую оустѫпи много. пролитїа крови хр[с]тїа[н]ское бысть Бг҃оу *мерзко* зрѣти (Лет. Авраамки. л. 445); и *жаль* ему *было* того велми, и[ж] бра[т] ме[н]шы[и] ѡсѣлъ па[н]ство ѕ Литве (Лет. Рачин., с. 239); Хворыхъ, голодныхъ, пухлыхъ многое множество, — *страхъ* видети гневу Божого (Лет. Баркул., л. 165); чого *было горко*, *плачливе*, *страшно* глядети (Лет. Баркул., л. 166 об.); Ажъ *мило было*; давно южъ войска не видевши (Дневн. Евлаш., с. 154); а намъ бы дей *лѣпѣи*, штобъ межи господарей былъ покой (Вестов. отписки Кмиты 1573—1574 гг., № 58); А тежъ и тыхъ *жаль* Богу, хто бы себе марно тратилъ (Вестов. отписки Кмиты 1573—1574 гг., № 58); а ни зо всими говорѧчи. толко с которыми бо҃у *любо бы было* (Страсти Христовы, л. 32 об.); И рече Бово Пулкану: у тотъ город *добро* нам поити, можеть нам кнѧже Орыл великую честь учынити (Ист. о Гвид., с. 156); *Тяжко́* моему сердцу, ꙗкъ то ест злаꙗ прыгода (Пов. о витязях, с. 81); Коли Велиивера тот лист прочла *было* еи *велми вдѧчно* и рекла: *Мило бы* ми видет панну Ижоту и пана Трыщана у дворе (Пов. о витязях, с. 85); Анъцолот рече: Не *годно* тобѣ ѡт мене року просити днѧ, ѡзми собѣ рокъ пѧтнадцат днии (Пов. о витязях, с. 101).

Ст.-укр. памятники: *не є лѣпо* боѧриноу кнѧжити в Галичи (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 249); тѣм же *оугодно бъ* кнѧзю пребывати в немь (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 300 об.); ꙗко державѣ твоеи *годѣ* тако и бы҃ (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 303); и *волно* ему въ здѣшнемъ панъствѣ нашомъ жону пояти, и тутулу вшелякого и волности шляхецкоѣ, яко властному шляхтичови, тубылцови, заживати (Луцк. гр. 1438 г., АЗР, т. I, № 37); *трудно* нам самим зараз ворочатца (Укр. гр. 1653 г., Вос. Укр. с Рос., т. III, № 210); И тут правду *явне* познати! (Ист. о Флор. соборе, с. 466); Спѣши[в]ся цесаръ до Константинополя, але ему *было не споро*! (Ист. о Флор. соборе, с. 466); *Волно* вам не вѣровати, але умры тылко, тогда узриши, если лгу или правду мовлю (Виш. Книжка, с. 77); сей же отвѣща: «*Лучше ест Х*ристови угодити, нежели антихристу» (Виш. Книжка, с. 81); Стецко: О, матионько, матионько! тепер же ми *ліхо*! (Инт. Гаватовича); Динис: Забиў-ем хліба купити, Без которого *трудно* жити (Инт. Гаватовича); Кгдыж *лепѣй ест* стратити живот за ойчизну, Нѣжли неприятелю достат ся в коризну (Вирши Саковича); Посел четверти: *Х*отѣлисмо єго душу поимати, Але гди—смо обачили, *страшно было* к ней приступати (Сл. о збур. пекла).

Весьма ограниченным было употребление безличных предложений, в которых характеризуется состояние окружающей человека среды и природы. Приведем несколько примеров: Въ се же лѣ. *лютѣ баше* (1-я Новг. л., л. 12); и *бы льгъко* по волости новоугородоу (1-я Новг. л., л. 101); і ізбиша іхъ Пльскови съ н чл̃вкъ і потомь *бы тихо* (1-я Новг. л., л. 158 об.); В лѣ ≠s. ѱ. лз. *Мирно бы* (Лавр. л., л. 50 об. См. также л. 159 об.); *лютѣ* бо граду тому в немь же кнлзь оунъ (Лавр. л., л. 48); и *морочно бы велми* (Лавр. л., л. 134); Того. лѣ. *было мирно* (Лавр. л., л. 163 об.); Тое же зимы *бы мирно* (Лавр. л., л. 166); идеже *не бѣ проходно* полку Олександрову (Лавр. л., л. 169 об.); и в то врема оуже *бы тепло* (Ипат. л., л. 135 об.); и Бъ разгна мьглу и *бы ясно* (Ипат. л., л. 167 об.); *Темно* бо *бѣ* в г̃ день (Сл. о плк. Иг., с. 25).

И в поздних восточнославянских памятниках названные выше безличные предложения встречаются редко. Приведем примеры из различных памятников: а в горнице и в комнате и в сене[x] и на крыльце и на лѣснице всегды *бы было чисто* (Домострой, с. 31); и на столе *бы было что* и *скѳсно* (Домострой, с. 48); А гора Араратская вельми высока, и мы до нее шли девять дней, и близко является, а дойти не можно; а кто на нее ни пойдетъ, мнози глаголют, что де мало съ нея бываютъ, понеже *вельми студено* на ней, и отъ тоя студени люди помираютъ (Пут. Гогары, с. 112); Да въ томъ же храмѣ въ лѣвую страну щель есть, величиною, какъ можно человѣческой головѣ пройдти, и въ той щели *шумно вельми*: шумъ аки ось шумятъ (Пут. Гогары, с. 113); а среди тоя ограды сказываютъ пропасть, какъ мочно человѣку пролести, а накрыта каменемъ же, а пропасть та на камени видится, а въ ней *темно* (Пут. моск. купцов, с. 139); а я их проклинал сопротив; *зело было мятежно* в обедню ту тут! (Аввакум. Житие, с. 94); в року 600 *было зле*, громъ гримевъ, у восень по Воздвижению Честного Креста (Лет. Баркул., л. 163 об.); З ласки Божей осенъ была погодлива и вдячно глядѣти, — *было велми зелено* (Лет. Баркул., л. 165 об.); А потомъ з ласки Божое *было* по всимъ странамъ *здорово* (Лет. Баркул., л. 168).

XV. Сходные и различные явления в истории безличных предложений в восточнославянских языках

История безличных предложений во всех восточнославянских языках является сходной в такой степени, что в большинстве типов трудно выделить различия, если не принимать во внимание

лексические особенности каждого из восточнославянских языков.

Так, в безличных предложениях с отрицанием при глаголе существования, бытия, которые уже в древнейший период вытеснили соответствующие личные предложения, в старобелорусских и староукраинских памятниках появляются (но употребляются еще редко) *нема*, *немаш*.

Как старорусские, так и старобелорусские, и староукраинские памятники говорят о постепенном вытеснении глаголов долженствования *подобаѥть* и *достоить* в безличных предложениях со значением долженствования.

Глагол *достоить* не сохранился ни в одном из восточнославянских языков, глагол *подобает* находим в высоких стилях русского и украинского языков.

Следует, однако, отметить, что не только первый, но и второй глагол встречается в восточнославянских памятниках (чаще в старорусских), хотя на смену им и приходят другие глаголы долженствования, а также наречия.

Из большого круга глаголов древнерусского языка, указывающих на неожиданность, случайность действия, каждый из восточнославянских старых литературных языков отобрал лишь ограниченное их число.

Так, в старорусских памятниках употребляются *лучитисѧ*, *сълоучитисѧ* и *прилучитисѧ*, в старобелорусских и староукраинских только *пригодитисѧ*, к которому присоединяется неизвестный древнерусскому глагол *трафитисѧ* (*трапитисѧ*).

Ни в одном из восточнославянских языков не наблюдаем значительного увеличения числа безличных глаголов, обозначающих состояние природы и окружающей среды. В то же время широко распространена в старорусских, старобелорусских, староукраинских памятниках постановка личного глагола в безличном предложении с указанным значением.

Более заметен рост числа глаголов, обозначающих физическое и психическое состояние человека, но главным образом в тех произведениях, в которых отразилось влияние живой разговорной речи.

Одна из характерных черт древнерусской письменности — безличное предложение с глаголом *ѥсть—быти* и родительным количественным имени существительного, по-видимому, была присуща не всем диалектам древнерусского языка. В результате она сохранилась лишь в русском и белорусском языках.

Как старорусские, так и старобелорусские и староукраинские памятники говорят о постепенном уменьшении случаев употребления безличных предложений с глаголом *ѥсмь—быти* в сочетании с инфинитивом.

В то же время инфинитивные безличные предложения во всех восточнославянских языках занимают все большее место среди безличных предложений.

Ярко проявились различия в судьбе безличных предложений с именной формой причастия страдательного залога, именно тех предложений, в которых при причастии имеется прямое дополнение.

Указанный оборот, который не был чужд старорусским памятникам, широко представлен в старобелорусских и в староукраинских произведениях.

В дальнейшем эта конструкция не сохранилась ни в русском литературном языке, ни в белорусском литературном языке и встречается лишь в говорах обоих языков. В украинском языке (и в говорах и в литературном языке) она твердо закрепилась, став одной из характерных черт синтаксиса украинского языка.

Памятники восточнославянской письменности свидетельствуют о заметном росте безличных предложений с наречиями в роли сказуемого, что объясняется широким кругом значений, которыми обладают слова-наречия.

Различия между восточнославянскими языками в истории этих предложений сводятся исключительно к различиям словарного состава.

НЕПОЛНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

I. Причины, вызывавшие пропуск подлежащего и сказуемого в древнерусских памятниках

Неполными предложениями называем как двучленные предложения, в которых отсутствует один из главных членов — подлежащее или сказуемое, восстанавливаемый на основании данного предложения, предшествующих предложений или всего контекста в целом, так и двучленные и односоставные предложения с опущенным дополнением, содержание которого ясно из смыслового задания предложения (формальные признаки отсутствия дополнения: переходный по своей семантике глагол; наличие определения, согласующегося с этим дополнением).

Отсутствие в предложении того или иного члена или даже нескольких членов, неполнота формального состава предложения (понимаемая весьма условно — по сравнению с предложением, в котором налицо главные члены и управляемое глаголом дополнение)[1] не являются свидетельством неполноты высказывания — неполноты смысловой.

В некоторых случаях затруднительно указать соответствующее полное предложение, поскольку в живой разговорной речи, откуда данное предложение перенесено в памятник письменности, как правило, не употребляется сходное полное предложение. Например: а кто на се цѣлованьѥ наступить. на того (да боудоуть) бъ̄. и ста̄ѧ бц̄а (Новг. дог. гр. 1375 г. Шахм. О языке, № 17); а се чара кнѧ володимирова давыдовча кто из нее пь (= пьѥть) тому (да боудеть) на здоровье (надпись до 1151 г.); днь живи а заоутра (ложисѧ) в гробъ (Лавр. л., л. 80 об. Поучение Владимира Мономаха).

Широкое распространение отдельных типов неполных предложений может служить доказательством близости языка данного памятника к живому разговорному языку. Об этом, в ча-

[1] Ср. у А. М. Пешковского: «. . .неполные предложения, хотя их в разговорной речи несомненно гораздо больше, чем полных, в сознании нашем всегда р а в н я ю т с я п о п о л н ы м» («Русский синтаксис в научном освещении». Изд. 7. М., 1956, стр. 403).

стности, свидетельствуют памятники деловой письменности — грамоты, в которых весьма употребительны неполные предложения самых различных типов [2].

Характерно, что многие из неполных предложений в деловых памятниках — сложившиеся юридические формулировки, унаследованные от более ранних памятников.

Так, в Новгородских грамотах находим в одной юридической формулировке, как правило, пропуск глагола *поидоу-поити*, поскольку сказуемое ясно из контекста благодаря частому его употреблению в грамотах в данном словосочетании [3]: кто купець. тотъ (поидеть) въ сто. а кто смердъ. а тотъ потѧгнеть въ свои погостъ. (Новг. дог. гр. 1270 или 1269 г., Шахм. О языке, № 3) [4].

В Рижской редакции торговой договорной Смоленской грамоты 1229 г. и в Русской правде по списку 1282 г. по той же причине часто опускается глагол *платити*: аще кто деревомь оударить чл҃вка до кръви. (платити) полоуторы гр҃вны серебра (Смол. гр. 1229 г., сп. D. Сум. и Лоп., с. 36. См. также сп. E, F.); а иже иметь роусинъ немчича оу своеѥ жоны за соромъ (платити). .і҃. гр҃внъ серебра (Смол. гр. 1229 г., сп. D, Сум. и Лоп., с. 36-37. См. также сп. E, F) и др.; Аже кто оударить мечемь. не вынезъ ѥго или роукоѥтью. то (платити) .в҃і. гр҃вне продаже за обидоу. (Рус. Пр. 1282 г., л. 617а-б); аже пьрстъ оутьнеть. кыи любо то (платити) .г҃. гр҃вны. продаже. (Рус. Пр. 1282 г., л. 617б); Аже крадеть скотъ на поли. или овци или козы. или свинье. (платити) .ѕ҃. коунъ. будеть ли ихъ много. то всѣмъ (платити) по .ѕ҃. кунъ. (Рус. Пр. 1282 г., л. 619б) и др.

Нашему выводу о распространенности неполных предложений как показателе близости языка данного произведения к живому разговорному языку не противоречит обилие неполных предложений в памятниках житийной литературы.

Подавляющее число встретившихся здесь случаев — это примеры с пропуском подлежащего, обусловленным тем, что то же подлежащее в предыдущем (и дальше) предложении или в первой части данного сложного предложения. Пропуск такого подлежащего не сразу ощущается при чтении текста, который не теряет поэтому своего книжного характера.

То же следует сказать и в отношении пропуска подлежащего, когда в предыдущем предложении дополнением является слово,

---

[2] См. В. И. Борковский. О синтаксических явлениях новгородских грамот XIII—XIV вв. «Изв. Крымского пед. ин-та», т. IX. Языкознание, 1940, стр. 130—133; О н ж е. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение). Львов, 1949, стр. 109, 113—126.

[3] Отсутствующее слово названо в скобках.

[4] В. И. Борковским отмечено в новгородских грамотах еще 24 сходных случая при четырех случаях с глаголом-сказуемым *поидеть*. См.: «О синтаксических явлениях новгородских грамот XIII—XIV вв.», стр. 132; «Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение)», стр. 119.

которое должно было бы выступить в данном предложении в роли подлежащего.

Е. С. Истрина, отметив в отношении Синодального списка 1-й Новгородской летописи, что предложения с пропуском подлежащего в «сильной степени свойственны языку Синодального списка» [5], дала следующее объяснение указанному факту: «подлежащее не находит себе нового выражения в связи с тем, что Синод. сп. не знает в таком положении анафорического местоимения «онъ» [6].

В древнерусских грамотах, по наблюдениям В. И. Борковского, составитель чаще опускает подлежащее — имя существительное, чем ставит вместо него местоимение *онъ*[7].

Когда *онъ* превращается в личное местоимение, число случаев с пропуском подлежащего несколько уменьшается, так как *онъ* начинает употребляться на месте опущенного подлежащего, заменяя собою имя существительное, которое в предыдущем предложении или в первой части сложного предложения является подлежащим или дополнением.

Широкое распространение *онъ* в роли личного местоимения, замещающего только что названное имя существительное-подлежащее, находим в грамотах XV—XVI вв., хотя отдельные примеры такого употребления, характерного для современных восточнославянских языков, встречаются уже в первой половине XIV в.[8]: а приѥздили ко мнѣ на докончанье. из риги ѿ местьрд. пьсковъ. бнї дворднни. а ѿ ратманъ. иванъ папъ. на то. на всѣмь. цѣловалъ ѥсмь. кртъ к бра. къ своѥму. к мѣстерю. а они. цѣловали ко мнѣ. кртъ. местеревою. дшею и пкуплею (Дог. гр. Смол. кн. Ив. Александровича с Ригою, Сум. и Лоп., с. 71).

Даже во второй половине XIV в., как об этом свидетельствуют данные Лаврентьевской летописи 1377 г., примеры с местоимением *онъ* в роли подлежащего, замещающим только что названное имя существительное — подлежащее, составляют исключение: То же слышавъ Рюрикъ кнд. ѡже Всеволодъ великыи кнд стоить оу Рдзанд. и кнази ихъ изимавъ. ѡнъ же совокупдсд и гна изъѣздо г Кыѥву. и выгна Всеволода Чермнаго ис Кыева. а сд сѣде в немь (Лавр. л., л. 147); Прине-

---

[5] Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи. Пг., 1923, стр. 58.

[6] Там же.

[7] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение), стр. 127.

[8] Там же, стр. 127—130.

сенъ бы Хвъ мчнкъ. Аврамии. новыи изъ Болгарьское земли. в славныи гра Володимерь. ѥгоже Болгары в минувшее лѣ. мца. апрш. въ .а. днь. много мучивше. нудяще ѿвращиса крщнъıа. ѡн же не ѿверьжеса. но все ѡставль имѣнье свое оусѣченъ бы (Лавр. л., л. 156 об.)[9].

В Ипатьевской летописи около 1425 г. встретился случай замены имени существительного, употребленного в том же тексте в Лаврентьевской летописи (в Повести временных лет), местоимением ѡнъ. Характерно, что и в этой более поздней летописи ѡнъ замещает не ближайшее названное ранее существительное, а более отдаленное: ѲЛегъ же оустановиса на Клязьмѣ. мнѧ ꙗко вбоѧса его Мьстиславъ и побѣгнеть къ Мьстиславу собраса дружина. въ тъ днь и въ другии. Новгородцѣ. и Ростовцѣ. і Бѣлозерьци. Мьстиславъ же ста. предъ городомъ исполъчивъ дружину. не поступи ни ѡнъ (в Лавр. л., л. 86: ни ѲЛегъ) къ Мьстиславу. ни Мьстиславъ на ѲЛега. (Ипат. л., л. 87 об.).

II. Различные типы неполных предложений в древнерусских памятниках

Остановимся на отдельных типах неполных предложений и приведем примеры из памятников различных жанров.

Особый интерес представляют случаи пропуска сказуемого (исключительно простого). Говоря о глагольном сказуемом, опущенном в предложении, мы оставляем без рассмотрения случаи без *есть* и *суть*.

Анализ неполных предложений в древнерусских грамотах позволил В. И. Борковскому сделать вывод, что нормальными, типичными для древнерусского литературного языка, были предложения без форм *есть* и *суть*, употреблявшиеся рядом менее распространенные предложения с *есть*, *суть* постепенно вытеснялись господствующим типом предложения (сохранилось *есть* в предложениях, как неизменяемое слово, для утверждения наличия, существования) [10].

Отметим только, что во многих примерах отсутствие форм настоящего времени создает впечатление живой устной речи. Приведем несколько примеров из древнерусских грамот и из летописи: аже влюбить немчичь на обчии соудъ. то (есть) его

[9] Оба примера из Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку.

[10] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение), стр. 118—119. См. также замечание Е. С. Истриной в отношении Синодального списка 1-й Новгородской летописи, что «предложения без сказуемого — личной формы настоящего времени глагола — существительного были вполне свойственны языку, отразившемуся в Синодальном списке» (указ. соч., стр. 54).

волѧ (Смол. гр. 1229 г., сп. D. Сум. и Лоп., с. 37. См. также списки E, F); аже боудоуть мои смолнѧне въ ризѣ. (ѥсть) вольное търгованиѥ имъ въ ризѣ (Гр. пензв. Смол. кн., Сум. и Лоп., с. 10); се ѧзъ кнѧзь великии. смоленьскыи. иванъ. олександровичь. оуноукъ. глѣбовъ. докончалъ ѥсмь. с братомь. своимь. с мѣстерѣмь. с ризьскимь. и съ пиѭмь. и с рыдѣли. и с ратманы. и со всѣми рижаны. што. (соуть) подъ ѥго. рукою (Дог. гр. Смол. кн. Ивана Александровича с Ригою, Сум. и Лоп., с. 71)[11]; ѥже ми отьць даѧлъ и роди съдаѧли а то (ѥсть) за нимь (Новг. берест. гр. XI в. или первой половины XII в., Арц. и Тих., № 9); а на лунѣнѣ. (ѥсть) человѣкъ. добръ (Новг. берест. гр., Арц. и Борк., № 314); Гюрги же посла ко Изѧславу. река мнѣ (ѥсть) ѡтчина Кыевъ а не тобѣ. тогда же высласѧ к нему Изѧславъ река не створи ми пакости а се (ѥсть) твои Кыевъ. (Лавр. л., л. 115-115 об.); кнѧзь нашь оубьенъ. а дѣтеи оу него нѣту. снокъ ѥго (ѥсть) в Новѣгородѣ. а брат҃а ѥго (соуть) в Руси (Лавр. л., л. 125 об.); ре҃ Изѧславъ. братоу своемоу Ростиславоу. брате. тобѣ Бъ далъ верхнюю землю. а ты тамо поиди противоу Гюргеви. а тамо оу тебе (соуть) Смолнѧне и Новгородци и кто ротьниковъ твоихъ (Ипат. л., л. 131 об.); бы҃ идоущимъ по Волзѣ на Болгары. поидоша на мѣсто идѣже (ѥсть) ѡстровъ нарѣцаемыи. Исади (Ипат. л., л. 219 об.).

В какой-то степени можно сблизить с этими неполными предложениями следующие случаи в памятнике житийной литературы и в проповеди: тоже тако подавахоуть ѥмоу ѿ имѣнии своихъ. ѥже (ѥсть) на потрѣбоу того тѣлеси. и на иноу потрѣбоу (Ж. Феод. Печ., л. 66 г); Изъ҃ ѿреческа позвавъшаго въ вѣчную жизнь, а ѩзыкы вѣровавшаѧ въ нб҃ное҃ цар҃тво҃ въведе: ѡнѣмъ (ѥсть) падениѥ, съблазнъ, а странамъ (ѥсть) вѣра, въстаниѥ (К. Тур., с. 4—5).

Примеры с опущенными формами прошедшего и будущего времени глагола *есмь — быти*, употребленного с конкретным значением, рассматриваем в числе случаев с другими глаголами.

Отсутствие сказуемого может быть вызвано одной из следующих причин: 1) сказуемое легко восстанавливается вследствие употребления его в предшествующем тексте (в предыдущем и дальше предложениях); 2) сказуемое ясно из контекста благодаря его частому употреблению в данном словосочетании.

Так как для памятников деловой письменности характерно стремление к предельной четкости, пропуск сказуемого, вызванный как второй, так и первой причиной, встречается в них не часто

---

[11] См. еще ряд примеров из грамот: В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение), стр. 117.

и имеет место только там, где не может возникнуть ошибки, неправильного восстановления отсутствующего сказуемого [12].

Приведем примеры с пропуском сказуемого в связи с тем, что оно употреблено в предшествующем тексте (в предыдущем и дальше предложениях). Отметим предварительно, что частота употребления в данном памятнике того или иного словосочетания с одним и тем же сказуемым (например, в летописи словосочетания, состоящего из глагола-сказуемого *дати* и наименования города, словосочетания, в которое входит глагол-сказуемое *сѣсти* и наименование города, и т. д.) способствует пропуску сказуемого, если оно названо в предыдущем тексте: се ѥкоже вѣси оче вьсѣхъ благыихъ мира сего испълънисѧ домъ мои. то же нѣсмъ тако сладъка брашьна вькоушалъ. ѥкоже нынѣ сѣде (вькоушалъ) (Ж. Феод. Печ., л. 48в); и ѥще же и въ селѣхъ тѣхъ бысть гобино. и въ скотѣхъ же (бысть) приплодъкъ. ѥкоже нѣсть было николиже (Ж. Феод. Печ., л. 64г); посади оубо сего оканьнааго стопълка въ кнѧжении пиньскѣ. а ѩрослава. (посади) новѣгородѣ. а бориса. (посади) ростовѣ. а глѣба (посади) муромѣ (Сказ. о Б. и Г., л. 8г); Стопълкъ же изѧславичь прия кнѧжение кыевѣ. а двдъ и ольгъ (прияста кнѧжение) чьрниговѣ. володимиръ же (прия кнѧжение) переѩславли. (Сказ. о Б. и Г., л. 22г)[13]; гл҃а ги кто ѥс и что велиши рабоу твоѥму. гь. же (глагола) к нему исъ хъ ѥго же ты не вѣдыи чтеши нъ иды и кртиса (Чт. Б. и Г., л. 92а); Вѣнчаимъ, братиѥ, цр҃цю днемъ, и дары чтны с вѣрою тои принесемъ, дадимъ по силѣ, ѥко же можемъ: ѡвъ (дасть) млтыню и безлобиѥ и любовь, другыи (дасть) — двтво что и вѣру и смирениѥ целицемѣрну (К. Тур., с. 19); Кто інъ мене вѣрнѣе служаи тебе: тебѣ всю тварь на работу сътвори, н҃бо и земл҃а тобѣ служита: ѡно (служить) влагою, а си (служить) плодом (К. Тур., с. 39); оу Ивана възем девдть гривень вызми полъчвьтвьрть гривьии овеса пдтьнадесѧ дежекъ овьса оу боудкъва брата (възьми) дови гривене пдтъ кны (Новг. берест. гр. рубежа XII—XIII вв., Арц. и Борк., № 219); познаѥт ли на долзѣ оу кого купивъ то своѥ коуны възметь. и семоу платити что оу него погыбло. а кнѧзю (платити) продажю. (Рус. Пр. 1282 г., л. 618 об. а—б); Аже бы ты былъ, то была бы Чага по ногатѣ, а Кощей (былъ бы) по резанѣ (Сл. о плк. Иг., с. 28); Да противу гневу божию хто постоит! А Батыеви силе велице и тяжце, един бьяшеся с тысящей, а два (бьяшетася) со тмою (Пов. о раз. Ряз., с. 11); Царь же

[12] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение), стр. 120.

[13] Опущено устойчивое словосочетание, в состав которого входит глагол.

подивился ответу их мудрому. И посла шурича своего Хостоврула на Еупатия, а с ним (посла) силныя полкы татарскыя (Пов. о раз. Ряз., с. 14); Пришьдъше же ѿ пьртоуѥва. вдаша посадничьство твьрдисла. а ѩкоуноу (вдаша) тысачьскоѥ опать (1-я Новг. л., л. 32 об.); а Михаило сѣде в галичи. и изѧславъ (сѣде) в Кыевѣ (1-я Новг. л., л. 119 об.); се лежить Сѣверянинъ. а се (лежить) Варѧгъ (Лавр. л., л. 50 об.); и сѣдаше Мьстиславъ Черниговѣ. а Ꙗрославль (сѣдаше) Новѣгородѣ (Лавр. л., л. 50 об. См. также Ипат. л., л. 55 об.); а Стославу даю Черниговъ. а Всеволоду (даю) Переѧславль (Лавр. л., л. 54 об.); искони бо бѣсъ жену прелсти. си же (прелсти) мужа (Лавр. л., л. 60 об. См. также Ипат. л., л. 66 об.); и тако рекоуче. то есть было пре дѣдъ наши и при ѡцихъ наши. миръ стоить до рати. а рать (стоить) до мира (Ипат. л., л. 133); Изѧславъ же иде Володимерю. а Оугре (идоша) въ Оугры. а Лѧхове (идоша) в Лѧхы (Ипат. л., л. 141); и почаша молвити днь того казнилъ а насъ завутра (казнить) (Ипат. л., л. 207).

Отметим редкие случаи пропуска сказуемого в связи с тем, что оно употреблено дальше в тексте: пусти бо сна своѥго ѥдиночадаго иже съшедъ съ нби и вселисавъ стую двцю и рожеса ѿ неѧ двьства же но вреже. ѩко же преже ржства (бысть). тако же и по ржтвѣ пребы двою (Чт. Б.и Г., л. 90а); Болгаре же из города и в Собѣкулѧ и ис Челмата. поидоша въ лодьꙗ а ис Торцьского (приѣхаша) на конихъ на лодьѣ наши. и приѣхавше имъ на лодьѣ. наши же Бжьеюпомощью оукрѣпляѥми. поидоша противу имъ (Лавр. л., л. 132).

Несомненный интерес представляет случай с пропуском второго именительного падежа (с меньшим основанием в раннем памятнике можно предполагать пропуск творительного падежа) при причастии страдательного залога от глагола называния. На пропуск указывает и причастие, и род. п. принадлежности: и шьдъ къ неи и много пооучивъ ю ѥже на пользоу и на спсениѥ. дши. и възвѣстивъ о неи кнѧгыни поусти ю въ манастырь женьскыи именоуемъ (манастырь) стааго николы (Ж. Феод. Печ., л. 33б).

В следующих примерах сказуемое восстанавливается на основании контекста, причем не всегда представляется необходимым восстанавливать это сказуемое — глагол бытия, пребывания или движения: се же пакы оустави си и оць нашь стефанъ. да въ ветъсѣи црквы по вьсѧ дни слоужьба твориться. за оумирающоую братию. бъ же вьсѧ (творить) на потрѣбоу (Ж. Феод. Печ., лл. 66б—в); а (живу) на Ꙗрославли добръ здоровъ и с григоремь (Новг. берест. гр. XII—XIII вв., Арц., № 69); приде архиѥппъ митрофанъ

оправивъсѧ бмь и стою софиею. въ новгородъ. марта. въ .зі. а антонии митрополитъ (дьржа) оу себе въ чти. въда ємоу єпиньюю въ перемышли (1-я Новг. л., л. 92 об. — 93); ωже ти брате не досыти всю землю Русскую держащее. а хочешь и сеѥ волости. а оубивъ мене тобѣ то (боудеть) волость (Лавр. л., л. 102. См. также Ипат. л., л. 113); мы же на пре ренаю взиде. еже рено бы. (въздадите) кесарево кесарю. а еже Бы то (въздадите) Бу (Лавр. л., л. 159); Посла великыи кнѧ Геωргии сна своѥго Всеволода на Мордву. а с ни (поидоша) Феωдоръ Ярослави. и Рѧзаньскыи кнѧзи. и Муроскыи (Лавр. л., л. 159 об.); Сдоумавъ кнѧзь Стославъ. со сватомъ своимъ Рюрикомъ. поити на Половцѣ. в борзѣ изъездомъ. повѣдахоуть бо имъ Половци. (стоѧть) близъ на Татинци. на Днѣпрѣискомъ бродѣ (Ипат. л., л. 227).

Следует отметить, что пропуск сказуемого, которое отсутствует в предыдущем тексте и восстанавливается на основании содержания данного предложения, определяемого имеющимися членами предложения и всего контекста, встречается крайне редко.

Иногда, как это имеет место в грамотах, такой пропуск вызван частым употреблением данного глагола-сказуемого в определенном словосочетании, в данной юридической формулировке (см. сказанное выше о пропуске глагола *поидоу — поити* в новгородских договорных грамотах, глагола *платити* в Смоленской торговой договорной грамоте 1229 г. и в Русской правде по списку 1282 г.).

Пропуск подлежащего наблюдается при одном из следующих условий: 1) то же слово в роли подлежащего в предыдущем (и дальше) предложении или в первой части данного сложного предложения; 2) в предыдущем предложении дополнением является слово, которое могло бы быть подлежащим данного предложения; 3) подлежащее легко восстанавливается на основании контекста в целом.

Примеры, относящиеся к последней группе, немногочисленны и встречаются почти исключительно в грамотах. Так, в грамотах, в концовке, в словосочетании *писана грамота* (дальше называется место и дата) может быть опущено подлежащее *грамота*, поскольку нет необходимости специально указывать, какой памятник написан. Изредка в грамотах находим и другие примеры с пропуском подлежащего, восстанавливаемого на основании контекста в целом [14].

---

[14] См.: В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение), стр. 123—124.

Рассматривая случаи с пропуском подлежащего при первом из названных выше условий, мы должны учитывать самый состав памятников. По наблюдениям В. И. Борковского, в купчих грамотах, где текст — от имени покупателя, который купил то или иное имущество и дал за него определенную сумму, имя покупателя может быть названо при каждом из этих сказуемых, но чаще — только при одном из них. В Смоленской торговой договорной грамоте 1229 г., где почти каждая статья заключает в себе несколько предложений, в тех случаях, когда в этих предложениях одно подлежащее (торговые люди той или иной юридической стороны), подлежащее находим иногда только в первом предложении.

Приведем примеры, в которых опущено подлежащее в связи с тем, что то же подлежащее в предыдущем тексте: Бѣ же тоу ѥдинъ братъ слабъ сы. иже и часто ѿбѣгаше ѿ блаженаго манастыра. и ѥгда (ѥдинъ братъ) пакы приидѧше. тоже блаженыи съ радостию приимаше (Ж. Феод. Печ., л. 49 г); се приде вѣстьникъ къ немоу. повѣдаѭ ѥмоу очю съмрть. како преставлѧ оць его василии. въ се бо имѣ бѧше нареченъ (оць его) въ стѣмь крщении (Сказ. о Б. и Г., л. 9а); стыи же глѣбъ молчаше акы агнѧ незлобиво. вьсь бо оумъ (стыи глѣбъ) имѧше къ бу. и возрѣвъ на нбо (стыи глѣбъ) молѧшесѧ сице (Чт. Б. и Г., л. 101б); та два была послъмь оу ризѣ. из ригы (та два) ѥхали на гочкыи берьго. тамо твердити миръ (Смол. гр. 1229 г., сп. А, Сум. и Лоп., с. 21. См. также сп. В, С); боудеть ли головникъ. ихъ въ вьрви. то зане к нимъ (головникъ) прикладываѥть того же дѣлѧ им помогати головникоу (Рус. Пр. 1282 г., л. 616а); аже боудоуть дъчери оу него дома. то даѭти часть на нѣ аже боудоуть (дъчери) замоужемъ то не дати имъ части (Рус. пр. 1282 г., л. 621 об. б); Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себе чти, а Кнѧзю славы. Съ заранія въ пяткъ (Русичи) потопташа плкъкы Половецкыя (Сл. о плк. Иг., с. 10); татари же възвратишасѧ ѿ рѣкы днѣпра. и не съвѣдаемъ ѿкоудоу (татари) соуть пришли. и кдѣ сѧ дѣша опѧть (1-я Новг. л., л. 99 об.); і новгородци не вѣдахоу кдѣ кнзь идеть. дроузии творѧхоу ѩко (кнзь) на чюдь идеть (1-я Новг. л., л. 135); и приникъши ѲЭльга и ре имъ добра ли вы честь. ѡни же рѣша пущи ны Игоревы смрти. и повелѣ (ѲЭльга) засыпати ѩ живы. и посыпаша ѩ (Лавр. л., л. 15 об. См. также Ипат. л., л. 22 об.); и Рѧзаньскыи кнѧзь сна посла. и Муромьскыи (кнѧзь) сна же посла (Лавр. л., л. 121 об.); Изѧславъ же ре емоу вси на старѣи ѡць твои. но с нами (ѡць твои) не оумѣеть жити (Ипат. л., л. 134).

В следующих примерах опущено подлежащее в связи с тем, что на него указывает дополнение в предыдущем предложении или в первой части данного предложения: нъ въспомѧноухъ ги слово твоѥ рекъшеѥ. аще имате вѣроу ѩко и зърно горушьно. и речете горѣ сеи прейди и въврьзисѧ въ море. и абие (гора) послоушаѥть васъ (Ж. Феод. Печ., л. 26б); а ѩрославъ прея вьсю волость роускоую. и начатъ въпрашати о т(ѣ)л(е)сьхъ стою. како или кде (тѣлеса стою) положена ѥста (Сказ. о Б. и Г., л. 16б); Исаиа же ѡ оучѧщихъ ѥго: въставъ, рече, сберу братию мою, и оузрать (братиа моа) славу мою (К. Тур., с. 16); Аже боудѣте роусиноу платити. латинескомоу. а не въсхочеть (роусинъ) платити. то ть латинескомоу просити. дѣтского оу тиоуна. (Смол. гр. 1229 г., сп. А, Сум. и Лоп., с. 22. См. также сп. В, С); се жадъке послав: ѧбетника дова и (ѧбетника дова) пограбила ма: въ братни долгъ (Новг. берест. гр. середины XII в., Арц. и Борк., № 235); Чрьна земля подъ копыты, костьми была посѣяна, а кровїю польяна; тугою (кости) взыдоша по Руской земли (Сл. о плк. Иг., с. 17—18); И князь Феодор Юрьевич приде на реку на Воронеж к царю Батыю, и принесе ему дары и моли царя, чтобы (царь) не воевал Резанския земли (Пов. о раз. Ряз., с. 9); Седлай, брате, Ондрей, свои борзые комони, а мои (комони) готовы, напереди твоих оседлани (Сл. о Кулик. битве, с. 36); Въ то лѣ стрѣмиша кнзѧ. мтьници всѣволожи нъ (кнзь) живъ бы (1-я Новг. л., л. 18); новгородци же послаша къ ѩрославоу по кнзѧ. і дасть имъ (Ѩрославъ) сна своего андрѣа (1-я Новг. л., л. 128); и покори Бъ Адаму звѣри и скоты. и ѡбладаше (Адамъ) всѣми и послушаху его (Лавр. л., л. 29. См. также Ипат. л., л. 35); ѡни же рѣша ѩко ходихомъ въ Болгары. смотрихомъ како (Болгары) сѧ покланаютъ въ храмѣ рекше в ропати (Лавр. л., л. 37. См. также Ипат. л., л. 41); Посла Изѧславъ сна своѥго Мстислава на Половци. к Песлу. зане (Половци) пакостѧхуть тогда по Сулѣ (Лавр. л., 113 об.); Половѣць же бѣ много. и лежахоуть (Половци) без боязни. надѣючесѧ на силоу свою. и на Игоревъ полкъ (Ипат. л., л. 218 об.); Тое же зимы ходи Романъ Мьстиславичь. на ѦТвагы. ѡтомьщиватьсѧ. бѧхоуть бо воевали. (ѦТвази) волость его (Ипат. л., л. 241).

Встречается пропуск подлежащего и тогда, когда на него в предыдущем тексте указывает обращение — слово, которое должно было бы выступить дальше в роли подлежащего (первый пример)[15], или притяжательное прилагательное, образованное от имени существительного — ожидаемого подлежащего (второй пример): приде Антонии по ѡбычаю ко ѡконцю. и гла Ги блгви

[15] Такие случаи составляют исключение.

ѡче Исакие. и не бы ѿвѣта. и ре Антонии се оуже преставилсѧ есть (Исакии) (Лавр. л., л. 65. См. также Ипат. л., л. 71 об.); мы бо вѣмы мл҃рье Ӏрополче. ꙗко не радуетсѧ (Ӏрополкъ) кровипролитью, но Ба ради всхощеть мира. то бо сблюдаѥть землю Русскую (Лавр. л., л. 101 об. См. также Ипат. л., л. 112).

Как отмечено выше, случаи с пропуском подлежащего, восстанавливаемого на основании контекста в целом, в других памятниках, кроме грамот, составляют исключение: и заповѣдано же бысть по всеи странѣ тои. аще къде видѣвъше такого отрока. да пришьдъше възвѣстите мтри ѥго и великоу мьздоу приимоуть (ти людиѥ) ѡ възвещении ѥго (Ж. Феод. Печ., л. 31г). Игорь плъкы заворачаетъ; жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день (Русичи), бишася другый; третьяго дни къ полуднію падоша стязи Игоревы (Сл. о плк. Иг., с. 18); Уже соколома крильца припѣшали погаными саблями, а самаю (Половци) опустоша въ путины желѣзны (Сл. о плк. Иг., с. 24); хочеши ли сѧ власти не боꙗти. злаго не твори и похвалить тѧ. аще ли зло творишь боисѧ. не бо без ума (кънѧзь) мечь носить (Лавр. л., л. 142)[16].

Дополнение, выраженное именем существительным, может быть опущено тогда, когда то же существительное в качестве дополнения (обычно однородного — в том же падеже) или в качестве подлежащего уже названо в данном предложении или в предыдущем. На пропуск дополнения, как мы уже отмечали выше, указывает согласованное с ним определение, выраженное обычно местоимением (реже — именем прилагательным, еще реже — порядковым числительным), которое тем не менее не становится заместителем имени существительного.

В древнерусских памятниках, как это видим из некоторых приведенных ниже примеров, может и не быть определения, согласованного с опущенным дополнением, но на пропуск его указывает сходное словосочетание в предыдущем тексте с данным дополнением в его составе.

Приведем примеры с опущенным дополнением, на которое указывает дополнение — то же слово в предыдущем тексте: око. роука. нъга. или инъ что любо. по пѧти гривьнъ серьбра. ѿ всѧкого. платити. за ѡкъ .е. (гривьнъ) серьбра. за ѥгоу .е.

---

[16] Ср. в той же летописи на л. 148 об.: Престависѧ велїкыи кнѧ Всеволодъ... кнѧживъ. в Суждальстѣи земли лѣ. л. и .з. много мужствовавъ. и дерзость имѣвъ на бранѣ показавъ. украшенъ всѣми добрыми нравы. злыи казнѧ. а добромысленыи милуи. кнѧ бо не туне мечь носить в месть злодѣе. а в похвалу добро творѧщи.

(гривьнъ) серьбра. и за всѧкыи соуставъ. пѧть гривьнъ серебра [17]. За зоубъ .г. гривнъ серебра (Смол. гр. 1229 г., сп. А, Сум. и Лоп., с. 21. См. также сп. В, С); поимало дани лонескиі возми і моі (дани) (Новг. берест. гр. первой половины или середины XIV в., Арц. и Борк., № 286); а свиньи ти кнѧже гонити. за шесть десѧтъ верстъ около города. а в тои шьстидесятъ (верстъ) новгородьцю гонити (Новг. гр. между 1325—1327 гг., Шахм. О языке, № 15); на семь. на всемь. кнзь великыи цѣловалъ крътъ къ всемоу новоугородоу. такоже посадникъ и тысѧцкыи. и весь новъгородъ цѣловали (крътъ) къ великомоу кнѧзю. по любви въ правдоу безъ всѧкого извѣта (Новг. гр. между 1325—1327 гг., Шахм. О языке, № 15); аже лодью оукрадеть то .з. коунъ продаже. а лодию лицемь воротити. а за морьскоую лодью .г. грвны (продаже). а за набоиноую (лодью) .в. грвне. (продаже) а за челнъ .и. коунъ. (продаже) а за строугъ грвна. (продаже) (Рус. Пр. 1282 г., л. 624 об. б—625а); заложиста црьковь камѧноу. стго кюрила. въ манастыри. въ нѣлезѣнѣ. къснѧтинъ и дъмитръ. братеника на лоубѧнѣи оулици. и начаша дѣлати. (црьковь) мца апрїля. а коньцаша (црьковь) мца июля. въ. .и. на стго прокопиа (1-я Новг. л., л. 56 об.); и бѣхоуть съ высокыхъ скалъ на градѣ. грькы и варгѧгы камениемь. и стрѣлами и соулицами. а съ нижьнихъ (скалъ) на гра сълѣзоша. и та възѧша гра (1-я Новг. л., л. 69 об.); [И]маху дань Варязи из заморья на Чюди и на Слвѣне. на Мери. и на всѣхъ Кривичѣхъ. а Козари имаху (дань) на Полянѣ. и на Сѣвере и на Вятичѣхъ (Лавр. л., л. 7. См. также Ипат. л., л. 8—8 об.); быв же Адамъ. лѣ .с. и .л. роди Сифа и .в. тщери. и поа едину (дщерь) Каинъ а другую (дщерь) Сифъ (Лавр. л., л. 29 об. См. также Ипат. л., л. 35 об.); заоутра приѣхаша Печенѣзи. и свои мужь приведоша. и въ наши не бы. (своего мужа) и поча тужити Володимеръ сла по всѣ воемъ (Лавр. л., л. 42 об. См. также Ипат. л., л. 46); аще кто умреть ѿ ваши людии то възносимъ ѥсть на нбо. аще ли ѿ наши (людии) оумираѥть то носимъ к нашимъ бгмъ в бездну (Лавр. л., л. 60 об. См. также Ипат. л., л. 66 об.); и идаше на деснѣи и сторонѣ Стополкъ на. шюеи (сторонѣ) Володимеръ (Лавр. л., л. 73. См. также Ипат. л., л. 81); и гнаста по немъ. ѣтъ бо бѣ двѣма копиема подъ ни конь.

[17] Дополнение дважды опущено, но в конце текста (в третьем случае) оно имеется.

а третьимъ (конiемь) въ передниi лукъ сѣделныи. самъ же оутече кнАзь вь городъ. а дружину его изъимаша, а другую (дружину) посѣкоша. а ѡстрогъ пожѣгоша (Ипат. л., л. 211); и выиде противоу емоу Всеволодъ. со всими Соуждальскими полкы. и с Рязаньскими полкы и Муромьскими. (полкы) (Ипат. л., л. 217 об.).

Опущено дополнение, которое в предыдущем предложении является подлежащим: которыи роусинъ. или латинескыи. противоу сеѥ правды мълвить. того (роусина или латинеского чл҃вка) почьсти за лихии моужь (Смол. гр. 1229 г., сп. А, Сум. и Лоп., с. 25. См. также сп. В, С); тъ ть ли дѣтьскыи не исправить возма мьздоу. приставити на нь дроугого. (дѣтьского) (Гр. неизв. Смол. кн., Сум. и Лоп., с. 12); а ѕ кюриле горохѕ цетвертина. ѕ свѣто же петра а тѕ (цетвертинѕ) приказахо нездыле же (Новг. берест. гр. середины или второй половины XIII в., Арц. и Борк., № 220); (и) быша .г҃. братьıа единому (брату) имА Кии. а другому (брату) Щекъ. а третьему (брату) Хорив҃ъ (Лавр. л., л. 3 об. См. также Ипат. л., л. 5); Меѳодии же свѣдѣтельствуѥть ѡ нихъ. ѩко. .и҃. колѣнъ пробѣгли суть. егда исѣче Гедеѡнъ. да .п҃. ихъ бѣжа в пустыню. а .д҃. (колѣна) исѣче (Лавр. л., 77 об. См. также Ипат. л., л. 86).

Так как на основании контекста опущенное дополнение труднее восстановить, чем подлежащее, пропуск дополнения, восстанавливаемого по смыслу, встречается в древнейших памятниках весьма редко: а отъ рогнѣди .д҃. сны имѣаше изѩслава. и мьстислава. и ѩрослава. и всеволода. а отъ инои (жены) (имѣаше) сто҃слава и мьстислава, а отъ българынѣ бориса и глѣба (Сказ. о Б. и Г., л. 8в-г).

III. Общие черты в судьбе неполных предложений в старорусских, старобелорусских и староукраинских памятниках

Судьба неполных предложений в старорусских, в старобелорусских и староукраинских памятниках сходна, и это объясняется в первую очередь тем, что все основные типы неполных предложений сложились значительно раньше — в общерусский период. Следует в то же время отметить и одно общее для всех восточнославянских памятников сравнительно позднее явление — почти полное отсутствие неполных предложений, в которых, помимо предшествующего сходного словосочетания с дополнением, на отсутствующее дополнение указывает не определение (его нет в предложении), а управляющее этим дополнением другое дополнение.

Выше приведены такие случаи из древнерусских памятников — из Смоленской грамоты 1229 г., из Новгородской грамоты между 1325—1327 гг. (первый пример), Русской правды по списку 1282 г. Также почти выходят из употребления и неполные предложения, в которых нет и управляющего отсутствующим дополнением стоящего перед ним другого дополнения. Это отсутствующее дополнение восстанавливается на основании сходного словосочетания в предыдущем тексте и управляющего глагола-сказуемого, от которого зависело бы дополнение, если бы оно было включено в текст. Отмеченные неполные предложения встретились нам в древнерусских памятниках — в Новгородской грамоте между 1325—1327 гг. (второй пример), в 1-й Новгородской летописи (первый пример), в Лаврентьевской летописи 1377 г. (первый и третий примеры) [18].

Общим для всех восточнославянских памятников явлением следует признать и рост случаев с опущенным сказуемым, когда это сказуемое не восстанавливается на основании предыдущего текста, поскольку в этом тексте и нет данного сказуемого. В то же время и нет необходимости восстанавливать это сказуемое, настолько ясным представляется значение глагола-сказуемого (значение наличия, нахождения, бытия, существования, а также движения) в данном словосочетании, где часто (но не всегда) имеется и управляемое опущенным глаголом-сказуемым дополнение. Примеры мы приводим ниже. Большинство из них — в памятниках деловой письменности, а также в других произведениях с сильным влиянием живой разговорной речи.

Отметим еще одну характерную особенность старорусских, старобелорусских и староукраинских памятников: употребление местоимения *онъ* в качестве заместителя только что названного имени существительного привело к некоторому уменьшению случаев с отсутствующим подлежащим. Этот вывод, однако, не относится к произведениям с сильным влиянием живой разговорной речи. Хотя в них находим постановку *онъ* вместо ранее названного существительного, однако параллельно шел значительный рост числа случаев с неполными предложениями без подлежащего.

Объединяет старорусские, старобелорусские и староукраинские памятники и еще одна особенность, которая весьма редко встречалась и в древнерусских памятниках. Имеем в виду отдельные случаи употребления даже в памятниках XVII в. неполных предложений с опущенным подлежащим, когда на это подлежащее указывает притяжательное прилагательное, а не имя существительное.

---

[18] Сходные примеры и в Ипатьевской летописи около 1425 г.

IV. Неполные предложения в старорусских памятниках

Рассмотрим неполные предложения в старорусских памятниках. В них постепенно все большее место занимают предложения, в которых нет необходимости восстанавливать глагол-сказуемое.

Приведем ряд примеров, в которых говорится о существовании, присутствии того или иного лица, предмета, а также о наличии того или иного признака (этот признак может быть назван и с отрицанием при нем) в предмете (подлежащем): а кто возметъ управную грамоту, или зазывную, или безсудную, или подписную челобитную не на тотъ срокъ, *и та грамота не в грамоту и безсудная не въ безсудную* (Моск. гр. 1602 г., АЮБ, т. I, № 43); и онѣ доктуры въ ту рану щупомъ щупали, а пулки не дощупались, потому что рана глубока, а то подлинно *что пулка въ головѣ* (Рус. гр. 1644 г., АИ, т. III, № 302); а Государь нынѣшній малъ остался, а бояре живутъ по своей волѣ, *а отъ нихъ великое насиліе* (Отрывок розыскного дела, АИ, т. I, № 140); А которо[и] намесникъ или вла[с]те[л][ь] бе[з] боя[р]ского суда, а выда-[с]ть холопа или робу бе[з] докладу и правую грамоту дасть, — *и та грамота не въ грамоту* (Суд. Фед. Ив., с. 33); мѫжь ли придетъ гостьѧ ли ѡбычнаѧ прїидетъ всегды бы над рѫкоделїемъ сидѣла сама *то ей честь и слава и мѫжѫ похвала* (Домострой, с. 28); а всѧкаѧ ссѫда имати и давати в честь и беречи паче своего і ѿнести на срокъ чтобы сами гдри того не просили и по то не посылали ино и впредь дадѫт *и дрѫжба впрокъ* (Домострой, с. 30-31); а коли чево изобилно запасено в дешевѫю порѫ, ино в дороговлю и продастъ, ино самъ елъ и пилъ даромъ, *а денги ѡпѧть дома* (Домострой, с. 44); хто убо мало посушаніе или покои намъ сотворитъ, *тому убо гоненіе и мученіе* (Письма Ив. IV, л. 152); аще ли кто раздражитъ насъ чемъ или кое принесетъ намъ утесненіе, *тому богатство, слава и честь* (Письма Ив. IV, л. 152); А будетъ которая съсылка по допросу скажетъ, что онъ про которое дѣло слышавъ отъ людей, а самъ того дѣла не вѣдаетъ: *и та съсылка не въ съсылку* (Улож. 1649 г., с. 56—57); не вем, как плачю, а *очи сердечнии при реке Волге* (Аввакум. Житие, с. 60); И я-су подумал: кормилица то есть наша, *детки у нея*, надобно ей курки (Аввакум. Житие, с. 78); *Он самъ на берегу, бояроня в дощенике* (Аввакум. Житие, с. 81); Аз же ей подробну известих: «жена, что сотворю? *зима еретическая на дворе*; говорить ли мне или молчать? — связали вы меня!» (Аввакум. Житие, с. 87); Егда же мя паки из Даур привезоша, *тому лет 15*, развратишася милыя мои други (Аввакум. Письма, с. 260); Горе им, бедным, будет в день судный, *судия бо близ, при дверех*, сотворити кончину веку сему суетному (Аввакум. Письма, с. 242).

Как и предыдущие случаи, особенно многочисленны и предложения без глагола-сказуемого со значением движения в сочинениях Аввакума. Это объясняется эмоциональной окраской повествования Аввакума, стремлением к динамичности изложения, что характерно для разговорной речи. Вполне понятно, что и в пословицах XVII в. предложения без глагола-сказуемого со значением движения весьма распространены. Приведем ряд примеров: А службы твои государевы всякіе служу, *с Москвы на службу, а с службы к Москвѣ* (Пересветов, с. 80); *люди в рот*, а ты глот (Сатиры о пьянстве, с. 72); Людие же ко двору приступают, *и по граду молва велика* (Аввакум. Житие, с. 64); *Сверху дождь и снег*, а на мне на плеча накинуто кафтанишко просто (Аввакум. Житие, с. 72); *Я-де по большой дороге, к Москве напрямик*! (Аввакум. Житие, с. 98); *А пономарь шелепом по спине* (Аввакум. Письма, с. 231); да и я, и жена, и иные охотники ну же пред Христом кланятца в потемках тех: я 300 *поклон. 600 молитв Исусовых да сто богородице, а жена 200 поклон, да 400 молитв*, понеже робятка у нее нищат (Аввакум. Письма, с. 286);[19] *В баню на ногах, а и*[з] *бани на дровнях.* (Пословицы XVII в., л. 334); *М*[ѫж] *женѫ. лозою а она емѫ грозою* (Пословицы XVII в., л. 357 об.); *На* [д]*во*[р] *чере*[з] *заборъ а в тюрмѫ. дверми* (Пословицы XVII в., л. 359); *Ты за хрѣнъ, а хрѣнъ за тебя* (Пословицы XVII в., л. 371 об.); *Шелегъ в мошнѫ. а алтынъ. из мошны* (Пословицы XVII в., л. 379 об.).

Пропуск сказуемого (не названного ранее), вызванный частым употреблением такого сказуемого в сходном контексте, выходит из употребления. Широко распространены неполные предложения, в которых отсутствует ранее названное сказуемое. И такой пропуск способствует динамичности изложения, характерен для разговорной речи. Особенно яркие примеры таких предложений в пословицах. Приведем примеры из памятников различных жанров: а дворѧно[м] нашы[м] ка пошло. пого имати. ѡто кнзѧ по пѧти ку. а ѡ тиоуна (имати) повѣ куны (Новг. гр. XV в. Шахм. О языке, № 20); а гдѣ ꙗ(з), кнꙗ[з](ь) велики[и], всадѫ на ко[н](ь) самъ или мои с[ы]нъ Иванъ (всадетъ), и тобѣ с нами пои[т]ти (Моск. гр. 1531 г. Дух. дог. гр., № 101 (а); А буде[т] о[н] куря уби[л] петуха, ино на не[м] взяти соро[к] а[л]ты[н], а за курицу (взяти) две де[н]ги (Суд. Фед. Ив., с. 55); а женаты с своими женами законно бы жили по дховнаго ѡца наказанїю, ѡ женъ бы свои[х] не блѫдїли а жены (не блѫдїли бы) ѡ мѫжеи (Домострой, с. 20); іно государю гдѣ взяти в' казну царьскую десять рублевъ; і онѣ на царя воз'мут десять рублевъ, а на себя (воз'мут) сто рублевъ (Пересветов, с. 65); и въ Вели-

[19] Отсутствуют не только глаголы-сказуемые со значением движения, но и глаголы-сказуемые со значением говорения.

комъ Новѣградѣ поставиша архіепископа Александра первымъ митрополитомъ Великому Новуграду, а Ростову — (поставиша) Варлама, третіаго митрополита — (поставиша) въ Казань, а четвертаго — (поставиша) на Крутицы (Ст. о смуте, с. 1280); А изъ Кесаріи пошелъ на Едесъ, а изъ Едеса (пошелъ) на Омидонію (Пут. Гогары, с. 112); Пожаловал, ко мне прислал десеть рублев денег, царица (прислала) десеть рублев же денег, Лукьян духовник (прислал) десеть рублев же, Родион Стрешнев (прислал) десеть рублев же (Аввакум, Житие, с. 92); Кланяючись, посланник говорит. И я по нем всегда плачю; жаль мне сильно ево. И паки он же (говорит): «пожалуй-де послушай меня: соединись со вселенскими теми хотя небольшим чем!» (Аввакум. Житие, с. 104); Оне пускай против воевод идут турскаго, а мы (идем) на самого диявола и Салтана — царя. (Аввакум. Письма с. 204); Видала ли ты? — земские ярышки друг друга не осужают. Тако и мы (не осужаем) (Аввакум. Письма, с. 290); Апрѣль богатъ водою а октябрь (богатъ) пивомъ (Пословицы XVII в., л. 324); Богъ далъ родню а дьяволъ (далъ) вражду (Пословицы XVII в., л. 328 об.); Замокъ приго^{ж} клетью а задокъ (приго^{ж}) плетью (Пословицы XVII в., л. 346); Косу острятъ на травѫ а мечь (острятъ) на главѫ (Пословицы XVII в., л. 350 об.); Листъ краситъ древо а одежда (краситъ) чрево (Пословицы XVII в., л. 354 об.); Лося бьютъ в осень. а дѫрака (бьютъ) всегда (Пословицы XVII в., л. 354 об.); Роса мочитъ по зорямъ а дождь (мочитъ) по порамъ. (Пословицы XVII в., л. 366 об.); Феураль. богатъ снѣгомъ. Апрѣль (богатъ) водою (Пословицы XVII в., л. 381).

Как уже отмечалось, включение в предложение местоимения *онъ*, заменяющего только что названное подлежащее, привело к тому, что в поздних памятниках (за исключением близких к разговорной речи) стали реже употребляться неполные предложения с опущенным подлежащим. Это в первую очередь относится к предложениям, где опущено подлежащее, которое в предыдущем предложении названо и является тоже подлежащим. Следует, однако, отметить, что местоимение *онъ* не всегда может заменить имя существительное, названное раньше. Такая замена невозможна, когда необходимо или желательно включить в текст определение.

Приведем как примеры, где на опущенное подлежащее указывает в предыдущем предложении или в первой части данного предложения подлежащее, так и те, где на него указывает дополнение. Восстановить подлежащее в ряде случаев помогает имеющееся в предложении определение: 1. а далъ. родивонъ сидору. на тои. земли .р. бѣ. да пузъ. жита сѣмянного. пополонка а купилъ (родивонъ) собѣ и своимъ. дѣтемъ. ꙋдерень (Двин. гр. XV в., Шахм. Исслед., № 75); какъ которое сѫдно

понадобитца ино бы (сѫдно) было готово (Домострой, с. 54); у всѣхъ поясовъ крюки и пряжи и наконешники желѣзны лужены, а иные (крюки, пряжи и наконешники) мѣдяны лужены. (Оружие Бор. Год., с. 37); Градъ убо Іерусалимъ стоитъ на востокъ, на Сіонѣ горѣ, на 4 углы, на крестъ, а въ кругъ его три версты; одинъ уголъ стоитъ на полдень, а другой (уголъ) на полунощъ, а третіи (уголъ) на востокъ, а четвертый (уголъ) на западъ (Пут. моск. купцов, с. 138); и ту Господь воскреси его; и ту стоитъ церковь Воскресенія Христова, другая (церковь) Лазаря (Пут. моск. купцов, с. 147); И я спросил: «чье корабли?» И оне отвещали: «Лукин и Лаврентиев (корабли)» (Аввакум. Житие, с. 60); Ахотя утебя полкъ, 3000 человѣкъ, и на первомъ смотре объявится половина смушкѣтами, а другая (половина) скопьями вобѣихъ половинахъ по 1500 человѣкъ (Уч. и хитр. рат. стр., с. 5); Раꙗняꙗ птица но очищаетъ. а поꙗняя (птица) глаза продираетъ (Пословицы XVII в., л. 366); Скрыпѫчее дерево стои. а ꙁдоровое (дерево) летитъ (Пословицы XVII в., л. 368 об.); ѫ рака мочь в клешнѣ. а у богатова (мочь) в мошнѣ (Пословицы XVII в., л. 372 об.); Чья бы корова мичала твоя (корова) за ѧвое моѧчала (Пословицы XVII в., л. 377 об.).

2. Послали есмя к вамъ въ монастырь подъ начало, Нагово Петра, а велѣли есмя вамъ приставити къ нему три или четыре старцы добрыхъ да дву слугъ, и велѣли его беречі, чтобъ (Нагой Петръ) не утекъ (Моск. гр. 1589 г., АИ, ч. I, № 225); И онѣ де призвали къ той церквѣ священника изъ нашіе митрополіи съ Бѣлой, и былъ (священникъ) по нынѣшней 139 год и отшелъ прочъ (Новг. гр. 1631 г., АЮБ, т. I, № 31, XXV); Казни сна своего ѿ юности его и покоитъ (снъ свои) та на старость твою і дастъ красотѫ дши твоеи (Домострой, с. 14); и госта пьаново беречи, чтобы (гость пьаныи) не истерялъ чево (Домострой, с. 49); а схизматиком опымъ не показуи того, а ни споруися съ ними, бо (схизматики оныи) зело сварливы и упрямы (Письма Курб., с. 470); От молитв святых Анастасѣевых пришло великое сумнѣние на царя Магметя, велми о том (царь Магметь) мыслил и хотѣ вѣру християнскую приняти (Пересветов, с. 84), и быша исцѣленіа велики недуги одержимыми приходящымъ человѣкомъ отъ мощей святаго мученика Димитріа царевича во граде Углече, идѣже (святый мученикъ Димитрій царевичъ) отъ злотворных рукъ убіенъ бысть (Ст. о Смуте, с. 1298); И смотрятъ из рукъ и изъ скверныхъ устъ его, что (онъ) имъ дастъ и укажетъ (Пов. о Рос. царстве, с. 208); И дивихомся человѣколюбію Божію: како (Богъ) терпитъ? (Пут. моск. купцов, с. 142) [20]; И отъ того камышу продаютъ, въ кое время (камышъ) поспѣетъ,

[20] На опущенное подлежащее указывает не существительное (Бога), а притяжательное прилагательное (Божію).

не дорого: великой пучекъ его на деньгу (Пут. Гогары, с. 117); А топерво от турок видим смерть свою лютую. Поморили нас (турки) безсонием (Пов. об. азов. взятии, с. 76); И нынеча мне жаль курочки той, как (курочка та) на разум прийдет (Аввакум. Житие, с. 78); дивны дела господня и неизреченны судьбы владычни! — и казнить (господь-владыка) попускает, и паки целит и милует! (Аввакум. Житие, с. 107) [21]; Да не носи себе треухов тех, сделай шапку, чтоб (шапка) и рожу ту всю закрыла, а то беда на меня твои треухи те (Аввакум. Письма, с. 208); Дали ногому рубашку инъ (рубашка) толста (Пословицы XVII в., л. 339 об.); Шопта[л]. емъ по[л] носъ да не во[з] метъ (онъ) в разъмъ (Пословицы XVII в., л. 379 об.).

Приведем несколько примеров с пропуском дополнения, на которое указывает в предыдущем тексте или дополнение или подлежащее: а вишневого морсъ и малинового (морсъ) два ѡловѧника (Домострой, с. 46); 2 самопала съѣжіе. У одново (самопала) ствол грановитъ вполы, а у другово (самопала) стволъ граненъ весь (Оружие Бор. Год., с. 33); И тутъ имянно написано, что Господь Богъ не всѣхъ языкъ выкоренилъ но нѣкоторыхъ (языкъ) оставилъ (Уч. и хитр. рат. стр., с. 36); На ту денгу купит ерьшев много, половину (ерьшев) сьедят, а другую (половину ерьшев) расплюют и собакам размечют. (Пов. о Ерше, с. 149); Сняли большую чепь да малую (чепь) наложили. Курочка у нас черненька была; по два яичка на день приносила робяти на пищу, божиим повелением нужде нашеи помогая; бог так строил. На нарте везучи, в то время удавили (курочку черненьку) по грехом (Аввакум. Житие. с. 78); Разделим грех — от ево на части: мне часть (греха), тебе часть (греха), ему часть (греха) а четвертую часть (греха) на бога положим (Аввакум, Письма, с. 253); Добрꙋю лошаку рꙋкою побивай а [л]ругою (рꙋкою) слезы утира[л] (Пословицы XVII в., л. 339 об.); Которая дша чесноκъ не ѣла. ѿ тое (дши) не воняетъ (Пословицы XVII в., л. 352); Лаково телетко двѣ маки сосе а лихое. и онъ (макъ) запꙋсти (Пословицы XVII в., л. 353); С коим обычаемъ в колыбѣлку с тѣ (обычаемъ) и в могилкъ (Пословицы XVII в., л. 368); Семь в тебѣ дшъ да не о[л]нои (дшѣ) пути нѣтъ (Пословицы XVII в., л. 370); ѿ берегу осталъ а к[л] дрꙋгому (берегу) не присталъ (Пословицы XVII в., л. 376 об.).

Следует отметить, что, как правило, при пропуске дополнения, на него указывает определяющее это дополнение слово. Пропуск дополнения, не имеющего при себе определения и зависящего от другого дополнения (см. в группе примеров, в которых на пропущенное дополнение указывает дополнение в пре-

[21] На опущенное подлежащее указывают не существительные (господа, владыки), а притяжательные прилагательные (господня, владычни).

дыдущем тексте, первый случай в примере из «Повести о Ерше», три случая в примере со стр. 253 из «Писем» Аввакума) или непосредственно от глагола (см. пример со стр. 78 «Жития» Аввакума), встречается редко.

Интерес представляют случаи употребления неполных предложений при вопросо-ответной форме изложения, когда автор сам отвечает на поставленный им вопрос, и в диалогах: Или мниши, окаянне, яко убрежешися? Никако же (Письма Ив. IV, стр. 15); И хто текше отъ таковыхъ отъиметь? И хто угаситъ и кто братію отъ таковыхъ и толь лютыи (в другом списке: лютыхъ) бѣдъ избавитъ? Никто же (Письма Курб., с. 397); И я ему сопротивно: «хочеши ли впредь цел быти?» Он же лежа, отвеща: «ей, честный отче!» (Аввакум. Житие, с. 63); Прости, Михайлович-свет, либо потом умру, да же бы тебе ведомо было, да никак не лгу, ниж притворяяся говорю: в темнице мне, яко во гробу, сидящу, что надобна? Разве смерть? Ей, тако (Аввакум. Письма, с. 198).

Здесь мы видим различные с точки зрения структуры неполные предложения — ответы. Объединяет их все то, что ни в одном из них не повторяется сказуемое. Следует при этом отметить одну особенность последнего примера. В нем два вопроса, причем в первом вопросительном предложении имеется сказуемое, а во втором оно не названо, но ответ подразумевает и подлежащее второго вопроса, и сказуемое — первого. В первом из приведенных выше примеров неполное предложение состоит из слова-отрицания, во втором — из подлежащего, в двух следующих содержится утвердительная частица *ей*, сопровождаемая обращением (в диалоге) или наречием-обстоятельством, усиливающим утверждение (в ответе автора на поставленный им же вопрос).

Когда в тексте два вопроса, причем меняется слово, являющееся по смыслу центральным в этих вопросах, во втором вопросе может быть названо только это главное слово. Пример из «Писем» Аввакума (со стр. 198) является иллюстрацией к данному положению. Сюда же примыкает и следующий пример, который в большей степени, чем названный выше, можно отнести к обычным случаям пропуска сказуемого, поскольку оно уже названо раньше: Смерть ли мнѣ грозитъ? Иже бы емъ воистинну отъ людей! Або изгнаніе? Да отъ злыхъ отшествіе будетъ ми! (Письма Курб., с. 139).

V. Неполные предложения в старобелорусских и в староукраинских памятниках. Вывод о сходных и даже совпадающих путях развития неполных предложений в восточнославянских языках

Старобелорусские, как и староукраинские памятники, только дополняют ту картину, которую дают нам старорусские памятники. Широко представлены случаи без глагола, говорящего

о наличии, существовании чего-либо, причем этот глагол-сказуемое и нет необходимости восстанавливать. Иногда такое отсутствие глагола-сказуемого наблюдаем в определенных сложившихся формулировках (см., в частности, «Попис татаръ домовыхъ Великого Князства Литовъского» 1567 г.): а того брата моего Юхна на томъ именьи посадилъ, на высл8зе, *што* 8 *Радошковичахъ*. (Вил. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 25); И будетъ такъ какъ они намъ били челомъ, *што тые помѣстья теперь ни за кѣмъ* и мы великіе господары даемъ имъ тые помѣстья и деревни въ ихъ оклады (Вил. гр. 1612 г., АЗР, т. IV, № 183, ДСССУШ); А естли бы выправы не дали, ани теж умираючы записали, тогды то про то мают суди все именье на суме ошацовати, и за што станет четвертая часть, *хотя много сынов*, *а одна дочка*, тогды мает дати тое выправы, чего четвертая часть именя стоит, а *хотя теж один сын*, *а много сестръ*, тогды теж на вси сестры четвертая часть шацунку розделити, и кождой выправу ровную с тое четвертое части маеть дати (Лит. ст. 1529 г., с. 28); и сподобалоса ему вельми и ѡ[н] тамъ посели(л)са и заложылъ горо[д] и назоветь има ему Троки *гдѣ тепе(р) Старые Троки* (Лет. Рачин., с. 244); А потомъ тотъ владыка до Орши пріѣхалъ, *а при немъ людей пять человѣкъ*, *возки два* (Вестов. отписки Кмиты, 1573—1574 гг., АЗР, т. Ш, № 58); Адничикъ Мансаревичъ *самъ дома*, выслалъ татарина Богдана, конь, согай, кор. (Сп. татар. дом. Из Переписи войска литовского 1567 г., РИБ, т. XXXIII, с. 1357. На той же странице еще один случай с сочетанием *самъ дома*. См. также стр. 1364, стр. 1370 — два случая, стр. 1371, стр. 1373 — два случая, стр. 1374); Корол рече: Пытам васъ, што то за хлопец, што его вижу? *Чы з вашого города?* (Ист. о Гвид., с. 136); Бово почал говорыти рыбаком: Которая то земла и хто ее держыт? — Пане тому городу има Момбрадъ, и *в немъ корол Маркобрун* (Ист. о Гвид., с. 148); Рекла королева: *Тут вже мои конец*, толко бы ма Богъ простилъ ѡтъ беремени, што бых могла породити, а надо мн[ою] нехаи его сватое милости будетъ вола (Пов. о витязях, с. 5); Рекъ Говорнаръ: *ꙗк твоꙗ волꙗ* (Пов. о витязях, с. 48); рекъ король ѡрлендэискии: Можемъ ли поити свободне, ꙗкъ правые, куды хочем? Ѡни рекли: Можете, *куды ваша волꙗ* (Пов. о витязях, с. 65—66); Ѡповедели жидова *кро*$\overset{\frown}{\text{в}}$ *на на и на сыны наше* (Страсти Христовы, л. 19).

Наблюдаем в старобелорусских памятниках и значительный рост случаев без глагола движения, что придает изложению не только большую лаконичность, но и известную экспрессивность: урядили, утверди(ли) есмо вѣчьно и границю удѣлали рѣкою на имя Локницею, и продали къ Солоному Бабій островъ князя бискуповымъ людемъ зъ усимъ правомъ земли и въ бортяхъ: *ни бискуповымъ через Локницу*, *ани каноничимъ* (Плотн.

гр. 1474 г., АЮЗР, т. II, № 75); А который будеть люди выводити, а любо челядь неволную, а ухватять съ лицомъ: *того на шибѣницю* (Западнорус. гр. 1468 г., АЗР, т. I, № 67); *а тот злодей на шибеницу*, в кого тое лицо застато будет (Лит. ст. 1529 г., с. 106); Тое жь ѡна(т) зимы кн҃зь Свацла(в) Смоле(н)ски(и) оучинн(т) собѣ съе(м) и ра(д)у с кн҃зе(м) Ѳ[и]дре(м) Полоцки(м) *кн҃зь Ѳ(н)дреи в Ли(т)вѣ а кн҃зь Свѧцсла(в) ко (Р)ши* и(з)еха[в]шисѧ мно(г) лихого хр(с)тыѧномъ оучинили (Лет. Крас., л. 78);[22] Дошло ми писаніе, в. м. моего милостивого пана, зъ Польски первѣи сего, и теперь черезъ служебника моего Зуба, о отъѣханьѣ господарскомъ и о иншые рѣчи. Дивны суть судьбы Божіи! *мы отъ воротъ, а онъ дырою вонъ* (Вестов. отписки Кмиты, 1573—1574 гг.).

Как и в старорусских памятниках, выходит из употребления пропуск сказуемого, вызванный частым употреблением такого сказуемого в сходном контексте.

Широко представлены в старобелорусских памятниках, в частности в летописях, неполные предложения, в которых отсутствует ранее названное сказуемое: Половиц(ю) тотъ чл҃вк(ь) господарьский той голѡвщины имать платити готовыми грошами, а половин҃ (имать платити) — статки домовыми, чимъ можеть а што домъ маеть (Вил. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 37); А ведже завжды врадъ права хрестиянского заховаючы судом не поконавши, не маетъ быти каранъ, то естъ ни жона (не маетъ быти карана) за выступ мужа своего ани сынъ (не маетъ быти каранъ) за отца и такеж ани жадный прирожоный ани слуга (не маетъ быти каранъ) за пана (Лит. ст. 1529 г., с. 4); почн҃т говорити великом҃ кн҃зю Витовтоу кн҃зь великіи Їгаило послалъ насъ к тобѣ што быхо(м)ъ дръжали свое а вы бы (дръжали) свое (Лет. Акад., л. 176—176 об.); мно(г) лихо(г) то(г) год҃ оучинилоса по всеи земли Лито(в)ско(и) и Р҃(с)кои и мно(г) крови проли(т)а сталоса. Бра(т) брата рожено(г) оуби(л) ма(т)ка дета свое зъела с голод҃ ѡц҃ь (зъел) сн҃а своего. (Лет. Крас., л. 89 об.); на(д) Литвою бы(л) гэтмано[м] кн҃зь Ко(с)те(н)ти(н) Ѳстро(з)ски(и), а надъ Полаками (был гэтманом) Микола(и) Каменецки(и) (Лет. Рачин, с. 280); Митрополитъ селъ на особливомъ месте, владыки (сели) на особно, архимандрити (сели) на особливомъ месте, также архидиякони, протопопы, игумены, свещеницы, братства (сели) на особливливомъ месте, также панове (сели на особливомъ месте), бо ихъ мало было. Слышали, иж римяне будут (Лет. Баркул., л. 14 об.—16 об.); тогожъ дня, а подобно въ одной годинѣ, ударилъ перунъ въ дворе моемъ

[22] На отсутствие глагола движения указывает сходный глагол движения в дальнейшем тексте (точнее — причастие действительного залога от глагола движения): (з)еха(в)шисѧ.

у сырницу и голубинецъ, але не запалилъ и не забилъ ничого; дитя тутъ было и голубята (были) въ голубинцу (Дневн. Евлаш., с. 147); З другое строны [А]эцыусъ з рымскимъ людом на лѣвом рогу сталъ, Тэѡдорык з висэкготами (сталъ) на правом (Ист. о Атыле, с. 193); И ѡт того часу и до нинешнего дна невесела есми ни день ни ноч для милости Бововы, которого велми милую, а ѡн мене (милует) (Ист. о Гвид., с. 151); Блерыж ему щыт понесъ, а другии витез (понесъ) сулицу (Пов. о витязях, с. 63); И ѡнъ пошол, а с ним (пошли) его витези (Пов. о витязях, с. 91); про то᷍ даите вы на ᷍ їѡсепа. да мы вамъ (дадимъ) їса. (Страсти Христовы, л. 35).

Как уже отмечалось, включение в предложение местоимения *онъ*, заменяющего только что названное подлежащее, привело к тому, что в памятниках, характерных своим книжным языком, стали реже употребляться неполные предложения с опущенным подлежащим (преимущественно при употреблении данного слова в предшествующем тексте в роли подлежащего, а не дополнения).

Приведем примеры с опущенным подлежащим, на которое в предыдущем тексте указывает или подлежащее, или дополнение: 1) а подъ Мартинцомъ былъ конь пѣгъ, а подъ друг(ы)мъ былъ (конь) воронъ, а подъ третимъ (конь) рыжь (Вил. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 36); А пакли бы который чужоземец приежджій был чловекъ; тогды (чужоземец) маеть ехати до земли своее отколе ест, там маеть перед врадом вывести шляхетство свое, и з враду под печатми листы мает принести выводечы шляхетство свое (Лит. ст. 1529 г., с. 21—22); Естли которая вдова по смерти мужа своего зостанет без детей, (вдова) не повинна отказывати в суду до году жодных речей (Лит. ст. 1529 г., с. 31. Заголовок); и ѯзри коро(л) и кнѧ(з) великыи Скиргаило. ѧко (король и кнѧзь великыи Скиргаило) оуже не мог(ѯ)т оудръжати земли Лито[в]ское пере[д] великымъ кн̄земъ Вито[в]томъ (Лет. Авраамки, л. 446—447); Того жъ року 92 далъ Господь Богъ видымый знакъ, ижъ у восень о Покрове на дереве листъ не опалъ, и былъ зеленъ у восень такъ, якъ на весне; а на другихъ деревехъ (листъ) такъ и зымовалъ (Лет. Баркул., л. 152об.); А хотяжъ и коруновали его, предсе не мели со собою доброе и зуполное згоды: одна Москва приймовала его за царя, а другая (Москва) не приймовала (Лет. Баркул., л. 169об.); слуга одинъ на кони, а другий (слуга) на клячи (Сп. татар дом., с. 1367); И почал ѡдин торговецъ говорыти Бову: Служы мнѣ за страву; а другий (торговецъ) рекъ: Мнѣ служы, ѣ тебе напервеи увидѧл и ѣ всимъ споведал (Ист. о Гвид., с. 135); ѡная панна велми знала лекарство от ран, и не было тое раны, которое бы (ѡная панна) не могла злечыти (Пов. о витязях, с. 24); ѡдин витезь несъ сулицу, а другии (витезь) ему несъ щытъ (Пов. о витязях, с. 62); И были у ѡное панны два браты, ѡдин (брат) над нею старшыи,

а другии (братъ) молодшыи; тотъ молодшыи (братъ) завжды, коли хотѣлъ, тогды мовилъ сестрѣ, але старшыи (братъ) не смѣлъ (Пов. о витязях, с. 105); 2) Дали есмо панꙋ Копачꙋ в отчинꙋ, как вас (панъ Копачъ) держал при великом кнѧзи Витовте (Троцк. гр. 1440 г., Arch. Sang., т. III, № 3); били мя, панове, тыи Буйвидовичи въ пиру, и съ того бою есми детей двое родила, одно (дитѧ) живо, дрꙋгое (дитѧ) вмерло (Вил. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 46); О судяхъ абы (судьи) судили правом писанным; а естли бы (судьи) иначе соудили, чим (судья) мает каранъ быти (Лит. ст. 1529 г., с. 40. Заголовок); ѡни велми срокго до сына своего писали абы (сынъ) того не чынилъ, и за ма(л)жо(н)ку ее собе не бра(л) (Лет. Рачин., с. 290); А коли были почали познавати онаго Дмитра Нагого, в тотъ часъ (Дмитръ Нагой) з Могилева на село Онисковича Сидоровича ажъ до Пропойска увышол (Лет. Баркул., лл. 172—172об.); и то была дивна справа Божа, же ми (Богъ) въ дорозе уфолкговать рачилъ. (Дневн. Евлаш., с. 132)[23]; Року 1594 мая 8, въ пятокъ, припала хмара сродзе зимна, спустила снегъ великий и лежалъ (снегъ) три дни (Дневн. Евлаш., с. 153); тотъ Алексѣй о князѣ великомъ Московскомъ далъ таковую справу, ижъ (князь великии Московский) на тотъ часъ есть у Олександровѣ слободѣ, зъ обѣма сынми. своими (Вестов. отписки Кмиты, 1573—1574 гг.); И видевши дѣвка вино у ф҃ляшы свѣтло, взявшы напоила дитѧ а и кгды дитѧ напоила, тогож часу (дитѧ) умерло (Пов. о витязях, с. 10); А пан Трыщан змовил был со Ижотою, абы (Ижота) вышла у городец (Пов. о витязях, с. 87); А тому витезю Либруну было сорок лѣт ꙗкъ (витезь Либрунъ) конѧ пустил для старости а сулицу прыслонилъ, а зброю повесил, и была сулица мхом ѡбросла (Пов. о витязях, с. 124); Приказа тежъ рицеро своим абы (рицери) ѡ конехъ мѣли працꙋ пꙋднꙋю (Александрия, с. 32); да погребши гпа запечатова есть гро и по̊данъ сторожо абы (сторожи) стерегли его (Страсти Христовы, л. 15об.); а оузведавши цесарь смерть пилатовоу. рек вѣрне оумерлъ (пилатъ) смр҃тїю шкаредною (Страсти Христовы, л. 24об.)[24]; и видели есмо аньела ка (аньел) ѡвали каме ѡ двереи гробовы и се на не (Страсти Христовы, л. 34об.).

Особо отметим отсутствие подлежащего, на которое может и не быть указания в предыдущем тексте. Имеем в виду многочисленные случаи с пропуском слова *листъ* (реже — *выписъ*) в грамотах. Таким образом, старобелорусские грамоты продол-

---

[23] На пропуск подлежащего указывает не родительный принадлежности (*Бога*) в предыдущем тексте, а притяжательное прилагательное (*Божа*).

[24] На пропуск подлежащего указывает притяжательное прилагательное (*пилатову*).

жают традицию древнерусских грамот, где опускалось синонимичное слово *грамота*.

Ограничимся несколькими примерами (во втором из них в предшествующем тексте есть слово *листъ*): А при насъ седѣлъ панъ писарь С[вя]тоша а бояре господарьскии: Стѣпанъ Кончисъ а Стецко Саковичь. Писанъ (листъ) ѯ Вильни, июнь 20 день, индик[т]ъ 13 (Вил. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 53); И на то дали есмо емѯ сесь нашь листъ сѯдовый подъ печатми нашими. Писанъ (листъ) ѯ Вильни, маѧ 18 день, индик[т] 2 (Вил. гр. 1514 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 115); а кгды ся што трафитъ такового, жебы-сте на розсудокъ священниковъ тамошнихъ Переяславскихъ, яко людей духовныхъ, отсылали, конечно: иначей не чиньте. Писанъ у Туровѣ, року 91, мѣсяца марта 14 дня (Туров. гр. 1591 г., АЗР, т. IV, № 30).

Как в старорусских памятниках, пропуск дополнения в старобелорусских памятниках, на которое указывает дополнение или подлежащее в предыдущем тексте, встречается реже, чем пропуск подлежащего. Отметим несколько случаев из памятников различных жанров: А такожъ хочемъ. . . на малыхъ судахъ: ижь первый рокъ, а другый простою немочью можетъ отложить, а третій правою немочью, а на четвертомъ (роцѣ) маетъ присячь, ижь правою немочью отложилъ (Стат. Владислава 1420—1423 гг., АЗР, т. I, № 27); А пакии бы кгвалтомъ бобры побил, або злодейским обычаем выкрал; таковый мает кгвалтъ платити, а колко будеть бобров, тогды мает платити за карого (бобра) копа грошей, а за чорного (бобра) две копе грошей (Лит. ст. 1529 г., с. 81); И снявши дей съ себе тотъ бараній шлыкъ, а съ сына такій же другій (шлыкъ), и тому послу далъ (Вестов. отписки Кмиты, 1573—1574 гг.); бо за небожчицу першую и мне былъ кони зе три далъ, а за той (небожчицей) ни козлятка, а еще ме и великой шкоды набавилъ (Дневн. Евлаш., с. 141); с переду нас непрыѧтель налетает, река Лигеръ с правое стороны завалеть, з лѣвое (стороны) Роданъ, а за ними мѣста и пѣшыи французского народу (Ист. о Атыле, с. 190); Бово ѡдин хлѣбъ розрѣзал на полы и кинул половицу ѡдному выжлу, а другую (половицу) другому выжлу; и еще псы хлѣба не зели, ѡбема очы выскакали (Ист. о Гвид., с. 134); И Бово был велми жалостен, и взѧл головню и вдарыл кухара по голове, ѡн пал мертвъ, а мозок и ѡчы ему выскочыли; и другого (кухора) вдарыл (Ист. о Гвид., с. 150); И назавтреи Трыщан убрал сѧ, и давали ему иныи мѣчь, и ѡнъ рекъ: Дайте ми мои меч, и ѡни ему дали (его меч) (Пов. о витязях, с. 74); И видел Трыщанъ гдѣ побег витезь ѡ церкви, и позналъ (витезѧ) по знамени (Пов. о витязях, с. 93); Гаваѡн пал на ѡдну сторону, а конь его на другую (сторону) (Пов. о витязях, с. 100).

Как правило, восстановить пропущенное дополнение помогает определяющее слово, но в редких случаях дополнение восста-

навливается и без наличия определения. Имеем в виду приведенные выше примеры со стр. 74 и 93 «Повести о витязях». В первом из примеров при опущенном дополнении стоит тот же глагол-сказуемое, что и при дополнении в предыдущем тексте, но во втором примере — не тот глагол-сказуемое, который употреблен при подлежащем, указывающем на опущенное дополнение.

В старобелорусской литературе, преимущественно в повествовательной, широко распространен диалог. И здесь, как в старорусских памятниках, для неполных предложений в ответах характерен пропуск глагола-сказуемого, но при этом, кроме глагола-сказуемого, могут отсутствовать и другие члены предложения: зависящие от глагола-сказуемого слова, а также подлежащее.

Приведем примеры: Тогож дня на томъ же казаню, коли пыталъ владыка володимерский тужъ всехъ стоящихъ во церкви, мовячи: ели добре ест читано, албо зле? Весь собор рекъ: добре. (Лет. Баркул., л. 14об. — 16об.); витезь Бово вздл Терыза за руку и рече: Коли хочем поити добывати Анътонию городъ? И рече Терыз: Завтра у первую зору, коли почнеть свитати (Ист. о Гвид., с. 163); И потом wсмого днд прышли къ Додону, и wн имъ рече: С которое есте земли? И wни рекли: С твердого города Момбрада (Ист. о Гвид., с. 165); И потомъ король шолъ къ дѣвцэ и къ своему сыну и пытал: Вжэ ли крещено дитд? Рекла дѣвка: Уже (Пов. о витязях, с. 8-9); И рек еи: Поведаи борздо, на кого еси тую трутизну нарадила? Wна рекла: Не на тебе (Пов. о витязях, с. 11-12); Нарадили есте тои битве где быти? Wни рекли: Нѣ (Пов. о витязях; с. 19); И рекла дѣвка: А зась для того wсталъ? Трыщанъ рекъ: Зансте для того (Пов. о витязях, с. 31); Рек король: какъ ему имя? Wна рекла: Трыщанъ (Пов. о витязях, с. 47); И Согремор видел себе збита, рек Трыщану: Прошу тд для бога, поведаи ми, ис которое еси земли? wнъ рекъ: С Корновали (Пов. о витязях, с. 49); Рекъ Трыщан: Так ли ест wбычаи ихъ? wнъ рекъ: Так (Пов. о витязях, с. 55); И коли был у шатров, спытал: Wткуль ест тата дружына? Wни рекли: Ис Корновали (Пов. о витязях, с. 57); Рекъ король: Которая потреба вас сюда загнала? Wни рекли: Зла година (Пов. о витязях, с. 57); Трыщан рекъ: Iаков тотъ витезь с ним сд королю бити? Рекла дѣвка: Велми витежства доброго (Пов. о витязях, с. 60); Трыщан был злое воли и рекъ: Щытъ може быти у тебе; поведаи ми, куды поехал? Wна рекла: Простою дорогою (Пов. о витязях, с. 61); Король рекъ: Гдѣ естъ? Wнъ рекъ: На моеи господе (Пов. о витязях, с. 92); И рекъ до жидо кого щете. и wни wповѣдели їса назаренского (Страсти Христовы, л. 6 об.).

В числе приведенных выше неполных (иначе — эллиптических) предложений имеются выраженные одним словом: *добре* в примере из Баркулабовской летописи, *уже*, *нѣ*, *Трыщанъ*, *так*

в примерах со стр. 8—9, 19, 47, 55 «Повести о витязях». Однако в большинстве случаев в составе неполных предложений сочетания слов. Для всех ответов характерно наличие в них слова, перекликающегося с тем словом в вопросе, на котором стоит логическое ударение. Ответ содержит то главное, что интересует спрашивающего.

Выше мы говорили, что чаще всего в ответах отсутствует сказуемое. Приведем примеры, в которых в ответах имеется только глагол-сказуемое, причем во втором из них с отрицанием при глаголе-сказуемом (в этом примере могло бы стоять и одно отрицание): Рек Говорнаръ: Хотѣлъ быхъ и ѣа ехати с тобою; а Трыщанъ рекъ: Можешъ (Пов. о витязях, с. 47); Паламидеж рек: Вѣдает ли то пан Трыщан? И ѡна рекла: не вѣдает (Пов. о витязях, с. 90). Примеры с одним глаголом-сказуемым встречаются редко, их мы находим тогда, когда основное логическое ударение в вопросе падает на глагол-сказуемое. Однако, как видели выше, вместо глагольной формы, в ответе может стоять слово-отрицание (нѣ). Может быть и слово-утверждение.

Староукраинские памятники содержат материал, сходный (в отношении неполных предложений) со старорусскими и со старобелорусскими произведениями. С первыми из них староукраинские памятники близки в связи с общими процессами, протекавшими в языке тех и других, со вторыми — также и благодаря тому, что старобелорусская и староукраинская литература XIV—XVI вв. имели общий литературный язык — «русский язык», однако с теми или иными особенностями белорусского или украинского происхождения. Зачастую бывает трудно решить, куда отнести памятник — к старобелорусским или к староукраинским (отсюда и различные мнения ученых, как литературоведов, так и языковедов).

Приведем ряд примеров из староукраинских памятников XV—XVII вв.

В ряде случаев глагол-сказуемое не восстанавливается и нет необходимости его восстанавливать, поскольку совершенно ясно, что речь идет о существовании, присутствии, нахождении того или иного лица, предмета, наличии признака в предмете: кнⷣгини же Романовоѧ посла Мирослава. ко Лестькови гл҃щи. ѣако сии всю землю нашю и ѡтчинноу держить. а *снъ мои во ѡдиномъ Берестьи* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 246—246об.); Ино, коли вжо тотъ Исупъ старъ, а детей въ него ничого нетъ, *только две внуки а невестка вдова*, и мы ему дозволили одну внуку его за сына своего поняти и именье тое Тупалы а Гнедъковичи сыну его тому дали на особную служъбу, которій внуку его пойметь (Радом. гр. 1487 г. — РИБ, т. XXVII, кн. 4, № 21); У нас бо, яко ж сами весте, отнюдь православие умалися и вера благочестива оскуде: *всюду ереси*, *всюду неблагочестивии* (Укр. гр. 1622 г., Вос.

Укр. с. Рос., т. I, № 15); «Петр, мовятъ, былъ в' Римѣ, *прото и костелъ в' Римѣ*». Але тежъ Петръ напродъ былъ и в Іерусалимѣ, былъ в' Самаріи, былъ в' Лидѣ (Отв. клир. Острож., с. 415); А егда щасливый люто умирает, *где ж его щастя?* (Виш. Книжка, с. 34); Мнѣ бо довлѣетъ простый и нехитрый Христос, *в нем же вся сокровища премудрости и разума* (Виш. Послания, с. 163. Послание Домникии).

Широко используют авторы произведений пропуск глагола-сказуемого, уже названного в предыдущем тексте: седе же Володимеръ в Галичѣ. а Романъ (седе) во Звенигородѣ а Стославъ (седе) в Перемышли (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 246об.) аще Бъ дасть его нама. ты возми Галичь. а азъ (возьму) Понизье (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 255об.); самъ Данило воева ѡколо Люблина. а Василко. (воева) по Изволи и. по Ладѣ ѡколо Бѣлое. дворьскыи же ѡндрѣи (воева) по Сяноу. а Вышата воева Подъгорье (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 268)[25]; стоить же столпъ поприща. ѿ горо каменъ. а на нѣмъ (стоить) ѡрелъ каменъ (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 282); Телебоуга поиде своею дорогою ѡпять. а Ногаи (поиде) своею дорогою (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 296об.); И маеть онъ намъ вѣрнымъ быти: а съ кимъ мы будемо смирни, и онъ (будетъ) смиренъ зъ нами (Луцк. гр. 1438 г., АЗР, т. I, № 37). А они тую повинность на замок отдавать будут, якую (отдают) в других местах моих (Укр. гр. 1636 г., Вос. Укр. с Рос., т. I, № 103); Такъ — и душный непрі(а)тель: вѣдаетъ, где и яко свое насѣнье злости сѣяти; вѣдаетъ, где (сѣяти) на гордость, где (сѣяти) на лакомство, где (сѣяти) на нелюбовъ, где (сѣяти) и на любовъ злую а шкодливую (Отв. клир. Острож., с. 385); Порушилъ тежъ княж(я)тъ Сѣверскихъ, Рускихъ — през' послы и листвы; а папа — (порушилъ през') королевъ заходныхъ (Ист. о Флор. соборе, с. 434); Нехай ся не хвалит силный силою своею, богатый (не хвалит) богатством своим, премудрый (не хвалит) премудростью своею (Виш. Книжка, с. 18); Вѣра бо, по Иакову апостолу, без дѣл мертва ест, и якоже и дѣла без вѣры (мертви суть) (Виш. Книжка, с. 113); Такождѣ и Григорий Богослов утекав в Понт, Василий Великий (утекав) — в пустыню на исцеление страстѣй, не довлѣючися одиною словесною хитростию без врачеванья естества (Виш. Позорище, с. 212); И отъ нѣкоторого кардинала запрошоныи были на обѣдъ: гдѣ коли пришли, нѣчего рыбного не было, только зъ мясом все (было) (Пересторога, с. 212); А поневажъ туюжъ владзу и другіи апостолове маютъ, которую (маетъ) и Петръ, теды все, што ему дано, и другимъ естъ дано (Палин. Копыст., с. 439); Кгдыж гетман не сам през ся, леч войском ест славный, а войско тыж гетманом (ест славное), довод то ест явный, Гетман без войска штож ест, войско

[25] Два раза опущено сказуемое, но затем оно опять названо.

тыж без него (штож ест); Згола нѣчого не есть един без другого (Вирши Саковича).

Отметим несколько случаев пропуска подлежащего. В первой группе примеров на пропущенное подлежащее указывает названное ранее подлежащее, во второй группе примеров — дополнение:

1). Ѿтоуда же Тевтивилъ. иде с полономъ Даниловымъ в Ригоу. и приѧша Рижани с великою чтью[26]. и крщнъ бы. (Тевтивилъ) (Ипат. л., л. 274); цр҃кви же бѧше в городѣ томъ камена велика. и придивна. сиѩюще красотою. бѧшеть бо (цр҃кви) создана бѣлымъ каменье тесанымъ. (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 284 об.); Мнозии горожани ѿ нихъ. избити быша. а дроузии (горожани) ранени (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 307); Ной арху [г]отует божим повеленим, абы в потоп не згинул (Ной) з своим поколением (Хронология Рымши, 1581 г.); Але мы такъ до нихъ мовимо: иншая есть речъ быти кому, а иншая (речъ) быти от кого (Ист. о Флор. соборе, с. 453—454); Если свѣтелъ и чистъ умъ, (умъ) освѣчаетъ душу (Отв. клир. Острож., с. 383); Сказую бо вам тайну великую. як диявол толикую завист имает на словенский язык, же (диявол) ледве жив от гнѣва (Виш. Книжка, с. 23); для того инок головѣ зарости попустил, абы (инок) был шпетный на видѣню головном (Виш. Книжка, с. 26); Пошли теды одны сенаторове до короля, а другіе (сенаторове) до того покою, гдѣ панъ воевода Кіевскій былъ съ другими сенаторами (Пересторога, с. 218); Естли слуга поревнуетъ по добродѣтели, почитанъ будетъ, и любитъ его панъ; а естли (слуга) панству ровнатися похочетъ, изгнанъ будетъ вонъ (Пересторога, с. 226); Учителеве церковныи отмѣну имене въ Сумонѣ на имя Петра уважаютъ двояко: едни (учителеве церковныи) взглядомъ самой отмѣны просто и отдѣльне; другія (учителеве церковныи) — взглядомъ значенья, иле до фундаменту и овой обѣтницы «на томъ камени збудую церковь мою» (Палин. Копыст., с. 388); «Люципер»: Коли он ест божій син, Я не знаю, для яких (он) идет сюда причин (Сл. о збур. пекла);

2). Данила посла Лестъко во Оугры и с нимъ послалъ посолъ свои. Вѧчеслава Лысого рекы королеви. ꙗзъ не помѧноухъ свады Романовы тобѣ бо дроугъ бѣ (Романъ) (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 246)[27]; времени же миноувшю еха Данилъ ко Мьстиславу в Гали. рекы на Лестька. ꙗко (Лестько) ѿчинноу мою держить (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 249 об.); Татарове же послании со кнѧземъ. подъ горо. слышавше. поѣхаша к Боурандаеви. и повѣдаша рѣчь Василковоу. како (Василько) молвилъ. горо-

[26] Опущено и дополнение — Тевтивила. Если бы оно не было опущено, то подлежащее в дальнейшем тексте восстанавливалось бы в первую очередь на основании этого дополнения.

[27] На опущенное подлежащее указывает не существительное (*Романа*), а притяжательное прилагательное (*Романовы*).

жаномъ. што ли молвили паки горожане Василкови (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 284)[28]; А потомъ просили цесара, абы (цесар) Маркови не казалъ болше въ синодѣ на мѣстцу своемъ засѣдати, ани мовити (Ист. о Флор. соборе, с. 448); Они мнозство наносивши дровъ и хворосту, оную башту запалили, и такъ зъ чернцами и зо всѣмъ до кгрунту (башта) згорѣла мѣсяца октовріа десятого дня (Ист. о Флор. соборе, с. 471); А егда сие исправите, чаю на милость божию, яко (богъ) призритъ на нас паки милосердным оком и благочестие наше въздвигнет, и всѣх, в нем благочестно живущих, спасет, и царства небеснаго наслѣдниками быти сподобит, еже нам всѣм получити, господи, дажд. Аминь (Виш. Книжка, с. 7)[29]; Сих проклятых владык никакож не приймуйте и молѣтеся, да отгнани будут (сии проклятыи владыки) (Виш. Книжка, с. 24); Чем ся ругаеш, брате дворянине, з инока, иж не вмѣет (инок) с тобою говорити? (Виш. Книжка, с. 36); Покажѣте ми христову одежду на собѣ, — его ли будет или антихристова (одежда)? Да гдѣ ж Христос на своих учеников хлапав и кожемякав? (Виш. Книжка, с. 70); А такъ забѣгли оны къ митрополиту, абы (митрополитъ) не збиралъ собору, якожъ (митрополитъ) и вчинилъ то (Переспорога, с. 207); Такъ о томъ и отступникомъ, если (отступники) розумъ маютъ, вѣрити зычимо (Палин. Копыст., с. 406); Если Петрови наказано естъ, абы (Петръ) потвержалъ братію, потвержалъ и Павелъ (Палин. Копыст., с. 444).

Как и в старобелорусских грамотах, в староукраинских грамотах часто опускается подлежащее — имя существительное *листъ* (реже — *выписъ*), причем в предыдущем тексте грамоты оно, как правило, не называется: А съ тымъ ваши милости Господу Богу отдаемы. Данъ (листъ) съ Каменца, юня 14, року 1609 (АЮЗР, т. I, № 222, XIX); Притом отдаемося ласковой приязни вашой. Дан (листъ) спод Константинова. Богдан Хмельницкий, рука власна (Укр. гр. 1648 г., Вос. Укр. с Рос., т. II, № 34); За тим тебе господу богу поручаем. Писан (лист) на Глухові року 1651-го місяца априля дня 22-го. Сахно Федорович Вейчик, сотник глуховский зо всім товариством (Укр. гр. 1651 г., Вос. Укр. с Рос., т. III, № 14); При сем милостем вашим долголетно здравствовати желаем и поклон наш отдаем. Дан (лист) с Табору из-под Бару ноября 8-го дня 1653 года (Укр. гр. 1653 г., Вос. Укр. с. Рос., т. III, № 210).

И в староукраинских памятниках пропуск дополнения встречается реже, чем пропуск подлежащего: створиша же межи собою клѧтвоу Роусь и Лѧхове аще по семь коли боудеть. межи ими. оусобица не воевати Лѧхомъ Роуское челѧди ни роуси Лѧдь-

[28] На опущенное подлежащее указывает не существительное (*Василка*), а притяжательное прилагательное (*Василкову*).

[29] На пропуск подлежащего указывает на существительное (*бога*), а притяжательное прилагательное (*божию*).

ѕкои. (челѧди) (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 257); выѣха же Андрѣи. изо Ѿпавы с Чехы. и срѣтшимсѧ имъ и сразившимсѧ. ѡдолѣ Андрѣи. мало бѣ Лѧховъ. иныѣ (Лѧхы) изби а ныѣ (Лѧхы) изоима (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 275об.); Позволяю им канонов 2 на рок выситить: еден (канонъ) на боже рождество, а другий (канонъ) на святую покрову по 2 каде (Укр. гр. 1636 г., Вос. Укр. с Рос., т. I, № 103); Шестьдесятъ епископовъ а полтораста презвитеровъ, синкгеловъ, протосинѓкгеловъ и діаконовъ вѣтемніцахъ замкнувши, розмайтые мукы задавали: одныхъ (епископовъ, презвитеровъ. . .) голодомъ пятнадцать день морили, иншихъ (епископов, презвитеровъ. . .) пекли, другихъ (епископовъ, презвитеровъ. . .) душили, давили (Ист. о Флор. соборе, с. 464); в тесных бо вратѣх живот, в широких же (вратѣх) погыбель (Виш. Книжка, с. 118); якожъ южъ скинулъ одного митропалита, а иншого (митрополита) наставилъ, што зъ якою нечестью тому человѣкови есть (Пересторога, с. 211); а они повѣдаютъ, же складаніе тое не важное: бо отъ простого человѣка духовному (человѣку) не идетъ (Пересторога, с. 218); И такъ, не допустивши наукамъ ширитися, останокъ, што позостало отродковъ оныхъ княжатъ, у вѣру Римскую привелъ а иншыхъ (княжатъ) у безуміе (Пересторога, с. 230); Обѣдвѣ абовѣмъ тыи послѣдныи не зъ воли епископовъ Римскихъ, але зъ воли соборуючихъ святыхъ отцевъ были поднесены; поневажъ и на второмъ соборѣ вселенскомъ, на которомъ поднесена естъ Константинополская, и на пятомъ (соборѣ), на которомъ Іерусалимская, нѣ сами епископове Римскіи, нѣ черезъ послы свои притомными не были (Палин. Копыст., с. 523).

В староукраинских памятниках находим интересные случаи диалога, вопросно-ответной формы изложения, когда автор сам отвечает на вопрос (своими словами или цитатой из авторитетного для него источника): Пыталъ бымъ тутъ заразъ: где тотъ фундаментъ заложонѓ, и где о немъ розумѣти, и где его шукати? Откажутъ: «вѓ костелѣ повшехномъ.» А костелъ где? «Вѓ Римѣ» (Отв. клир. Острож., с. 413); Отъ такои церкви, отъ тои головы насъ — члонковъ, насъ — тѣло што бы мѣло разлучити? Зѓ апостоломъ: «ни смерть, ни животъ, ни ангели, ни начала, ни сілы, ни речи, теперешніе, ни пришлые, ни высота, ни глубина, ни иншее которое створене» (Отв. клир. Острож., с. 417—418); Изали ж для тых отпалых слѣд Христов и пут живота вѣчного упразнися и погибе? Никако ж! (Виш. Книжка, с. 40); Изали ж для тых отпалых епископов наша христианская вѣра оскудѣла или нарушилася? Изали ущербок нѣкий в слѣду спасеное дороги приняла? Никакоже! (Виш. Книжка, с. 41); До кого рекл Христос «внемлѣте себѣ»? До стада словеснаго (Виш. Книжка, с. 63); Что ест «внемлѣте себѣ»? То ест «стережѣтеся». От кого? От лжепророк (Виш. Книжка, с. 63); Они же убо рѣша:» «Нѣсмы ли христовы, но антихристовы». Святый рече: «Ей!» (Виш. Книжка,

с. 81); Коему Христу глаголеши себе вѣрна и Евангелие кое учиш? Токмо антихристово (Виш. Книжка, с. 83); але лакомтеся вы, руски народѣ, на свое мнихи, жебы ся спасали, и святили, и богоугодници были, по Григорию Богослову, Исаака Сирианину, глаголющим: «Добро есть, еже бога ради богословите, — рекл — но лучше есть, еже освятите себѣ». Кому? — Богови (Виш. Позорище, с. 218); Климко: Та и пубрал гроши? Стецко: Пубрал (Инт. Гаватовича); Климко: Чоловік не хороши! Та іміў служити тобі? Стецко: Міў (Инт. Гаватовича); Климко: То и горшкі украл? Стецко: Так. (Инт. Гаватовича): Динис: Братя, та любой пирогі Ту пахнут з тоей дорогі? Максим: О, пахнут! Рицко: Пахнут! (Инт. Гаватовича); Динис: А колі так учинимо! Которому ся що ліпшого Присніт — будет пирог його? Максим: Гараст, гараст. (Инт. Гаватовича).

Выше приведены примеры из произведений, далеких по жанру, по языку, однако эти произведения в отношении употребления неполных (по другой терминологии — эллиптических) предложений можно в какой-то степени сблизить. В построении ряда предложений, отмеченных нами, клирик Острожский и Вишенский следуют традициям живой разговорной речи. Это влияние разговорной речи мы видим в примерах: Отв. клир. Острожского, с. 413; Виш. Книжка, с. 63; Виш. Позорище, с. 218. Во втором из названных примеров после первого вопроса и ответа на него следующий вопрос, как это было бы и при непринужденном разговоре, содержит только самые необходимые слова: (От кого?), поскольку в предыдущем ответе слово (стережѣтеся), без которого немыслим данный вопрос, уже названо. Менее интересными, но тоже показательными являются и близкие по построению первый и третий примеры (Отв. клир. Острожского, с. 413; Виш. Позорище, с. 218).

Для всех ответов Вишенского на поставленные им вопросы характерны лаконичность, категоричность, включение в ответ только того, что является главным, основным для решения вопроса. Вот почему в ряде случаев ответ заключает в себе исключительно слово утверждения (*ей*) или категорического отрицания (*никако ж*, *никакоже*).

Интермедии к духовной драме Якуба Гаватовича (1619 г.), по единодушному признанию историков украинского литературного языка, представляют собой фиксацию украинского разговорного языка того времени. Как отмечает Л. Л. Гумецкая, язык интермедий «є документальною ілюстрацією наддністрянської говірки початку XVII ст.[30]».

---

[30] Л. Л. Гумецька. Нариси з історії української мови. «Мовознавство», т. X, 1952, стр. 111, см. также стр. 116.

Примеры, приведенные нами, как и язык интермедий в целом, являются иллюстрацией живого народного языка [31].

Анализ построения реплик-ответов позволяет полностью присоединиться к выводу П. П. Плюща, что в интермедиях (в отмеченных нами примерах это бесспорно) мы имеем натуралистическое копирование живого разговорного языка [32].

Вопросы, ответы на них — это как бы стенографическая запись услышанного непринужденного разговора.

Рассмотренный нами материал старорусских, старобелорусских и староукраинских памятников, как мы полагаем, подтверждает наши выводы о сходных и даже совпадающих путях развития неполных предложений в восточнославянских языках. В них не только употреблялись одни и те же типы неполных предложений, но и место, занимаемое тем или другим типом, оказывалось одинаковым в этих близкородственных языках.

---

[31] «Курс історії української літературної мови», т. I (дожовтневий період). За ред. акад. АН УССР І. К. Білодіда. Київ, 1958, стр. 89.

[32] П. П. Плющ. Нариси з історії української літературної мови. Київ, 1958, стр. 166.

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

I. Условия, при наличии которых отсутствовало отрицание при сказуемом

Как неоднократно отмечалось в литературе [1], отрицательные предложения без отрицания *не* или *ни* при сказуемом (простом, составном, а также второстепенном) могли быть употреблены в древнерусском языке тогда, когда в предложении в роли подлежащего, дополнения или обстоятельства выступало местоимение или наречие, имеющее в своем составе отрицание *ни*.

Следует несколько расширить эту формулировку: 1. Отрицание может отсутствовать при именной форме причастия действительного залога, входящего в состав оборота д а т е л ь н ы й с а м о с т о я т е л ь н ы й, а также, с превращением именной формы причастия в деепричастие, при этом деепричастии — обстоятельстве образа действия. 2. Отрицание часто опускается при сказуемом в случае наличия отрицания *ни* при числительном ѥдинъ [2]. 3. Изредка опускается отрицание и тогда, когда в предложении употреблены однородные члены с отрицанием *ни* и при первом из них или когда имеется одно слово с *ни*, являющимся одновременно и усилительной частицей [3].

---

[1] См., в частности: В. И. Б о р к о в с к и й. Два синтаксических этюда. «Славянска филология», т. III. Доклади, съобщения и статии по езикознание. София, 1963. — Первый из этюдов посвящен отрицательным предложениям без отрицания при сказуемом и с двойным отрицанием при сказуемом.

[2] В большинстве случаев *ни ѥдинъ* в примерах сходно по значению с местоимением *никъто*, или, реже, с местоимением *никакыи*. Возможно, это обстоятельство и способствовало пропуску *не* при сказуемом.

[3] Случаи с *ни* при одном слове без отрицания при сказуемом сближаются со случаями с *ни* при числительном ѥдинъ, поскольку *ни* при числительном тоже является одновременно и отрицанием, и усилительной частицей, причем усилительное значение (как и в сходных примерах с отрицанием *не* при сказуемом) оказывается весьма заметным.

II. Отрицательные предложения без отрицания и с отрицанием при сказуемом в памятниках древнерусской письменности

Как правило, в памятниках светской литературы наличие отрицания в составе местоимения или наречия, а также при числительном *єдинъ* не вело к устранению отрицания при сказуемом.

Что касается произведений древнейшей житийной литературы, то в них количество случаев без отрицания при сказуемом и с отрицанием при нем в отмеченных условиях является одинаковым.

Отрицание *ни*, входя в состав местоимения, наречия или находясь при второстепенном члене, не сразу теряет свою силу, а сохраняет ее для следующего дальше сказуемого. Вот почему в памятниках находим лишь единичные случаи с пропуском *не* при сказуемом, если оно п р е д ш е с т в у е т словам с *ни* (ниже отмечены такие случаи как исключение из общего правила).

Приведем примеры с пропуском *не* из памятников житийной литературы: «Житие Феодосия Печерского» (по списку XII в.) и житие XI в. по списку XII в. «Съказаниє и страсть и похвала стою мчнкоу. бориса. и глѣба» и по списку XIV в. — «Чтениє о житии и о погублении блажную стрпца. бориса и глѣба».

Отрицание не повторяется в сказуемом в связи с наличием отрицания 1) в составе местоимения: желѣзоу же оузькоу соущю и грызоущюсѧ въ тѣло єго. онъ же пребываше ꙗко *ничсо же* скьрбьна ѿ него *приємлѧ*. тѣлоу своємоу (Ж. Феод. Печ., л. 30б—в); ономоу же сѣдѣшю и *ничьсо же въкоуси* отъ брашьна (Ж. Феод. Печ., л. 34в); а блженоуоумоу о сємь *никомоуже* ꙗвивъшю нъ сице бѣ оубо по вса дни о сихъ оуча братию (Ж. Феод. Печ., л. 43в—г); и се вълезе свѣтьлъ отрокъ въ воиньстѣи одении. и поклонивъсѧ и *ничьсоже рекыи* и положивъ же на стълпѣ гривьноу злата (Ж. Феод. Печ., л. 45а); и *никтоже приходилъ* къ нимъ (Ж. Феод. Печ., л. 45б); и рече къ тѣмъ се бо о семь вельми сѧ радоую братиє. ꙗко *ничьсоже* ми *блаже* въ житии семь (Ж. Феод. Печ., л. 58г); Братии же врата затворивъшемъ. и *никогоже поустѧщемъ* по повелѣнию блаженааго (Ж. Феод. Печ., л. 64в); гла. иди *никомоуже рекъ* о семь и възьми своє (Ж. Феод. Печ., л. 65г); самъ *ничто же* себе *изволихъ* (Сказ. о Б. и Г., л. 11в); и *ничьто же оумыслихъ* противоу братоу моємоу. (Сказ. о Б. и Г., л. 12б); ти видѣша чюдо преславьно. телеси стою *никакоѧ же* ѣзвы *имоущи* (Сказ. о Б. и Г., л. 19в); *никто же* бо имъ *проповѣдалъ* слова бжиа (Чт. Б. и Г., л. 91а.); блажному же идущю къ брату своєму. *никоєго же* зла *помышлающю* въ срдци своємь. иже бы приꙗти ѿ бра своєго (Чт. Б. и Г., л. 97б); ꙗко же бо ре гь *никто же* свѣтилника *вьжагаєть* подо спудомъ (Чт. Б. и Г., л. 104г);

2) в составе наречия (или при наречии, если не образовалась единая форма из наречия и отрицания при нем): и *николе же въпаде* о томь въ печаль ни поскърбѣ ѿмь (Ж. Феод. Печ., л. 37а); *ни како же попечисѧ* о плътьнѣмь (Ж. Феод. Печ., л. 37а); и наказааше стати крѣпъцѣ противоу диѩволемъ кызньмъ *никакоже постоупати* ни раслабѣтиста ѿ мьчьтании и бѣсовьскыѩ напасти (Ж. Феод. Печ., л. 43г—44а); Тоже того блаженыи съ радостию приимъ оучаше а *никакоже раслабѣти* вражиѩми кызньми. ни попоустити имъ на сѧ нъ крѣпѣ стати (Ж. Феод. Печ., л. 49в); нъ бѣ вьсею мыслию и вьсею дшею къ боу въскланѩѥсѧ. и на того вьсе оупованиѥ възложь. *никако же пекыисѧ* о оутрьнимь дне (Ж. Феод. Печ., л. 55б); и тако прилежаниѥмь стадо своѥ пасѧаше блюдыи еда *нѣкако* зълокызньныи вълькъ въшьдъ *распоудить* бжьствьноѥ то стадо (Ж. Феод. Печ., л. 55в); оувѣдѣвъ оубо то блговѣрныи оць ихъ.ославъ приведе к себе блжнго бориса. блюдыи да *нѣкако пролиѥть* кровь праведнаго (Чт. Б. и Г., л. 94г); рука же ѥи бѣ деснаѩ ѩко суха. ѩко понѣ ѥи *ни мало чюѩше* (Чт. Б. и Г., л. 113г); мы же *ни мало имамъ* покорениѩ къ старѣишинамъ (Чт. Б. и Г., л. 115б—в);

3) в составе и местоимения и наречия одновременно: и *никтоже* ѥго *николиже видѣ* на ребрѣхъ своихъ лежаща (Ж. Феод. Печ., л. 42г);

4) при числительном ѥдинъ: себе же недостоина творѩ. ѧкоже *ни ѥдиноѩ* неделѣ понѣ *достигноути* противоу троудомъ ихъ (Ж. Феод. Печ., л. 37г); Сицева ти бѣ любы блаженаго и сицево млрьдиѥ къ оученикомъ своимъ имѧше да бы *ни ѥдинъ* ѿ стада ѥго ѿлоучилъсѧ (Ж. Феод. Печ., л. 50б); си же ѩкоже разоумѣти ѥсть аньгеломъ сице ѩвльшимъсѧ быти. имьже ѿ братиѩ *ни ѥдиномоу же* сихъ *чювъшю* (Ж. Феод. Печ., л. 56г); Таче по глѣхъ сихъ. ѿпѹсти ѩ вънъ вьсѧ. *ни ѥдиного же* оу себе *оставивъ* (Ж. Феод. Печ., л. 64а); ѩко же рече двдъ. хранить гъ вьсѣ кости ихъ и *ни ѥдина* отъ нихъ *сокроушитьсѧ* (Сказ. о Б. и Г., л. 15б); бысть забъвениѥ о цркви сеи стою мчнкоу. и *ни ѥдинъ* же *можаше* что *съдѣѩти* (Сказ. о Б. и Г., л. 23а);

5) при однородных членах или при одном слове, когда *ни* является и отрицанием, и усилительной частицей: онъ же о семь оумълъче. не могыи чьто ѿвѣщати къ симъ. тольми бо бѣ врагъ раждьглъ гнѣвъмь на брата своѥго. ѩко *ни* слоухъмь *хотѧше* того *слышати* (Ж. Феод. Печ., л. 60б); ѩко же въ стыхъ евангліихъ. писано ѥсть *ни* вьсемоу *въмѣстити* пишемыхъ (Сказ. о Б. и Г., л. 22г); по лѣтѣ же ѥдиномъ. ходѧще ловци обрѣ-

тоша тѣло стго лежаще цѣло. *ни* звѣремъ *ни* птицамъ *прикоснувъшимсѧ* ѥго (Чт. Б. и Г., л. 102б); ти видѣша ꙗко *ни* оустну *можеть* ѿврѣсти. тъкмо дша бѣ в немь. (Чт. Б. и Г., л. 112б).

Ни в составе местоимения или наречия отрицает возможность действия только первого сказуемого, вот почему в тех случаях, когда имеется еще второе сказуемое (см. выше первый, третий и четвертый примеры с *ни* в составе наречия), при нем отрицание не пропускается (поставлено *ни*, равное по значению *и не*): ни поскърбѣ; ни раслабѣтисѧ; ни попоустити.

Как отмечено выше, в тех же памятниках не менее многочисленны и случаи с отрицанием при сказуемом, при причастии в составе оборота дательный самостоятельный и т. д.[4] При наличии отрицания 1) в составе местоимения: къ симъ же ꙗко и *не бѣхъ оученъ никоѥи же* хытрости (Ж. Феод. Печ., л. 26а—б); божии же отрокъ ꙗко *ничьсо же* зла *не приꙗтъ* ѿ нея. обълкъсѧ. и шедъ слоужаше предъ възлежащими. съ вьсѧкою тихостию (Ж. Феод. Печ., л. 30г); тъгда бо оувѣдѣвъ болѧринъ иѡанъ ꙗко *никоѥго же* имъ зла *не створи* хълюбивыи кнѧзь Изѧславъ (Ж. Феод. Печ., л. 34а—б); и *никтоже* пакы да *не въходить* въ манастырь (Ж. Феод. Печ., л. 40б); И сеже ꙗкоже бѣ отъходѧ въ постьныѧ дни въ прѣже реченоую пещероу. и ѿтоудоу пакы многашьды ꙗкоже того *не вѣдоующю никомоуже* (Ж. Феод. Печ., л. 57а); и *никто же не вънемлеть* ми (Сказ. о Б. и Г., л. 14в); и *ничьто же не съгорѣ* тъкъмо дркы ѥдина (Сказ. о Б. и Г., л. 19а); и лежа мць *не могоущи ничьсо же* (Сказ. о Б. и Г., л. 21г); *не бѣ* бо *никто не приход*ꙑ*лъ*[5] к нимъ. иже бы блговѣстилъ о гдѣ нашемь исѣ хѣ (Чт. Б. и Г., л. 91в); они же глша ѥму всь днь сѣдѣхо (сѣдѣхомъ) *никто же не наꙗтъ* насъ (Чт. Б. и Г., л. 91б—в); слугы же мимо ходѧще *не даша* ѥму *ничто же* (Чт. Б. и Г., л. 112а); 2) в составе наречия (или при наречии, если не образовалась единая форма из наречия и отрицания при нем): и бѣшѧ вьиноу молѧщесѧ днь и нощь къ гоу боу. нъ *ни тако не почиваше* врагъ борꙁсѧ с ними (Ж. Феод. Печ., л. 34а); *николиже не отъчаисѧ*. нъ въ врема крѣпасѧ вьсю печаль свою възвьрзи къ богоу (Ж. Феод. Печ., л. 45б); тѣмъ же *не хотѧше никакоже* прилога *творити* в немь (Ж. Феод. Печ.,

[4] Поскольку препозитивное (по отношению к слову, в состав которого входит *ни* или при котором стоит *ни*) сказуемое последовательно употребляется с отрицанием при нем, наибольший интерес для исследователя представляют примеры с постпозицией сказуемого.

[5] Отрицание стоит и при вспомогательном глаголе и при причастии на *-лъ*, входящем в состав сложной формы давнопрошедшего времени.

л. 49а); ѿвѣща онъ еи оче ѩко *ни мало не имамъ* (Ж. Феод. Печ., л. 54а); оуже все имъ акы *не было николи же* (Сказ. о Б. и Г., л. 10а); и бѣста очи ѥмоу съдравѣ акы *не имѣвъши* болести ни слѣпоты *николи же* (Сказ. о Б. и Г., л. 24а); 3) при числительном ѥдинъ: Нъ обаче онъ аще и вельми разгнѣвалъсѧ бѣ на блаженааго. нъ *не дьрьзноу ни единого же* зъла и скърьбна створити томѹ (Ж. Феод. Печ., л. 58г—59а); сн же видѩще и слышаще *не бысть* памяти *ни ѥдиномоу же* о възыскании телесе ста̀аго (Сказ. о Б. и Г., л. 155б);

4) при однородных членах или при одном слове, когда *ни* является и отрицанием, и усилительной частицей: *не* ѿрѣваааше *ни* оубога *ни* богата (Ж. Феод. Печ., л. 37в); и тако побѣди ѩ хво̀ою силою. ѩко къ томоу *не съмѣти* имъ *ни* приближитисѧ ѥмь (Ж. Феод. Печ., л. 38а; сходные примеры: л. 38в, 44в, 44в—г); ѥдинои бо нощи поющю ми въ кели обычьныѧ псалъмы. и се пьсъ чьрнъ ста предъ мною. ѩкоже имь мнѣ *нельзѣ ни* поклонитисѧ (Ж. Феод. Печ., л. 44а); и *не бѣ ни* гонѧщааго *ни* женоущааго въ слѣдъ ѥго (Сказ. о Б. и Г., л. 15г); по приключаю же *не подаша* ѥмоу *ни* ѣсти *ни* пити (Сказ. о Б. и Г., л. 21б); симъ сице бывшимъ. оста ж҃е страна руская въ первѣи прельсти идольскыи. не оубо слышала ни ѿ ко (кого) же слово о гѣ наше исѣ хѣ. *не бѣшᵃ* бо *ни* апли *ходилѣ* къ нимъ. *никто же* бо имъ *проповѣдалъ* слова бо̀а (Чт. Б. и Г., лл. 90г—91а)[6]; она же *не можаше ни* очию възвести *ни* оустами двигнути (Чт. Б. и Г., л. 113в).

В творениях Кирилла Туровского (XII в.), родившегося и воспитывавшегося в городе Турове (Турово-Пинское княжество), а также в слове Даниила Заточника (XII—XIII вв.) примерно одинаковое число примеров без отрицания при сказуемом и с отрицанием при нем. Приведем несколько примеров:

1) Младенци же и всѧ кртны прѡобрази, иже *ничто же пытаютъ* ѡ Хѣ, но ѡ томь живуще, и за того оумирающе, и тому ѡбѣты и мл̀твы въздающе (К. Тур. II, 7); Не терплю бо бездушна тебе зрѣти; радость мнѣ ѿселѣ *никакоже прикоснетсѧ* (К. Тур. V, 26); Да не будет, княже мои, господине, рука твоа согбена на поданіе убогих: *ни* чашею бо моря *расчерпати*, ни нашим иманіемъ твоего дому истощити (Сл. Дан. Зат., л. 281);

2) не сего Спѡна, попираемаго ѿ вои, гл̀ю, нъ ц̀ркъвь ѩзычьскую, юже искупи своею чтною кровию, ѥниже *никто же не оудолѣѥть* (К. Тур. III. 14); *Не имѣю же ни имѣньѧ*, да быхъ

---

[6] В этом примере при препозитивном сказуемом стоит отрицание *не*, а дальше, при постпозитивном сказуемом, которому предшествует *никто же*, отрицание отсутствует: *никто же* бо имъ *проповѣдалъ* слова бо̀а.

си ѥдиного умьздилъ ѡ мнѣ пекущасѧ чл҃вка (К. Тур. VI, 38); Яко же бо Соломонъ рече: *ни* богатества ми, *ни* убожества, Господи, *не даи же* ми (Сл. Дан. Зат., л. 280).

В памятниках апокрифической литературы, сохранившихся в поздних списках, находим как случаи без отрицания при сказуемом, так и примеры с отрицанием (последние — почти исключительно при препозиции сказуемого): 1) и како ты ю̂ сын и҃ *никако* тогда рожденъ бывъ. и ꙗ҃ *никако видѣлъ еси* въпрашаеши (Пов. о плаче, с. 279); и вставъ ада и ѡбыдо всю зелю и ѡбрето̂ *ничто* себе снедно (Сл. о Адаме и Еве, с. 12)[7]; не хощоу бо ѡ҃вѣщевати дш҃амъ, да *никакомѫ же боудѫ тѧже̂* (Смерть Авраама, с. 86); 2) и *не ѡбрѣте нї единого же* ѡ҃ дрѫгъ или ѡ҃ съсѣ҃ (Пов. о плаче, с. 279); Глава адамова стояше оу корени. *никтоже не знаѧше ея* (Сл. о древе, с. 307); ев'ва же позна ꙗко дыѧволъ есть. и *ничто же не* ѡ҃вѣща (Сл. о Адаме и Еве, с. 13); то слыша̂ фе҃ѡръ до̂ ꙗла̂ и радаѧ ѫвы мне мт҃и моѧ ꙗ҃ *не обрете̂* на помо̂ щ твою *никто* ж̂ в тои ча̂ (Фед. Тирон, ч. 95).

В летописях, повестях, юридических памятниках случаи без отрицания единичны. Если же в том или ином памятнике они не составляют исключения, то оказывается, что многие из них — в религиозных рассуждениях автора (см. примеры из Лаврентьевской летописи 1377 г. и из Ипатьевской летописи 1425 г.), а также в тех местах, которые характерны своим приподнятым стилем (см. примеры из Повести о разорении Рязани Батыем, возникшей не позднее середины XIV в.): аще роусьскыи гость въ ризѣ. или на готьскомъ березѣ извинит сѧ. *никако же* его *въсадити* въ дыбоу (Смол. гр. 1229 г., сп. D, Сум. и Лоп., с. 36. См. также сп. E, F); а *никто же иметь* имъ *пакостити* (Смол. гр. 1229 г., сп. D. Сум. и Лоп., с. 37. См. также сп. E, F); или роусьскомоу гъстьи притъча сѧ пригодить въ ризѣ или на гътьскомь бѣрѣзѣ *никако же* его въ дыбоу *въсадити* (Гр. неизв. Смол. кн. Сум. и Лоп., с. 11); Жены Рускїя въсплакашась аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ *ни* мыслїю смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра *ни мало* того *потрепати* (Сл. о плк. Иг., с. 20) [8]; И рече Гзакъ къ Кончакови: аще его опутаевѣ красною дѣвицею, *ни* нама *будетъ* сокольца,

---

[7] Редчайший случай без отрицания при сказуемом, хотя сказуемое предшествует слову, в которое входит отрицание *ни*.

[8] Учитываем здесь и ниже случаи с *ни* при словах, зависящих только от первого сказуемого, поскольку постановка *ни* при управляемых последующими сказуемыми словах (или при независимом слове — подлежащем) без повторения отрицания при сказуемом могла быть вызвана другими причинами (см. об этом ниже).

ни нама [9] красны дѣвице (Сл. о плк. Иг., с. 20); И один от пестун князя Федора Юрьевича укрыся именем Апоница, зря на блаженое тело честнаго своего господина горько плачющися, и видя его *никим брегома*, и взя возлюбленаго своего государя, и тайно сохрани его (Пов. о раз. Ряз., с. 10. Сходный пример на стр. 15) [10]; *Ни един* от них *возвратися* вспять: вси вкупе мертвии лежаша (Пов. о раз. Ряз., с. 12); Ни *един* от них *может съехати жив* с побоища (Пов. о раз. Ряз., с. 14); И веля их царь Батый отпустити и *ни чем вредити* (Пов. о раз. Ряз., с. 14); Лежите на земле пусте, *ни ким брегоми*, чести-славы *ни от кого приемлете*! (Пов. о раз. Ряз., с. 16); *Ни един* от них *возвратися* вспять, но вси равно умроша, едину чашу смертную пиша (Пов. о раз. Ряз., с. 16); ѿтолѣ въспѧтишасѧ въ новъгородъ *ни* ладожанъ *ждавъше* (1-я Новг. л., л. 103 об.); мас не ꙗдуще ни вина пьющ° ни блуда твораще. *никакоꙗ же* злобы *творящ°* страха ради многа (Божиꙗ) (Лавр. л., л. 5 об. См. также Ипат. л., л. 7); Ꙗко *николиже помышлю* на страну вашю. ни сбираю вои ни ꙗзыка. ни иного приведу на страну вашю (Лавр. л., л. 22 об. Договор 971 г. См. также Ипат. л., л. 29); но скрываите собѣ скровище на нбсѣ. идеже *ни* тлѧ *тлить* ни татье крадуть (Лавр. л., лл. 43—43 об. См. также Ипат. л., л. 47); бѣси бо Бга боꙗтсѧ. а золъ чл҃вкъ *ни* Бога *боитсѧ*. ни чл҃вкъ сѧ стыдить. бѣси бо крта сѧ боꙗть Гнѧ, а чл҃вкъ зол *ни* крта сѧ *боить* (Лавр. л., л. 46 об. См. также Ипат. л., л. 50); ꙗко пр҃ркъ гл҃ше падете пре врагы вашими. поженуть вы ненавидѧщии ва. и побѣгнете *никомоу женущю* ва. (Лавр. л., л. 74) [11]; да *никтоже дерзнеть* рещи ꙗко ненавидими Бм҃ь есмы (Лавр. л., л. 75, л. 133 об. См. также Ипат. л., л. 83); аще ли сего не створишь а пустишь и. то *ни* тобѣ *кнѧжи[ти] ни* мнѣ (Лавр. л., л. 87 об. См. также Ипат. л., л. 89); ставшим же и межи собою в дн҃ь четверга. бы дождь силенъ с вѣтро. ꙗко *ни* ратны помочи собѣ *видѣти* (Лавр. л., л. 111); Бьющи же сѧ имъ на многы дни из города. тѧжко бы ємy занс *бы* помощи *ни* ѿкуду же (Лавр. л., л. 112 об.) [12]; *дхмъ* бжственнымъ разгорѣвъсѧ и *ни во чтоже вмѣни* (Лавр. л., л. 124—124 об.); и стоꙗша днии много. *ни* король *поступи* к Галичю. ни Ꙋлговичи (Лавр. л., л. 144); Павлово слово поми-

[9] Опущено сказуемое *будетъ*.

[10] Отрицание отсутствует при причастии страдательного залога, стоящем в винительном (втором) падеже.

[11] В Ипат. л.: никому же не женющу по васъ.

[12] Редчайший случай пропуска отрицания при препозитивном, по отношению к слову с *ни*, сказуемом.

нѧ. мнѣ *ни* ѡ *чем же буди хвалитисѧ*. токмо ѡ крт҃ѣ хв҃ѣ (Лавр. л., л. 150); *никтоже* бо ѿ бо҃ръ кто ѥму служилъ и хлѣбъ ѥго ѣлъ. и чашю пилъ и дары ималъ. тотъ *никако* оу иного кнѧзѧ *можаше быти* за любовь ѥго (Лавр. л., л. 163); Ирополкъ. же постоѧ нѣколько дн҃ии оу Чернигова и възвратисѧ в Киевъ. и распусти вои а со Всеволодомъ *никака же владивъсѧ*. ни мира с нимъ створивъ (Ипат. л., л. 110); Стославъ же р҃е *ни* волости *хочю ни* иного чего (Ипат. л., л. 121 об.); ѡни же *ничтоже могоша* ѿвѣщати (Ипат. л., л. 127); да *ни* мнѣ *буде* Переѧславлѧ *ни* тобѣ Киева (Ипат. л., л. 170 об.); *ничто же имете* во оумѣ своем҃ (Ипат. л., л. 215); Володимеръ же Галичькыи *ни* тамо *обрѣте* собѣ покоѧ (Ипат. л., л. 222); и *ни единъ же* восл҃дова любви его к мѣстоу томоу (Ипат. л., л. 243).

Из числа приведенных выше примеров особо отметим те, в которых несмотря на отсутствие *не* при глаголе существования, находим не им. п. подлежащего, а род. п. дополнения. Таким образом *ни*, стоящее при другом члене предложения, сохраняло свою силу и при сказуемом, о чем уже говорилось раньше: ни нама будетъ сокольца (Сл. о плк. Иг.); зане бы помощи ни ѡкоуду же (Лавр. л., л. 112 об.); да ни мнѣ буде Переѧславлѧ. ни тобѣ Киева (Ипат. л., л. 170 об.).

Как правило, в памятниках светского содержания, несмотря на наличие *ни* в составе местоимения или наречия или постановку его (с целью и отрицания и логического ударения на слове) при числительном *єдинъ*, при первом из однородных членов или при одном слове, при сказуемом ставится отрицание: 1) а противоу того *не молвити никому же* (Смол. гр. 1229 г., сп. А, Сум. и Лоп., с. 23. См. также сп. В, С); *не ѡстати* ми короля. *никоторымъ* веремѧнемъ (Гр. Смол. кн. Юрия Святосл. Сум. и Лоп., с. 72); а *никоторым* дѣломь ни оу лисе а ни оу добрѣ *не ѿверечи* ми сѧ короля (Гр. Смол. кн. Юр. Святосл. Сум. и Лоп., с. 72)[13]; и р҃е ѩко *не мыслилъ ѥсмь* до пльсковичъ грооуба *ничего же* (1-я Новг. л., л. 104); река поидите съ мною на поуть. а зла до васъ есмь *не мыслилъ. никоторого же* (1-я Новг. л., л. 105); а кнѧзю ѥсме зла *не створили никотораго же* (1-я Новг. л., л. 107 об.); і пристоупиша к городу. і *не оуспѣша ничто же* (1-я Новг. л., л. 146 об.) вѣси кнѧже ѩко своего *никтож҃е не хулить* но хвалить (Лавр. л., л. 36 об.); а чл҃вкъ *не вѣсть*

---

[13] Кроме отрицания в составе местоимения, имеется отрицание и при первом однородном члене. Грамота (старобелорусская) принадлежит второй половине XIV в. (написана 16 сентября 1386 г.).

ничтоже (Лавр. л., л. 50. См. также Ипат. л., л. 55 об.); и *не глше никомуже* (Лавр. л., л. 62 об. См. также Ипат. л., л. 68 об.); а *не опечалѧ никого же ничиже* (Лавр. л., л. 152); Ивиша ꙗзыцы. ихже *никтоже* добрѣ ꙗсно *не вѣсть* кто суть и ѿколѣ изидоша и что ꙗзыкъ ихъ (Лавр. л., л. 153); митрополитъ же запрѣти да *никомоу же не повѣдѧть* (Ипат. л., лл. 129 об. — 130); ѡни же *не могоша ничтоже* помочи (Ипат. л., л. 132); а сторожи постави ѿ товаръ и да *бы* к нимъ *никтоже не пришелъ* (Ипат. л., л. 136 об.); таины Бжиа *никто же не вѣсть* (Ипат. л., л. 223); 2) Мьстиславъ же кыєвськый кнзь видѧ се зло *не движесѧ* с мѣста *никамо же* (1-я Новг. л., л. 98 об.); кнзь же олеѯандръ. *не оумедли ни мало* с новгородци. і съ ладожаны. поиде на нѧ. і побѣди ꙗ силою стыѧ софыѧ і мл҃твами влчцѧ нашеѧ бц҃а. і приснодвца мр҃иа (1-я Новг. л., л. 126 об.); сташа бѣ бо днь нелѧ. королеви же по своєму ѡбычаю. *не встанущю никдѣже* в нелю (Лавр. л., л. 112 об.); и бы моръ в кони во всѣ воихъ ѥго. ако же *не былъ николиже* (Лавр. л., л. 114); видѣвъ же Мстиславъ вои множство ѡколо города и *не бы* ѥму помочи *ни ѿкуду же* (Лавр. л., л. 145); но *никакоже не покориша* ихъ безаконью. и много сварѧше ꙗ гл҃ѧ ѡ глухое цр҃ьство оскверньное. *никакоже* мене *не ѿведете* хр҃ьтьньское вѣры. аще и велми в велицѣ бѣдѣ есмъ (Лавр. л., л. 162 об.); кнже *не ходи*. ѿтолѣ *никамо* (Ипат. л., л. 126 об.); тѣмь *никоуда же не може*. поути собѣ *налѣсти*. ѣхати по Стославѣ (Ипат. л., л. 223); 3) *Ни ѡдиномоу же* роусиноу. *не дати* пересоуда оу ризѣ. ни на гочкомь березѣ (Смол. гр. 1229 г., сп. А. Сум. и Лоп., с. 23. См. также сп. В, С.); а на весноу *не пустиша*. из новагорода своихъ. *ни одиного* моу. за море (1-я Новг. л., л. 49); а сѣмо *не пущаи ни единого* (Лавр. л., л. 25); Бы болесть силна в людѣ вельми. *не бѧше* бо *ни ѡдиного же* двора безъ болнаго (Лавр. л., л. 137 об.); Тое же зимы Ирославъ снъ Всеволожь ходи из Новгород за море на Емь. гдѣ же *ни единъ* ѿ кнѧ Рускы *не взможе бывати* (Лавр. л., л. 154 об.); ѿтолѣ же *ни ѡдинъ* чл҃вкъ *не переѣха* боле того на сю сторону (Ипат. л., 156 об.);

4) Тако роусиноу *не ѥхати*., съ латинескымь на въиноу. *ни* оу ризѣ. *ни* на гочкомь березѣ (Смол. гр. 1229 г., сп. А. Сум. и Лоп. с. 23. См. также сп. В, С); роусиноу же *не дати* пересоуда *ни* въ ризе *ни* на готьскомь березе (Смол. гр. 1229 г.,

сп. D. Сум. и Лоп., с. 38. См. также сп. E, F); аже погоубѧть слѣдъ на гостинци на велицѣ. а се[за] не боудеть. или на поусте. кдѣ же *не боудеть ни* села. *ни* людии. то *не* платити. *ни* продаже. *нї* татьбы (Рус. Пр. 1282 г., л. 624об.); Тому вѣщей Боянъ и пръвое припѣвку смысленый рече: *ни* хытру, *ни* горазду, *ни* птицю горазду, суда Божїа *не минути* (Сл. о плк. Иг., с. 37); Яко же бо Соломонъ рече: *ни* богатества ми, *ни* убожества, Господи, *не даи же* ми (Сл. Дан. Зат., л. 280); В то время по резанской земли около Дону *ни* ратаи *ни* пастуси *не кличут*, но часто вороне грають, зогзици кокують трупу ради человечьскаго (Сл. о Кулик. битве, с. 38); и *не оупоустиша ни* моу (1-я Новг. л., л. 26 об.); он же въороужденъ силою крьтьною не хотѣ и слышати ласкы оца своего. *ни* прѣщениа его *не оубоѥсѧ*. (1-я Новг. л., л. 141 об.); а скота *не оставиша ни* рога. (1-я Новг. л., л. 156. об.); и *не поступи ни* Ѡлегъ на Мстислава. *ни* Мстислав на Ѡлга (Лавр. л., л. 86—86 об. См. также Ипат. л., л. 87 об.); Половци же оужасошасѧ. Ѡ страха *не възмогоша ни* стага *поставити* (Лавр. л., л. 95. В Ипат. л., л. 97: и стага поставити); Ѡнъ же *ни* Ѡвѣта емоу *не дасть*. противоу тои рѣчи. ни посла к немоу поусти (Ипат. л., л. 119); Ростиславъ же *ни* въ Киевъ *не входѧ* поиде полкы своими (Ипат. л., л. 169 об. — 170).

III. Отрицательные предложения в старорусских памятниках

Памятники светской литературы более позднего времени — XV—XVII вв., как старорусские, так и староукраинские и старобелорусские, не дают вполне однородной картины. Рассмотрим данные старорусских произведений.

В юридических памятниках (в судебнике Ивана IV 1550 г., в судебнике Федора Ивановича 1589 г. и в других юридических памятниках) не находим случаев с пропуском *не* при сказуемом. Очевидно, такой пропуск, по мнению составителей, мог создать известную нечеткость, различное толкование юридической формулировки.

Последовательно употребляется *не* при сказуемом: а отъ записки подъячему *не имати ничего* (Суд. Ив. IV, с. 190—191); А подьячимъ у себя дѣлъ *никоторыхъ не держати* (Суд. Ив. IV, с. 204); А которой ѣздокъ въ которомъ городѣ живетъ, и тому ѣздоку *ни отъ какова* недѣлщика въ томъ городѣ *не ѣздити* (Суд. Ив. IV, с. 218); а судіѣ съ того *не имати ничего* (Суд. Ив. IV, с. 224); А опричь Москвы да Великого Новагорода и Пскова, индѣ, *нигдѣ*, *ни* въ *которыхъ* городѣхъ отпускныхъ *не давати* (Суд. Ив. IV, с. 248); *Ни* господарю на холопа ти[у]ну грамоты

не дава[*ти*] (Суд. Фед. Ив., с. 6); А су[д][ь]е с того *не имати ничиго* (Суд. Фед. Ив., с. 30); А бе[з]целова[л]ника *никако же не судити* (Суд. Фед. Ив., с. 34); и по воло[с]те[м] земъли без управы *не де*[*р*]*жа*[*ти*]ни чясу (Суд. Фед. Ив., с. 56); а пошлинъ Богословскому игумену съ того селища *никоторых не платилъ* (Моск. гр. 1533, АИ, № 134); А докудова вас бог помилует, свободит от бед, и вы *ничем не разделяйтесь* (Моск. гр. 1572 г., Дух. дог. гр., № 104); тѣмъ Архіепископомъ и Епископомъ укорины *никакой не бывало* (Рус. гр. 1584—1585 гг., АИ, т. I, № 216); и въ келью къ нему *никому ходити не велѣли* (Моск. гр. 1589 г., АИ, т. I, № 225); а предъ вами, Государи, измѣною *никако не повиненъ*, поневоленъ насилствомъ (Рус. гр. 1614 г., АИ, т. III, № 264); а задору вамъ *никакого не чинимъ* (Вязем. гр. 1624 г., АИ, т. III, № 131); и та де пустошь нынѣ лежитъ в порозжихъ земляхъ, а въ помѣстье и въ вотчину *не отдано никому* и *не владѣетъ* ею *никто* (Моск. гр. 1625 г., АЮБ, т. 1, № 55, VI. См. также Моск. гр. 1649 г., АЮБ, т. I, № 55, XII); и за очи *ни на кого ничего не написать же* (Сузд. гр. 1646 г., АЮБ, т. I, № 55, VIII).

В тех случаях, когда грамоты содержат, кроме деловой части, и рассуждения на религиозно-нравственные темы, цитаты из священных книг, в этих отступлениях могут быть и случаи с пропуском отрицания при сказуемом. Сказанное не противоречит выводу об отсутствии примеров без *не* при сказуемом в юридических памятниках: Вижу убо, яко лѣта уже къ старости приближишася, впадохъ убо въ частыа и различныа болѣзни, и *ничтоже* ино *возвѣщающи* ми, развѣ смерть и страшный Спасовъ судъ (Моск. гр. 1507 г., АИ, т. I, № 288); *никто же* бо *приемлет* честь отъ себе, но званный от бога, дает бо власть, ему же хощет, и воздвигает от земли убога и от гноища возносит нища (Моск. гр. 1572 г., Дух. дог. гр., № 104); И аще Христос будет посреде вас для вашея любви, и *никто может* вас *поколебати*, вы будете друг другу стена, и забрало, и крепость (Моск. гр. 1572 г., Дух. дог. гр., № 104); Глаголю бо вам, яко *ни един* мужей тех званных *вкусил* моея вечери, мнози бо суть звани, мало же избранныхъ (Моск. гр. 1572 г., Дух. дог. гр., № 104).

Московская грамота 1572 г. (в ней имеется еще ряд случаев с пропуском *не* при сказуемом) — духовная грамота царя Ивана IV, содержащая большое религиозно-нравственное вступление. Язык этой части грамоты сходен с языком посланиї царя Ивана IV (см. ниже).

В отличие от названных выше светских юридических памятников XVI в., в Стоглаве, содержащем постановления собора высших представителей церковного управления в 1551 г., имеются и случаи без отрицания при сказуемом, при этом как в царских вопросах, так и в соборных ответах. Если учитывать только примеры с постпозицией сказуемого по отношению к слову, в состав которого входит *ни*, то окажется, что эти случаи (без

отрицания *не*) даже преобладают над случаями с отрицанием при сказуемом. Отметим несколько примеров: 1) и тако боляре наши улучаше себѣ время. сами владѣюще всѣмъ царствомъ самовластно *никому же возбраняющу* имъ отъ всякого неудобнаго начинанія (Стоглав, с. 30); мы же о семъ многажды покушахомся месть сотворити врагомъ своимъ и *ничтоже успѣяхомъ*. и не разумѣхомъ (Стоглав, с. 31); и прочее церковное пѣніе правити сполна и по чину о всемъ. по преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и по уставу и по священнымъ правиломъ *ничтоже предтворяюще* (Стоглав, с. 59. Сходные случаи, с тем же словосочетанием, на стр. 62, 64 и 66); Такоже и діякони во всемъ діяконскомъ сану со страхомъ и трепетомъ. *ничто же* земнаго *помышляюще* (Стоглав, с. 65); 2) и милосердый Господь за премногія грѣхи наши наказая насъ ово потопомъ. ово гладомъ и моромъ и различными болѣзньми и бѣдами. *никакоже не наказахомся* (Стоглав, с. 31); И впредь просфирницамъ *не подобаетъ* над просфирами *ничтоже приговаривати* (Стоглав, с. 66); а которого дни обѣдни не служатъ и они бы въ царскіе двери просто не входили безъ патрахили и безъ ризъ и царскихъ бы дверей *не отверзали никогда же* (Стоглав, с. 70).

В путешествиях XV—XVII вв. (Зосимы, Гогары, московских купцов) к святым местам находим случаи без отрицания при сказуемом, единичны примеры без отрицания при сказуемом в памятнике XVI в., центральную часть которого ($^2/_3$) составляет хозяйственная жизнь — в Домострое.

В произведениях русской сатирической литературы XVII в. случаи без отрицания находим там, где пародируется язык церковной литературы. Там, где звучит живая разговорная речь, при сказуемом стоит отрицание.

В этом отношении весьма показательны примеры из сатир о пьянстве. Случаи без отрицания при сказуемом (приводим лишь два примера — первый из «Праздника кабацких ярыжек», или «Службы кабаку», второй — из «Калязинской челобитной»): Слава: Явихся аз сквернен тобою, кабаче, всем в посмеяние и ныне великою бедою одержим есмь. Егда пил, тогда и весел был, ныне же великою скорбию уязвляюся с плачем, но *никто может* ми *помощи*, но и паче злословят мя (Сатиры о пьянстве, с. 82); И он архимарит монашескому житию не навычен, крыловское правило и всенощное пиво *ни во что вменяет*, за то нас не смысля крепко смиряет (Сатиры о пьянстве, с. 122). Рядом в тех же произведениях, а также в сатирическом произведении «Повесть о куре и лисице» примеры с отрицанием при сказуемом (при этом в сатирах о пьянстве и при пародировании языка церковной литературы): Всяк, иже к тебе прикоснется, не изыдет, не имея похвалы во устех своих глаголаше: вчера был пьян, денег было в мошне много, утре встал, хватился за мошну, *ничего не сыскал* (Сатиры о пьянстве, с. 79. Праздник кабацких ярыжек); Седален

глас пустошны: Злым делом, кабаче, сокровище бываеши, и нас приходящих к тебе обнажаеши, но силою *никого не призываеши* (Сатиры о пьянстве, с. 80. Праздник кабацких ярыжек); и с похмелья чарки вина *никто не даст* тебе, кабаче (Сатиры о пьянстве, с. 82. Праздник кабацких ярыжек); немножко меду возмем для уныния, *никако* с себя *ничево не заложим* (Сатиры о пьянстве, с. 87. Праздник кабацких ярыжек); И он архимарит родом ростовец, а нравом поморец, умом колмогорец, на хлеб на соль каргополец, нас, богомольцев твоих, *ни в чем не слушает*, а сам не смыслит (Сатиры о пьянстве, с. 121. Калязинская челобитная); Сам ты не велик, толка перьем досаждаешь, А у меня же *никто же* тебя ис кохтей моих *не может избавить* — *ни* князь, *ни* боярин, *ни* иной кой от велмож (Пов. о куре и лис., с. 195); Петр же рече: «Господи, *ниже не отвергуся* от тебя *николи же*» (Пов. о куре и лис., с. 196).

Приведем примеры без отрицания при сказуемом в названных выше произведениях — путешествиях и в «Домострое»: а за Іерусалимъ *никто же поидти можетъ*, злыхъ ради Араповъ, бьютъ бо безъ милости (Пут. Зосимы, с. 64); тако же и вдругорядь и въ третий палилъ браду свою, и *никакоже прикоснуся* огнь власомъ моимъ (Пут. Гогары, с. 110); а гдѣ канула кровь Господа нашего Іисуса Христа на гору ту, и разсѣлина широка полупяди, а глубины *никто может повѣдати* (Пут. моск. купцов, с. 140); *никто же* без трѫда *вѣнчанъ бѫдеть* (Домострой, с. 18); *никто же изыдѣ* ѿ домѫ нашего тощь или скорбенъ по силе (Домострой. с. 64); да *никто никакоже* ѿ нихъ мене ради, нечистаго и грѣшнаго зло *нѣкако постражеть ни* в нн҃ѣшнемъ *ни* в бѫдѫщемъ вѣце (Домострой, с. 66).

Поскольку в путешествиях Зосимы и Гогары единичны как примеры без отрицания, так и примеры с отрицанием, эти памятники не позволяют сделать какие-либо выводы о соотношении тех и других случаев. Более показательным является «Путешествие московских купцов», где примеров больше. Здесь обычно при сказуемом имеется отрицание.

Приведем примеры из путешествий (как с препозицией, так и с постпозицией сказуемого): Убо и азъ боюся дѣла Божія таити, вспоминая муку раба онаго, иже пріимша талантъ Господень, и въ землю скрывай, а прикупа бо *ничесо же* имъ *не сотворша* (Пут. Зосимы, с. 60); Въ той же день, великія субботы, заутра, внидутъ поганые Турки. наглые санчаки и янычара, въ великую церковь, ко гробу Господню, и погасятъ вся кандила горящая по всей Великой церкви и по предѣломъ и надъ самимъ гробомъ Господнимъ, *ни единого не оставляют* съ огнем (Пут. моск. купцов, с. 141); И отъ тоя церкви близъ, на восточную страну, къ горѣ Елеонстей стоятъ врата желѣзныя, великія, стараго Іерусалима, затворены, и *невходимо никому* и не отверзаются до

днесь (Пут. моск. купцов, с. 143); и искаху у нихъ оружія и *ни обрѣтша ничтожъ* и *не сотвориша ничтожъ* калугеромъ зла (Пут. моск. купцов, с. 145); И егда кто отъ православныхъ христіянъ придетъ помолится, и *не велятъ никому* изъ того села на мощи имать *ничтоже* (Пут. моск. купцов, с. 146); И *не взимаютъ* отъ того села *ничтоже*, понеже не повелѣно бѣ (Пут. моск. купцов, с. 146); Онъ же рече: *не можетъ* сего *вѣдати ни* Сынъ человѣческій и *никтоже*, токмо единъ Отецъ (Пут. моск. купцов, с. 147).

В «Домострое» большое число примеров с отрицанием при сказуемом, причем и в части, содержащей религиозно-нравственные поучения. Приведем лишь несколько примеров: а и с кꙋтьею *никако же* просфиры *не ести* ни с канꙋномъ и на кꙋтью просвиры не класти (Домострой, с. 6); славы земныѧ *ни в чемъ не желаи* (Домострой, с. 8); а в цѣрькви *ни с кѣмъ не бѣседовати* (Домострой, с. 12); а сама бы гдрнѧ ѡнꙋ *никакоже*, *никоторыми* дѣлы ѡпрично немощи без дѣла *не была* («Домострой», с. 28); и на погребъ і на ледникъ и в сꙋшило и в жїтницы бе соба *никакова не пꙋскати* (Домострой, с. 47); а в столъ питье подавати по гдревꙋ наказꙋ комꙋ што велено а на сторонꙋ *никомꙋ не давати* без веленїѧ (Домострой, с. 49).

В произведениях XVI—XVII вв., характерных книжностью языка, объясняемой начитанностью их авторов, склонностью к приподнятому стилю, часто находим случаи без отрицания при сказуемом, причем в отдельных памятниках (например, в письмах князя Андрея Курбского, в «Летописной книге», приписываемой князю И. М. Катыреву-Ростовскому) они господствуют над примерами с отрицанием. Данью старой книжной традиции являются единичные примеры без отрицания при сказуемом в сочинениях Ивана Пересветова XVI в., в азовских повестях XVII в. Случаи, отмеченные ниже (первый из «Исторической» повести о взятии Азова в 1637 г., второй из «Поэтической» повести об азовском осадном сидении в 1642 г.), встретились в контексте, характерном торжественностью, витиеватостью стиля.

Приведем несколько примеров из различных памятников: да *ничто же* ему *будетъ мило*, никоторыя мудрости, ни воиньскія, *ни* житія царства того (Пересвѣтов, с. 59); Такъ говорит Петръ, волоскій воевода, про греческое царство: Велможи греческія при царѣ Константинѣ царьством обладали, і крестное цѣлованіе *ни во что же ставили* (Пересветов, с. 63); *Нигдѣ же* бо *обрящеши*, иже не разоритися царству, еже отъ поповъ владому (Письма Ив. IV, л. 136 об.); но *ничто же успѣша* (Письма Ив. IV, л. 145); Аще убо царю не повинуются подовластныя, *никогда же* отъ междоусобныхъ браней *престанутъ* (Письма Ив. IV, л. 156 об.); Сія же твоя худѣишая браненосія намъ *ни во что же*

поставлена (Письма Ив. IV, л. 173); Суемудрыми же мысльми *ничто же* помышленія *творимъ* (Письма Ив. IV, л. 174); Разумеваи да разумѣетъ совесть прокаженну имущіи, якова же *ни* во безбожныхъ языцехъ *обрѣтаетца* (Письма Курб., с. 1); Господь повелеваетъ *никого же* прежде суда *осуждати* (Письма Курб., с. 127); Въ коемъ преподобіе есть тому *ничесо же убиваетъ* ко блаженному житію (Письма Курб., с. 137); *Никто же можетъ преблагословеннеише быти*, которыми есть всесовершенъ въ себѣ, и яже въ себѣ единомъ вся своя полагаетъ (Письма Курб., с. 139); А на что и труждахся, то что дѣлалъ, або въ чемъ бодрствовали труды и мышленія моя, аще воистину *ничесо же породилъ* таковаго, *ничесо же постигохъ* (Письма Курб., с. 139); Онъ же государь, твердый адамантъ, *никако* тому реченію *внять* и того его буесловія не убоялся, ни устрашился (Пов. о Рос. царстве, с. 205); Но убо да *никто же похвалится чистъ быти* отъ сѣти непріятельстваго злокозньствіа врага (Ст. о Смуте, с. 1283); но отъ избавляющыхъ его *ни единъ обрѣтеся* (Ст. о Смуте, с. 1290); Самъ же *никогда отлучаяся*, аки древній Гедеонъ всѣмъ сердця на супротивныя укрѣпляя (Ст. о Смуте, с. 1317); *нихто бѣ* ему от царскихъ синклитъ *подобенъ* во благолѣпіе лица его и въ разсуженіе ума его (Пов. Кат.-Рост., с. 563); началницы же и воеводы всего Московского воинства *никако* сего *ужасошася* (Пов. Кат.-Рост., с. 573); и обыдоша весь градъ, юже *ниоткуду* ему *бысть сухъ* путь (Пов. Кат.-Рост., с. 578); И положиша его предъ враты грацкими на площади, нага суща, въ знакъ *ничѣмъ прикровенна* (Пов. Кат.-Рост., с. 581); *никогда же* отъ нихъ покою царевымъ людемъ *бываше* (Пов. Кат.-Рост., с. 585); намъ же *ниотколѣ* помощи *бысть*, токмо въ сохраненіи всещедраго Бога и въ заступленіи Пречистые Богоматере (Пов. Кат.-Рост., с. 603); И въ трудѣ своемъ *никоея же* ползы *обрѣтохъ* (Пов. Кат.-Рост., с. 624); И вооружишася и крепость и храбрость и мужество взяша атаманы и казаки и все великое Донское Войско прежних воин Александра царя Макидонского и прочих храбрых воин, и за православную истинную християнскую и непорочную веру и за святыя божия церкви и за государя царя смерть свою за живот себе вмениша и о том смертном часу *ничто же нимало усумнишася* (Пов. об азов. взятии, с 50); А сентября в 26 день в нощи от Азова города турские паши и с турки и крымской царь со всеми своими силами за четыре часа до свету, возметясь окоянны и вострепетаясь, побежали *никем гонимы* с вечным позором (Пов. об азов. взятии, с. 79—80).

Последних два примера (а также пример со стр. 573) из Повести Катырева-Ростовского свидетельствуют о том, что в этом произведении XVII в., написанном высоким стилем, сохранена и одна из особенностей синтаксиса древнейших памятников— постановка управляемого глаголом слова в родительном падеже, которого требовал бы глагол лишь при наличии отрицания при

этом глаголе. Протопоп Аввакум в своих письмах, где встречаются случаи без отрицания при сказуемом, уже нарушает эту традицию (см. ниже: ни *юность* блюдет, никто же *душю* мою возьмет от мене).

Приведем еще ряд примеров из Повести Катырева-Ростовского с родительным падежом в предложениях, где отсутствует отрицание при управляющем слове: и ни о чемь *попеченія* имѣя, токмо о душевномъ спасеніи (Пов. Кат.-Рост., с. 564); *ея же* николиже могла видѣти! (Пов. Кат.-Рост., с. 580); и никоея *надежди* мощно имѣти животу своему защищенія (Пов. Кат.-Рост., с. 607); и никоего *защищенія* обрѣтаютъ (Пов. Кат.-Рост., с. 607); намъ же отъ глада ослабѣвшимъ, и ни отъ коею страну *помощи* чаемъ имѣти (Пов. Кат.-Рост., с. 616); о мирскихъ ни о чемъ *попеченія* имѣя, токмо о душевномъ спасеніи (Пов. Кат.-Рост., с. 620).

Отметим несколько примеров из числа встретившихся нам в указанных памятниках с отрицанием при сказуемом. Как и в более ранних по времени памятниках, такое употребление является правилом при препозиции сказуемого (ниже приводятся примеры и с постпозицией и с препозицией): воинника всегда чередити, яко сокола, сердце ему веселити, *ни в чем* на него кручины *не допустити* (Пересветов, с. 60. См. также с. 62); щедрая рука *николи же не оскудѣваетъ* и славу царю събираетъ (Пересветов, с. 63. См. также с. 65); А для того, чтобы царьство его не оскудѣло, а войско царьское с коня не ссѣдаетъ, *николи же* і оружия із рукъ *не испущаютъ* (Пересветов, с. 74); Крови же во церквахъ *никакие не проливали есмя* (Письма Ив. IV, л. 56); и того ради убо попу Селивестру *ничего зла не сотворихъ*, яко же выше рѣхъ (Письма Ив. IV, л. 154 об.); Аще убо вы и раны многи претерпѣсте, но побѣды *никоея же не сотвористе* (Письма Ив. IV, л. 172); Лучше умыслихъ возложити упованіе мое на всемогущаго Бога, въ тріехъ лицехъ славимого и поклоняемого, ибо Онъ есть свидѣтель на мою душу иже *не чую ся* пред тобою *винна ни въ чесомъ же* (Письма Курб., с. 116); да на томъ престоле былъ бы, которого а *ни* счастья упрямства, а *ни* недруговъ неправда *не поколеблетъ* (Письма Курб., с. 139); Но во яковыхъ сіи обрящутся, яже пустошатъ землю свою и губятъ подручныхъ всеродне, *ни* сущихъ младенцовъ *не щадяще* (Письма Курб., с.157); И ему бы у насъ вся добрая творити, и закона бы нашего и устава *ничѣмъ не разорятi* (Пов. о Рос. царстве, с. 192); Великій же и непоколебимый столпъ, Богомъ крѣпко водружанъ, не на песцѣ основанъ, но на земли сердечнѣи твердѣ, самъ *никако же не поколебался* (Пов. о Рос. царстве, с. 204); а имъ, врагомъ, *ничего не сотворити* (Пов. о Рос. царстве, с. 209); А вы, православніи, *не помогаете* ему, государю, *ни въ чемъ* (Пов. о Рос. царстве, с. 209); *Не бываетъ* же убо *никто* отъ земнородныхъ *безпороченъ* въ житіи своемъ (Ст. о Смуте, с. 1278); и съ таковы поры *никто*

не смѣя прорещи словомъ о томъ о зломъ Ростригѣ (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с 732); и *не смѣяху* изъ мірскихъ людей *нихто*, чтобы молвити что о поможеніи великого князя (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 735); Умъ человѣчь *никто не можетъ исповѣсть* (Пов. Кат.-Рост., с. 619); а ис которого казачя юрта из верховых городков хто не поидеть, и тому на низу в великом Донском войску *ни на кого, ни в чем* суда *не будет* (Пов. об азов. взятии, с. 49); А се в мале дружине своей остались, уж стало переменитца некем, — *ни на единой* час *отдохнуть*, нам *не дадут*! (Пов. об азов. взятии, с. 75).

Остановимся особо на сочинениях вождя и вдохновителя старообрядчества, борца и мученика за веру протопопа Аввакума. Замечательный русский памятник второй половины XVII в. — Житие протопопа Аввакума, им самим написанное (1672—1673 гг.) содержит примеры и с отрицанием при сказуемом и примеры без отрицания.

Первые господствуют: *никто* ко мне *не приходил*, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно (Аввакум. Житие, с. 66); и опять *не стало ништо болеть* (Аввакум. Житие, с. 71); А я говорю: «Христос меня пронес, и пречистая богородица провела; *я не боюсь никово*; одново боюсь Христа» (Аввакум. Житие, с. 88); а больши тово *ничево не стало* (Аввакум. Житие, с. 91); Я своево мучения на них *не спрашиваю, ни* в будущий век» (Аввакум. Житие, с. 95); А наш Христос ученикам своим *никогда* так *не повелел* (Аввакум. Житие, с. 108); А в головах у него образы и книги, хлеб и квас и прочая, а *ничево* без меня *не тронет* (Аввакум. Житие, с. 113); и *ничево не смеет* надо мною *делать* (Аввакум. Житие, с. 114); Но, — чюден господь! — бьет, а *ничто не болит* (Аввакум. Житие, с. 115); Господь же пустил на нея беса, смиряя ея, понеже и меня *не стала слушать ни в чем* и о поклонех не стала радеть (Аввакум. Житие, с. 117).

Пропуск *не* встречаем в том месте Жития, которое характерно своим приподнятым стилем (см. первый пример, где в частности находим «фиал гнева ярости своея») и трижды в одной и той же цитате из Евангелия от Матфея (яко ничто же успевает, но паче молва бывает): в то время Никон отступник веру казил и законы церковныя, и сего ради бог излиял фиал гнева ярости своея на русскую землю: зело мор велик был, *неколи* еще *забыть*, вси помним (Аввакум. Житие, с. 56); Ворожа и колдуя много над ними, и видит яко *ничто же успевает*, но паче молва бывает, — зело жестоко их бес мучит, и бьются и кричат (Аввакум. Житие, с. 75); Также в русские грады приплыл и уразумел о церкви, яко *ничто ж успевает*, но паче молва бывает (Аввакум. Житие, с. 87); Да так-то с полгода жил, да вижу, яко церковное *ничто же успевает*, но паче молва бывает, — паки заворчал, написав царю многонько-таки, чтоб он старое благочестие взыскал (Аввакум. Житие, с. 92).

Сходная картина и в челобитных письмах и посланиях Аввакума, в которых последовательно сохраняется *не* при сказуемом (не только препозитивном, но и постпозитивном) при наличии отрицания в составе местоимения, наречия или при управляемом слове: Свет-государь! Пред человеки *не могу* тебе *ничтож проговорити* (Аввакум. Письма, с. 190); Протопоп Аввакум *не помнит* тово *ничево*, благодатию божию, что над ним делается (Аввакум. Письма, с. 194); *Не вемы* в себе *ни* следу ересей (Аввакум. Письма, с. 196); Вемы бо, да и ты слышишь по вся дни во церкви, яко святым мучеником *ни единому* честнаго погребения *не бысть* от убивающих их или в темницах уморяющих (Аввакум. Письма, с. 198); да Христос их *нигде не забыл* (Аввакум. Письма, с. 198); Прости, Михайлович-свет, либо потом умру, да же бы тебе ведомо было, да *никак не лгу* (Аввакум. Письма, с 198); а посланейце я *никому не показал* (Аввакум. Письма, с. 207); Не кручинься на Марковну: она *ничево* сего *не знает* (Аввакум. Письма, с. 208); да мужик *ничево не отдал*, *ни* полушки, перед ним! (Аввакум. Письма, с. 217); *Не надобе* нам *ни* пищали, *ни* сабли, *ни* ино что от таковых (Аввакум, Письма, с. 213); А до тово *никто* с ним *не смел говорить* (Аввакум. Письма, с. 231); и дондеже в покаяние придет, *ни* на праг церковный *не попущу* таковому *восступити* (Аввакум. Письма, с. 232); Удержи диявола, да *не поглотит* наших *никого же*! (Аввакум. Письма, с. 239); *Ничево не сделал*, лишо из рук чотки вышиб (Аввакум. Письма, с. 240); Но *ничто же* таково бог *не рече*, ни содела (Аввакум. Письма, с. 252); Огнь *ни единыя* лавки *не оставил* (Аввакум. Письма, с. 255); Егда же лев обыдет остров кой, *ни един* зверь *не смеет* чрез *прелести* стези его — всех ту искоренит (Аввакум. Письма, с. 268—269).

Не при сказуемом опускается почти исключительно в цитатах из священных книг: Свет наш государь, благочестивый царь! Златаустый пишет на Послание к ефесеом: «*ничтоже* тако раскол *творит* во церквах, якож во властех любоначалие, и *ничтоже* тако *прогневает* бога, якоже раздор церковной» (Аввакум. Письма, с. 186); Еще же глаголю: аще и все добродетели сотворишь, рцы души своей: «*ничтоже* благо *сотворих*, ниже начах добро творити» (Аввакум. Письма, с. 209); «Аще и забудет мати не помиловати рожения своего, но аз не забуду», рече господь.— «Не пять ли птиц ценятся единому пенязю: и *ни едина* от них *падет* без воли отца моего. Вас же и власы главныя изочтены суть. Не убойтеся, убо мнозех птиц лутше есте вы» (Аввакум. Письма, с. 209); Ныне время благоприятно делания, ныне дни спасения, во гробе бо *никто же может делати* (Аввакум. Письма, с. 269). Окаянно таково то пиянство: *ни* юность *блюдет*, ни седин милует, ни святаго почитает, ни честна мужа хранит, но всех без ума творит и во грехи поощряет (Аввакум. Письма, с. 271); Сам господь нас научает, рече: «*никто же* душю мою *возьмет*

от мене, но сам полагаю ю о себе, область имам положити ю и паки область имам прияти ю» (Аввакум. Письма, с. 285); А еже только не согрешила сестра, а наветуют бесчинующе, и сего обычая, *ни* во языцех *обрести возможно* где (Аввакум. Письма, с. 291); *Никто ж* от еретик *восхитит* вас, православных християн, от руки моея; хощю неповинных представити вас в день просвещенный праведному судии (Аввакум. Письма, с. 291.)

Талантливый писатель, проповедник, обращавшийся к широкому кругу читателей, протопоп Аввакум предпочитал употреблять из двух возможных в русском языке оборотов наиболее распространенный — с отрицанием при сказуемом. Оборотом без отрицания он пользовался или в цитатах из священных книг, или (весьма редко) с целью придать тем или иным местам своих сочинений книжную, церковнославянскую окраску.

IV. Отрицательные предложения в старобелорусских памятниках

Старобелорусские памятники XV—XVII вв., т. е. периода, когда в литературном языке с особой силой ощущается влияние живой белорусской речи, дают несколько иную картину, чем старорусские памятники тех же веков, в отношении употребления отрицательных предложений без отрицания при сказуемом. Белорусские памятники самых различных жанров (юридические, художественные, летописи и др.) за редкими исключениями, строго придерживаются правила ставить отрицание при сказуемом.

Единичные примеры без отрицания находим в легендарно-апокрифической повести конца XV в. «Страсти Христовы», относительно которой Е. Ф. Карский отмечает, что это, возможно, перевод даже не с польского, а непосредственно с латинского лицом, хорошо знавшим польскую речь [14].

Отметим случаи без отрицания при сказуемом (всегда — постпозитивном): Мыслити слоушае какаѧ болесть была млтївеи мтце. ѡ смерти сна своего. ижь коли неме речи жалоую смрти его. што на матка его заню *ни* газы *вымолвити* ни дша мыслити. како великою жалостию и какою горкостїю внѧта была дша

[14] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. III. Очерки словесности белорусского племени. 2. Старая западнорусская письменность. Пг., 1921, стр. 62. См. также более раннюю работу того же автора (1897 г.) — «Западнорусский сборник XV в. Императорской публичной библиотеки в С.-Петербурге QI № 391» (Е. Ф. Карский. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962, стр. 285), — где говорится о переводе повести с польской рукописи, составленной на основании нескольких латинских сказаний, причем у составителя или, быть может, переводчика польской повести были и чешские пособия.

еѧ (Страсти Христовы, л. 13 об.); заню такое красы тако велїкое ꙗсности и цюдности было тело га нашого исъ ха. а *ни* ꙗзы *може вымолвити* а ни писмо выказати (Страсти Христовы, л. 14 об.); реклъ пъке поприсѧгоую тѧ чере силы твое и мое. штобы еси его не води до мене. бо ꙗ слыша есми приказанїе слова его и задрыжа есми. а *ни* лазорѧ *задержати моглъ есми* (Страсти Христовы, л. 26 об.); аштобы оу гробы и пино посмотрели которые шопо и пилно ищоуче нашли гробы ихъ ѡтворене. и ине многїе а *ни* знаменїа какого ис костеи албо с порохоу ихъ *нашли* оу гробе (Страсти Христовы, л. 33); оуже *никомоу поведаите* сло ты которые казали есте на ѡ їсе (Страсти Христовы, л. 36).

Рядом встречаем и случаи с отрицанием при сказуемом, причем они составляют 93% по отношению ко всем отрицательным предложениям.

Следующий пример из Виленской грамоты 1470 г. не противоречит сказанному выше, хотя при *ся уступовати* нет отрицания: по-видимому, *не будеть* относится и к инфинитиву *ся уступовати*, а не только к инфинитиву *поискивати*: а мнѣ самому никоторымъ близнымъ моимъ, якожъ ихъ и не маю, въ тое имѣне *ничимъ ся уступовати*, и *никоторою* причиною подъ паномъ Гордыною и подъ его панею и подъ ихъ дѣтми и потомки *поискивати не будеть* (Вил. гр. 1470 г., АЮЗР, т. II, № 74). Пример из Летописи Авраамки 1495 г. тоже нельзя рассматривать как случай с пропуском *не* при сказуемом, поскольку, кроме отрицательной частицы *ни* при словах *поганы(х) рате(х)*, в тексте имеется еще *ниже*, равное по значению *и не* и относящееся к глаголу-сказуемому: Хр(с)тианы не чл҃чьскы мѫчиша. *ниже ни* на поганы(х) рате(х) *слышахо(м)* такы(х) мѫкъ (Лет. Авраамки, л. 449об.).

Приведем примеры с отрицанием при сказуемом (преимущественно с постпозицией сказуемого) из памятников XV—XVII вв. различных жанров: а *никому* иному в тое *ся не ступати* ни о томъ рубежя держати на обѣ сторонѣ (Могилев. гр. ок. 1407 г., РЛА, № 165); А на то есмо дали имъ сюю нашу грамоту съ нашою печатью а штобы нашое грамоты *нихто не ослушалъся* (Троцк. гр. 1432 г., Вил. палеограф. снимки, № 1); въ цомъ ему *никто* кривды *чинити не мае* (Туровск. гр. 1497 г., Археогр. сб. т. I, № 4); бо передъ тымъ того *николи не бывало* (Троцк. гр. 1536 г., Археогр. сб., т. I, № 27); Ты бы, братъ нашъ, о томъ ведалъ и предъ ся пріязни своее къ намъ, брату своему, *ничимъ не отъменялъ* (Западнорус. гр. 1542 г. РИБ, т. XXX, кн. 1, № 10); *Не маетъ никто ни за кого терпети* але кожды сам за себе (Лит. ст. 1529 г., с. 4);

Хто чого был в держаньи за Казимера Короля и за Олександра, а о то *нихто не впоминалъ* (Лит. ст. 1529 г., с. 6); а кгвалтомъ *ни за кого* ихъ *не маемъ давати* без их воли (Лит. ст. 1529 г., с. 31); а отъ леса *ни один* одного *не маетъ заходити* (Лит. ст. 1529 г., с. 70); А дерева на будованье и дровъ за тыми входы *нихто* съ чужое пущы на потребы свои *брати не маеть* (Лит. ст. 1529 г., с. 79); Ино великомѹ кнѧзю Ѧгаилоу *ничого не вдѣлалъ* (Лет. Авраамки, л. 440 об.); и правдоу дасть кнѧ(з) великыи Ѧгаило великомоу кнѧзю Витц(в)тоу. и дади своемоу великомоу кнѧзю Кѣстоу(т)ю што *николи* противѹ емоу *не стаати* а завсе оу его воли быти (Лет. Авраамки, л. 441); такоже *ни* Антицо(х) Сирскыи. *ни* ѵлианъ престоупни(к) такы(х) моукъ *не сътвори(л)* надъ хр(с)тїаны (Лет. Авраамки, л. 445); а в ни(х) заставы кнзь ихъ *некоторое не зоставилъ* (Лет. Рачин., с. 243); мы зла *никому не вчынили* (Лет. Рачин., с. 255); А *нихто* емоу с чѹжи(х) сторо(н) *не помага(л)* (Лет. Крас., л. 83); Но ѧ кнзю великомѹ *ничего не вчиниль* (Лет. Акад., л. 170 об.); Того-жъ року былъ съемъ валный у Варшаве, але король, его милость, Августъ южъ был хорый, протожъ се *ничого не постановило* (Дневн. Евлаш., с. 133); пыха и злие мысли снать у ней *никгды* до серца *не наступовали* (Дневн. Евлаш., с. 138); Литва за казаками гналася ажъ до Рогачева, да *ничого* згола *не вчинили* козакомъ (Лет. Баркул., л. 154 об.); а на поли по лядахъ, по нагнояхъ *нихто не бывалъ* (Лет. Баркул., л. 167); а ѧ *нигдѣ* вас *не выдам* (Ист. о Атыле, с. 192); а къ тому *нихто* вже *не былъ*, которыи бы его силамъ ровенъ могъ быти (Ист. о Атыле, с. 210); ѡнъ имъ *ничого* злого *не учынить* (Ист. о Атыле, с. 217); И коли вкинули в реку, был у него ѡдинъ хортъ, который ѡт него *николи нигде не ѡтступовал*, але за паном своим шол у реку плавом ищучы в рецэ пана своего (Пов. о витязях, с. 2); да твоꙗ краса мне *ничого* добраго *вчынити не может* (Пов. о витязях, с. 2); а *ни* ѡдинъ такъ *не вчынилъ* своею рукою, такъ тот рыцэръ (Пов. о витязях, с. 38); Трышцан *нижако сѧ не сполохал* (Пов. о витязях, с. 39); Рекъ: сего чуда *ни* чоловѣкъ *не видалъ* (Пов. о витязях, с. 64); Кгды былъ на поли, *нихто* его *не поткал* (Ист. о Гвид., с. 134); а Луканера *ни* в стрымени *не рушыла сѧ* (Ист. о Гвид., с. 139); болести тоуженїа *николи есми не знала* (Страсти Христовы, л. 4 об.); реклъ петрови симоне спи. *не моглъ еси ни ѡдное* годины *чоути* со мною (Страсти Христовы, л. 5 об.); да їсъ *ничого не* ѡповеда (Страсти Христовы, л. 9); а їосе се возле аннаша и каипаша. а *никто не сме* ему слова *говорити* (Страсти Христовы, л. 37).

Старобелорусским памятникам известны отрицательные предложения (обязательно с отрицанием при сказуемом) без наличия отрицательной частицы в составе местоимения, наречия или при

управляемом слове. Имеем в виду предложения, в которых вместо отрицательных местоимений употреблено местоимение *жаденъ, жадный*, со значением *никакой, ни один*. Это позволяет сопоставить старобелорусские памятники не только со староукраинскими, но не в меньшей степени и с западнославянскими, старопольским (żaden) и старочешским (žáden) [15].

Совершенно справедливо отмечает Е. Ф. Карский: «Местоимение — числительное *ниодинъ* с успехом заменяется словом *жадинъ* (ср. стр. 54), встречающимся уже в старинных памятниках [16]. Е. Ф. Карский приводит примеры не только из старинных произведений, но и из диалектных материалов. Слово *жадный* (с указанием именной формы *жадзен* и *жадэн*) приводит в своем словаре и И. И. Носович, со значением *каждый* при обычном употреблении и со значением *ни один, никакой* при отрицании в предложении [17].

Словарь современного белорусского литературного языка этого слова уже не отмечает [18].

В своем словаре украинского языка Б. Д. Гринченко поместил слово жáдний с теми же значениями, но примеры даны либо из фольклора, либо из произведений из старинного или народного быта [19]. Дальше указано и слово **жóден, жóднии, на, не** как равное по значению *жаден, жадний* [20].

«Украинско-русский словарь», изданный в 1953 г., отмечает: **«жáден, -дна, -дне,** *редк. см.* **жóден»** [21], **-жáдний** [22] *см.* **«жóдний»** [22]. В словарной статье **жóден, -дна, -дне** *и* **жóдний** приводятся значения: *ни один, ни единый, никакой* (как *обл.* и значения *кáждый, всякий*) [23] Примеры даны из современного литературного языка.

В словарном составе старорусского языка, как и в современном русском языке, нет слова *жадный* со значением *никакой, ни один*.

И. И. Срезневский поместил в своем словаре слово *жадьныи*, указав в числе значений и значение *никакой*. Однако им отмечен лишь случай (единственный) такого употребления в западнорус-

---

[15] Ф. Травничек указывает, что в ранних чешских текстах в отрицательных предложениях выступает i žádný, что сближает его с i jeden (Fr. Trávníček. Historická mluvnice česká. III. Skladba. Praha, 1956, стр. 31).

[16] Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3, М., 1956, стр. 201.

[17] И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870, стр. 152.

[18] См.: «Белорусско-русский словарь». Под ред. К. К. Крапивы, М., 1962.

[19] Б. Д. Гринченко. Словарь української мови, т. I. А—Ж. У Київі, 1907, стр. 470.

[20] Там же, стр. 490.

[21] «Українсько-російський словник», т. I. А—Жюрі. Гол. ред. Г. М. Кириченко, Київ, 1953, стр. 487.

[22] Там же, стр. 488.

[23] Там же, стр. 503.

ской грамоте — в Жалованной грамоте вел. кн. Александра-Витовта литовским евреям 1388 г.[24]

Приведем несколько примеров из старобелорусских памятников различных жанров со словом *жаденъ* в значении *ни один, никакой*: и слугъ моихъ перебили а *жадного* куса у волости *писати не дали* (Троцк. гр. 1536 г. Археогр. сб., т. I, № 27); А вшакже *жадного* вспоминанья *не маеть довожоно быти жаднымъ* иншимъ обычаем, ани светки, одно листы нашими або врадников наших (Лит. ст. 1529 г., с. 6); таковы листы по пройтю давности десет лет *жадное* моцы *не мают мети* (Лит. ст. 1529 г., с. 8); У сведецстве *жадного* иншого закону *не мети* кроме хрестьянъ римского закону або греческого (Лит. ст. 1529 г., с. 68); К тому тежъ уставуемъ, ижъ *не маетъ жаденъ* бояринъ ани человекъ въ чужого человека земли *закупати* безъ воли пана его (Лит. ст. 1529 г., с. 74—75); а сновъ оу него *жа(д)ного нѣ было* то(л)ко ѡ(д)на до(ч)ка была оу него. на имѧ Ядвига (Лет. Крас., л. 77 об.); а Ходкевича *жадного* въ раде королевской *не было* (Дневн. Евлаш., с. 146); намовил, ижъ ему за пэвную рѣчъ поведал, иж в Нѣмцахъ и у Францэи люду *жадного* поготови до ѡборони *нѣт* (Ист. о Атыле, с. 182); Над то, кгды тых еще поразим, вже сѧ нам во всеи Эуропе *жаден* иншыи непрыятель *не укажеть*, хто бы намъ до богатъствъ и панованѧ всего свѣта мѣл перекажати (Ист. о Атыле, с. 191); *жадэн* чоловѣкъ до бороненьѧ муру *прыступити не смѣлъ* (Ист. о Атыле, с. 201); Коли хочешь з нами валчиᵀ, *жаднои* славы *не* ѡдеᵖ*жишъ* (Александрия, с. 45); приказаᴬ абы ихъ *жадеᴴ не смѣᴬ рѫшиᵀ* (Александрия, с. 69); И рек ему Трыщанъ: Поити хочу, *не поведаи* мѧ *жаднои* жывои душы (Пов. о витязях, с. 27); И поехали вси велми жалостни, и *не зналъ жадэн* чоловекъ штобы то Галиѡт. бо ехал з малою дружыною (Пов. о витязях, с. 78); ѡнъ *не ѡзмет* зъ собою *жадное* зброи и слугъ не ѡзметь болшъ двадъцати юнаковъ (Ист. о Гвид., с. 129—130).

V. Отрицательные предложения в староукраинских памятниках

В староукраинском памятнике XV в. — в Галицко-Волынской летописи около 1425 г. встречаются случаи без отрицания *не* при сказуемом, но они малочисленны, господствуют примеры с отрицанием: 1) ѡна же *никако могоущи помощи* братоу своемоу си (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 247); Фила же строѧше на брань. мнѧще же бо ꙗко *никто может стати* противоу емоу на брань (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 251); едоучю Доброславоу во ѡдинои сорочьцѣ. гордѧщоу *ни* на землю *смотрѧщю* (Ипат. л. (Гал.-Вол.),

[24] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. А—К. СПб., 1893, стр. 839—840.

л. 266 об.); Данилъ же и Василко слышавше. посласта Лва млада соущa и ꙗко *ни* во бои емоу *внити* младоу соущоу. посла сновца своего. Всеволода. Андрѣа и Ѩкова. иныи бояре. (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 268); б) и *никого не вѣдѣ* въ нихъ воиника (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 260); да *никто же не оутечеть* ѿ них. (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 280); и *николи же не бо҃ꙗсѧ* Коуремьсѣ (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 282 об.); и *не оуспѣша* вои е҃ *ничто же* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 283 об.); все изомре *не ѡстасѧ ничего же* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 297); сего *ни* на ср҃це моемъ *не было* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), д. 298 об.); *николи же* ко вепреви и *ни* к медвѣдеве *не ждаше* слоугъ свои. а быша емоу помогли. (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 299 об.).

Староукраинские памятники полемической литературы, расцвет которой приходится на конец XVI в. и первую половину XVII в., характерные своеобразным синтезом книжного церковнославянского языка с живой народной украинской речью, зачастую с преобладанием этой последней, содержат примеры с одним отрицанием. Однако и в них господствуют случаи с двойным отрицанием. Приведем примеры без отрицания при сказуемом из сочинений Ивана Вишенского конца XVI в.—начала XVII в., из «Палинодии» Захарии Копыстенского 1621 г., «Перестороги» И. Борецкого 1605—1606 гг.: Паки и в новом завѣтѣ христовѣ *ни* сам владыка о сем *рече* и *никоторыи* апостол его (Виш. Книжка, с. 84); и *никтоже может* сего грѣха *разрѣшити* (Виш. Книжка, с. 84); и о исправлении овец *ничтоже радят* (Виш. Книжка, с. 117); Си бо святыи, аще и внѣшнее учение изучиша, но *ничтоже* о истиннѣ от философского кичения *навыкнути возмогоша* (Виш. Книжка, с. 124); Ему же доволно удивився, разсуждая, что се есть, яко *николи же бѣ видѣл* такова видѣнием и образом (Виш. Книжка, с. 125); и помалѣ, коим есть смысл неисцѣлен, се преждѣ стяжати стяжание да подвигнѣм же ся, *ни единого щадяше*, иже божию милость к сему влекаше (Виш. Позорище, с. 220); Еще же и молимъ всѣхъ; *никому* еже изъ пещеры *изяти* мощи наша (Палин. Копыст., с. 333); Же тежъ наконецъ естъ и фундаментомъ церковнымъ Іисусъ Христосъ, божественный апостолъ Павелъ ясне о томъ вѣдати даетъ, гдѣ мовитъ: основания иного *никтоже можетъ положити*, паче лежащаго, еже естъ Іисусъ Христосъ». (Палин. Копыст., с. 339. См. также с. 363); але потребуетъ самого правого вызнаня, которое вѣчне тръваетъ и которого *ани* діаволъ, *ани* жадное створенье *звѣтяжити можетъ* (Палин. Копыст., с. 362); Таковы есть едность вашого Флорентского собору розбойнического, на которомъ *не единъ* живота своего благословеніемъ папежскимъ *доконалъ*, а иншимъ зъ ласки своей маетности и вѣку продолжилъ и честьми великими обдаровалъ (Пересторога, с. 225).

Примеры с двойным отрицанием из тех же памятников, а также еще из двух памятников, относящихся к 1598 г., из «Истории о Флорентийском соборе» и из «Ответа клирика Острожского»: Онъ упору и предсявзятя своего переломити не хотячи *никого* въ томъ *не услухалъ* (Ист. о Флор. соборе, с. 439); А они *никгды не хотятъ перестати* своего глупства. (Отв. клир. Острож., с. 392); Самъ имъ двери отворяетъ, которых *нихто затворити не можетъ* (Отв. клир. Острож., с. 422); Стѣны за часомъ старѣются, а церковъ *никгды не старѣется* (Отв. клир. Острож., с. 424); уже бо его в смирении *нѣколи не узрите*, уже в благочестие и православие *нѣколи взъвратися не может*, уже свѣта благовѣриа *нѣколи не узритъ*, уже радости отца и сына и святого духа *нѣколи ся не сподобит* (Виш. Книжка, с. 18); Сих проклятых владык *никакож не приймуйте* (Виш. Книжка, с. 24); если *ни* покаания *не имает*, и царствия божия не узрит (Виш. Книжка, с. 28); тому *ни мало не чюдуйся* (Виш. Книжка, с. 38); и насытися *никакож не можете* (Виш. Книжка, с. 53); Того *ни единым* писанием *не покажете* (Виш. Книжка, с. 64); но *не успѣ ничесоже* (Виш. Книжка, с. 79); «Нехай васъ *никто не зводитъ* жаднымъ способомъ» (Палин. Копыст., с. 314); которой они *николи не знали* (Палин. Копыст., с. 362); Поневажъ фундаменту иншого *нѣхто не можетъ положити*, прочъ того, который естъ положенъ, который естъ Iисусъ Христосъ (Палин. Копыст., с. 351); поневажъ *анѣ* имене церкове *не было* (Палин. Копыст., с. 376); *нѣгдѣ не сѣдячи нѣгдѣ не стоячи* (Палин. Копыст., с. 458); а Петра святого, такъ значного апостола, *ни единымъ* словкомъ *не споминаетъ* (Пересторога, с. 232).

В стихах-песнях XVI в. и начала XVII в., характерных своим народным языком, — двойное отрицание: *Нихто не доплинул* красну[ю] дівоньку, доплинул дівоньку Стефан воєвода (Стефан воевода); Козак щаслив, хоть не богат, *никому нич не виноват* (Песня про казака и Кулину).

В староукраинских грамотах, как и в старорусских и в старобелорусских только случаи с отрицанием при сказуемом (как препозитивном, так и постпозитивном по отношению к слову с *ни*): а *не имаеть* тои коръчмы ѿ не ѿнѧти *ни* ѡдинъ староста. а *ни* ѡдинъ *воевода*. без нашей волѣ. (Медык. гр. 1407 г. Укр. гр., № 39); а то *не имаеть ник(оли по)рушено быти* на ве(ки вѣч)ны(и) (Медык. гр. 1415 г., № 47); *ничьго* собѣ *не вынимаючи* ни зоставлаючи (Галич. гр. 1409 г., Укр. гр., № 40); а до шинкарокъ *никоторого* дѣла *не маеть* (Киев. гр. 1518 г., АЮЗР, т. I, № 68); и повѣдилъ намъ, ижъ тыи церкви суть нашого подданья а тыми часы *никому есмо* ихъ *не дали* (Львов. гр. 1524 г., АЮЗР, т. II, № 110); а *нихто* жадного ѯстѯпѯ тамъ *не мел* (Львов. гр. 1537 г., Arch. Sang., т. IV, № 80); тому ему же *никогда же* отцы наши *не покланяхуся* (Укр. гр. 1624 г., Вос. Укр. с Рос., т. I, № 22);

Нічого іншего не розуміемо (Укр. гр. 1648 г., Вос. Укр. с Рос., т. II, № 13); Просим о тое, жеби о том посланю *нихто не відал* (Укр. гр. 1652 г., Вос. Укр. с Рос., т. III, № 78).

Выше уже отмечалось, что и старобелорусским, и староукраинским памятникам были известны отрицательные предложения (обязательно с отрицанием при сказуемом) без наличия отрицательной частицы в составе местоимения, наречия или при управляемом слове.

Речь шла о предложениях со словом *жаденъ*, *жадный* со значением *никакой*, *ни один*. Ограничимся лишь несколькими примерами: а кнѧзь Коширский за живота ѡтца моего *жадного* припомина ѧ ѡ томъ *не чинилъ* (Львов. гр. 1537 г., Arch. Sang., т. IV, № 80); а з вашое сторони *жадное* ведомости *не било* (Укр. гр. 1650 г., Вос. Укр. с Рос., т. II, № 193); *жадной* почестки ему *не чинили*, ани повинности, патріархомъ звыклои, не отдавали. (Ист. о Флор. соборе, с. 468); «Фундаменту, мовитъ апостолъ, иншого *жаденъ* заложити *не можетъ* надъ заложоного, который естъ Ісусъ Христосъ» (Отв. клир. Острож., с. 413); Самъ имъ даетъ написано на камени имя новое, которое *жаденъ не вѣдаетъ* (Отв. клир. Острож., с. 422); На *жадномъ* соборномъ канонѣ *не положено*, абы папежъ головою мѣлъ быти постановленъ надъ патріархами (Палин. Копыст., с. 324); О томъ тежъ привилею Константиновомъ *жадныи* историкове Грецкіи *не написали* (Палин. Копыст., с. 326); Отожъ тутъ *нѣмашъ жадной* прерогативы Петра святого (Палин. Копыст., с. 357).

VI. К вопросу о происхождении оборота с одним отрицанием

По вопросу о том, является ли оборот с одним отрицанием вместо двух заимствованным из другого языка (неславянского) или принадлежностью древнерусского языка, высказывались различные мнения.

Ф. И. Буслаев полагал, что «оборот с одиноким отрицанием, вместо двойного» заимствован из греческого и «долго господствовал в нашем книжном языке; напр. у Кант. «Хотя внутрь *никто видел* живо тело Сат. I (вм.: *никто не видал*)»[25].

В. И. Чернышев [26] тоже считает данный оборот в церковнославянских текстах, откуда, по мнению В. И. Чернышева, он

---

[25] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, стр. 523. Отметим еще пример из произведений Кантемира, приведенный в работе В. Истомина «Главнейшие особенности языка и слога произведений князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. 1708—1744»: Воззреть вспять *никто смеет* («Петрида»—РФВ, т. XXXIV, 1895. Пед. отдел, стр. 36).

[26] Помимо примера из «Сатиры I» Кантемира, В. И. Чернышев приводит также пример из «Тилемахиды» Тредьяковского: «Кровь Человеча сея Земли никогда обагряла» (В. И. Чернышев. Отрицание «не» в русском язы-

перешел в старый русский книжный язык, подражанием греческому языку.

Л. А. Булаховский в отношении древнерусской письменности сделал вывод о борьбе двух тенденций в языке — книжной (церковнославянской) и народной. Первая тенденция вела к опущению *не* при сказуемом, вторая — к постановке отрицания.

Однако исследователь в то же время полагает, что опущение *не* «в памятниках, отражающих разговорный язык, может быть фактом и русским, диалектным, имеющим параллели в сев.-русских говорах. . .» [27]

Действительно, в современных северновеликорусских говорах, как отмечает А. Б. Шапиро [28], довольно широко распространены обороты без отрицания при сказуемом: Нигде возьмешь; никого и разбудил; никто ему велел; мне ништо зделајец'а и др.

Мы полагаем, что обороты с отрицанием не являются исключительно принадлежностью северновеликорусских говоров.

Они, по-видимому, не чужды и южновеликорусским говорам. Так, В. И. Чагишева отмечает, что в говорах Суземского района Брянской области «изредка встречается оборот с одной отрицательной частицей вместо двух», и приводит примеры: н'иштó им дават'; н'и л'асóў тáм бы́ла; э́та н'ихтó таб'é в'инават [29].

Есть основание предполагать, что данная конструкция сохранилась и в белорусских и в украинских говорах.

Мы в настоящее время уже имеем соответствующий материал из Витебской, Могилевской и Гродненской областей БССР[30]: Саша, прын'ас'й вады́! — Н'а што рóб'иш, сáм прын'ас'éш! Вóз'ира бл'йска (дер. Соломирье Полоцкого района Витебской области. А. Е. Баханьков); Н'и йóн зйéў што смáшнайе, н'и знас'йў што дóбрайе йак л'ýдз'и (там же); Н'а дз'е дз'éн'ис'с'а, над з'амл'óй найдý (там же); Вот у нáс старшын'á бы́ў: ни йóн

ке. Материал для Словаря русского языка. Приложение к 1-му выпуску VIII тома «Словаря русского языка», издаваемого II Отделением АН СССР. Л. 1927, стр. 17).

[27] Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Пятое, доп. и перераб. изд. Киев, 1958, стр. 406. — Здесь же автор отмечает, что в XVIII в. *не* иногда отсутствует в произведениях писателей, отражающих влияние языков греческого (через церковнославянские образцы) или латинского.

[28] А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения. М, 1953, стр. 198. См. также: Ф. П. Филин. Заметки о записях материалов по синтаксису. «Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка АН СССР», вып. 4. М.—Л., 1948, стр. 57; О н ж е. Из наблюдений над синтаксисом северо-западных говоров. «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 69. Кафедра русского языка, 1948, стр. 159—161.

[29] В. И. Чагишева. К изучению курско-орловских говоров. (Наблюдения над говорами Суземского района, Брянской области.) «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 92. Кафедра русского языка. 1954, стр. 188.

[30] Отмечаем в скобках фамилии лиц, от которых получены интересующие нас записи примеров.

каму́ дрэ́ннайа сло́ва сказа́ў, н'и каго́ пакры́ўдз'иў (там же); Эх! Аддыхну́ хоц' дз'ан'о́к: н'икал'и́ то́йа было́, н'и кал'и́ бу́дз'иц (там же); Йак ку́п'иш што, дык н'а дз'е дз'е́н'ицца, по́сл' и прыгадз'и́цца (там же); На́да таб'е́ папра́в'иц' пло́т. — Вас'и́л' н'а што дз'е́лайиц', хай папра́в'иц' (дер. Пищики Дубровенского района Витебской области. А. П. Груцо); Н'айдз'е́ дз'е́н'ишс'а, пры́дз'иш ныза́т (там же); Н'и хваро́бу п'е́тайе! (=делает). Здз'е́лыйа (дер. Шоломы Славгородского района Могилевской области. И. Я. Яшкин); От шкадл'и́выйа каро́ва, адб'и́лыс'а ат табуна́. Ал'и н'айдз'е́ дз'е́ницца, сыма́ пр'иб'ажны́ц' г двару́ (там же); Н'е́хта йаго́ гна́ў у тэ́йа пр'имаки́ (там же); Н'е́хта йаму́ кызаў, слу́хый ты йаго́, йилжэ́ц' (там же); Разда́ў свайо́, а ц'ап'е́р н'адз'е́ пазы́чыш (дер. Куписк Новогрудского района Гродненской области. А. К. Бакунович).

О том, что рассматриваемая конструкция не чужда белорусской народной речи, свидетельствуют и данные белорусского фольклора: Не хваробу робіць; Нехта яму вінаваты [31].

В украинских народных песнях, записанных в прошлом столетии, также находим случаи без второго отрицания.

Употребил оборот без отрицания при сказуемом и замечательный знаток украинского фольклора Т. Г. Шевченко. Этот случай у Т. Г. Шевченко единственный, при многочисленных случаях с двойным отрицанием: «Ніхто любив мене, вітав, І я хилився ні до кого» («Не гріє сонце на чужині», 1847 г.) [32].

О русском характере оборотов без *не* свидетельствуют и диалоги из московской разговорной речи конца XVII в., помещенные в «Русской грамматике» Генриха Вильгельма Лудольфа, изданной в 1696 г. в Оксфорде [33]: *а никово. пианово напоилъ* (с. 52); *некогда* прежде седмого часа тебѧ *вижѫ* (с. 54); гѫлащики *а некакъ люблю* (с. 63); *нехто ѫдоволитъ сѧ* въ томъ что богъ дасть (с. 65); в молодихъ лѣтехъ *нехто* такъ *разѫменъ* что бы трѫдилъ сѧ для ради наѫки и премѫдрости (с. 67) и др.

---

[31] Ф. М. Янкоўскі. Беларускія народныя прыказкі і прымаўкі. Мінск, 1957, стр. 421.

[32] См.: «Словник мови Шевченка», т. І. А—Н. Київ, 1964, стр. 478.

[33] Цит. по фотомеханическому изданию: Henrici Wilhelmi Ludolfi. Grammatica Russica. Oxford, 1959.

Б. А. Ларин только относительно первой из приведенных нами фраз без второго отрицания говорит как о латинизме (Генрих Вильгельм Лудольф. Русская грамматика. Оксфорд, 1696. Переиздание, перевод, вступит. статья и прим. Б. А. Ларина. Л., 1937, стр. 30). — О книге Лудольфа тот же исследователь пишет: «Есть ли основания утверждать, что книга Лудольфа возникла не в результате наблюдений и записей живого яыка (как я думаю), а путем кабинетного перевода латинских или немецких фраз на русский язык? Нет. Это опровергается целым рядом доказательных доводов» (там же, стр. 27—28).

Мы присоединяемся к этому мнению и полагаем, что пропуск отрицания (в том числе и в первом примере) не был вызван влиянием латинского языка, а отражает живое явление разговорной речи Москвы.

Встретился пример без отрицания при сказуемом и в пословицах XVII в.: Алтыномъ Мартынꙋ *ни* сапогъ *поши* ни скоба *поби* (Пословицы XVII в., л. 325 об.). «Предсловїе до читателѧ» сборника пословиц отмечает, что он написан «бе[з] ꙋкрашенїя, какъ мирстіи жители простою рѣчїю говорятъ» (Пословицы XVII в., л. 322 об.).

Оборот с одним отрицанием не был заимствован из чужого языка. Об этом говорят не только памятники древнерусской письменности, и в частности деловой, но и данные современных говоров восточнославянских языков, в первую очередь — русских говоров.

В последних *не* при сказуемом отсутствует обычно тогда, когда в предложении имеется местоимение или наречие, в состав которого входит *ни*.

Однако, как отмечает Ф. П. Филин, «Изредка встречается отсутствие *не* при глаголе, когда *ни* стоит при существительном. Ср. «они заихали, н и м и с т о в з н а ю т, где пройти» — ни мест не знают (д. Надозерье, Волховского р-на, Ленинградской обл.)» [34].

Выше нами отмечен и приведенный В. И. Чагишевой сходный случай: н'и л'асóў там бы́ла. Напомним и соответствующий пример из белорусского языка: н'и хварóбу п'éтайе! (=делает).

Считаем необходимым обратить особое внимание на эти примеры, так как и в древнерусских памятниках примеры без *не* при сказуемом, когда при существительном стоит *ни*, встречаются редко, при этом почти исключительно в произведениях духовной литературы.

Как видим из сказанного выше, в древнерусском языке употреблялись два оборота: с *не* и без *не* при сказуемом. Первый из них, по-видимому, был менее широко распространен в диалектах русского языка, о чем говорит сравнительно небольшое число случаев с этим оборотом в памятниках светского содержания.

В произведениях религиозного содержания древнерусский книжник, под влиянием церковнославянской письменности, часто предпочитал употреблять оборот без *не*, который к тому же не был чужд русскому языку, во всяком случае многим его диалектам.

VII. *Ни* при однородных членах

Выше мы отметили случаи с постановкой *ни* и перед первым из однородных членов, что стало впоследствии нормой для восточнославянских языков. Это *ни* находим не только перед управляемыми глаголом словами, но и перед первым подлежащим: а *не надобѣ* имъ *ни* вощець *ни* мыто (Гр. неизв. Смол. кн., Сум.

[34] Ф. П. Ф и л и н. Из наблюдений над синтаксисом северо-западных говоров, стр. 160.

и Лоп., с. 12); бы страшно побоище. ꙗко *не видали ни* оци *ни* дѣти (1-я Новг. л., л. 156 об.); *и не поступи ни* Ѡлегъ на Мстислава. *ни* Мстиславъ на Ѡлга (Лавр. л., л. 86—86 об.); В то время по резанской земли около Дону *ни* ратаи *ни* пастуси *не кличут*, но часто вороне грають, зогзици кокують трупу ради человечьскаго (Сл. о Кулик. битве, с. 38).

Однако не менее часто встречаются случаи, когда при первом однородном члене отрицание *ни*, употреблявшееся вначале, по-видимому, для усиления отрицания, отсутствует: се бо *не избьра* отъ премоудрыхъ философъ *ни* отъ властелинъ градъ пастоуха и оучителя инокыимъ (Ж. Феод. Печ., л. 27б); дѣлаа по вса (дни) *не дада* роукама своима *ни* ногама покоа (Ж. Феод. Печ., л. 42б); тъгда же тъ разоумѣвъ ꙗко ꙗвление ѿ ба бысть ѥмоу. *не бо* ѥго *видѣ* двьрьми излѣзъша *ни* пакы двьрми вълѣзъша (Ж. Феод. Печ., л. 46а — б); а роука ѥи бѣша сѫха. *пребывше не могоущї* страдати *ни* послоужити гдѣ (Сказ. о Б. и Г., л. 21 г); и бѣста очи ѥмоу съдравѣ акы *не имѣвъши* болести *ни* слѣпоты николи же (Сказ. о Б. и Г., л. 24а); Яко же бо неводъ не удержить воды, точію едины рыбы, тако и ты, княже, *не в(ъ)здержи* злата, *ни* сребра, но раздаваи людем (Сл. Дан. Зат., л. 281); бжію цртвѹ нѣ начала *ни* конъца (О всей твари, т. II, с. 348); *не смѣахоу* звѣри *ни* птици *ни* гаи ни на что ни хоти ни лещи ни снести что каково. дондеже адамъ оукажетъ и и повели. такоже и евга (Сл. о Адаме и Еве, с. 6); про то ѥго князю. *не дѣржати ни* иному никомоу же (Смол. гр. 1229 г., сп. А, Сум. и Лоп., с. 23. См. также сп. В, С.); Тако латинескомоу. на роусина *не ставити* бирица оу ризѣ *ни* на гочкомъ бѣрезѣ (Смол. гр. 1229 г., сп. А. Сум. и Лоп., с. 23. В сп. В и С: и на); *не надобѣ* то влдцѣ *ни* иномоу соудьи немьчьскомоу (Гр. неизв. Смол. кн., Сум. и Лоп., с. 12); *не испакости* каанецамо *ни* соби (Новг. берест. гр. первой половины или середины XIV в., Арц. и Борк., № 286); того же дѣла написахъ за пъ *не было* оу мене брата. *ни* сноу (Новг. дух. гр. до 1270 г. Сахаров. Обр. др. пис., № 3); того ми Олексѣю *не давати*, *ни* его женѣ, *ни* его дѣтемъ (Моск. дог. гр. 1341 г. Собр. гос. гр. и дог., ч. I, № 23); *Не бысь* ту брата Брячяслава, *ни* другаго Всеволода (Сл. о плк. Иг., с. 34); *Не бе* бо во граде пения, *ни* звона, в радости место всегда плач творяще (Пов. о раз. Ряз., с. 15); Антонии бо *не имѣ* злата *ни* сребра (Лавр. л., л. 54. См. также Ипат. л., л. 59 об.); *не зрите* на тивуна. *ни* на отрока (Лавр. л., л. 80 об. Поучение Владимира Мономаха); и *не послуша* сего Володарь. *ни* Василко (Лавр. л., л. 92 об.); Ипополкъ же князь оукрѣпивсѧ. и иде по нихъ. с Божьею помощью *не жда* ѿ брата помощи *ни* ѿ другаго (Ипат. л.,

л. 108); и ре тобѣ сѧ оуже *не ворочати ни* мнѣ (Ипат. л., л. 163 об.); и *не бы* звонениа *ни* пѣниа по всему граду. (Ипат. л., л. 197).

Примеры (немногочисленные), в которых *ни* не употреблено при первом однородном члене, находим и в старорусских памятниках XV—XVI вв.: а потомъ *не надобѣ* степану. *ни* его дѣтемъ. до ѡнаньи *ни* до его дѣтеи. *ни* д[о] его половниковъ. ѡ тыхъ землахъ ничтоже (Двинская рядная гр. XV в. Шахм., Исслед., № 77; См. также № 86); А тиуну и тѣ[м] люде[м] *ненадобѣ* мы[т], *ни* тамга, *ни* осмничее, *ни* вѣсчее, *ни* я[м], *ни* по[д]вода (Моск. гр. 1448 г. АЮБ, т. I, № 31, X); а *не буде[т]* брата, *ни* племя[н]иков, *ни* ро[д]ни у ку[п]чие в послусехъ — и дети его і внучята о[т]цеву во[т]чину выкупя[т]. (Суд. Фед. Ив., с. 43); а с слѹгами бы гднѧ пѹстошны речеи *ни* пересмешныхъ ѡ҃ню *не говорила* (Домострой, с. 31); а по всакѹ винѹ по оухѹ *ни* по виденью *не бити* (Домострой, с. 37); *не будет* царь мыслити о воинствѣ, *ни* о управѣ въ царствѣ своемъ (Пересветов, с. 59); *не памятовали* о Бозѣ, *ни* о государи, *ни* о воинствѣ (Пересветов, с. 70).

Уже в памятниках XVI в. примеры без *ни* составляют исключение, а в памятниках XVII в. отсутствие *ни* при первом однородном члене воспринимается как дань книжной традиции (первый пример) или (второй пример — при субъективном инфинитиве *бранитца*) как своеобразная стилизация под старину: Что имъ от государей своихъ днемъ и нощію приказано будетъ, хоти въ теплое или въхолодное время, хоти кисло и ли сладко, хоти легко или тяжело, и *нещадѣти* тѣла своего *ни*живота, и прочее (Уч. и хитр. рат. стр., с. 24); А мы, господа, збоиством жить не умеем, а бранитца, *ни* тягатца *не хотим*, а хотим в обороне жить вами праведными судями. (Пов. о Ерше, с. 148).

В XVII в. окончательно закрепляется постановка *ни* и перед первым однородным членом [35]: дочь ты мне духовная — *не уйдешь* у меня *ни* на небо, *ни* в безну (Аввакум. Письма, с. 208); А власной ты как бес, *ни* в кумовстве, *ни* в сватовстве, *ни* в роду, *ни* в племени и *ни* в какой ты нужи *не бывал*, не знаешь ты и не разумееш (Пов. о куре. и лис., с. 195); и тутъ *нѣтъ ни* братскія любви *ни* вѣрности (Уч. и хитр. рат. стр., с. 92); Мѣдные глаза. *не боятся. ни* дымѹ. *ни* воды (Пословицы XVII в., л. 357); Нѣтъ в немъ *ни* лсти *ни* истинны (Пословицы XVII в., л. 359 об.); *Не родися ни* хорошъ *ни* приго[36] родися щасливъ (Пословицы XVII в., л. 361).

[35] Однако еще в произведениях А. И. Герцена возможна постановка *ни* только перед вторым однородным членом (при наличии двух членов), когда однородные члены следуют за тем членом предложения с отрицанием, к которому относятся (см. А. Б. Ш а п и р о. Из наблюдений над синтаксическим строем ранних произведений Герцена. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. V. М., 1962, стр. 103—104).

Сходную картину находим и в старобелорусских памятниках XV—XVII вв.

Примеры с отрицанием при первом однородном члене начинают становиться более многочисленными со второй половины XV века (имеются они и в памятниках первой половины века), однако, в отличие от старорусских памятников, в западнорусских памятниках XVI в. случаи без отрицания при первом однородном члене еще многочисленны.

Отличие от старорусских памятников и в том, что в западнорусских памятниках, помимо *ни*, употреблялось и отрицание *ани*.

Обычно оно стоит начиная со второго однородного члена, но иногда и при первом однородном члене. Последнее особенно наглядно свидетельствует о том, что это одно слово, а не два (*а* и *ни*). Случаи парного употребления союза *ани—ани* (как при сочетании предложений, так и при однородных членах) отмечались Е. Ф. Карским не только в западнорусских памятниках, но и в белорусском фольклоре [36]. В книге «Нарысы па гісторыі беларускай мовы» приведен такой случай из произведения Я. Купалы «Крыўда» [37]. «Нарысы» справедливо пишут, что употребление *ани* в современном белорусском языке по сравнению с употреблением его в прошлом ограничено.

Отрицание *ани* известно украинскому языку (и в современном возможно употребление *ани — ани*), и польскому [38], и чешскому [39], и словацкому [40] языкам.

В исторических грамматиках отдельных славянских языков обычно приводятся только примеры с *ани* при однородных сказуемых, если же даны примеры и с другими однородными членами, то указывается на господство случаев именно со сказуемым. Поэтому необходимо подчеркнуть, что примеры с *ани* при однородных подлежащих, дополнениях, определениях в старобелорусских памятниках отнюдь не составляют исключения.

Так как нашей основной задачей является указать на наличие или отсутствие отрицания при первом однородном члене (не сказуемом), мы ниже не разграничиваем случаев с *ани* и случаев с *ни*.

В следующих примерах отрицание в памятниках XV—XVI вв. отсутствует при первом однородном члене: А мнѣ Гридьку Дружиловичу *не надобѣ уступати ся* у тѣхъ людей, *ни* дѣтемъ моимъ (Витеб. гр. 1406 г., Археогр. сб., т. I, № 1);

---

[36] Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3, стр. 462.

[37] «Нарысы па гісторыі беларускай мовы», стр. 390.

[38] См., в частности: Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Spławiński, S. Urbańczyk. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1955, стр. 438—439.

[39] Fr. Trávníček. Historická mluvnice česká, III. Skladba, стр. 29—31.

[40] Jan Stanislav. Slovenska historicá gramatika. IV. Syntax. Bratislava, 1963, стр. 75—78.

А великому князю Витовту въ вотчину мою *не вступатися* Ивана Ѳедоровича, въ землю *ни* въ воду (Западнорус. гр. 1430 г. Акты, собр. Акад. Н., т. I, № 25); тогды ему *ани* потомком его у чести *шкодити не маеть* (Лит. ст. 1529 г., с. 9); А вшакже тастаментомъ *не мает* отец *ани* матка сына дочки от отчизны *отдалити* (Лит. ст. 1529 г., с. 30); тогды уставляем, иж тые дети *ани* опекунъ *не будутъ повинни отказывати* в суда (Лит. ст. 1529 г., с. 32); а естли бы другое братьи *ани* сестръ *не было*, тогды тое именье на инших кревных, близость прирожоную к тому маючих, мает спасти (Лит. ст. 1529 г., с. 60); А хто мает борти в чией пущы, бортники, которые маютъ ходити къ ихъ бортям, *не мают* з собою псов *брати ани* рогатин *ани* иное жадное стрелбы (Лит. ст. 1529 г., с. 78); ска(р)бу *есми* не рушылъ *а ни* стадъ (Лет. Рачин., с. 249); а тогды ѕ Подо(л)ско(и) зе(м)ли *не было* еще ни одно(г) города мурована(г) *а ни* деревѧного (Лет. Рачин., с. 260. См. также Лет. Крас., л. 82 об.); *нѣ рѕши(л) есми* скарбо(в) его *ани* ста(д) (Лет. Крас., л. 75); и *не была* ему на вмѣ его королеваѧ *а ни* Елиѡное королевство его *ни* слуги (Пов. о витязях, с. 5); ѠЖна его на томъ ѡставила иж ся была домыслила, што ѡн *не хочет* ѡ своеи легкости *а ни* ѡ добром *поведати* (Пов. о витязях, с. 36); и *не смѣлъ* ему докучати *ни* пытати. (Пов. о витязях, с. 38); твоему панству ровни нѣтъ далеко *а ни* близко (Пов. о витязях, с. 95. См. также с. 112 и с. 118); Ѡ боже небескии, и того Бово ничего не познал, а панна Дружненна *ни* корол того *не вѣдали*! (Ист. о Гвид., с. 144); а *не бы* голо *а ни* розоу оу нее (Страсти Христовы, л. 10); ничого тобе *не боуди ни* праведномоу томѕ (Страсти Христовы, л. 18).

В памятниках XVII в. еще возможно отсутствие отрицания при первом однородном члене: але *не вывѣдова'се* годины *ани* часѕ (Александрия, с. 37); алеѯаⁿдеᵖ коли хоче с киᴹ валчиᵀ, *не шле* паноᵒ *ани* кнѧжаᵀ своиˣ, але самъ ѡбличне приступѕе ку битвѣ (Александрия, с. 55).

Особо отметим пример, в котором отсутствие отрицания при первом однородном члене вряд ли может быть объяснено тем, что при нем имеется слово *жаднои*, содержащее в своем значении (но не в форме) отрицание *ни*: иж тежъ дла него жаднои лоᴶи *ани* шиховаᴵᴵта ѡкруто до пристани мѣᶜᵀскои *не могли мѣᵀ* приступѕ (Александрия, с. 38). Наличие слова *жадный*, как увидим в дальнейшем из примеров, в которых употреблено это определение, не вело к опущению отрицания при однородном члене. Как говорилось выше, и при сказуемом тоже не опускалось отрицание, если в предложении имелось это слово.

Приведем примеры с отрицанием и при первом однородном члене из памятников XV—XVII вв.: О сиротах, иже никого *не маютъ*, *ни* отца, *ни* матери, *ни* племени (Стат. Владислава 1420—1423 гг. АЗР, т. I, № 27); тыхъ княжатъ, рытеревъ, шлях-

тичовъ, бояръ, мѣстичовъ *не будемъ казнити, ни* имѣньи, *а ни* пенязьми, *ни* пятствомъ, *ни* кровью (Вил. гр. 1457 г. АЗР, т. I, № 61); штожъ *ни* жена за проступку мужа своего, *а ни* отець за проступку сына, *а ни* иныи прироженый, *а ни* слуга (не будутъ казнены) (Вил. гр. 1457 г., АЗР, т. I, № 61); а на его есмо домъ жадною мѣрою не находили, *ани* его *есмо* били, *ани* жоны его, *ани* слугъ его (Вил. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 40); а имене его отчизное и выслуженое и купленое *ни* детемъ *ни* ближнимъ только на насъ Господара (Лит. ст. 1529 г., с. 2); А ведже завжды врадъ права хрестиянского заховаючы судом не поконавшы, *не маетъ быти каранъ*, то естъ *ни* жона за выступ мужа своего *ани* сынъ за отца и такеж *ани* жадный прирожоныи *ани* слуга за пана (Лит. ст. 1529 г., с. 4); ино ѧ великомꙋ кнѧзю Ꙗгаилоу ничого не вдѣлалъ *нерꙋшилъ есми ни* скарбо(в) его *ни* стадъ (Лет. Авраамки, л. 440об.); ꙗкоже *ни* Антиѡ(х) Сирскыи. *ни* ꙋлианъ престоупни(к) такы(х) моукъ *не сътвори(л)* надъ хр(с)тїаны (Лет. Авраамки, л. 445); таковы(х) моу(к) вѣлики(х) *ни* ѲЭ(н)тиѡ(х) Сиръскы(и) *а ни* Оу(л)ꙗнъ законопрѣстоу(п)ны(и) тыи пога(н)цы таки(х) моу(к) на(д) хр(с)тыꙗны *нѣ чини(ли)* (Лет. Крас., л. 78 об.); но ѧ кнзю великомꙋ ничего не вчинилъ *не рꙋши(л) есми ни* скарбовъ его *ани* ста(д) (Лет. Акад., л. 174 об.)[41]; Молодые и старые ѡднако забивали, *а* ни вѣкови, *а ни* плотни *не фолькговали* (Ист. о Атыле, с. 126); *Не суть* тые над предки свои кготы *а ни* зацнеишые, *а ни* мужнеишые (Ист. о Атыле, с. 191); Атыла, видечы же *а ни* утеканю *а ни* в иншых своих помочеи надѣи здорова *не мѣлъ*, ѡдно у своеи дужости а мужстве, абы ѡднак без помсты не умеръ, смѣле на нихъ ударыл (Ист. о Атыле, с. 214); *а ни* зброини мещане *а ни* жадна небезпечност *не могла* их ѡт предсавзатꙗ *гамовати* (Ист. о Атыле, с. 215); *не рушылъ ни* рукою *ни* ногою (Пов. о витязях, с. 65); вашому рыцэрству *нет* ровни *ни* близко *ни* далеко (Пов. о витязях, с. 99. См. также с. 113)[42]; *и не был ни* старъ *ни* молодъ, хто бы не игралъ (Пов. о витязях, с. 126); [С]посо᷑ ѡного дѣтꙗти, *ани* ѡца *ани* маᵀки выѡбраже᷑е *мѣло* (Александрия, с. 29)[43]; Также те᷑ царь мае бы᷑ таковои сталости и᷑ *ани* прэ᷑ прозбы *ани* прэ᷑ причины *ани* прэ᷑ дари *не маᵀ* ѡступова᷑ ѡ дороги справедливости. (Александрия, с. 73).

В староукраинских памятниках того же периода — XV—XVII вв. примеры с отрицанием при первом однородном члене, занимая видное место уже в начале этого периода, к концу его становятся господствующими, но не вытесняют окончательно

---

[41] Ср. приведенные выше примеры из Лет. Рачин., с. 249 и Лет. Крас., л. 75 без отрицания при первом однородном члене.

[42] Ср. сходный пример из того же памятника без отрицания при первом однородном члене.

[43] При сказуемом отсутствует отрицание.

из литературного языка случаев с отрицанием лишь при втором однородном члене.

По мнению Л. А. Булаховского, «Паристий (перелічуваний) сполучник *ні . . . ні* здобув собі перевагу над способом виразу, де *ні* становило тілки другий сполучник заперечення, повністю лише в XX столітті. До старішого способу особливо схільна була поезія і більш за східних письменників письменники Західної України. . .» [44].

Как и в старобелорусских памятниках, помимо *ні*, в старо-украинских памятниках употреблялось *ани* (обычно при втором однородном члене, иногда и при первом).

Л. А. Булаховский полагает, что *ани* стояло при втором однородном члене, поскольку на этом однородном члене следовало сделать «емоційне підсилення» [45].

Несомненно, однако, что в дальнейшем, когда этимология *ани* перестала быть ясной, это отрицание стало употребляться на равных правах с *ни*.

В следующих примерах отрицание отсутствует при первом однородном члене: Станиславъ же Микоуличъ. ре҃ кде то мы стоѧли. тоу нѣ҆ воды *ни* гребле высокы (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 256об.); аще по семь коли боудеть. межи ими. оусобица. *не воевати* Лѧхомъ Роуское челѧди *ни* Роуси Лѧдьскои (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 257); а потомъ мнѣ Солтану, *а ни* моей женѣ, *ни* моимъ дѣтемъ, *ни* моимъ внучатомъ, *ни* моей братьи, *ни* моему роду племени, *ни* моимъ ближнимъ *ненадобѣ* тоѣ земли подъ игуменомъ и подъ старци Пустыньскими *искати* (Киев. гр. 1508 г. АЮЗР, т. I, № 48); Николѣ Пустынскому манастырю вѣчно и непорушно: мнѣ вже самому того *не взрушивати, а ни искати, а ни* моей жонѣ (Киев. гр. 1512 г. АЮЗР, т. I, № 59, 1); и нигдѣ *не сокрыся* от них обител, *ни* пирг, *ни* келия, *ни* ино кое жилище иноческо (Виш. Книжка, с. 85); Вѣру ми ими, папѣжу и папѣжнику. папежовь, яко уже с того чистца в вѣки выскочити, *ни* выплынути *не можеши* (Виш. Книжка, с. 120); Же они *не суть* теды *анѣ* Петръ (Палин. Копыст., с. 410); и нѣ въ чомъ его самого, *анѣ* его голосу, то есть науки его *не потребуючи* (Палин. Копыст., с. 459); бо за тымъ нихто своего права, *ани* вольности *безпеченъ* уже *не будетъ* (Пересторога, с. 219).

Отметим ряд случаев с парным отрицанием: а *не* имаеть. тои. коръчмы. ѿ҆ нѣ҆ ѡтнѧти. *ни* ѡдинъ староста. *а ни* ѡдинъ. воевода без нашеи волѣ (Медык. гр. 1407 г. — Укр. гр., № 39); Отъ такои церкви, отъ тои головы насъ — члонковъ, насъ — тѣло што бы мѣло разлучити? З҃ апостоломъ: «*ни* смерть, *ни* животъ, *ни* ангели, *ни* начала, *ни* силы, *ни* речи, теперешніе, ни пришлые,

[44] Л. А. Булаховский. З історичних коментаріїв до української мови. Сполучники і сполучні групи (речéння). Синтаксичні особливості при них. «Наук. зап. Київського держ. ун-ту», т. V, вып. 2. 1946, стр. 38.

[45] Там же, стр. 39.

ни высота, *ни* глубина, *ни* иншее которое створене» (Отв. клир. Острож., с. 417—418) [46]; до того южъ пришло, же *ани* при насъ, *ани* при жадныхъ, што передъ нами были, ничого святого, ничого ненарушоного *не зостало* (Отв. клир. Острож., с. 426); Иже кто речет на сына, отпустится ему, а иже речет на дух святы — *не отпустится* ему *ни* в си, *ни* в будущий вѣк (Виш. Книжка, с. 83); И не вѣдомость хулю художества, але хулю, што тепѣрешние наши новые руские философы *не знают* в церкви ничтоже *читати*— *ни* тое самое Псалтыри, *ни* Часослова (Виш. Послание Домникии, с. 163); Жадного еднако оттоль единовладства, першенства *нѣ* Петрови, *нѣ* Павлови *не доводятъ* (Палин. Копыст., с. 357); съ тыхъ теды учителей святыхъ доводовъ вѣдатись ясно даетъ, ижъ святый Петръ межи апостолами *анѣ* достоинствомъ, *анѣ* честью *анѣ* порядкомъ, *анѣ* владзою *не продкуетъ*, только нѣякоюсь предвзятостью и сердечностью, и спанялостью ума (Палин. Копыст., с. 358); Можность абовѣмъ богатества и убозство — *анѣ* высокимъ, *ани* низкимъ епископа *не чинитъ*, гдыжъ всѣ суть апостольскими сукцессорами (Палин. Копыст., с. 508); *нѣ* сами епископове Римскіи, *нѣ* черезъ послы свои *притомными не были*. (Палин. Копыст., с. 523); Въ томъ можешъ собѣ на прикладъ взяти братство Виленское, як его *превратити не могутъ* отъ православія, *ни* огнь, *ни* мечь (Пересторога, с. 235).

VIII. *Ни* при втором и следующих далее однородных сказуемых

С исключительной последовательностью в древнерусских произведениях различных жанров, в случае употребления в предложении нескольких однородных членов-сказуемых с отрицанием при них, при первом сказуемом стоит *не* [47], а при остальных *ни*, поскольку *ни* при сказуемом приравнивалось в старославянском и древнерусском языках к *и не* [48]. Если сказуемому предшествует управляемое им дополнение или относящееся к сказуемому обстоятельственное слово, то *ни* стоит при дополнении или обстоятельственном слове: и николи же въпаде о том въ пе-

---

[46] В предложении опущено сказуемое с отрицанием при нем. Следует отметить отсутствие отрицания при первом из двух однородных членов-определений: теперешніе.

[47] В случаях с местоимениями и наречиями, в состав которых входит отрицание, *не* при сказуемом может и отсутствовать (см. пример — Ж. Феод. Печ., л. 37а).

[48] *Ни* может иметь значение *и не* не только при втором сказуемом, но и при втором другом однородном члене, о чем, в частности, говорят следующие примеры: и бѣста оу него .в. мужа *не* племени его *ни* боярина (Лавр. л., л. 7 об.); изиде Бъ воплощенъ. роди неизречьнѣнѣ. и двто Мти схрани нетлѣньно, *не* смѣтенье *ни* размѣшенье *ни* измѣненьи пострадавъ (Лавр. л., л. 39).

чаль *ни* поскърбѣ ѿмь (Ж. Феод. Печ., л. 37а); и съмотри же (смотрите) пътиць нбсьныихъ. како *не* сѣють *ни* жьнють *ни же* събирають въ житьницѧ своѥ (Ж. Феод. Печ., л. 55б)[49]; тако глть Гъ: Азъ *не* противлюся, *ни* глю противу (Сл. Илариона, с. 48—49); Оуже *не* скорбите, *ни* сѣтуите, ꙗко мертвеца, но радуитесѧ и веселитесѧ ѡ Бзѣ живѣ (К. Тур., с. 32); Тѣмже *не* судите на лица, *ни* хулите Бга блгти, но праведныи судъ судите (К. Тур., с. 41); да *не* ѡстави еа *ни* въведе еѧ в покои (Смерть Авраама, с. 85); (о)же которыи коупьць шедъ кдѣ любо. съ чюжими коунами. и истопитьсѧ. любо рать възметь любо ѡгнь. то *не* насилити ѥмоу. *ни* продати ѥго (Рус. Пр. 1282 г., л. 623а); а бес посадника ти кнже волостии *не* роздавати *ни* грамотъ дѧти. (Новг. дог. гр. 1265 г. или 1264 г., Шахм. О языке, № 2); а тобѣ брату моѥму молодш(е)му без мене *не* док(о)нчивати *ни* съсылат(ис)ѧ ни с кѣм же (Дог. гр. в кн. Дм. с кн. Вл. Анд., после 1363 г., Собол. и Птш., № 51); а на весноу *не* пустиша. из новагорода своихъ ни одинаго моу. за море *ни* съла въдаша варѧгомъ. нъ поустїша ꙗ без мира (1-я Новг. л., л. 49); Юрьі же самъ *не* поіде. *ни* послоуша кнзиі рѧзаньскыхъ молбы (1-я Новг. л., л. 121 об.); а оканьнии члвци. тако ба *не* боѧщесѧ. *ни* соуда бга помнѧще. *ни* жалоуще своеѧ брата. пограбиша чюжѧа імѣнїа. (1-я Новг. л., л. 157—157 об.); *не* едемъ на конѣ. *ни* пѣши идемъ (Лавр. л., л. 15. См. также Ипат. л., л. 22); а възненавидѣша бо прмдть. а страха Гнѧ *не* изволиша. *ни* хотѧху моихъ внимати свѣтъ (Лавр. л., л. 18 об. См. также Ипат. л., л. 25); и ре Варѧгъ не суть бо бзи на (но) древо. днь есть. а оутро изъгнееть *не* ꙗдѧть бо *ни* пью. *ни* молвѧ но суть дѣлани руками в деревѣ (Лавр. л., л. 26 об. См. также Ипат. л., л. 32 об.); мы вѣдаѥ. аже того бра твои *не* казалъ *ни* велѣлъ творити (Лавр. л., л. 105 об.); Стославъ же *не* ѣха ѿ него. *ни* дроужины поусти (Ипат. л., л. 124 об.); ѡлговиче вѣры *не* ими. *ни* с ними ходи. в поуть (Ипат. л., л. 126 об.); Стослав же поча ему молвити ꙗ *не* Оугринъ *ни* Лѧхъ. но ѡдинаго дѣда есмы внуци (Ипат. л., л. 205);

---

[49] *Ни же* (=и не) может быть и единственным отрицанием в предложении (при втором сказуемом; первое сказуемое не имеет при себе отрицания): и о семь молю вы и заклинаю. да въ нѥи же ѥсмь одежи нынѣ. въ тои да положите мѧ тако въ пещерѣ. идеже постьныѧ дни прѣбываахъ. *ни же* ѡмываите оубогаго моѥго тѣла (Ж. Феод. Печ., л. 63в).

не бѣ бо тоѣ землѣ в Роуси которая же его *не* хотѧшеть *ни* любѧшеть (Ипат. л., л. 215).

Интерес представляет следующий пример с однородными сказуемыми, выраженными одним и тем же глаголом: *не* дѣите мене братиа моа мїлаа и драгаа *не* дѣите мене ни ничто же вы зъла сътворивъша (Сказ. о Б. и Г., л. 14а). Здесь постановка *ни* при втором сказуемом невозможна именно потому, что *ни* приравнивается к *и не*. Повторение одного и того же слова с отрицанием при нем преследовало определенные стилистические цели обратить на него особое внимание. Характерен и отчетливый ритмический рисунок приведенного отрывка.

Отметим также пример из Лаврентьевской летописи 1377 г., в котором словосочетание со вторым *не* не просто присоединяется к словосочетанию с первым *не* (в этом случае стояло бы *ни* со значением *и не*), но и поясняет его, раскрывая, в чем заключается *зло*: река Кыѧно[м] братьа моа *не* мозѣте створити зла *не* оубиите Игорѧ (Лавр. л., л. 105 об.).[50]

К этому примеру примыкает и следующий, в котором второе сказуемое указывает на причину, благодаря которой не совершится действие, обозначенное первым сказуемым: Изѧславъ же ре[ч] стрыи ми волости *не* дасть. *не* хочеть мене в Рускои земли (Ипат. л., л. 147).

Однако в следующем примере из «Повести о разорении Рязани Батыем» нет смысловой зависимости одного глагола-сказуемого от другого, вместо второго *не* ожидали бы постановку отрицания *ни*: Чему, господине, *не* зрите ко мне — брату вашему, *не* промолвите со мною? (Пов. о раз. Ряз., с. 16).

Сюда же можно отнести и пример, где при втором сказуемом стоит *не* (однако при третьем и четвертом — *ни*): главы своеѧ *не* постриган. на пѫ *не* ходи *ни* кѹпи *ни* продаи (О днях лунных, с. 390).

В тех случаях, когда сказуемое относится к двум подлежащим и отрицается не действие, а каждое из обозначаемых этими словами-подлежащими лиц, при первом подлежащем находим *не*, при втором — *ни*, поскольку *ни* (как и при втором сказуемом) имеет значение *и не*: се же *не* ѥдинъ *ни* дъва видѣста нъ мънози людиѥ видѣвше сиа съповѣдахоу (Ж. Феод. Печ., л. 56 г).

О совпадении по значению *ни* при втором и следующих однородных членах-сказуемых с *и не* говорит тот факт, что при постановке союза *и*, присоединяющего одно сказуемое к другому, употребляется не *ни*, а *не*: аще кто *не* ѡставить оца или матере *и* въ слѣдъ мене *не* идеть то нѣ мене достоинъ (Ж. Феод. Печ., л. 30г); нъ ѡже погоубить на поли. и въ дворъ *не* въженеть.

---

[50] В Ипатьевской летописи при втором сказуемом *ни*: река киѧном брае моа не мозите сего створити зла ни оубиванте Игорѧ (л. 129).

и не затворить. кдѣ ѥмоу гнъ велить. или ороудиꙗ своꙗ дѣꙗ, а того погоубить то то ѥмоу платити (Рус. Пр. 1282 г., л. 623 об. а—б); невѣрнымъ бо вѣра хр҃ѣаньска оуродьство есть. *не* смыслиша бо *ни* разумѣша во тьмѣ ходящии. *и не* вѣдать славы Гна (Лавр. л., л. 18 об.); Ꙗрослав же *не* совокуписа башеть сь братьею *и не* смѣ затворитиса в Кыевѣ ѡдинъ. но бѣжа Лучьску (Ипат. л., л. 205); Всеволодъ же блгосердъ сын *не* хота кровополитьꙗ *и не* ѣха на нь (Ипат. л., л. 217 об.).

Такое же употребление *не* находим и тогда, когда каждое следующее сказуемое присоединяется к предыдущему при помощи союза *а* (в примерах мог бы стоять и союз *и*): и рекоша пльсковици прислaвъше. грьчина. тобе сѧ кнаже кланаѥмъ. и браи новгородьцемъ. на поуть *не* идемъ *а* браи своеи *не* выдаѥмь (1-я Новг. л., л. 105); и ѡнъ молбы *не* приꙗлъ *а* ихъ *не* послоушалъ. *а* мироу *не* да поѣха прочь (1-я Новг. л., л. 167 об.).

Возможно, что случаи с *не* после союзов *и* и *а* способствовали и распространению случаев с *не* и при отсутствии *и* и *а*.

Наличие *ни* при слове, управляемом глаголом-сказуемым, когда *ни* близко по значению к *и*, могло привести к замене отрицания *ни* отрицанием *не*: он же въороуженъ силою крьтьною. *нѣ* хотѣ и слышати ласкы оца своего. *ни* прѣщениа ѥго *не* оубоиса (1-я Новг. л., л. 141—141 об.).

Этот пример встретился в той части Синодального списка 1-й Новгородской летописи, которая написана в первой половине XIV в.

В деловой письменности первый случай употребления *не* перед вторым сказуемым, несмотря на то, что при слове, управляемом этим глаголом-сказуемым, имеется *ни*, отмечен раньше — в Новгородской договорной грамоте, писанной в 1265 или 1264 г.: а и соуждальскои ти земле новагорода *не* рядити, *ни* волост(и)и ти *не* роздавати (Шахм. О языке № 2) [51].

Таким образом, уже во второй половине XIII в. начинает постепенно устанавливаться норма, характерная для современного русского языка.

Однако еще и в старорусских памятниках не только XV в., но и XVI—XVII вв. возможна постановка *ни* перед вторым однородным сказуемым: а с бессермены *не* піють, *ни* ядять (Хож. Аф. Ник., л. 378 об.); также и десятинники мои корму, и дару, и всѣхъ своихъ десятинничихъ пошлинъ у нихъ *не* емлютъ, *ни* всылаютъ

[51] См.: В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение. М., 1958, стр. 37—38. — В приведенном примере благодаря повторению *ти* связь первого *ти* со вторым инфинитивом в известной степени утрачена, предложение занимает как бы промежуточное положение между предложением с однородными членами и сложным предложением.

къ нимъ ни по что (Новг. гр. 1549 г., АИ, т. I, № 150); и всякого лихого человѣка без докладу *не* спродати, *ни* казнити, *ни* отпустити (Суд. Ив. IV, с. 240); Всякого лихаго бе[з] докладу *не* ка[з]ни[т](ь), *ни* прода[ти] (Суд. Фед. Ив., с. 6); а *не* поносити и *ни* ѡсѫжати *ни* оукорѧти (Домострой, с. 13); и какъ впѫстѧ ино в тѫ порѫ носа *не* копать перстомъ *ни* кашлѧ *ни* сморкать (Домострой, с. 33); ѿнюдъ в те поры ни ѡ чемъ *не* бесѣдовати *ни* ѡбзиратисѧ (Домострой, с. 62); А я господа, ерш божиею правдою и кресным целованием и вами праведными судями *не* смутник *ни* вор, *ни* тат, *ни* разбоиник (Пов. О Ерше, с. 248); Онъ же государь, твердый адамантъ, никако тому реченію внятъ, и того его буесловія *не* убоялся, *ни* устрашился (Пов. о Рос. царстве, с. 205); понеже ему *не* дано то, *ни* повелѣно отъ Сотворшаго вся того держати (Пов. о Рос. царстве, с. 205); Он и *не* знает, *ни* ведает в печалех (Аввакум. Письма, с. 213); Есть стерх — птица, бела перьем, с жеровля ростом, егда состареется и *не* возможет летать, *ни* пищи добывает, тогда чада, ея подъемлюще, преносят с места на место крилома своима и пищу ему приносят (Аввакум. Письма, с. 270); да уже *не* слышит, *ни* чюет ничево (Аввакум. Письма, с. 227); и тутъ вомногихъ тысящах ни единую блядь *не*сыщешь *ни* увидишь (Уч. и хитр. рат. стр., с. 29); Посла *не* бьют *ни* сѣкуᵀ браняᵀ лише жалуюᵀ (Пословицы XVII в., л. 364).

При употреблении при втором и последующих однородных членах — сказуемых союза (и, а, или), в памятниках XVI—XVII вв. последовательно употребляется отрицание *не*: а до рѣки имъ до Вори дѣла нѣтъ, и с бредники и съ курицами по рѣкѣ по Ворѣ *не* бродить *и* рыбы *не* ловить (Моск. гр. 1575 г., АИ, т. I, № 192); а болши десяти рублевъ передъ нимъ *не* искали *и не* отвѣчали (Моск. гр. 1620 г., АЮБ, т. I, № 55, III); а судомъ *не* дружити *и не* мстити никому, *и* посула въ судѣ *не* имати (Суд. Ив. IV, с. 187); А в к(о)торо[м] городе неди[л]щи[к] живе[т], и ему в то[м] городе с при[с]та[в]кыми *не* е[з]дити *и* свои[х] ездоковъ *не* посылати (Суд. Фед. Ив., с. 27—28); И *не* яви[т] неде[л]щи[к] и дово[д]чи[к] наме[с]нику и су[ди]е при[с]та[в]ные *или* обои[х] исцо[в] пере[д] намесника или пере[д] судию *не* постави[т], — и онъ езъду лишенъ своего (Суд. Фед. Ив., с. 28); а ѡни гдри ѡ томъ *не* возбранаю *и не* ѡборонаю *и* оуправы *не* даю прамо всѣ вкѫпѣ бѫдѫтъ во адѣ (Домострой, с. 24); а толко чюжаго *не* беречи *или* на срокъ *не* ѡнести или испортивъ ѡдать ино ѡстѫда въ вѣкъ (Домострой, с. 31); а рабъ свои и рабынь ложными словесы *не* ѡбговаривати мѫжѫ своемѫ *и* на насердки *не* держати (Домострой, с. 35); Аще ли зависть горьку имать и вѣру въ сердцѣхъ вашихъ, *не* хвалитеся *и не* лжите на истинну (Письма Ив. IV, лл. 135 об.—136); А ты б меня тогда *не* оскорбил, *а* мужикам

не дружил, а сам ты от меня теперь от смерти не избудешь (Пов. о куре и лис., с. 195); а общему нашему сопостату и врагу королю *не* покорятся *и не* здадутся (Пов. о Рос. царстве, с. 189); Онъ же злаго ихъ ухищренія *не* вѣдаше *и* о смерти своей *не* помышляше (Пов. о Кат.-Рост., с. 611); О великое Божіе милосердіе! како *не* сниде огнь тогда съ небеси *и не* пожне всѣхъ скверньщихся и бесчинствующихъ во святѣи Божіи церкви? (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 743); Того ради я *и не* брегу о красноречии *и не* уничижаю своего языка русскаго (Аввакум. Житие, с. 54); *Не* остави и нас, владыко, *и не* отлучи от дружины нашея! (Аввакум. Письма, с. 239); А бояроня с сестрами умерла о Христе, *а не* покорилась дьяволенкам *и не* предала благоверия (Аввакум. Письма, 279); дѣла *не* дѣлаетъ *а* дѣла *не* бѣгаетъ (Пословицы XVII в., л. 338); Из короба *не* лѣзе. *а* в коробъ *не* пуститъ (Пословицы XVII в., л. 347 об.).

Следующий пример, где перед *ни* имеется *а*, не является, однако, исключением из правила: Но аще что *не* сотворилъ еси, *а ни* сотворити моглъ еси, возвращеніе мнѣ похвальнѣише твоя сотворила обида, а не изгнаніе преломное (Письма Курб., с. 144). У Курбского здесь, бесспорно, влияние как старобелорусского языка, в котором *ани* (из *а* и *ни*) равняется по значению *ни*, так и старопольского языка.

Такое же употребление *не*, как при союзах *и*, *а*, *или*, находим и в случае постановки *ни*, приравниваемого по значению к *и*, при управляемом глаголом-сказуемом слове (ср. с приведенным выше примером из 1-й Новг. л., л. 141—141 об.): также и недѣлщики мои въ тотъ монастырь, и въ ихъ пристанище монастырское, *не* въѣзжаютъ, *ни* на поруки ихъ *не* даютъ ни въ какихъ дѣлѣхъ (Новг. гр. 1581 г., АИ, т. I, № 210); а изымавъ ему татя или розбойника, *не* отпустити, *ни* посуловъ *не* взяти, *а* опричныхъ ему людей *не* имати (Суд. Ив. IV, с. 222); А у кого о[т]ць в че[р]ньцахъ и мати в че[р]ньца[х], и тому о[т]цу и матере у сына своего у у полъные *не* стояти і у докла[д]ные *ни* и[з] холо[п]ства *не* взяти (Суд. Фед. Ив., с. 38); вслед ко мне *не* прихаживали, *ни* полишнова у меня *не* вынимали (Пов. о Ерше, с. 148).

В памятниках XVI в. примеры с *не* при втором сказуемом, когда оно присоединено к первому сказуемому без союза, нет и отрицания *ни* при управляемом вторым глаголом-сказуемым слове, встречаются редко, но в памятниках XVII в. они уже не составляют исключения.

По причинам, указанным выше в отношении употребления *не* в древнерусских памятниках при повторении одного и того же слова в роли сказуемого, не считаем показательными следующие сходные с примерами из древнерусских памятников случаи: и на его мѣсто возводит на престолъ единомысленаго себѣ Игнатія патріарха родомъ страны Италійскія, а вѣры, — *не* вѣмъ Грече-

скіа, *не* вѣмъ Латыньскіа (Ст. о Смуте, с. 1293); во тьме сидя, кланялся на чепи, *не* знаю — на восток, *не* знаю — на запад (Аввакум. Житие, с. 66); Не вем и не слышу; *не* ведаю жива, *не* ведаю — скончали! (Аввакум. Письма, с. 215); Александра Григорьевна, госпоже и мати моя, *не* спи, *не* спи сном лености! (Аввакум. Письма, с. 269).

Бесспорными примерами постановки отрицания, характерной для современного русского языка, являются следующие: Да самомѹ себѣ гдрю и женѹ и дѣтеи и домочадцо своихъ оучити *не* красти *не* бласти *не* солгати *не* ѡклеветати, *не* завидѣти, *не* ѡбидети, *не* клепати, чюжаго *не* прѣтиса, *не* ѡсѹжатиса, *не* бражничати, *не* просмеивати, *не* помнити зла, *не* гнѣватиса ни на кого (Домострой, с. 18); И сего ради народа возмутити *не* возмогошя, темномысленаго же суровства своего *не* оставишя (Ст. о Смуте, с. 1306); бес же *не* слушает, *не* идет из брата (Аввакум. Житие, с. 111); Хотя мне 1000 литр злата давай, *не* обольстишь, *не* блюдись, ако и Епифания Евдокия (Аввакум. Письма, с. 208); Сказал же ему Христос: «опять — де *не* моли мне о таковых, *не* стужай» (Аввакум. Письма, с. 213).

Известной неустойчивостью в употреблении отрицаний *ни* и *не*, а возможно, и подравниванием под общее правило употребления *ни* при других однородных членах следует объяснить постановку *ни* и при первом однородном члене — сказуемом в памятниках XVI—XVII вв. (в памятниках XVII в. такие случаи составляют исключение): А наме[с]ника[м] і воло[с]теля[м], и тиуномъ, і велика[о](о) князя тиуномъ боя[р]ски[м] татя, и дшегу[б]ца і всякаго лихаго члка без[з] докладу *ни* прода[ти], *ни* ка[з]ни[т]ь, *ни* о[т]пу[с]ти[ти] (Суд. Фед. Ив., с. 35); и та ему во[д]чина деръжати за собою, а иному *ни* продати, *ни* заложити в чюже[и] ро[д], кому хоче[т] полюбовно (Суд. Фед. Ив., с. 43); А у которы[х] селъ и дереве[н] есть молоди. и те[х] молоде[и] пре[ж]ни[х] выпаше[и] и те[х] лесовъ скла[д]никами ме[ж] собя бе[з] делу и бе[з] жеребия *ни* се[т]чи, *ни* паха[ти] (Суд. Фед. Ив., с. 45); и тут на чепи кинули в темную полатку, ушла в землю, и сидел три дни, *ни* ел, *ни* пил (Аввакум. Житие, с. 66); Дураковъ *ни* сѣютъ *ни* жнут сами родятся (Пословицы XVII в., л. 337) [52]; Из пустова сѹдна *ни* пьютъ *ни* едятъ (Пословицы XVII в., л. 347об.); Мышей огнь *ни* ᶟжет *ни* палитъ (Пословицы XVII в., л. 357 об.) [53].

Интерес представляет и следующий пример из памятника XVII в., говорящий о сохранившейся неустойчивости в употребле-

---

[52] Ср. в Слове Даниила Заточника: Безумных бо *ни* сѣють, *ни* орють, *ни* в житницю сбирают, но сами ся родят (л. 282).

[53] В отношении примеров из Жития и сборника пословиц XVII в., а также отдельных примеров из памятника XVI в. можно предполагать, что *ни* при первом однородном сказуемом (как и *ни* при втором однородном сказуемом) имеет значение *и не*, употреблено в целях усиления отрицания.

нии *не* и *ни* — при втором однородном сказуемом стоит *ни* согласно господствовавшим ранее нормам, но при третьем и четвертом употреблено *не* согласно новым нормам: *Не* щадитъ сродныхъ, *ни* устрашается великородныхъ, *не* милуетъ старости, *не* умиляется о юности, но аки злый вранъ, иже злобою очерненый, доброцвѣтущую вѣтьвь благоплоднаго древа сокруши и пагубу злу велію учини! (Ст. о Смуте, с. 1281).

Старобелорусские памятники в отношении употребления отрицания при втором однородном сказуемом говорят не только о другой хронологии явления, но и о возникновении нового отрицания (*ани*), о чем уже была речь выше.

По-видимому, уже в XVI в. постановка отрицания *ни* перед вторым сказуемым составляла редкое исключение даже в жанрах неделовой письменности: ѡногды есми заблудил, ест ѡсмыи ден ꙗкъ есми ничого *не* елъ *ни* пилъ, для Бога даите ми ести. (Ист. о Гвид., с. 135).

В XV в. она была свойственна и грамотам. Как отмечает академик Е. Ф. Карский, в основе актового языка «лежит народное белорусское наречие. Но писцы грамот и актов придали этому языку некоторую искусственность, внеся в него, хотя и в незначительной степени, стихии южнорусскую, церковнославянскую и польскую. В древнейших грамотах эти стихии почти не заметны, а со временем они становятся значительнее» [54].

Полагаем, что в приведенных ниже примерах из грамот XV в. *ни* при втором сказуемом не было вызвано влиянием другого языка — старорусского, хотя текст весьма сходен с тем, что встречаем и в старорусских договорных грамотах. Это только подтверждает мнение Е. Ф. Карского об однообразии в выражении и в приемах речи актового языка [55].

Примеры однотипны: а Великому Князю Витовту мене боронити отъ всякого, а безъ Князя Великого ми воли Витовты ни съ кѣмъ *не* доканчивати *ни* пособляти. (Западнорус. гр. 1430 г., Акты, собр. Акад. Н., т. I, № 25); а Великому Князю Витовту боронити мене отъ всякого, а без, Великого ми Князя Витовта ни съ кѣмъ *не* заканчивати, *ни* пособляти (Западнорус. гр. 1430 г., Акты, собр. Акад. Н., т. I, № 26).

Напомним, для сравнения, пример, который нами был отмечен выше, — из Договорной грамоты великого князя Димитрия Донского с князем Володимером Андреевичем после 1363 г.: а тобѣ брату моюмy молодш(е)му без мене *не* док(о)нчивати *ни* съсылат(ис)ѧ ни с кѣм же.

Традиционные приемы переносились из более ранних грамот в более поздние, сохраняясь как в старорусских, так и в старобе-

---

[54] Е. Ф. Карский. Белорусы. т. I. Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава, 1903, стр. 347.

[55] Там же, стр. 347.

лорусских и староукраинских грамотах, если не противоречили языковым нормам того или иного языка.

В старобелорусских памятниках XV в., при употреблении при втором и последующих однородных членах-сказуемых союзов *и*, *а*, *або*, *альбо*, последовательно ставится *не*: а такъ было, безвѣстьно и безъ отказу, войны *не* пускати *и* огнемъ *не* жечи, *и* головъ въ полонъ *не* вести. (Западнорус. гр. 1456 г., АЗР, т. I, № 58); и ты бы людемъ своимъ приказалъ, ажьбы въ нашой земьли звѣру *не* били, *а* пьчолъ *не* драли, *а* по рѣкамъ бобровъ *не* били *и* рыбъ *не* ловили (Западнорус. гр. 1456 г., АЗР, т. I, № 58); рек вѣрне оумерлъ смртїю шкаредною. емоу и питомаꙗ роука *не* спрїала. албо се над ни *не* смиловала. (Страсти Христовы, л. 24 об.).

Тем больше было оснований для укрепления этой нормы в памятниках XVI в.: И Шимка рекъ передъ нами: ѣ твоей милости, господинѣ, жадныхъ кривдъ *не* чинилъ, *и* теперь *нѣ* хочу чинити (Вил. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 14); а которая сторона на тотъ рокъ *не* станеть *и* судей *и* людей своихъ *не* поставитъ, *и* перед рокомъ се знати той стороне *не* дасть, для которое причины къ тому року готовъ не былъ; тогды тую речь свою тратитъ. (Лит. ст. 1529 г., с. 75); ѡни велми срокго до сына своего писали абы того *не* чынилъ, *и* за ма(л)жо(н)ку ее собе *не* бра(л) (Лет. Рачин., с. 290); абы потом восполок з мѣстом в борзде *не* згорѣли, *або* сѧ з вежою *не* ѡбвалили (Ист. о Атыле, с. 215).

В памятниках XV—XVI вв. находим случаи постановки при втором однородном сказуемом отрицания *не* и тогда, когда нет союзной связи: и реклъ емоу пила мнѣ *не* говори. *не* вѣдаешъ ижь ѣ держоу моць пустити тебе. и те держоу моць оукрижовати тебе (Страсти Христовы, лл. 9—9 об.); *не* плачи жено *не* плачи ѡблюбеница. *не* ѡпускаю тебе. *не* полишаю тебе с тобою боудоу на всѧкїи ча на веки (Страсти Христовы, л. 12 об.)[56]; А такъ васъ напоминаемы и пильнѣ росказуемъ, абысте того чинить перестали, въ справы и суды духовныи ничимъ намнѣи *не* вступовали, роспустовъ *не* чинили (Туров. гр. 1591 г., АЗР, т. IV, № 30); И Ѳедко рекъ передъ нами: ѣ того *не* ведаю, *не* бралъ есми коня твоего. (Вил. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 11); которые королевства шабли вашое *не* боѧли сѧ, *не* почули, *не* дознали? (Ист. о Атыле, с. 211).

Примеров с употреблением *не—не* без союза при втором *не* сравнительно немного, так как, во-первых, однородные сказуемые обычно соединяются при помощи союза, кроме того, большое распространение получило отрицание *ани*, возникновение которого

[56] Две группы однородных сказуемых: плачи — плачи; не ѡпускаю — не полишаю — боудоу.

тоже вызвано постановкой при отрицании союза, в данном случае — *а*.

Редкие случаи с *ани* в памятниках XV в. и многочисленные в памятниках XVI—XVII вв. можно разбить на две основные группы: 1) кроме *ани*, в предложении перед тем же сказуемым имеется еще отрицание *не*, 2) *ани* является единственным отрицанием при сказуемом.

Обязательное условие для того, чтобы могло стоять еще и отрицание *не*: между *ани* и сказуемым имеется несколько слов или хотя бы одно слово. *Ани* является единственным отрицанием всегда, когда оно присоединяется непосредственно к сказуемому, может быть единственным отрицанием и при отсутствии этого условия.

Отметим, что в старопольских памятниках случаи с *ани* (без второго отрицания и со вторым отрицанием) встречаются раньше, чем в старобелорусских [57], а именно уже в XIV в.

Приведем примеры, когда стоит только отрицание *ани*: да ѡнъ вежды какъ боранекъ пре стрыгоучи голосоу *не* да. *а ни* ѡтвори оустъ свои (Страсти Христовы, л. 10об.); *не* заимаите его *а ни* чинете лиха проти емоу. (Страсти Христовы, л. 20); И мы пытали Марка: што къ тому ѡпоръ маешь? И ѡнъ рекъ передъ нами: *ни* знаю, *ани* ведаю, того есми ему не мовилъ (Западнорус. гр. нач. XVI в., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 6); А такъ говори цару, своему господару, абы по другій разъ того *не* чинилъ *а ни* казалъ чинити (Западнорус. гр. 1542 г., РИБ, т. XXX, кн. 2, № 9); жебы люди его жадного вст8п8 в тот став *не* мели, *ани* там бывали (Брест. гр. 1544 г., Arch Sang., т., IV, № 318); а они б о том *не* ведали, *ани* его выправляли (Лит. ст. 1529 г., с. 3); а от права теж ничого брати *не* маемъ также теж и рады наши, *ани* маем стати из зычности при одной стороне (Лит. ст. 1529 г., с. 6); А што ся дотычеть данины нашое господарское, тогды *не* маеть продано быти, *ани* отдано перед паны радами и маршалки и старосты нашими (Лит. ст. 1529 г., с. 7); А хотя бы и *не* ранилъ *ани* бил, а будет наехавшы брал; также мает кгвалт платити и вину нашу господарскую (Лит. ст. 1529 г., с. 62); и воевода и(х) любо(в)но прынѧлъ, а то(г) нихто *не* знялъ *а ни* вѣрыли што ѡни прыехали города добывати и засѣсти (Лет. Рачин., с. 264); И то в. м., господарь мой, обачишъ, ижъ я въ приближенью у него быть *не* хотѣлъ, *и* о посланью сына зъ войскомъ до Смоленска *не* писалъ, *и* помогати на панованье *не* могъ, *а ни* умѣлъ, *а ни* помышлялъ (Вестов. отписки Кмиты, 1573—1574 гг.); а ямъ не толко *не* слалъ никого, *але ани* ведилъ о ничиемъ еханю и о свете (Дневн. Евлаш., с. 155); упевняючи ихъ, ижъ *не* ведаеть, *ани* мыслитъ о томъ отщепенстве. (Лет. Баркул., л. 149); *не* былъ

[57] Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Spławiński, S. Urbańczyk. Gramatyka historiczna języka polskiego, стр. 438.

есми въ том городе *а ни* ведал его (Пов. о витязях, с. 33); ꙗ ся иного *не* бою, *а ни* сѧ стерегу, толко тебе (Пов. о витязях, с. 83); ѡнъ длꙗ того *не* порꙋша[r] рицеᵖрства своего, *ани* готовалъ силъ своих[x] (Александрия, с. 23).

Заслуживает особого внимания третий пример, где употреблены рядом два синонимичных слова (глагола) для полного отрицания того, о чем говорится дальше, со значением *и не знаю и не ведаю*, или *знать не знаю*, *ведать не ведаю* [58].

В этой формуле категорического отрицания вместо *ани* может стоять и *ни*: И Ивашковаѧ рекла: *ни* знаю, *ни* ведаю, не брала ѥсми ни какихъ пенезей въ Закревского за тꙋю землю (Вил. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 29).

Как видим, *ани* и *ни* употребляются на равных правахъ, никакой особой присоединительной функции у *ани* по сравнению с *ни* нет.

Это обстоятельство и могло способствовать в дальнейшем постепенному почти полному устранению из употребления отрицания *ани*.

Примеры со вторым отрицанием, при наличии *ани*, встречаются сравнительно редко: ꙗ к[г]валтомъ на чл҃вка его не наежчалъ, *ани* коний есми его *не* бралъ (Вил. гр. 1510 г. Лит. Метр., т. I, кн. 1, № 31); а з двора не маетъ инде ничого возити, *ани* з жоною и з детми *не* маеть в немъ лежати (Лит. ст. 1529 г., с. 75); Нижли тамъ у Швеции козаки запорозкие ничого доброго не вчинили *ани* гетманови и пану королю жадного ратунку *не* дали (Лет. Баркул., л. 163об.); А в том Изжота не знала *а ни* сѧ *не* домыслила жебы ѡни ее миловали. (Пов. о витязях, с. 30).

Если в староукраинских памятниках XV в. отрицанием при втором сказуемом может быть *ни*, то в памятниках XVI в.—начала XVII в. такое употребление — редкое исключение: и ѡступили тоѣ дѣднины пану колѣ тако ѧко сами дьржали и со всѣмъ правомъ и с всѣ[м] ѡбиѣздо[м] ничьго собѣ. *нь* вынимаючи *ни* зоставлꙗючи (Галич. гр. 1409 г., Укр. гр., № 40); *не* даи славы Роуси *ни* погоуби града сего (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 257); законъ же бꙋше в Лꙗхо таков челади *нѣ* имати *ни* бити (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 293 об.); Преподобнии же к ним рекоста: «Се убо и мы истинное обрѣсти хощем и поругатися вашему прелщению и безумию, и *не* боимся вашего прещения, *ни* устрашаем» (Виш. Книжка, с. 82).

Памятники XVI—XVII вв. дают следующую картину: отрицанием при втором сказуемом является *не*, при этом как в случаях, если ему предшествует союз (первая группа примеров), так и без этого условия (вторая группа примеров), в роли отрицания при

[58] См. у В. И. Даля: *Знать не знаю, ведать не ведаю*, — ответ на допрос. («Толковый словарь живого великорусского языка», т. I. А—З. Изд. 4. СПб.—М., 1912, стр. 1716).

втором сказуемом выступает *ани* (третья группа примеров): 1) От кримского царя еще послов *не* маемъ *і* відомости *не* даем (Укр. гр. 1652 г., Вос. Укр. с Рос., т. III, № 130); І ми отписали ханові, жеби татаре мимоходом християн нашихъ *не* шарпали *і* шкоди *не* чинили (Укр. гр. 1654 г., Вос. Укр. с Рос., т. III, № 230); Однак'же крикнули, абы ся на цесара *не* торгалъ, *и* такой неславы *не* чинилъ (Ист. о Флор. соборе, с. 461); оных не толко *не* остерегают *и не* обличают *и* смрада их ся *не* гнушают, але еще во всем ся им повинуют (Виш. Книжка, с. 66); А того *не* пріймуютъ *и не* признаваютъ, абы на Петрѣ чловѣцѣ была Церковъ Христова збудована (Палин. Копыст., с. 345); 2) Укажемо еще Духа Святого исполненых отецъ святыхъ, которыхъ ни въ чомъ науки и вызнанья *не* отступуемо, *не* уймуемо, ани придаемо, свѣдецтва (Ист. о Флор. соборе, с. 448); будте на том аби, як дав бог волности Войску Запорозскому перешкодою *не* били, орді ні в чом *не* чинили зацепки (Укр. гр. 1650 г., Вос. Укр. с Рос., т. III, № 147); Прето да знаеши, дияволе, як я от тебе того идолопоклонного титулу и забавы жития моего в нем *не* требую, тобѣ ся *не* поклоню. (Виш. Книжка. с 15); сам доброволне на папежство вступует, никому ся *не* поклоняет, *не* покаряет (Виш. Книжка, с. 20); *Не* надѣйтежся ныне, *не* надѣйтеся завтра, *не* надѣйтеся по завтрию, в придущее время и в вѣки вѣков (Виш. Книжка, с. 95); на нас истинны ничтоже *не* глаголи, лжи и прелести нашея *не* хули (Виш. Книжка, с. 119); Которой хотяжъ онъ же самъ былъ головою, якъ той, которій мѣлъ прійти, *не* была еднакъ она отъ него, якъ отъ Богочловѣка уфундована, *не* была и речевисте ему пошлюблена (Палин. Копыст, с. 376); 3) а васко мошенчичь на той рокъ не сталъ. на завитыи. *а ни* людии *не* выслалъ (Галич. гр. 1401 г. Укр. гр., № 36) [59]; предреный стефанъ воевода. помочи и рады напротиву намъ и коруны нашей *не* чинилъ *а ни* давалъ (Ланч. гр. 1433 г. Укр. гр., № 66); ꙗ дей тых земль его Вербичовских николи *не* ѡтеждчал, *ани* граничилъ *и* жадныхъ кривдъ там емꙋ *не* делал (Львов. гр. 1537 г. Arch. Sang., т. IV, № 80) [60]; Восточные отцеве отповѣдили: «мы силоиз'мовъ *не* потребуемъ, *ани* ихъ слухати, *ани* сами вживати хочемъ» (Ист. о Флор. соборе, с. 447); А два епископи Рускыхъ и сто презвитеровъ, которые при немъ были, *не* призволяли на тую унѣю, *ани* ся подписовати хотѣли (Ист. о Флор. соборе, с. 465)[59]; жадной почестки ему *не* чинили, *ани* повинности, патріархомъ звыклои, *не* отдавали (Ист. о Флор. соборе, с. 468); Але тамъ и тотъ не много попасовалъ: и *не* принято, *ани* слухано его (Ист. о Флор. соборе, с. 468—469); Просто подъ такимъ подобенствомъ згоды абы ся *не* лучилъ жаден, до лукавыхъ, *ани* покою зъ ними мѣлъ (Отв. клир. Острож., с. 401); Чого и я частю свѣдом, як есте таковых почестий и благодати отгорѣ николи *не* искали *ани* просили (Виш. Книжка,

[59] Несмотря на наличие *а ни*, при глаголе-сказуемом стоит еще *не*.
[60] При третьем однородном сказуемом—*не*, которому предшествует союз *и*.

с. 50); Зачимъ затягами златоустого св. свѣдоцства на выставленье Петра св. въ монарху, а Церковь Христову въ монархію, естъ ему гвалтъ чинити, который, нѣкгды о томъ ркучи, *не* писалъ *алг анѣ* мыслилъ (Палин. Копыст., с. 444—445).

Отметим наличие повторов в примере с *не* (без союза при нем) со стр. 95 «Книжки» И. Вишенского и не вполне совпадающих повторов (связка в одной и той же форме, но причастие страдательного залога — от разных глаголов) в примере с *не* (тоже без союза при нем) со стр. 376 «Палинодии».

Как и в памятниках старобелорусского языка, при употреблении *ани*, при сказуемом может стоять еще отрицание *не*, но чаще оно отсутствует.

Отметим пример, сходный с приведенными выше из старобелорусских памятников (*ни* знаю, *ани* ведаю; *ни* знаю, *ни* ведаю), когда отрицание и при втором и при первом однородном члене имеет значение *и не*: Ты же откуда сию власт и старѣйшинство приял еси, писанием покажи. Аще ли не покажеши, то на Петра лож и потвар нуждею налагаеши, его же бо он *ни* рече, *ни* вообрази (Виш. Книжка, с. 105).

IX. Личные предложения с отрицанием при глаголе-сказуемом *єсмь — быти*

Из предложений с отрицанием только при сказуемом представляют интерес те личные предложения, с глаголами *єсмь—быти* и *бывати*, которые в дальнейшем были вытеснены безличными предложениями с родительным падежом дополнения на месте именительного падежа подлежащего, сохранившись, однако, в современных говорах русского и украинского языков [61].

Личные предложения с отрицанием при глаголе-сказуемом встречаются в памятниках по XVII в. включительно, но и в древнейших произведениях они представлены небольшим числом примеров, причем грамотам почти неизвестны: ꙗко єсть гѣ на мѣстѣ семь. и єсть сто мѣсто се и *нѣсть* ино (Ж. Феод. Печ., л. 56б); Въ начатъкъ же таковааго дѣла събрасѧ множьство людии. и мѣсто на възгражение овѣмъ ова кажющемъ. инѣмъ же ино. и вьсѣхъ *не бѣ подобьно* мѣсто кнѧжю полю близь прилежащю (Ж. Феод. Печ., л. 60в—г); прочаѧ же єго добродѣтели инде съкажемъ нынѣ же *нѣсть* врема (Сказ. о Б. и Г., л. 8в);

---

[61] См., в частности: А. Б. Ш а п и р о. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения, стр. 140—141; Ф. Г. Ш и л о. Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра. Львів, 1957, стр. 198. — По-видимому, и некоторым белорусским говорам известна эта личная конструкция, во всяком случае — северо-восточным. А. Е. Баханьковым сообщены нам записанные им лично примеры: У наших дз'ацей кор н'и была йашчэ (дер. Соломирье Полоцкого района Витебской области); С'агон'н'а Ман'ка ў м'ан'е н'и была (там же).

ꙗко же и бысть ѥже послѣди съкажемъ нынѣ же *нѣсть* врема. (Сказ. о Б. и Г., л. 13а); змии же великiй *не бѧше* тꙋ но в тее поры на поли ловы деющи (Фед. Тирон, т. II, с. 98); сде бо мнѧхъ жилище имѣи ꙗко сде *не суть* оученыа анльска. ни суть вѣдуще Ба (Лавр. л., л. 41); бы сѣча зла. ꙗка же *не была* в Руси. (Лавр. л., л. 49); ино помышленье в серци мое *не было*. ни на Стополка. ни на Двда (Лавр. л., л. 89 об. См. также Ипат. л., л. 91 об.); се .а. е дѣло створи Бъ изрѧдно Кирило. сщнымъ еппомъ еже *нѣ было* в Ростовѣ. оу пре бывши еппѣхъ (Лавр. л., л. 159); створисѧ велико зло в Суждальскои земли ꙗкоже зло *не было* ни ѡ крщныа. ꙗко бы нынѣ (Лавр. л., л. 160 об.); без Божьа бо повелѣньа *не бѣ* кнѧженье ѥго. но и взрастъ ѥго. паче инѣ чловкъ (Лавр. л., лл. 168—168 об.); Мьстиславъ бо *не бѣ* тоу. но загналъ бѣ с передними во слѣдъ полка Ꙋлгова (Ипат. л., л. 238 об.)[62].

Приведем несколько примеров из старорусских памятников XVI—XVII вв. Чаще всего личные предложения с отрицанием при глаголе-сказуемом (в ряде случаев глагол согласован с ближайшим подлежащим, если подлежащих несколько) встречаем в памятнике XVI в. — в «Домострое»: и впередъ торгъ Рижскимъ и всѣхъ Неметцкихъ городовъ во Пскове за то *не будетъ* (Грамота царского воеводы в Пскове Никиты Романовича Трубецкого в Ригу, 25 июня 1588 г., РЛА, № 397); А оу жены бы ѡнꙗ никако же никоторыми дѣлы пiѧное питье *не было* ни вино ни мѧ ни пиво ни гостиньцы (Домострой, с. 34); а мꙋжескъ полъ тꙋто и рана и позно ѡнюдъ никакоже никакими дѣлы *не былъ бы* (Домострой, с. 35); а гнѣвъ *бы не былъ* а люди бы того не вѣдали и не слыхали, жалоба *бы* ѡ томъ *не была*, а по люцкой ссорѣ. или по ѡговорꙋ без ѡбыскꙋ без прѧмого брань и побои и гнѣвъ никако же бы не было (Домострой, с. 38); а толко не виновато дѣло ино ѡговорщикомъ не попꙋщати ино *бы* вперѧ вражда *не была* (Домострой, с. 38); и гостѧ пьѧново беречи, чтобы не истерѧлъ чево и брань *бы не была* (Домострой, с. 49); а бжiею милостию во всѣхъ тѣхъ наши скормленикехъ и послꙋживце ни соромота ни оубытокъ никакаѧ продажа ѡ людей ни людемъ

---

62 Отметим из Ипатьевской летописи еще пример с другим глаголом, близким по значению к глагому *быти*: Изѧславъ же посла Кыѧномъ. река хочю к вам поѣхати. ѡни же бояшесѧ Половець. зане тогды тѧжко. бѧше Кыѧномъ. *не ѡсталъ* бо сѧ бѧше оу ни ни единъ кнзь оу Киевѣ (Ипат. л., л. 171).

ѿ насъ, ни тажа ни с кемъ *не бывала* (Домострой, с. 67); тако же оубытокъ и вражда *не бѹдетъ* (Домострой, с. 68); а ѡ кѹпли и ѡ продажи ни с кемъ брань и тажба *не бывала* (Домострой, с. 68); а ложь никомѹ ни в чемъ *не бывала* (Домострой, с. 68); и волокида бы людемъ ни въ чемъ *не была* (Домострой, с. 70); Аще *не бы былъ* той случай, яко болшая часть Поляковъ во градъ вбѣгоша и въ немъ затворишася, во истинну бы все воинство побѣжденно было отъ Москвичъ (Пов. Кат.-Рост., с. 596); И таково грѣхъ ради нашыхъ отъ начала въ земли Русстѣи смятеніе *не бывало*, иже тогда бысть (Ст. о Смуте, с. 1303).

Старобелорусские памятники XV—XVII вв. дают мало примеров употребления именительного падежа при глаголе *быти* (а также при сходном по значению глаголе *статисѧ*), *бывати* с отрицанием: але бы потомъ въ томъ *не было* никоторое отщепеніе, а любо недовѣрьство возникнуть, тутo умыслили есмы положити чересъ выкладъ письма явнѣ (Вил. гр. 1457 г. АЗР, т. I, № 61); про то, постерегаючи, абы дорогость живности *не была*, приказуемъ вамъ, ажъ бы есте вжо жита и всякого збож(ъ)я и тежъ быдла и иныхъ вшелякихъ живностей зъ здешнего панства нашого нигде за границу пропускати не смели (Вил. гр. 1563 г. РИБ, т. XXX, кн. 7, № 39); а осмотрети того ижбы у ономъ имени за держанья его жадная *ся* шкода и спустошеня *не стала* (Лит. ст. 1529 г., с. 76); А хто бы порубал або сказил сосну або дубъ бортный, в которомъ еще пчолы *не бывали*, або сосну кремленую; тотъ за такое дерево, колко ихъ будетъ и сказит, повинен будет платити по пятнадцат грошей. (Лит. ст. 1529 г., с. 82); а кгды имъ онъ преложилъ, же въ насъ зъ того жадна ненависть *не быва* и милуемосе яко зъ добрыми приятылы, хвалили то влохи (Дневн. Евлаш., с. 129—130); розмышлялемъ въ собе, яко за живота пана виленского и одинъ позовъ по него *не былъ*, але се теперъ нагородило (Дневн. Евлаш., с. 146); въ нашомъ повете о томъ знать жадного чоловека *не была* воля, але и помышлене *не было* (Древн. Евлаш., с. 155).

Ценность следующего примера из памятника XV в. несколько снижается благодаря употреблению титла над глаголом и над числительным: а *не* ѿ*бы* ни ѡдинѿ на то свѣте комоу бы своего мꙗрдꙗ заборонѿ (Страсти Христовы, л. 9 об.).

Менее показательными являются примеры из староукраинских памятников (оба случая, приведенные ниже, — с местоимением *то* в роли подлежащего): просилъ на а быхомъ ему ѿпустили и ласкави были. а наболши абы то на дши оца его *не зостало* (Ланч. гр. 1433 г., Укр. гр., № 66); а бѹдѹчи там, ажбы есте во всем были послѹшни маршалка земли Волынское, кнꙗза Федора Андреевича, конечьно абы то инак *не было* (Львов. гр. 1537 г., Arch. Sang., т. IV, № 82).

Как правило, вместо личного предложения в восточнославянских памятниках (и в ранних, и в поздних) находим соответствующее безличное (см. главу «Безличные предложения»), тем не менее нет оснований считать оборот с *нѣсть* и т. п. при подлежащем заимствованием из греческого языка или возникшим в результате влияния старославянского языка.

Это действительно «остаток туземной старины», говоря словами А. А. Потебни [63], поскольку оборот является и в настоящее время принадлежностью отдельных говоров русского и украинского языков. Глубокая древность безличного оборота с отрицанием позволяет нам рассматривать его как существовавший в древнерусском языке параллельно с личным оборотом, а не возникший сравнительно поздно. Даже сторонники теории субстрата не считают возможным исключать оборот с родительным отрицания из сравнительного синтаксиса славянских языков [64].

Замена личных оборотов безличными протекала, как отмечено выше, в течение длительного времени. Одна из причин вытеснения первых последними состояла в том, что постановка родительного падежа вместо именительного позволяла отрицать бытие предмета без указания на известную его активность [65] (именительный падеж — падеж действующего лица), будучи особенно необходимой в случаях, когда этот предмет — неодушевленный или одушевленный — не лицо.

X. Основные изменения в структуре отрицательных предложений в восточнославянских языках

Отрицательные предложения без отрицания *не* и *ни* при сказуемом, когда отрицание имелось в составе местоимения и наречия, широко представленные в древнейших памятниках житийной литературы, но известные также и другим произведениям древнерусского периода, в дальнейшем выходят из употребления.

---

[63] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III, стр. 482.

[64] «В славянских языках мы можем отыскать следы влияний различных субстратов, относящихся к разным эпохам. Наиболее древние относятся к эпохе «балто-славянской сообщности».

Возможно, что именно тогда под влиянием субстрата в балтийских и славянских языках возникла новая синтаксическая конструкция — родительный отрицания. Эта конструкция прочно вошла в прославянсий язык, из него перешла в современные славянские языки. У нас нет никаких оснований это важное явление исключать из сравнительного синтаксиса славянских языков» (С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 13—14).

[65] См. об этом, в частности, в работе: М. И. Пигин. Из истории отрицательных предложений в русском языке. «Лингвистический сборник», вып. 1. Петрозаводск, 1962, стр. 26 и 44.

В позднейших памятниках деловой письменности восточных славян мы их уже не находим, в произведениях других жанров они сохраняются еще как принадлежность высокого стиля (иногда и с целью пародирования этого стиля), как дань старой книжной традиции.

Насколько позволяют судить исследованные нами старобелорусские и староукраинские памятники, процесс вытеснения отрицательных предложений без отрицания при сказуемом предложениями с отрицанием протекал в белорусском и украинском литературных языках более интенсивно, чем в русском.

Когда в старобелорусских и староукраинских памятниках стало употребляться со значением *ни один*, *никакой* слово *жадный*, оно вошло только в отрицательное предложение с отрицанием при глаголе-сказуемом. Старорусским памятникам данное слово неизвестно.

Наличие отрицательных предложений без отрицания при сказуемом в говорах современных русского и белорусского языков, в произведениях украинского фольклора позволяет сделать вывод, что эти предложения не были заимствованы из другого языка, а являлись принадлежностью древнерусского языка. В пользу этого мнения говорят и записи московской разговорной речи конца XVII в. в «Русской грамматике» Генриха Вильгельма Лудольфа.

Судьба *ни* при однородных членах (за исключением сказуемого) в своих главнейших чертах была сходной в восточнославянских литературных языках: отрицание стало употребляться и при первом однородном члене (в древнерусских памятниках *ни* перед первым однородным членом часто отсутствовало).

Однако в старобелорусских и в староукраинских памятниках, в отличие от старорусских памятников, видное место стало занимать отрицание *ани*. Обычно находим его при втором и следующих однородных членах, но иногда оно встречается и при первом однородном члене.

В позднейших памятниках восточнославянской письменности была утрачена характерная для древнерусских памятников особенность — употребление, в случае наличия в предложении нескольких однородных сказуемых, при первом из них — отрицания *не*, при следующих — отрицания *ни*.

Отличие старобелорусских и староукраинских памятников от старорусских как в том, что они свидетельствуют о несколько более ранней хронологии окончательного вытеснения отрицания *ни* отрицанием *не*, так и в том, что в них употреблялось отрицание *ани*, о котором уже была речь выше.

Перестали употребляться в русском, белорусском и украинском языках личные предложения с отрицанием при глаголе-сказуемом *єсмь-быти* и *бывати*, вытесненные соответствующими безличными предложениями с родительным падежом дополнения вместо именительного падежа подлежащего.

Эти личные предложения находим не только в древнерусской письменности (занимают весьма скромное место, поскольку господствуют безличные предложения), но и в старорусских, старобелорусских и староукраинских памятниках. В современных литературных русском, белорусском и украинском языках личные предложения с отрицанием при глаголе-сказуемом бытия, существования вытеснены безличными, но сохранились в говорах русского и украинского (а возможно, и белорусского) языков.

Последнее обстоятельство позволяет сделать вывод, что оборот с *нѣсть* и т. п. не может считаться заимствованным из другого языка (греческого или старославянского).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Труды по сравнительно-историческому синтаксису близкородственных языков неизбежно должны опираться на большой фактический материал, тщательно собранный и вдумчиво прокомментированный.

Несмотря на то, что нами изучены многочисленные древнерусские, старорусские, старобелорусские и староукраинские памятники, мы в ряде случаев не считали возможным делать категорические выводы о происшедших синтаксических изменениях. Этому, в частности, мешало то, что произведения различных жанров не в одинаковой степени представлены среди старорусских, старобелорусских и староукраинских памятников, что исторический синтаксис отдельных восточнославянских языков — русского, белорусского и украинского разработан далеко не в должной степени, что слабо изучен синтаксис диалектов, между тем диалекты представляют ценнейший, хотя и не главный материал для историка языка.

При работе над памятниками приходилось учитывать, что изменения синтаксические являются менее четкими, определенными, чем изменения морфологические и особенно изменения фонологической системы.

Именно к синтаксису в наибольшей степени относятся слова А. А. Потебни, что «поверхность языка всегда более-менее пестреет оставшимися наружи образцами разнохарактерных пластов» [1].

Таким образом, историк синтаксиса вынужден, как правило, говорить лишь о наметившихся тенденциях в развитии синтаксической системы, имеет основание указать, что тот или иной процесс охватывает большие промежутки времени, но не может устанавливать строгие хронологические рамки.

Общеизвестно, что некоторые процессы, например, вытеснение отрицательных предложений без отрицания при сказуемом, начавшиеся в период первых памятников древнерусской письменно-

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958, стр. 131.

сти и даже раньше, не закончились в восточнославянских языках и в настоящее время.

Некоторые синтаксические явления далекого прошлого сохранились и в литературном языке и в диалектах, другие стали принадлежностью исключительно диалектной речи и обладают неодинаковой стойкостью и различной степенью распространенности.

Судьба этих явлений могла быть сходной во всех восточнославянских языках, могла быть и различной.

Трудности, возникавшие при установлении хронологических границ синтаксических изменений, усугублялись вследствие того, что ни среди историков восточнославянских языков, ни среди историков СССР нет полной договоренности, к какому времени отнести образование русского, белорусского и украинского языков.

Как отмечалось в главе «О задачах и методах исследования», большинство ученых относит образование русского, белорусского и украинского языков к XIV—XV вв.[2]

Синтаксические данные позволили отграничить памятники XV—первой половины XVII в. от памятников XI—XIV вв., памятников древнерусских, поскольку именно с XV в. наиболее отчетливо прослеживаются синтаксические черты, характерные для старорусских, старобелорусских и староукраинских произведений.

Если бы граница проводилась на основании морфологических и фонетических особенностей, ее следовало бы передвинуть к более раннему периоду, во всяком случае к началу второй половины XIV в.[3]

Старорусские памятники четко отграничиваются от старобелорусских и староукраинских.

Что касается этих последних, то хотя и имеются некоторые различия между ними в синтаксических явлениях, но они обычно незначительны.

Таким образом, и наши материалы не противоречат той точке зрения, что старобелорусские и староукраинские памятники представляют в известной степени единство. Нельзя не принимать, однако, во внимание, что так называемый западнорусский литературный язык, возникший на народной белорусской основе, ставший государственным в Литовском государстве и потому распространив-

---

[2] См. также в одной из новейших работ (І. К. Білодід, М. А. Жовтобрюх. Українська мова. «Українська радянська енциклопедія», т. 17, Київ, 1965) вывод, что украинский язык как особый восточнославянский язык сформировался в XIV—XV вв. (стр. 541).

[3] Напомним высказывание Е. Ф. Карского: «О старой западнорусской письменности речь может идти лишь тогда, когда эта письменность стала явно обнаруживать особенности белорусского наречия, что началось, собственно говоря, лишь в XIV веке, а вполне окрепло в XV—XVI столетиях» («Белорусы», т. III. Очерки словесности белорусского племени. 2. Старая западнорусская письменность. Пг., 1921, стр. 3). Итак, о к р е п л о лишь в XV—XVI столетиях.

шийся и в письменности юго-западной Руси, «в последней явно начал обнаруживать малорусские особенности» [4].

Тем не менее «иногда бывает трудно установить границу [5] между памятниками, написанными в Западной Руси, и произведениями, созданными в Южной Руси».

Вскрыть причины синтаксических изменений — чрезвычайно трудная задача, на решение которой (пусть даже самое предварительное) мы ни в коей мере не претендуем.

Наш замечательный отечественный языковед А. А. Потебня справедливо подчеркнул, что новые языки — более совершенные органы мысли, чем древние, что замена одной формы другой объясняется ее большим соответствием потребностям мысли [6].

Большинство основных синтаксических изменений фиксируется как старорусскими, так и старобелорусскими и староукраинскими памятниками и, следовательно, являются общими для всех восточнославянских языков. Это преимущественно те изменения, начало которым положено в древнерусском языке (возможно, еще в дописьменный период).

Однако наличие единой линии развития, единого направления не означало еще полного совпадения во всех случаях в т е м п а х развития. Различие в темпах вело к тому, что хронологические рамки того или иного процесса в разных языках были различными (см. об этом выше в соответствующих главах).

С полным основанием мы можем говорить, что черт сходства в происходивших синтаксических изменениях было в восточнославянских языках больше, чем черт различия.

Если не учитывать некоторых дополнительных особенностей, возникавших в отдельных языках, но не являющихся достаточно яркими, существенными, то к числу сходных процессов (повторяем, не всегда одинаковых по темпам развития) следует отнести: 1) вытеснение определенно-личных предложений синонимичными двусоставными предложениями с личным местоимением в роли подлежащего (процесс не закончился и в XVII в.); 2) утрату неопределенно-личных предложений с 3-им лицом е д и н с т в е н н о г о числа глагола-сказуемого, широкое распространение неопределенно-личных предложений, имеющих обобщенно-личный характер; 3) однородные изменения в большинстве типов безличных предложений (если не принимать во внимание л е к с и ч е с к и е особенности каждого из восточнославянских языков), в частности все более увеличивающийся удельный вес среди безличных предложений — предложений с инфинитивом и с наречием в роли сказуемого; 4) при наличии одних и тех же типов нѐполных предложений, рост неполных предложений (реплик-ответов), представляющих передачу как бы живой непринужденной речи; 5) вытес-

[4] Е. Ф. К а р с к и й. Указ. соч., стр. 16.
[5] Там же, стр. 16.
[6] А. А. П о т е б н я. Указ. соч., стр. 64—65, 66

нение в литературных языках отрицательных предложений без отрицания при сказуемом и замену их отрицательными предложениями с двойным отрицанием (в составе местоимения или наречия и при сказуемом), а также утрату личных предложений с отрицанием при глаголе бытия.

Яркой чертой, отличающей старобелорусские и староукраинские памятники от старорусских, является широкое распространение оборота с формой винительного падежа при употребленном безлично причастии прошедшего времени (типа *рубашку взято*).

Однако отдельные случаи его употребления в старорусских памятниках XVI—XVII вв. нельзя рассматривать как возникшие исключительно под влиянием старобелорусских и староукраинских памятников (мы не отрицаем определенного их воздействия на старорусскую письменность, в частности деловую) и, следовательно, чуждые языку указанного периода.

Видимо, в возникновении данного оборота во всех восточнославянских языках сыграла определенную роль возможность постановки в предложениях с причастием прошедшего времени страдательного залога в форме среднего рода ед. ч., характерной для безличных предложений, имен существительных в форме, которая является сходной для именительного и винительного падежей. Например, в Новгородской летописи: Чернци и черници все до наготы изълуплено; в Новгородской договорной грамоте 1314 г.: а что головы поимано. Такие случаи могли восприниматься и как случаи с отсутствием согласования сказуемого с подлежащим — именем существительным в им. п., и как случаи с безличными предложениями, где при причастии страдательного залога — винительный падеж объекта.

Судьба данной конструкции в русском и белорусском литературных языках оказалась однородной, несмотря на различную степень ее употребительности в XV—XVII вв.: она вышла из употребления (но в некоторых диалектах сохранилась).

В украинском языке рассматриваемый оборот стал одной из характерных особенностей синтаксиса литературного языка и диалектов.

Наши наблюдения над изменениями, происшедшими в синтаксической системе каждого из трех близкородственных языков, позволяют сделать вывод, что в отношении синтаксической системы восточнославянские языки обнаруживают, несмотря на имеющиеся различия, большую близость, которая объясняется как происхождением от одного древнерусского языка, так и историческими связями трех братских народов: русского, белорусского и украинского.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПАМЯТНИКОВ[1]

Аввакум. Житие — Житие протопопа Аввакума. «Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения». Под общ. ред. Н. К. Гудзия. М., Гослитиздат, 1960.

Аввакум. Письма — Письма протопопа Аввакума. Там же.

АЗР — см.: Гр., 1.

АИ — см.: Гр., 2.

Акты, собр. Акад. Н. — см.: Гр., 3.

Александрия* — Александрия по Ленинградскому списку. «Александрыя». Мінск, Выд-во АН БССР, 1962.

Археогр. сб. — см.: Гр., 4.

Арц. — см.: Гр., 5.

Арц. и Борк. — см.: Гр., 6.

Арц. и Тих. — см.: Гр., 7.

АЮБ — см.: Гр., 8.

АЮЗР — см.: Гр., 9.

Вез. цнот — Везерунок цнот Е. Плетенецкого, 1618 г. «Записки Українського наукового товариства в Києві», кн. VI, 1909.

Вестов. отписки Кмиты, 1573—1574 гг. — Вестовые отписки Оршанского старосты Филона Кмиты Чернобыльского, 1573—1574 гг. АЗР, т. III, № 58, СПб, 1848.

Вил. палеогр. снимки — см.: Гр., 10.

Вирши о Желт. битве — О. І. Б і л е ц ь к и й. Хрестоматія давньої української літератури. Київ, 1952.

Вирши Саковича — Вирши Саковича. Там же.

Виш. Книжка — Книжка И. Вишенского. В и ш е н с к и й И. Сочинения. Подгот. текста, статья и комм. И. П. Еремина. М.—Л., 1955.

Виш. Позорище — «Позорище мысленное». Там же.

Виш. Послания — Послания И. Вишенского. Там же.

Вос. Укр. с Рос. — см.: Гр., 11.

ГВНП — см.: Гр., 12.

Гр. — Грамоты. В исследовании использованы грамоты по следующим изданиям:

1) АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. I—V. СПб., 1846—1853.
2) АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. I—III. СПб., 1841—1842.
3) Акты, собр. Акад. Н. — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Акад. наук, т. I. СПб., 1836.

[1] Памятники, помеченные звездочкой, использованы частично.

4) Археогр. сб. — Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, т. I—III, VI—VII. Вильна, Упр. Виленского учебного округа, 1867—1870.
5) Арц. — А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954 (№ 11—83). Он же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М., Изд-во АН СССР, 1963 (№ 319—405).
6) Арц. и Борк. — А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958 (№ 84—136); Они же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г). М., 1958 (№ 137—194); Они же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963 (№ 195—318).
7) Арц. и Тих. — А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953 (№ 1—10).
8) АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изд. Археографическою комиссиею под ред. Н. Калачова. Т. 1—3. СПб., 1857—1884.
9) АЮЗР — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. I—II. СПб., 1863, 1865.
10) Вил. палеогр. снимки — Сборник палеографических снимков с древних грамот и актов, хранящихся в Виленском Центральном Архиве и Виленской Публичной библиотеке. Вып. 1 (1432—1548 гг.). Вильна, 1874.
11) Вос. Укр. с Рос. — Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в 3-х томах. Ред. колл. П. П. Гудзенко и др. М., 1953.
12) ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949.
13) Гр., касающ. — Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригою и Ганзейскими городами в XII, XIII и XIV вв. Изд. Археографической комиссией, СПб., 1857.
14) Древности . . . — Древности. «Труды имп. Моск. Археол. об-ва», т. 24, 1914.
15) Дух. дог. гр. — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950.
16) Лит. метр. - Литовская метрика. См.: РИБ, т. XX, XXVII, XXX, XXXIII.
17) Обнор. — С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка, ч. I. Изд. 2. М., Учпедгиз, 1952.
18) Палеогр. изб. — Палеографический изборник. «Материалы по истории южнорусского письма XV—XVIII вв.», вып. 1. Киев, 1899.
19) РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею, т. XX, СПб., 1903; т. XXVII, СПб., 1910; т. XXX, Юрьев, 1914; т. XXXIII, Пг., 1915.
20) РЛА — Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. Изд. Археографической комиссией. СПб., 1868.
21) Сахаров. Обр. др. пис. — И. П. Сахаров. Образцы древней письменности. СПб., 1849.
22) Собол. и Пташ. — А. И. Соболевский и П. Пташицкий. Палеографические снимки с русских грамот преимущественно XIV века. СПб., 1903.
23) Собр. гос. гр. и дог. — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (в 4-х частях). М., 1813—1828.
24) Срезн. Др. пам. 1-е — И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка. Изд. 1 СПб., 1863.
25) Срезн. Др. пам. Приложение — И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка. Приложение. СПб., 1866.
26) Срезн. Свед. и зам. — И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1867.

27) Сум. и Лоп. — Смоленские грамоты XIII—XIV веков. Подгот. к печ. Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. М., Изд-во АН СССР, 1963.
28) Укр. гр. — В. Розов. Українські грамоти, т. I. У Київі, 1928.
29) Шахм. Исслед. — А. А. Шахматов. Исследования о двинских грамотах XV в. «Исследования по русскому языку», т. II, вып. 3. СПб., 1903.
30) Шахм. О языке — А. А. Шахматов. О языке новгородских грамот XIII и XIV века. «Исследования по русскому языку», т. I. СПб., 1885—1895.
31) Arch. Sang. — Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie, wydane nakładem właściciela pod kierownictwem L. L. Radzimińskiego. T. I—IV. We Lwowie, 1887—1890.
32) Schiemann — Schiemann Th. Russland Polen und Livland bis ins 17. Jahrhundert, I. Berlin, 1886.
Гр., касающ. — см.: Гр., 13.
Грам. Смотр.—Грамматика М. Смотрицкого. В кн.: С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. I. Изд. 2. М., 1952.
Дневн. Евлаш. — Дневник новгородского подсудка Федора Евлашевского (1564—1604). «Киевская старина», т. XIV, январь; 1886.
Домострой — Домострой, XVI в. — А. С. Орлов. Домострой по Коншинскому списку и подобным. Изд. ОРЯС, М., 1908.
Древности. . . — см.: Гр., 14.
Дума о Берест. звыч. — Дума о Берестейском звыченстве. — В кн.: О. І. Білецький. Хрестоматія давньої української літератури. Київ, 1952.
Дух. дог. гр. — см.: Гр., 15.
Ж. Феод. Печ. — Житие Феодосия Печерского, по Успенскому сборнику XII в. — «Сборник XII века московского Успенского собора», вып. 1. Под ред. А. А. Шахматова и П. А. Лаврова. М., 1899.
Инт. Гаватовича — Интермедии к драме Я. Гаватовича, 1619 г. — В кн.: О. І. Білецький. Хрестоматія давньої української літератури. Київ, 1952.
Ипат. л. — Ипатьевская летопись, ок. 1425 г. ПСРЛ, т. II. Изд. 2. Под ред. акад. А. А. Шахматова. СПб., 1908.
Ипат. л. (Гал.-Вол.) — Галицко-Волынская летопись. Там же.
Ист. о Атыле — История о Атыле короле угорском. Изд. А. Н. Веселовским. «Из истории романа и повести. Материалы и исследования». Вып. II, Славяно-романский отдел. «Сб. ОРЯС», т. 44, № 3, СПб., 1888.
Ист. о Гвид. — История о княжати Гквидоне. Изд. А. Н. Веселовским. Там же.
Ист. о Флор. соборе — История о разбойничьем Флорентийском соборе, изданная клириком Острожским в 1598 г. «Памятники полемической литературы в Западной Руси», кн. III. РИБ, т. XIX. СПб., 1903.
К. Тур. — Слова Кирилла Туровского, из Сборника XIV в. — В кн.: М. Сухомлинов. Рукописи графа А. С. Уварова, т. II. СПб., 1858.
Лавр. л. — Лаврентьевская летопись, 1377 г. ПСРЛ, т. I, вып. 1—2, изд. 2. Л., 1926—1927. Редактировал и правил корректуру акад. Е. Ф. Карский.
Лествица — Лествица. «Памятники отреченной русской литературы». Собр. и изд. Н. Тихонравовым, т. I. СПб., 1863.
Лет. Авраамки — Западнорусская летопись по Виленскому списку («Летопись Авраамки»). ПСРЛ, т. 17. Изд. 2. СПб., 1907.
Лет. Акад. — Западнорусская летопись по Академическому списку. Там же.
Лет. Баркул. — Баркулабовская летопись. «Киевские университетские известия», год 38-й, № 12, 1898.
Лет. Крас. — Западнорусская летопись по списку гр. Красинского. ПСРЛ, т. 17. Изд. 2. СПб., 1907.
Лет. Рачин. — Западнорусская летопись по списку Рачинского. Там же.

Лит. метр. — см.: Гр., 16.

Лит. ст. 1529 г. — Старый литовский статут 1529 г. По копии с рукописи XVII в. «Временник Имп. московского Общества истории и древностей российских», кн. 18. М., 1854.

О всей твари — О всей твари. «Памятники отреченной русской литературы». Собр. и изд. Н. Тихонравовым, т. II. СПб., 1863.

О днях лунных — О днях лунных. Там же.

О Мельхиседеке — О Мельхиседеке. Там же, т. 1.

Обнор. — см.: Гр., 17.

Оружие Бор. Год. — Оружие и ратный доспех Бориса Годунова, 1589 г. «Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, П. Савваитова». СПб., 1865.

Отв. клир. Острож. — Ответ (отпис) клирика Острожского Ипатию Потею, 1598 г. РИБ, т. XIX, СПб., 1903.

П. Берында — Лексикон словенороський Памви Беринди. Київ, Вид-во АН УРСР, 1961.

Палеогр. изб. — см.: Гр., 18.

Палин. Копыст. — Палинодия Захария Копыстенского, 1621 г. — РИБ, т. IV. СПб., 1878.

1-я Новг. л. — Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1875.

Пересветов — Пересветов. — В кн.: В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов, публицист XVI в. М., 1908.

Пересторога — «Пересторога» И. Борецкого (1605—1606 гг.), во Львове. — АЗР, т. IV СПб., 1846.

Перло многоценное — Перло многоценное. — В кн.: О. І. Білецький. Хрестоматія давньої української літератури. Київ, 1952.

Песня про козака и Кулину — Песня про козака и Кулину. Там же.

Письма Ив. IV — Письма Ивана Грозного А. Курбскому. «Сочинения князя Курбского», т. I. РИБ, т. XXXI, СПб., 1914.

Письма Курб. — Письма А. Курбского. Там же.

Пов. Кат.—Рост. — Повесть Катырева-Ростовского. «Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени». РИБ, т. XIII, СПб., 1909.

Пов. о видении — Повесть о видении. Там же.

Пов. о витязях — Починаеться повесть о витезях с книг сэрбъских... Изд. А. Н. Веселовским. «Из истории романа и повести. Материалы и исследования». Вып. II, Славяно-романский отдел. «Сб. ОРЯС», т. 44, № 3, СПб., 1888.

Пов. о Ерше — Повесть о Ерше Ершовиче. — В кн.: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М. —Л., Изд-во АН СССР, 1937.

Пов. о куре и лис. — Повесть о куре и лисице. Там же.

Пов. о плаче — Повесть о плаче и рыдании пророка Иеремии. «Памятники отреченной русской литературы». Собр. и изд. Н. Тихонравовым, т. I. СПб., 1863.

Пов. о раз. Ряз. — Повесть о разорении Рязани, не позднее серед. XIV в. Волоколамский спис. XVI в. «Воинские повести древней Руси». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949.

Пов. о Рос. царстве — Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском. «Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени». Изд. 2. РИБ, т. XIII, СПб., 1909.

Пов. об азов. взятии — «Историческая» и «поэтическая» повести о взятии Азова в 1637 г. «Воинские повести древней Руси». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949.

Пословицы XVII в. — Сборник пословиц XVII века. — В кн.: П. К. Симони. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и пр. «Сб. ОРЯС», т. 66, № 7, СПб., 1899.

Пут. Гогары — Путешествие по святой земле дьякона Гогары в 1634 г. «Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым», т. 2, кн. VIII. СПб., 1849.

Пут. Зосимы — Путешествие иеродиакона Зосимы в Царьград и Иерусалим в 1420 г. Там же.

Пут. моск. купцов — Путешествие московских купцов Трифона Коробейникова и Юрия Грекова по святым местам в 1582 г. Там же.

РИБ — см.: Гр., 19.

РЛА — см.: Гр., 20.

Рус. Пр. по Акад. сп. — Русская Правда (краткая редакция) по Академическому списку XV в. «Правда Русская». Под ред. Б. Д. Грекова, т. I. М.—Л., 1940.

Рус. пр. 1282 г. — Русская правда (полная редакция), по списку Новгородской Кормчей 1282 г. — Е. Ф. Карский. Русская правда по древнейшему списку. Л., Изд-во АН СССР, 1930, стр. 64—88 (фотокопия).

Сатиры о пьянстве — Сатиры о пьянстве. — В кн.: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1937.

Сахаров. Обр. др. пис. — см.: Гр., 21.

Сказ. о Б. и Г. — Сказание о Борисе и Глебе, приписываемое Мниху Якову, конца XI, по сп. в Успенском сборнике XII в. «Сборник XII века Московского Успенского собора», вып. 1. Под ред. А. А. Шахматова и П. А. Лаврова. М., 1899.

Сказ. о Гр. Отрепьеве — Сказание о Гришке Отрепьеве, по сп. XVII в. «Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени», изд. 2. РИБ, т. XIII. СПб., 1909.

Сказ. про Бову — Сказания про храброго витязя, про Бову королевича. — В кн.: Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков. Изд. 7. М., Учпедгиз, 1962.

Сл. Дан. Зат. — Слово Даниила Заточника по Академическому списку. «Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам». Л., Изд-во АН СССР, 1932.

Сл. Илариона — Слово Илариона о Законе и благодати. «Мусин-Пушкинский сборник 1414». Изд. Вс. Срезневский. СПб., 1893.

Сл. о Адаме и Еве — Слово о Адаме и Еве. «Памятники отреченной русской литературы». Собр. и изд. Н. Тихонравовым, т. I. СПб., 1863.

Сл. о древе — Слово о древе крестном (Из полууставного сборника XVI в.). Там же.

Сл. о збур. пекла — Слово о збуреню пекла. — В кн.: О. І. Білецький. Хрестоматія давньої української літератури. Київ, 1952.

Сл. о Кулик. битве — Слово о Куликовской битве Софония Рязанца (Задонщина). «Воинские повести древней Руси». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949.

Сл. о плк. Иг. — Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950.

Смерть Авраама — Смерть Авраама. «Памятники отреченной русской литературы». Собр. и изд. Н. Тихонравовым, т. I. СПб., 1863.

Смол. гр 1229 г. — см. Гр., 27.

Собол. и Пташ. — см.: Гр., 22.

Собр. гос. гр. и дог. — см.: Гр., 23.

Соломон и Китоврас — Соломон и Китоврас. «Памятники отреченной русской литературы». Собр. и изд. Н. Тихонравовым, т. I. СПб., 1863.

Сп. татар дом. — Попись татаръ домовыхъ Великого Княязства Литовъского. «Попись войска Литовского 1567 г.» РИБ., т. XXXIII. Пг., Изд. Археографической комиссии, 1915.

Срезн. Др. пам. 1-е — см.: Гр., 24.

Срезн. Др. пам. Приложение — см.: Гр., 25.

Срезн. Свед. и зам. — см.: Гр., 26.

Ст. о Смуте — Статьи о Смуте, извлеченные из Хронографа редакции 1617 г., и Отповедь в защиту патриарха Гермогена. «Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени». Изд. 2. РИБ, т. XIII, СПб., 1909.

Стефан-воевода — Стефан-воевода. — В кн.: О. І. Білецький. Хрестоматія давньої української літератури. Київ, 1952.

Стоглав — Стоглав. Царьския вопросы и соборныя ответы о многоразличных церковных чинех. М., 1890.

Страсти Христовы — Страсти Христовы в западнорусском списке XV века. «Памятники древней письменности и искусства», № 140. СПб., 1901.

Суд. Ив. IV — Судебник Ивана IV. «Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею». Т. I (1334—1598). СПб., 1841, № 153.

Суд. Фед. Ив. — Судебник царя Федора Ивановича. Изд. Комиссией печатания государственных грамот. М., 1900.

Сум. и Лоп. — см.: Гр., 27.

Укр. гр. — см.: Гр., 28.

Улож. 1649 г. — Соборное Уложение царя Алексея Михайловича, изд. 1649 г.

Уч. и хитр. ратн. стр. — Учение и хитрость ратного строения пехотных людей, изд. 1647.

Фед. Тирон — Федор Тирон. «Памятники отреченной русской литературы». Собр. и изд. Н. Тихонравовым, т. II. СПб., 1863.

Хож. Аф. Ник. — Хожение за три моря Афанасия Никитина, 1466—1472 гг. Под ред. Б. Д. Грекова и В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948.

Хронология Рымши, 1581 г. — Хронология Рымши, 1581 г. — В кн.: О. І. Білецький. Хрестоматія давньої української літератури. Київ, 1952.

Чт. Б. и Г. — Чтение о житии и погублении бл̄жную стр̄ща. бориса и глѣба. «Сказания о святых Борисе и Глебе. Сильвестровский список XIV в.» По поручению и на иждивении имп. Археологического общества издал И. И. Срезневский. СПб., 1860 (литографированный текст).

Шахм. Исслед. — см.: Гр., 29.

Шахм. О языке — см.: Гр., 30.

Arch. Sang. — см.: Гр., 31.

Schiemann — см.: Гр., 32.

СОДЕРЖАНИЕ

О *задачах и методах исследований* 3
Типы предложений 17
Определенно-личные предложения 17
I. Памятники древнерусской письменности различных жанров 17
II. Определенно-личные и двусоставные предложения в старорусских памятниках 44
III. Употребление предложений без личного местоимения в старобелорусской и в староукраинской письменности 60
Неопределенно-личные предложения 78
I. Высказывания синтаксистов о неопределенно-личных предложениях 78
II. Неопределенно-личные предложения в различных жанрах древнерусской письменности 82
III. Старорусские памятники 93
IV. Неопределенно-личные предложения в старобелорусской и староукраинской письменности 101
Безличные предложения 108
I. Из истории изучения безличных предложений 108
II. Безличные предложения с глаголами существования, бытия, при которых стоит отрицание 113
III. Безличные предложения с глаголами долженствования . . 121
IV. Безличные предложения с глаголами, указывающими на неожиданность, случайность действия 129
V. Безличные предложения с глаголами, обозначающими состояние природы и окружающей среды 134
VI. Безличные предложения с глаголами, обозначающими физическое или психическое состояние 137
VII. Безличные предложения с глаголом *писатисѧ* 143
VIII. Безличные предложения с глаголом *пошло* 144
IX. Безличные предложения с *ѥсмь—быти* и родительным количественным 147
X. Безличные предложения с формой 3-го лица ед. ч. глагола *ѥсмь—быти* при указании времени события 151

ИРЯ
Институт русского языка им. В. В. Виноградова
www.ruslang.ru

XI. Безличные предложения с глаголом *есмь—быти* в сочетании с инфинитивом 152
XII. Инфинитивные безличные предложения 158
XIII. Безличные предложения с именной формой причастия страдательного залога 170
XIV. Безличные предложения с наречием-сказуемым 179
XV. Сходные и различные явления в истории безличных предложений в восточнославянских языках 191
Неполные предложения 194
I. Причины, вызывавшие пропуск подлежащего и сказуемого в древнерусских памятниках 194
II. Различные типы неполных предложений в древнерусских памятниках 197
III. Общие черты в судьбе неполных предложений в старорусских, старобелорусских и староукраинских памятниках 206
IV. Неполные предложения в старорусских памятниках . . 208
V. Неполные предложения в старобелорусских и в староукраинских памятниках. Вывод о сходных и даже совпадающих путях развития неполных предложений в восточнославянских языках 213
Отрицательные предложения 227
I. Условия, при наличии которых отсутствовало отрицание при сказуемом 227
II. Отрицательные предложения без отрицания и с отрицанием при сказуемом в памятниках древнерусской письменности 228
III. Отрицательные предложения в старорусских памятниках 236
IV. Отрицательные предложения в старобелорусских памятниках 245
V. Отрицательные предложения в староукраинских памятниках 249
VI. К вопросу о происхождении оборота с одним отрицанием 252
VII. *Ни* при однородных членах 255
VIII. *Ни* при втором и следующих далее однородных сказуемых 262
IX. Личные предложения с отрицанием при глаголе-сказуемом *есмь—быти* 274
X. Основные изменения в структуре отрицательных предложений в восточнославянских языках 277
Заключение 280
Список использованных памятников 284

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССК
ИН-ТА ЯЗЫК

Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков

Типы простого предложения

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *В. К. Романов*
Технические редакторы *В. В. Волкова* и *Ф. М. Хенох*

Сдано в набор 1/II 1968 г. Подписано к печати 29/V 1968 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага № 2. Уч.-изд. л. 19,1. Тираж 2500 экз.
Т-07750. Тип. зак. 503.
Цена 1 р. 33 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер.. 21

1-я типография издательства «Наука».
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

1p. 93 k.